ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 28. № 1 2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«80-летию Победы в Сталинградской битве посвящается...»

...Devoted to the 80th Anniversary of Victory in the Stalingrad Battle

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 28. No. 1 2023

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat©** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, A.A. Lagutina*
Editor of English texts *D.A. Novak*
Making up: *O.N. Yadykina, E.S. Reshetnikova*
Technical editing: *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Jan. 12, 2023.
Date of publication: Mar. 16, 2023. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 23.4. Published pages 25.2.
Number of copies 500 (1st dublicate 1–35). Order 19. «C» 1.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: https://hfrir.jvolsu.com
English version of the website:
https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat©** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, А.А. Лагутина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка *О.Н. Ядыкиной, Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 12.01 2023 г.
Дата выхода в свет: 16.03 2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 25,2.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–35 экз.). Заказ 19. «С» 1.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: https://hfrir.jvolsu.com
Англояз. сайт: https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023
Том 28. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2023
Volume 28. No. 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

Кринко Е.Ф. Сталинградская битва и коренной перелом во Второй мировой войне: события и образы 6

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Новиков М.В. Советские танкисты в Испании в 1936–1937 гг. (по документам РУ РККА) 15

Рябков А.М. Обращения и докладные записки артиллерийского конструктора Кировского завода И.А. Маханова к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову в 1937–1938 годах 29

Шуняков Д.В. Награждение званием Героя Советского Союза в предвоенных вооруженных конфликтах: статистический анализ (1936–1940 гг.) 42

СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЭКОНОМИКА, ТРАНСПОРТ, ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Потемкина М.Н., Жаркынбаева Р.С., Ануфриева Е.В. Социальная инфраструктура предприятия как главный фактор жизнеобеспечения рабочих в военные годы (1941–1945 гг.) 53

Букатина М.И. Оценка численности и половозрастной состав работников «Волготанкера» в районе Нижней Волги в 1941–1943 годах 65

Гоманенко О.А., Головина Е.Л. Деятельность Красного Креста на речном транспорте в годы Великой Отечественной войны (на примере Средней Волги) 77

Гаврилова О.А., Ходяков М.В. Ленинградский управхоз в годы блокады: зона ответственности и образ 85

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И НАЧАЛО КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Афанасенко В.И., Медведев М.В. Военно-политические решения высшего командования СССР и Германии накануне Сталинградской битвы (июнь – июль 1942 г.) 94

Литвин А.М. Участие уроженцев Беларуси в Сталинградской битве 104

Сидоров С.Г. К вопросу о судьбе военнопленных из сталинградского «котла» 116

Киселев И.В. Боевые действия советских и немецких войск в приазовских плавнях в феврале – сентябре 1943 года 129

ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ: НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ПОБЕДЕ

Безугольный А.Ю. Офицерский корпус польской армии в СССР и Войска польского (1943–1945 гг.) 140

Синицын Ф.Л. Чехословацкие воинские части в СССР в годы Великой Отечественной войны: политические и правовые проблемы формирования и боевого применения 152

Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е. Организация и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий в Сталинграде и отдельных районах Сталинградской области (1942–1943 гг.) 162

Луночкин А.В. Восстановление системы общественного питания Сталинграда в 1943–1945 годах 175

Агеева В.А. Восстановление системы школьного образования Сталинградской области после освобождения от немецко-фашистских захватчиков в 1943–1945 годах 185

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Евдокимова Т.В. Вольфрам Ветте и его взгляд на историю германского вермахта в годы Второй мировой войны 198

Попов А.Д. Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда 209

Опалев М.Н. Повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» – реальность войны и художественный текст 222

Левин Я.А. Американский кинематограф, ФБР и пропаганда: образ внутреннего врага (1941–1942 гг.) 229

Романько О.В., Просолова Е.В. Память о предательстве: образ коллаборациониста в послевоенном советском кинематографе 240

Errata 250

CONTENTS

Krinko E.F. The Battle of Stalingrad and the Turning Point in World War II: Events and Images 6

ARMED FORCES OF THE USSR ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE SECOND WORLD WAR

Novikov M.V. Soviet Tankers in Spain in 1936–1937 (According to the Documents of the Intelligence Directorate of the Russian Red Army) 15

Ryabkov A.M. Appeals and Memos of the Kirov Plant Artillery Designer I.A. Makhanov to the CPSU(b)'s Central Committee Secretary A.A. Zhdanov in 1937–1938 29

Shunyakov D.V. Awarding the Title of Hero of the Soviet Union in Pre-Military Armed Conflicts: Statistical Analysis (1936–1940) 42

USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ECONOMY, TRANSPORT, URBAN ECONOMY

Potemkina M.N., Zharkynbayeva R.S., Anufrieva E.V. Social Infrastructure of the Enterprise as the Main Factor of Workers' Life Support During the War Years (1941–1945) 53

Bukatina M.I. Estimate of the Number and Sex and Age Composition of "Volgotanker" Workers in the Lower Volga Region in 1941–1943 65

Gomanenko O.A., Golovina E.L. The Red Cross Activities in the River Transportation During the Great Patriotic War (The Middle Volga Case) 77

Gavrilova O.A., Khodjakov M.V. Leningrad Household Manager During the Blockade: Area of Responsibslity and Image 85

THE BATTLE OF STALINGRAD AND THE TURNING POINT IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Afanasenko V.I., Medvedev M.V. Military and Political Decisions of the Supreme Command of the USSR and Germany on the Eve of the Battle of Stalingrad (June – July 1942) 94

Litwin A.M. Participation of Natives of the Belarus in the Battle of Stalingrad 104

Sidorov S.G. To the Question of the Fate of Prisoners of War from the Stalingrad Pocket 116

Kiselev I.V. Combat Operations of the Soviet and German Troops in the Azov Floodplains in February – September 1943 129

CONSEQUENCES OF THE BATTLE OF STALINGRAD: ON THE WAY TO THE COMMON VICTORY

Bezugolny A.Yu. The Officer Corps of the Polish Army in the USSR and in the Polish People's Army (Wojsko Polskie), 1943–1945 140

Sinitsyn F.L. Czechoslovak Military Units in the USSR During the Great Patriotic War: Political and Legal Problems of Formation and Combat Use 152

Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E. Organization and Holding Sanitary and Epidemiological Measures in Stalingrad and Separate Districts of the Stalingrad Region (1942–1943) 162

Lunochkin A.V. Restoration of the Public Catering System of Stalingrad in 1943–1945 175

Ageeva V.A. Restoring the Educational System of the Stalingrad Region After the Liberation from the German Fascist Invaders in 1943–1945 185

THE SECOND WORLD WAR IN HISTORICAL MEMORY

Evdokimova T.V. Wolfram Wette and His View on History of German Wehrmacht in World War II 198

Popov A.D. Creation of the Memorial Complex for the Heroes of the Battle of Stalingrad on Mamaev Kurgan: Historical Memory, Art and Soviet Monumental Propaganda 209

Opalev M.N. V.P. Nekrasov's Story "In the Trenches of Stalingrad" – The Reality of War and the Artistic Text 222

Levin Ya.A. American Cinema, FBI and Propaganda: The Image of the Internal Enemy (1941–1942) 229

Romanko O.V., Prosolova E.V. Memory of Betraition: The Image of a Collaborationist in Post-War Soviet Cinema 240

Errata 250

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.1

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СОБЫТИЯ И ОБРАЗЫ [1]

THE BATTLE OF STALINGRAD AND THE TURNING POINT IN WORLD WAR II: EVENTS AND IMAGES [1]

80-летие победы советских войск в Сталинградской битве – одном из самых крупных сражений Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее важнейшей составной части – дает хорошую возможность переосмыслить его историческое и символическое значение. Сражение под Сталинградом разворачивалось в самый напряженный, критический момент войны, когда войска вермахта и его союзников рвались на Кавказ и к Волге, и продолжалось 200 суток – 6,5 месяцев – на территории почти в 100 тыс. кв. км, относящейся к современным Воронежской, Ростовской и Волгоградской областям и Республике Калмыкия. С обеих сторон в битве участвовали более 2,1 млн человек, свыше 26 тыс. орудий, 2,1 тыс. танков, 2,5 тыс. самолетов [36, с. 15]. Переход советских войск в контрнаступление 19 ноября 1942 г. считается началом коренного перелома в войне. Завершение сражения 2 февраля 1943 г. привело к ликвидации крупной группировки противника и создало условия для перехода в наступление частей и соединений Красной армии (далее – РККА) на других участках фронта.

Наряду с этим, Сталинград приобрел особое символическое значение в исторической памяти народов бывшего СССР и других стран, выходящее за географические рамки сражения, пусть даже одного из самых решающих и кровопролитных. Об этом свидетельствует не только то, насколько масштабно тема Великой Отечественной войны представлена в мемориальном пространстве самого города на Волге, но и то, насколько часто к теме Сталинграда обращаются в различных отраслях и видах культуры и искусства – кинематографе, художественной литературе, музыке, а в последние десятилетия – и в компьютерных играх.

Высокая значимость происходивших под Сталинградом событий широко осознавалось их современниками, потомками и историками. Непосредственно в ходе самого сражения и по его окончании о нем рассказывали многие корреспонденты и писатели в сотнях газетных и журнальных статей, радиопередач, десятках брошюр, а затем и книг. В конце 1942 г. – начале 1943 г. в Сталинграде работала группа членов Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР, часть собранных ими материалов сравнительно недавно опубликована [37].

В советской и современной российской историографии Сталинградская битва была и остается одной из наиболее широко разрабатываемых проблем истории Великой Отечественной войны. Согласно подсчетам исследователей, к ноябрю 2012 г. вышло более 4 тыс. монографий, диссертаций, статей, сборников конференций и архивных документов, а также мемуаров участников сражений [6]. Немало внимания уделяется сражению под Сталинградом и зарубежными исследователями (см.: [8; 27]).

Наличие соответствующих обзоров позволяет не останавливаться подробно на предшествующей историографии и лишь кратко коснуться общих тенденций в развитии современных исследований. В новых трудах переосмысливаются предпосылки, ход и итоги сражения ([5; 18; 38; 39] и др.), включая отдельные малоизученные сюжеты, разрабатываемые профессиональными историками и краеведами (например, бои за Еланский плацдарм на правом берегу Дона, удерживаемый советскими войсками с 20 августа 1942 г. [14]), его геополитическое и общественно-политическое значение [34; 35], а также трагедия мирных жителей Сталинграда [26], в том числе детей [32], реконструируемая на основе их собственных воспоминаний [15].

Расширение спектра исследований приводит к появлению новых трудов, посвященных и другим событиям 1942–1943 гг. – сражениям на Кавказе ([7; 46] и др.) и Курской дуге ([17] и др.), на ржевском направлении ([12; 13] и др.) и на Миус-фронте [22], что позволяет современной историографии представить более полно коренной перелом в Великой Отечественной войне.

Немалый вклад в изучение Сталинградской битвы внесли волгоградские историки, среди которых в первую очередь следует отметить роль ветерана Великой Отечественной войны, заслуженного деятеля науки России, первого ректора Волгоградского государственного университета (далее – ВолГУ) Максима Матвеевича Загорулько (1924–2021) [44]. С первого набора в 1980 г. студенты ВолГУ собирали документы о курсантах военных училищ, брошенных в бой под Сталинградом в августе 1942 года. В результате в ВолГУ был создан Музей курсантских полков. Собранные материалы и результаты исследований регулярно публиковались на страницах созданного в 1996 г. «Вестника ВолГУ». С 1995 г. по инициативе М.М. Загорулько и декана исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета И.Я. Фроянова в ВолГУ ежегодно проводятся «Сталинградские юношеские чтения по истории». Целая плеяда участников чтений получили высшее историческое образование, некоторые защитили диссертации и стали ведущими специалистами по истории Сталинградской битвы.

В 1995 г. М.М. Загорулько возглавил Научно-исследовательский институт проблем экономической истории XX века при ВолГУ и занялся изучением экономических составляющих Победы. Под его руководством были изданы документальные сборники о военнопленных в СССР [10] и добровольческих формированиях сталинградцев [25], монографии и статьи, защищены докторские и кандидатские диссертации. В 2008 г. Указом Президента РФ был создан Центр по изучению Сталинградской битвы, научным руководителем которого стал М.М. Загорулько. Благодаря его усилиям сотрудниками Центра были подготовлены энциклопедия «Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943» [36], выдержавшая семь изданий и переведенная на английский язык, а также целый ряд других справочников [4; 11; 41; 42] и документальных сборников [2], ставших основой для новых исследований по истории сражения. Среди них постановления Государственного Комитета Обороны, посвященные Сталинграду и Сталинградской области [43], а также документы Сталинградской группы войск, сформированной из войск бывшего Донского фронта после ликвидации группировки Паулюса и оказавшей значительную помощь в восстановлении разрушенного хозяйства [40].

Со времени основания «Вестника ВолГУ» стало доброй традицией посвящать его отдельные номера битве на Волге и истории Второй мировой войны в целом. Прямым продолжением этой традиции является подготовка данного специального номера «Вестника Волгоградского государственного университета», приуроченного к 80-летию завершения Сталинградской битвы и посвященного коренному перелому во Второй мировой войне в целом.

Представленные в нем статьи сгруппированы в несколько разделов. Первый из них посвящен Вооруженным силам СССР накануне и в начале Второй мировой войны. Публикуемые статьи рассказывают о создании и боевом применении новых вооружений в предвоенный период, а также о системе награждений, выступающей важным стимулирующим фактором для действий войск, позволяя оценить меры советского руководства по подготовке страны и армии к войне.

Опираясь на недавно опубликованные документы Разведывательного управления наркомата обороны СССР, М.В. Новиков приходит к выводу о том, что участие советских танкистов в гражданской войне в Испании позволило республиканцам удержаться у власти на этапе создания регулярной Народной армии, хотя и не смогло предотвратить в итоге их поражения. Кроме того, был получен ценный боевой опыт, выявлены достоинства и недостатки танка Т-26, принятого на вооружение еще в 1931 г., остававшегося самым массовым к 1941 г. и широко применявшегося во всех предвоенных конфликтах и на начальном этапе Великой Отечественной войны. В публикации А.М. Рябкова в научный оборот вводятся новые документы о создании систем артиллерийского вооружения на Кировском заводе во второй половине 1930-х гг., взаимоотношениях представителей разных конструкторских школ между собой и с партийным руководством. Д.В. Шуняков проанализировал практики присвоения звания Героя Советского Союза в вооруженных конфликтах до начала Великой Отечественной войны.

Статьи второго раздела характеризуют различные вопросы социально-экономического развития СССР во время Великой Отечественной войны. В первой из них на материалах Сталинградской и Челябинской областей, а также Казахской ССР сделаны выводы о высокой значимости социальной политики на промышленных предприятиях для повышения производственной дисциплины и выживания работников. Две следующие статьи выполнены на материалах предприятий речного транспорта в годы Великой Отечественной войны. В одной рассматриваются кадровые изменения численности персонала нефтеналивного пароходства «Волготанкер». В другой – деятельность Красного Креста на речном транспорте в годы Великой Отечественной войны на примере бассейнового комитета Средневолжского пароходства. Завершает раздел статья петербургских историков М.В. Ходякова и О.А. Гавриловой о ранее практически не изученной деятельности управляющих хозяйствами (управхозов или управдомов) как ключевых фигур в коммунальном хозяйстве Ленинграда в период блокады. Все статьи объединяет стремление авторов не останавливаться на хозяйственных показателях, характеризующих военную экономику, но и обращаться к практикам выживания населения в условиях советского тыла, прифронтовой территории и блокады.

Третий раздел посвящен непосредственно Сталинградской битве и коренному перелому в Великой Отечественной войне. Его открывает статья В.И. Афанасенко и М.В. Медведева о военно-политических решениях высшего командования СССР и Германии накануне и в начале Сталинградской битвы в июне – июле 1942 года. По мнению авторов, Ставкой Верховного Главнокомандования еще до начала боевых действий на сталинградском направлении были приняты меры по сосредоточению стратегических резервов, созданию оборонительных рубежей, реорганизации управления фронтовыми войсками.

Следующая статья ведущего белорусского военного историка А.М. Литвина рассказывает об участии в Сталинградской битве выходцев из Белоруссии. Об участии в сражении представителей отдельных народов и регионов страны немало говорилось в энциклопедии «Сталинградская битва». Однако рамки словарных статей предоставляли для этого меньше возможностей, чем журнальные публикации. Очевидно, что дальнейшие перспективы в изучении данной темы предполагают широкое использование количественных и картографических методов в анализе и представлении собранных материалов.

Активно разрабатываются в последние годы проблемы военного плена, в том числе и положение немецких военнопленных и военнопленных из стран-союзников Германии в СССР ([9; 10; 16; 20; 31] и др.). В номере эту тему продолжает статья С.Г. Сидорова, доказывающего, что основной причиной высокой смертности среди военнопленных сталинградского «котла» стала высокая степень истощения вследствие длительного пребывания в окружении в суровых условиях зимы при отсутствии регулярного питания. Отказ немецкого командования принять советский ультиматум привел к гибели большей части окруженных войск.

Завершающей в данном разделе выступает статья И.В. Киселева, рассказывающая о боевых действиях между советскими и немецкими войсками в труднодоступной местности – в приазовских плавнях в феврале – сентябре 1943 года.

Следующий раздел объединяет в себе два блока статей, посвященных различным международным и социальным последствиям Сталинградской битвы. Необходимо отметить, что СССР уделял особое значение вопросу об открытии Второго фронта в Западной Европе союзниками по антигитлеровской коалиции. Несмотря на то что победа под Сталинградом имела важнейшее международное значение [34], добиться от США и Великобритании в 1943 г. этого не удалось. Однако в 1943 г. в СССР началось формирование 1-й польской дивизии им. Т. Костюшко, в дальнейшем последовательно развернутой в пехотный корпус, общевойсковую армию и в конечном итоге – в две общевойсковые армии Войска польского. В том же 1943 г. сформированный годом раньше чехословацкий пехотный батальон был преобразован в бригаду, а еще через год – в армейский корпус. О перипетиях судеб польских и чехословацких соединений, воевавших на стороне Красной армии, говорится в статьях А.Ю. Безугольного и Ф.Н. Синицына.

Второй блок посвящен восстановлению работы социальных институтов и повседневной жизни по завершении битвы. А.Е. Епифанов и Е.Е. Красноженова анализируют организацию и проведе-

ние санитарно-эпидемиологических мероприятий в Сталинграде и отдельных районах Сталинградской области в 1942–1943 гг., позволивших предотвратить массовое распространение эпидемических заболеваний. А.В. Луночкин рассматривает восстановление работы системы общественного питания в Сталинграде по окончанию битвы, а В.А. Агеева – возрождение системы школьного образования Сталинградской области в 1943–1945 годах.

Статьи завершающего раздела посвящены отражению Сталинградской битвы и других событий Великой Отечественной войны в историографии и различных формах исторической памяти. Т.В. Евдокимова проанализировала динамику взглядов немецкого историка В. Ветте на историю германского вермахта в годы Второй мировой войны, рубежом между которыми стало разоблачение мифов о Сталинградской битве. По мнению автора, исследования В. Ветте и его общественная деятельность способствовали формированию в Германии демократической культуры памяти.

Все больше авторов обращаются к вопросам о том, как представлена Великая Отечественная война в культуре памяти советского и современного российского общества, а также связанным с ней «войнам памяти» ([1; 24; 28; 30] и др.). Появились и первые исследования, в том числе защищенные диссертационные работы [19; 23], о практиках мемориализации отдельных событий коренного перелома и посвященных им мемориальным объектам, структурирующим пространство коллективной памяти о войне. К таким объектам относится и мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане. История его создания рассматривается в статье А.Д. Попова в контексте общих тенденций в развитии советской монументальной культуры и взаимодействия разных групп акторов в данных процессах.

Не раз поднимались в историографии проблемы взаимосвязи художественной литературы и исторической науки, в том числе и возможности использования художественного текста как исторического источника ([33; 45] и др.). М.Н. Опалев, сопоставляя документы военных лет из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ с повестью «В окопах Сталинграда» участника Сталинградской битвы В.П. Некрасова, пришел к выводу о реалистичности многих изображенных в ней событий. Изучение того, как Сталинградское сражение отразилось в творчестве советских писателей-фронтовиков, какие сюжеты и события оказались в центре их внимания, а какие и почему – в зоне умолчания, как и той роли, которую они сыграли в увековечивании памяти о битве, сохраняет определенные перспективы. Достаточно сказать, что именно В.П. Некрасов стал автором первого памятника в Сталинграде на могиле командира 1-го батальона 1047-го стрелкового полка 284-й (впоследствии 79-й гвардейской) стрелковой дивизии, погибших в боях за Мамаев курган в сентябре 1942 г. – феврале 1943 года [29].

Кинодокументы давно и небезуспешно рассматриваются в качестве самостоятельного вида исторических источников [21]. В последнее время исследователи все чаще обращаются к вопросам отражения исторических процессов и в игровом кино, выступающем одним из важнейших средств воздействия на массовое сознание. Порой именно кинематографические образы оказывают решающее воздействие на формирование тех или иных представлений об исторических личностях и событиях.

В данной связи особый интерес вызывает динамика кинематографических образов Сталинградской битвы. Е. Барабан выделила шесть советских художественных фильмов («Дни и ночи» (1945), «Великий перелом» (1945), «Сталинградская битва» (1949), «Солдаты» (1956), «Возмездие» (1967) и «Горячий снег» (1972)), подробно рассмотрев первые три, относящиеся к сталинскому периоду, «ибо именно в них были заданы стратегии интерпретации Сталинградской битвы, которые остались устойчивыми в течение многих десятилетий после войны», и отметив влияние на кинематограф изменений политического курса СССР [3]. Однако в этот список надо добавить, помимо таких известных картин, как «Они сражались за Родину» (1976) и «Сталинград» (1989), советско-итальянский фильм «Они шли на Восток» (1964), в котором показана трагедия немецких союзников – итальянских солдат на Дону. Достаточно часто обращались и продолжают обращаться к теме Сталинградской битвы зарубежные и современные российские кинематографисты, в творчестве которых также сказываются историографические и политические стереоти-

пы. Так, немало пропагандистских штампов содержит один из самых известных зарубежных фильмов «Враг у ворот» (2001), ставший результатом совместного творчества кинематографистов США, Великобритании, Германии и Франции.

Все это обусловливает необходимость сравнительного анализа отечественных и зарубежных кинематографических образов войны. Данной теме посвящены две статьи номера. В первой из них, принадлежащей Я.А. Левину, рассматривается формирование образа внутреннего врага в американском кинематографе, позволившее обосновать первоначально непопулярные меры по интернированию японцев в концентрационные лагеря. А крымские историки О.В. Романько и Е.В. Прасолова проанализировали эволюцию образа коллаборациониста в послевоенном советском кинематографе, что позволяет говорить о специфике отражения данной темы в советской массовой культуре.

Надеемся, что материалы, представленные в специальном выпуске журнала «Вестник Волгоградского университета», позволят не только ответить на отдельные малоизученные вопросы истории Сталинградской битвы, коренного перелома в Великой Отечественной войне и отражения данных событий в исторической памяти, но и откроют возможности новым научным дискуссиям.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

The publication was prepared within the framework of the implementation of the State Budget of the SSC RAS, No. gr. project 122020100347-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев О. В. Увековечение памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 320 с.

2. Астраханский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы / ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2017. 278 с.

3. Барабан Е. Рождение мифа: первые советские фильмы о Сталинградской битве // Россияне и немцы в эпоху катастроф: Память о войне и преодоление прошлого. Материалы конференции российских и немецких историков, Волгоград, 7–10 сентября 2020 г. М.: РОССПЭН, 2012. С. 177–189.

4. Баррикадный район Сталинграда. Завод «Баррикады». 1941–1945: энциклопедия / ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2020. 296 с.

5. Барятинский М. Б. Сталинградское побоище. «За Волгой для нас земли нет!». М.: Яуза, 2012. 318 с.

6. Белов Д. А. Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград: Принт, 2013. С. 7–10.

7. Битва за Кавказ (1942–1943 гг.). М.; Владикавказ: Триада-ф, 2002. 411 с.

8. Борозняк А. И. Германская историография Сталинградской битвы // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 154–163.

9. Венгерские военнопленные в СССР: документы 1941–1953 годов. М.: РОССПЭН, 2005. 543 с.

10. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.

11. Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах: обеспечение коренного перелома в войне. Т. 1. Боевые навигации на Нижней Волге и Северном Каспии (1942–1943): энциклопедический справочник / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2019. 256 с.

12. Герасимова С. А. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 316 с.

13. Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 г. М.: АСТ: Астрель, 2006. 666 с.

14. Говоровский В. В. Еланский плацдарм. Нулевой километр дороги на Берлин. Военная документалистика. Ростов н/Д: ООО «Альтаир», 2018. 206 с.

15. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М. А. Рыбловой. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.

16. Джусти М.Т. Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954. СПб.: Алетейя, 2010. 272 с.

17. Замулин В. Н. Забытое сражение Огненной Дуги. М.: Эксмо, 2009. 669 с.

18. Исаев А. В. Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М.: Яуза: ЭКСМО, 2012. 477 с.

19. Кизилова Е. В. Деятельность органов власти и общественных объединений по монументальной пропаганде событий и героев Курской битвы (1940–1990-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2021. 347 с.

20. Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. 232 с.

21. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.

22. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 216 с.

23. Медведев М. В. Освобождение западных районов Ростовской области в 1943 г.: исторические события, тенденции и формы мемориализации: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2019. 240 с.

24. Миллер А. И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 222–231.

25. Народный подвиг Сталинграда: добровольческие формирования гражданского населения, 1941–1945 гг.: документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2007. 349 с.

26. Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 594 с.

27. Падерин А. А. Сталинградская битва в зеркале западной историографии // Вестник МГИМО – Университета. 2013. № 2 (29). С. 95–106.

28. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 784 с.

29. Первый памятник на Мамаевом кургане. Его поставили по эскизу капитана Виктора Некрасова, написавшего в госпитале великий роман «В окопах Сталинграда» // Родина. 2018. № 2. С. 34–36.

30. Победа-70: реконструкция юбилея / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2015. 622 с.

31. Попов А. Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2000. 284 с.

32. Рыблова М. А., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Архипова Е. В., Курилла И. И. *, Назарова М. П. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 336 с.

33. Сенявская Е. С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С. 101–109.

34. Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М.: Прогресс-Академия, 1995. 528 с.

35. Сталинградская битва и ее геополитическое значение. М.: МГИМО – Университет, 2013. 480 с.

36. Сталинградская битва: июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / гл. ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.

37. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 672 с.

38. Сталинградская битва: Хроника, факты, люди. [В 2 кн.]. Кн. 1: Сталинградская оборонительная операция, 17 июля – 18 ноября 1942 года. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 910 с.

39. Сталинградская битва: Хроника, факты, люди. [В 2 кн.]. Кн. 2: Сталинградская наступательная операция, 19 ноября 1942 – 2 февраля 1943 года. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 572 с.

40. Сталинградская группа войск, 1943–1944: документы и материалы / отв. сост. М. М. Загорулько. М.: РОССПЭН, 2019. 766 с.

41. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: информационно-статистический справочник. В 2 т. / ред. М. М. Загорулько. Т. 1: Территория. Население. Власть. Социальная сфера. Волгоград: Издатель, 2016. 424 с.

42. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: информационно-статистический справочник. В 2 т. / ред. М. М. Загорулько. Т. 2: Промышленность. Сельское хозяйство. Водный транспорт. Волгоград: Издатель, 2017. 352 с.

43. Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1941–1942): документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2010–2011. Т. 1. 679 с. Т. 2. 788 с.

44. Тюменцев И. О. Памяти Максима Матвеевича Загорулько // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 6–9.

45. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.

46. Януш С. В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 2005. 575 с.

---

*Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

REFERENCES

1. Andreev O.V. *Uvekovechenie pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Perpetuation of the Memory of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Cheboksary, Izd-vo Chuvash. un-ta, 2021. 320 p.

2. Zagorulko M.M., ed. *Astrakhanskiy gorodskoy komitet oborony v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Dokumenty i materialy* [Astrakhan City Defense Committee During the Great Patriotic War. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2017. 278 p.

3. Baraban E. Rozhdenie mifa: pervye sovetskie filmy o Stalingradskoy bitve [Birth of a Myth: The First Soviet Films About the Battle of Stalingrad]. *Rossiyane i nemtsy v epokhu katastrof: Pamyat o voyne i preodolenie proshlogo. Materialy konferentsii rossiyskikh i nemetskikh istorikov, Volgograd, 7–10 sentyabrya 2020 g.* [Russians and Germans in the Era of Catastrophes: Memory of the War and Overcoming the Past. Proceedings of the Conference of Russian and German Historians, Volgograd, September 7–10, 2020]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 177-189.

4. Zagorulko M.M., ed. *Barrikadnyy rayon Stalingrada. Zavod «Barrikady». 1941–1945: entsiklopediya* [Barricade District of Stalingrad. Factory "Barricades". 1941–1945. Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2020. 296 p.

5. Baryatinskiy M.B. *Stalingradskoe poboishche. «Za Volgoy dlya nas zemli net!»* [Stalingrad Slaughter. "There Is No Land for Us Beyond the Volga!"]. Moscow, Yauza Publ., 2012. 318 p.

6. Belov D.A. Kolichestvennyy analiz tendentsiy razvitiya otechestvennoy istoriografii Stalingradskoy bitvy [Quantitative Analysis of Trends in the Development of the National Historiography of the Battle of Stalingrad]. *Stalingradskaya bitva v sudbakh narodov. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2013 g.* [Battle of Stalingrad in the Fate of Peoples. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, 2013]. Volgograd, Print Publ., 2013, pp. 7-10.

7. *Bitva za Kavkaz (1942–1943 gg.)* [Battle for the Caucasus (1942–1943)]. Moscow, Vladikavkaz, Triada-f Publ., 2002. 411 p.

8. Boroznyak A.I. Germanskaya istoriografiya Stalingradskoy bitvy [German Historiography of the Battle of Stalingrad]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1996, no. 10, pp. 154-163.

9. *Vengerskie voennoplennye v SSSR: dokumenty 1941–1953 godov* [Hungarian Prisoners of War in the USSR Documents of 1941–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 543 p.

10. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]. Moscow, Logos Publ., 2000. 1120 p.

11. Zagorulko M.M., ed. *Volzhsko-Kaspiyskiy basseyn v 1942–1943 godakh: obespechenie korennogo pereloma v voyne. T. 1. Boevye navigatsii na Nizhney Volge i Severnom Kaspii (1942–1943): entsiklopedicheskiy spravochnik* [The Volga-Caspian Basin in 1942–1943: Ensuring a Radical Change in the War. Vol. 1. Combat Navigation on the Lower Volga and the Northern Caspian (1942–1943). Encyclopedic Reference Book]. Volgograd, Izdatel Publ., 2019. 256 p.

12. Gerasimova S.A. *Rzhevskaya boynya. Poteryannaya pobeda Zhukova* [Rzhev Massacre. Zhukov's Lost Victory]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2009. 316 p.

13. Glants D. *Krupneyshee porazhenie Zhukova. Katastrofa Krasnoy Armii v operatsii «Mars» 1942 g.* [The Largest Defeat of Zhukov. The Catastrophe of the Red Army in the Operation "Mars" in 1942]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2006. 666 p.

14. Govorovskiy V.V. *Elanskiy platsdarm. Nulevoy kilometr dorogi na Berlin. Voennaya dokumentalistika* [Elan Bridgehead. Zero Kilometer of the Road to Berlin. Military Documentaries]. Rostov-on-Don, OOO «Altair» Publ., 2018. 206 p.

15. Ryblova M.A., ed. *Deti i voyna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda* [Children and War: Battle of Stalingrad and Life in Military Stalingrad in the Memoirs of the Inhabitants of the City]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 512 p.

16. Dzhusti M.T. *Italyanskie voennoplennye v SSSR, 1941–1954* [Italian Prisoners of War in the USSR, 1941–1954]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2010. 272 p.

17. Zamulin V.N. *Zabytoe srazhenie Ognennoy Dugi* [Forgotten Battle of the Arc of Fire]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 669 p.

18. Isaev A.V. *Perelom 1942. Kogda vnezapnosti uzhe ne bylo* [Turning Point 1942. When There Was No Surprise]. Moscow, Yauza Publ., EKSMO Publ., 2012. 477 p.

19. Kizilova E.V. *Deyatelnost organov vlasti i obshchestvennykh obyedineniy po monumentalnoy propagande sobytiy i geroev Kurskoy bitvy (1940–1990-e gody): dis. ... kand. ist. nauk* [The Activities of Authorities and Public Associations in the Monumental Propaganda of the Events and Heroes of the Battle of Kursk (1940–1990s). Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2021. 347 p.

20. Konasov V.B., Kuzminykh A.L. *Nemetskie voennoplennye v SSSR: istoriografiya, bibliografiya, spravochno-ponyatiynyy apparat* [German Prisoners of War in the USSR. Historiography, Bibliography, Reference and Conceptual Apparatus]. Vologda, Vologodskiy institut razvitiya obrazovaniya, 2002. 232 p.

21. Magidov V.M. *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Film and Photo Documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow, RGGU, 2005. 394 p.

22. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. *Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941/1942 gg., 1943 g.* [The Mius Front Line in the Great Patriotic War, 1941/1942, 1943]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2010. 216 p.

23. Medvedev M.V. *Osvobozhdenie zapadnykh rayonov Rostovskoy oblasti v 1943 g.: istoricheskie sobytiya, tendentsii i formy memorializatsii: dis. ... kand. ist. nauk* [Liberation of the Western Districts of the Rostov Region in 1943: Historical Events, Trends and Forms of Memorialization. Cand. hist. sci. diss.]. Krasnodar, 2019. 240 p.

24. Miller A.I. Vtoraya mirovaya voyna v «voynakh pamyati» [The World War II in "Memory Wars"]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2020, no. 4, pp. 222-231.

25. Zagorulko M.M., ed. *Narodnyy podvig Stalingrada: dobrovolcheskie formirovaniya grazhdanskogo naseleniya, 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [People's Feat of Stalingrad: Volunteer Formations of the Civilian Population, 1941–1945: Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2007. 349 p.

26. Pavlova T.A. *Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoy bitve* [The Secret Tragedy: Civilians in the Battle of Stalingrad]. Volgograd, Peremena Publ., 2005. 594 p.

27. Paderin A.A. Stalingradskaya bitva v zerkale zapadnoy istoriografii [The Battle of Stalingrad in the Mirror of Western Historiography]. *Vestnik MGIMO – Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2013, no. 2 (29), pp. 95-106.

28. *Pamyat o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 784 p.

29. Pervyy pamyatnik na Mamaevom kurgane. Ego postavili po eskizu kapitana Viktora Nekrasova, napisavshego v gospitale velikiy roman «V okopakh Stalingrada» [The First Monument on Mamaev Kurgan. It Was Put Up According to the Sketch of Captain Viktor Nekrasov, Who Wrote the Great Novel "In the Trenches of Stalingrad" in the Hospital]. *Rodina* [Motherland], 2018, no. 2, pp. 34-36.

30. Bordyugov G.A., ed. *Pobeda-70: rekonstruktsiya yubileya* [Victory-70: Reconstruction of the Anniversary]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015. 622 p.

31. Popov A.B. *Plennye bolshoy voyny: inostrannye voennoplennye v SSSR v 1941–1945 gg.* [Prisoners of the Great War: Foreign Prisoners of War in the USSR in 1941–1945]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 2000. 284 p.

32. Ryblova M.A., Krinko E.F., Khlynina T.P., Arkhipova E.V., Kurilla I.I., Nazarova M.P. *Detstvo i voyna: kultura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detey v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Stalingradskoy bitvy)* [Childhood and War: Culture of Everyday Life, Adaptation Mechanisms and Practices of Children's Survival in the Conditions of the Great Patriotic War (Based on Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 336 p.

33. Senyavskaya E.S. Literatura frontovogo pokoleniya kak istoricheskiy istochnik [Literature of the Front-Line Generation as a Historical Source]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2002, no. 1, pp. 101-109.

34. *Stalingrad. Sobytie. Vozdeystvie. Simvol* [Stalingrad. Event. Impact. Symbol]. Moscow, Progress-Academy Publ., 1995. 528 p.

35. *Stalingradskaya bitva i ee geopoliticheskoe znachenie* [Battle of Stalingrad and Its Geopolitical Significance]. Moscow, MGIMO – Universitet, 2013. 480 p.

36. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya bitva: iyul 1942 – fevral 1943: entsiklopediya* [Battle of Stalingrad: July 1942 – February 1943. Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 800 p.

37. *Stalingradskaya bitva: svidetelstva uchastnikov i ochevidtsev* [Battle of Stalingrad: Testimonies of Participants and Eyewitnesses]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 672 p.

38. *Stalingradskaya bitva: Khronika, fakty, lyudi. V 2 kn. Kn. 1: Stalingradskaya oboronitelnaya operatsiya, 17 iyulya – 18 noyabrya 1942 goda* [Battle of Stalingrad: Chronicle, Facts, People. In 2 Books. Book 1. Stalingrad Defensive Operation, July 17 – November 18, 1942]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 910 p.

39. *Stalingradskaya bitva: Khronika, fakty, lyudi. V 2 kn. Kn. 2: Stalingradskaya nastupatelnaya operatsiya, 19 noyabrya 1942 – 2 fevralya 1943 goda* [Battle of Stalingrad: Chronicle, Facts, People. In 2 Books. Book 2. Stalingrad Offensive Operation, November 19, 1942 – February 2, 1943], Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 572 p.

40. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya gruppa voysk, 1943–1944: dokumenty i materialy* [Stalingrad Group of Troops, 1943–1944. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 766 p.

41. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya oblast (1939–1943). Tsifry i fakty: informatsionno-statisticheskiy spravochnik. V 2 t. T. 1. Territoriya. Naselenie. Vlast. Sotsialnaya sfera* [Stalingrad Region (1939–1943). Figures

and Facts. Information and Statistical Handbook. In 2 Vols. Vol. 1. Territory. Population. Power. Social Sphere]. Volgograd, Izdatel Publ., 2016. 424 p.

42. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya oblast (1939–1943). Tsifry i fakty: informatsionno-statisticheskiy spravochnik. V 2 t. T. 2. Promyshlennost. Selskoe khozyaystvo. Vodnyy transport* [Stalingrad Region (1939–1943). Figures and Facts. Information and Statistical Handbook. In 2 Vols. Vol. 2. Industry. Agriculture. Water Transport]. Volgograd, Izdatel Publ., 2017. 352 p.

43. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya oblast v postanovleniyakh Gosudarstvennogo Komiteta Oborony (1941–1942): dokumenty i materialy* [Stalingrad Region in the Resolutions of the State Defense Committee (1941–1942). Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2010–2011. Vol. 1. 679 p. Vol. 2. 788 p.

44. Tyumentsev I.O. Pamyati Maksima Matveevicha Zagorulko [In Memory of Maxim Matveevich Zagorulko]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 6-9.

45. Shmidt S.O. Pamyatniki khudozhestvennoy literatury kak istochnik istoricheskikh znaniy [Monuments of Fiction as a Source of Historical Knowledge]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2002, no. 1, pp. 40-49.

46. Yanush S.V. *Voyskovye operatsii Sovetskoy armii v bitve za Kavkaz (1942–1943 gg.)* [Military Operations of the Soviet Army in the Battle for the Caucasus (1942–1943)]. Stavropol, Stavropolskoe kn. izd-vo, 2005. 575 p.

Выпускающий редактор номера ***Е.Ф. Кринко***

Information About the Author

Evgenyi F. Krinko, Doctor of Sciences (History), Deputy Director for Research, Federal Research Centre of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, krinko@ssc-ras.ru, https://orcid.org/0000-0003-3008-5626

Информация об авторе

Евгений Федорович Кринко, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, krinko@ssc-ras.ru, https://orcid.org/0000-0003-3008-5626

www.volsu.ru

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.2

UDC 94/99
LBC 63.3.(4 Исп)61+63.3(2)614-64

Submitted: 20.01.2022
Accepted: 08.12.2022

SOVIET TANKERS IN SPAIN IN 1936–1937 (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE INTELLIGENCE DIRECTORATE OF THE RUSSIAN RED ARMY)

Mikhail V. Novikov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article considers the problem of the soviet tankers participation in the Spanish Civil War in its initial period. *Methods and materials*. The study is based on documents of the Intelligence Directorate of the People's Commissariat of Defence of the Soviet Union. They became available after the publication of the first three volumes of the eight serial edition "Red Army and the Spanish Civil War (1936–1939)". *Analysis.* It is emphasized that the first group of Soviet tankers arrived in Spain on October 13, 1936, together with a batch of T-26 tanks (50 in total). On October 29, a tank company, which in a short time prepared the missing crew members from among the Spaniards, took part in a combat offensive operation in the Madrid area. According to documentary evidence the effectiveness of the combat use of tanks was minimal and was a result of the unwillingness and inability of the Spanish infantry, including its command staff, to act together with tanks. The documents characterize the T-26 tank as a reliable, hardy, easy-to-handle vehicle, superior in all technical characteristics to light tanks of German and Italian production, but with unsuccessful turret geometry, with weak armor, with an imperfect design of the turret swivel mechanism, with an unusable radio antenna. The article considers presented in the documents problem of the moral, political, psychological and physical condition of soviet tankers in Spain. The documentation also notes high level of military discipline, gives examples of heroic deeds of tankers, primarily members of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). At the same time attention is drawn to cases of excessive caution of individual commanders bordering on cowardice. An important place in the documents is given to the physical condition of tankers who find themselves in unfamiliar climatic and social conditions as well as in terms of a completely different food ration. It is noted that almost 100% overwork of personnel associated with continuous participation in hostilities, accompanied by various diseases. *Results.* The article emphasizes the importance of the direct participation of Soviet tankers in the hostilities of 1936–1937. It made it possible to prevent the military defeat of the Spanish Republic at the stage of creating a regular People's Army.

Key words: Spanish civil war, soviet military aid, tanks, tankers, combat activity, overwork, diseases.

Citation. Novikov M.V. Soviet Tankers in Spain in 1936–1937 (According to the Documents of the Intelligence Directorate of the Russian Red Army). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 15-28. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.2

© Новиков М.В., 2023

УДК 94/99
ББК 63.3.(4 Исп)61+63.3(2)614-64

Дата поступления статьи: 20.01.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

СОВЕТСКИЕ ТАНКИСТЫ В ИСПАНИИ В 1936–1937 гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ РУ РККА)

Михаил Васильевич Новиков

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается проблема участия советских танкистов в гражданской войне в Испании в ее начальный период. Отмечается, что основу статьи составляют документы Разведывательного управления Наркомата обороны СССР, ставшие доступными с публикацией первых трех томов из восьмисерийного издания «РККА и гражданская война в Испании (1936–1939 гг.)». Подчеркивается, что первая группа советских танкистов прибыла в Испанию 13 октября 1936 г. вместе с партией танков Т-26 (всего 50) и уже 29 октября танковая рота, в короткий срок подготовившая недостающих членов экипажей из числа испанцев, приняла участие в боевой наступательной операции в районе Мадрида. Отмечается на основе документальных свидетельств нежелание и неумение испанской пехоты, включая ее командный состав, действовать совместно с танками, в результате чего эффективность боевого применения последних была минимальной. В документах дается характеристика танка Т-26 как машины надежной, выносливой, легкоуправляемой, превосходящей по всем техническим характеристикам легкие танки германского и итальянского производства, но с неудачной геометрией башни, со слабой броней, с несовершенной конструкцией поворотного механизма башни, с непригодной антенной радиосвязи и др. Рассматривается представленная в документах проблема морально-политического, психологического и физического состояния советских танкистов в Испании. Отмечается высокий уровень воинской дисциплины, приводятся примеры героических поступков танкистов, прежде всего членов ВКП(б), одновременно обращается внимание на случаи чрезмерной осторожности отдельных командиров, граничившие с трусостью. Важное место в документах отводится физическому состоянию танкистов, оказавшихся в непривычных для них климатических и социальных условиях, в условиях совершенно иного рациона. Отмечается практически стопроцентное переутомление личного состава, связанное с непрерывным участием в боевых действиях и сопровождаемое различными заболеваниями. Подчеркивается важное значение непосредственного участия советских танкистов в боевых действиях в 1936–1937 гг., позволившее предотвратить военное поражение Испанской республики на этапе создания регулярной Народной армии.

Ключевые слова: гражданская война в Испании, советская военная помощь, танки, танкисты, боевая деятельность, переутомление, заболевания.

Цитирование. Новиков М. В. Советские танкисты в Испании в 1936–1937 гг. (по документам РУ РККА) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 15–28. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.2

Введение. В 1936–1939 гг. Испания стала ареной ожесточенной гражданской войны между сторонниками и противниками демократического пути развития страны. В самом ее начале противники демократии – военно-фашистские мятежники во главе с генералом Ф. Франко обратились за военной помощью к Гитлеру и Муссолини и получили ее. Демократическое правительство Испанской республики также обратилось к руководителям «великих демократий» – Англии и Франции с просьбой продать современное оружие для борьбы с мятежниками, но получило вежливый отказ. В этой ситуации во избежание неминуемого быстрого военного поражения республиканское правительство обратилось с той же просьбой к СССР. После некоторых колебаний, исходя из внешнеполитических интересов советского государства, руководство СССР приняло принципиальное решение продать Испанской республике современное оружие (танки, самолеты, артиллерийские орудия, стрелковое оружие и др.). Был дан положительный ответ и на вторую просьбу республиканского правительства о направлении в Испанию военных специалистов в качестве советников, инструкторов для обучения испанцев владению советской боевой техникой, а

также для непосредственного участия в боевых действиях, в том числе около 400 танкистов.

Методы и материалы. На фоне роста в последние годы числа публикаций, посвященных помощи СССР Испанской республике в 1936–1939 гг. [1; 4; 5; 32; 34], тема участия советских танкистов в испанской гражданской войне представляется недостаточно разработанной в отечественной историографии. Для советского периода характерны работы военных специалистов, изданные в 1937–1941 гг. для служебного пользования, в которых анализировался опыт гражданской войны в Испании, включая действия танковых частей [24], полное отсутствие специальных исследований в последующие годы и незначительное количество мемуарных работ (в сравнении с представителями ВВС). Опубликованные в 1960–1980-е гг. воспоминания танкистов характеризуются достоинствами и недостатками, типичными для данного вида источников советского периода [28, с. 16–23].

В российский период отмечается существенное возрастание интереса к рассматриваемой проблеме, сопровождаемое публикациями авторов (М. Барятинский, М. Коломиец, И. Мощанский, В. Морозов, В. Шпаковский, С. Шпаковская и др.), в сфере научных интересов которых находятся не столько проблемы гражданской войны в Испании, сколько тактико-технические характеристики танков и их боевое применение [6, с. 144].

В сборнике «Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг.» представлена статья А. Мастеркова «Харама, 1937. Первое сражение советских танков», подготовленная с использованием документальных источников из фондов РГВА [25]. Исследование посвящено участию советских танков в одном из самых кровопролитных сражений гражданской войны близ реки Харамы (6–30 февраля 1937 г.). Автором также рассмотрены некоторые аспекты комплектования кадрами танковых частей и их тылового обеспечения. Статья А.Ю. Ермолова «Танковые войска и гражданская война в Испании», предваряющая 3-й том сборника документов «РККА и гражданская война в Испании», акцентирует внимание на тактико-технических характеристиках советских танков, на боевых действиях танковых частей и на попытках обобщения испанского опыта для развития танкового дела в СССР [16]. Аналогичным аспектам посвящена статья В.О. Дайнеса «Применение бронетанковых войск в Испании, 1936–1939 гг.», написанная на основе преимущественно изданных ранее исследовательских работ [6].

Развивая наметившуюся тенденцию возрастания интереса к данной теме, но не претендуя на полноту ее исследования, наша статья ставит своей целью рассмотрение некоторых аспектов тылового обеспечения танковых частей, участия советских танкистов в боевых действиях, их отношения к танку Т-26, их морально-политического, психологического и физического состояния в начальный период гражданской войны не только на основании докладов военных руководителей, но и через рефлексию рядовых участников боевых действий. Решение этой исследовательской задачи стало возможным после издания первых трех томов восьмитомного издания «РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.» [27], в которых опубликованы копии хранящихся в РГВА в фонде № 35082 «Коллекция документальных материалов по истории гражданской войны в Испании» подлинников секретных материалов, направленных советскими военными специалистами из Испании в Разведывательное управление Наркомата обороны СССР в форме докладов, служебных записок, писем и др. Многолетний опыт работы с источниками, с зарубежной и отечественной литературой по истории гражданской войны в Испании [28; 29] позволяет судить, что содержащаяся в документах информация обладает большой степенью достоверности, что, скорее всего, было связано с серьезностью адресата, обладавшего возможностями проверки и перепроверки получаемых из Испании данных. Избранный для написания статьи нарратив на основе вводимых в научный оборот документальных источников, по нашему мнению, наиболее соответствует раскрытию заявленной цели исследования в рамках отдельной статьи. При изучении источников использовались историко-сравнительный и историко-описательный методы.

Анализ. 13 октября 1936 г. на транспорте «Комсомол» в Испанию прибыла первая

партия танков Т-26 (всего – 50) и первая группа танкистов во главе с полковником С.М. Кривошеиным. Порт Картахена оказался мало приспособленным для разгрузки танков, которая затянулась на несколько суток, после чего танковая колонна своим ходом отправилась к месту дислокации. По решению правительства Испанской республики танковый учебный центр был размещен в маленьком курортном городке Арчена. «Как база формирования, – отмечал в воспоминаниях генерал-лейтенант С.М. Кривошеин, – Арчена устраивала нас во всех отношениях. В гостиницах можно было расположить человек 500, оливковые рощи вокруг курорта были удобны для маскировки танков» [22, с. 449]. Однако в ходе войны базу в Арчене так и не удалось превратить в танковый учебный центр в полном смысле этого слова. В августе 1937 г., согласно воспоминаниям генерал-лейтенанта А.А. Ветрова, помещения гостиницы при водолечебнице были удобны для жилья и проведения классных занятий, зато «стрельбище и танкодром были крайне примитивны», что касается ремонтных мастерских, топливохранилища и оборудованной стоянки для танков, то их не было вовсе [2, с. 257].

Первоначально планировалось, что советские танкисты будут использоваться исключительно для подготовки испанских экипажей, поэтому на каждый доставленный «Комсомолом» танк приходилось всего по одному советскому добровольцу, среди которых были и механики-водители, и командиры танков, и командиры танковых взводов, и техники. Угроза захвата противником Мадрида внесла коррективы в предварительные договоренности относительно советских танкистов – было принято решение об их непосредственном участии в боевых действиях. Возникла необходимость срочно подготовить недостающих членов экипажей из испанцев. Предстояло по сокращенной до двух недель программе обучить их вождению и боевому применению танка, и здесь советские специалисты, как и в других родах войск, столкнулись с языковой проблемой. Не имея возможности объяснять с помощью слов, советские специалисты обучали испанцев посредством наглядной демонстрации. Менее чем через две недели советские добровольцы вместе с наскоро обученными членами экипажей из числа испанцев вступили в сражение за Мадрид.

По свидетельству командира танковой роты П.М. Армана, занятия начались 17 октября, а уже 26 октября «нас подняли по тревоге приказом военного министра. Мы получили приказ сформировать под моим командованием роту танков в 15 машин» [7, с. 246]. 29 октября 1936 г. рота Армана приняла участие в наступательной операции республиканских войск в направлении населенного пункта Сесенья южнее Мадрида. Это было первое боевое применение советских танков в Испании. Ход, результаты и выводы по этой боевой операции были подробно изложены Арманом в докладе в РУ РККА от 17 ноября 1936 г. [7, с. 241–267].

Как явствует из доклада, танки с боем прорвались через Сесенью, однако республиканская пехота их не поддержала. Совершив 10-часовой рейд по ближним тылам противника, уничтожив 2 итальянские танкетки, 12 артиллерийских орудий, около 30 грузовых и легковых автомобилей, рассеяв и уничтожив около 800 солдат противника, потеряв 3 своих танка и 13 человек убитыми и пропавшими без вести, группа Армана вернулась на исходные позиции [31, л. 58–94].

3 ноября в том же районе в бой вступили 2 танковые роты под командованием Кривошеина с испанскими экипажами. В докладе в РУ РККА от 17 ноября 1936 г. Кривошеин представил подробный отчет о боевых действиях его танковой группы [31, л. 2–44]. С учетом опыта атаки роты Армана в районе Сесенья Кривошеин приказал командирам рот и танков действовать только во взаимодействии с пехотой, отрываться от нее не более чем на 500 м, уничтожать огневые точки противника, мешающие продвижению пехоты [8, с. 205].

Как пишет Кривошеин, танки с испанскими экипажами, плохо подготовленные и в вождении, и в стрельбе, свою задачу тем не менее выполнили. 4 и 5 ноября они «действовали совместно с пехотой, выполняя задачи подвижных огневых точек, обстреливающих дома, занятые фашистами, и отдельные группы, расположенные в садах, но при неспособности нашей пехоты к наступлению особенного влияния на ход боя не имели». Критикуя

действия пехоты и артиллерии в этих боях, Кривошеин отмечал, что пехота не способна наступать, «что командиры рот и взводов сами безграмотны и наступать не хотят», что артиллерия часто стреляет по своим, не имея телефонной связи со своей пехотой, что «огонь артиллерии не является эффективным и не поддерживает наступления пехоты». В то же время, по мнению Кривошеина, «очень хорошо в бою работает санитарная служба... также хорошо поставлена служба питания боеприпасами и продовольствием» [8, с. 209].

По общему мнению специалистов, эффект от боевых действий советских танков под Мадридом был скорее психологический. «Появление танков, – пишет А.Ю. Ермолов, – помогло преодолеть моральный надлом республиканских частей, которые были деморализованы предшествующими поражениями и утратили веру в победу» [16, с. 14]. Военный советник К.А. Мерецков отмечал в своих воспоминаниях, что «танки сцементировали столичную оборону и сыграли роль крупного морального фактора» [26, с. 135].

Под Мадридом советские танки Т-26 показали техническое и боевое превосходство над противником, танкисты действовали смело и решительно. Однако и под Мадридом, и в других сражениях не хватало главного – тактического взаимодействия с пехотой. Ни солдаты, ни командиры республиканских войск не умели использовать танки, с их помощью закреплять и развивать успех. Танкисты, со своей стороны, увлекались скоростными атаками, забывали о пехоте, к тому же плохо ориентировались на незнакомой местности [22, с. 452–454]. С испанскими танковыми экипажами, прошедшими ускоренную подготовку, часто случались курьезные вещи, когда танки выходили из боя как потерпевшие аварию, хотя причиной этих аварий могли быть неумелое включение передач, пушка, пулемет, поставленные на предохранитель, и т. д. [22, с. 458–459].

Критическое отношение Кривошеина к действиям испанской пехоты проявилось и при анализе некоторых эпизодов республиканского наступления на Теруэль 27–31 декабря 1936 г.: «Пехота совершенно отказывалась идти вперед, несмотря на геройство и личный показ танкистов. Например, командир роты Цаплин, видя, что пехота не идет за ним, вернулся на своем танке к пехоте, вышел из танка, шел в пешем строю впереди стреляющего танка, таща за собой пехоту. Не помогла также храбрость, проявленная советником при Генштабе т. Мерецковым и т. Симоновым, которые, двигаясь в первой линии пехоты, всячески ее подбадривали, стремясь увлечь за собой» [8, с. 222].

В ходе республиканского наступления на Теруэль, по мнению Кривошеина, смело и эффективно действовала авиация, «большая артиллерийская группа под руководством нашего советника т. Воронова прекрасно обеспечивала огнем наступление пехоты... наши танки проявили исключительное геройство и мужество», огромные потери понесла участвовавшая в наступлении 3-я интербригада, почти полностью была уничтожена рота русских белогвардейцев, зарабатывавшая себе возвращение в СССР. Что касается испанской пехоты, то, как пишет Кривошеин, «анархисты наступать не хотели и в наступление не перешли» [8, с. 222].

Характеризуя тыловое обеспечение танковых частей, Кривошеин отмечает, что Арчена была не только учебным центром, но и главной тыловой базой, где размещались 8 складов с запасными частями, 3 – с горюче-смазочными материалами, 6 – с боеприпасами. В начале они размещались в разных местах Арчены, но через месяц упорной работы под руководством испанского инженера были созданы 2 больших тоннеля и все запасы были спрятаны под землю. Позднее к этим двум тоннелям добавили еще три, созданные на основе огромных пещер [8, с. 230].

Из Арчены танки доставлялись на фронт на железнодорожных платформах до конечной станции выгрузки – Вильяканьяс (100–120 км от Мадрида), там была организована промежуточная тыловая база танковых частей, где на складах размещались по 5 боекомплектов, по 5 заправок ГСМ, небольшое количество запасных частей. Вторая тыловая промежуточная база была организована в Алькала-де-Энарес (28 км восточнее Мадрида). Здесь размещались по 3 боекомплекта, по 3 заправки ГСМ, запасные части. Кроме того, здесь удалось наладить ремонт танков на базе местных железнодорожных мастерских [8, с. 230–231].

В конце своей командировки в Испанию Кривошеин подготовил подробный технический отчет о боевой работе танков Т-26 в октябре 1936 – январе 1937 года. Отмечая сильные стороны и недостатки в работе двигателя, ходовой части, вооружения и брони, Кривошеин делает общий вывод, что Т-26 – прекрасная боевая машина, способная выполнить боевую работу в исключительно тяжелых условиях эксплуатации (техническая неграмотность испанских экипажей, пересеченная местность и продолжительность непрерывной работы). Он считал наиболее уязвимой частью Т-26 броню, «ибо она легко пробивается бронебойной пулей» [33, с. 233–241].

Помощник командира танковой бригады по техчасти П.С. Глухов дает оценку танку Т-26 после первого четырехдневного боя, подчеркивая, что «не было ни одной аварии, ни одной вынужденной остановки танка. Машина чрезвычайно выносliва и легко управляема». В то же время он отмечает и недостатки: массовый обрыв главного маслопровода, башня танка с вертикальными стенками «пробивается насквозь прямым попаданием снаряда», при ударе снаряда о танк внутренняя краска отлетает и ранит глаза членов экипажа и др. [9, с. 427–435].

В докладе комбрига Д.Г. Павлова в РУ РККА от 17.12.1936 представлен анализ боевой работы танков Т-26 в условиях Испании. Приводятся технические характеристики основных узлов танка при эксплуатации в боевых условиях, прописаны рекомендации по их совершенствованию. К числу наиболее существенных недостатков танка Павлов относит слабую броню, несовершенную конструкцию поворотного механизма башни, непригодность антенн радиосвязи, слабую защищенность танка от пожара и т. д. [10, с. 242–246].

В служебной записке командира танкового взвода Г.М. Склезнева в РУ РККА отмечаются не только достоинства, но и недостатки танка Т-26. К числу последних отнесены «плохой обзор из танка во время боя», сильный перегрев ствола пушки, выход из строя пулемета, спадание гусениц, отсутствие качественного переговорного устройства между членами экипажа, попадание выхлопных газов внутрь танка и др. [17, с. 425–426].

К концу ноября 1936 г. уцелевшие танки группы Кривошеина имели по 800 часов боевого применения, они достигли технического предела своего использования. Требовались замена двигателей, ходовой части и т. д. Группа была отозвана с фронта для переформирования и отдыха. Первая группа танкистов-добровольцев, внеся существенный вклад в оборону Мадрида и понеся значительные потери, в декабре 1936 г. вернулась в СССР. Им на смену прибыла новая группа советских добровольцев (200 танкистов и техников) во главе с Д.Г. Павловым. В декабре 1936 г. советские специалисты приступили в Арчене к формированию танковой бригады из 56 новых танков Т-26 и остатков танковой группы Кривошеина.

Задача укомплектования новой техники экипажами потребовала существенного расширения танковой школы: были созданы две роты для подготовки механиков-водителей (150 человек), две роты для подготовки командиров танков (100 человек) и две роты для подготовки командиров башен (100 человек). Кроме того, была создана мотоциклетная рота из испанцев и сохранен батальон по подготовке экипажей броневиков. Программы подготовки рассчитывались на 30 дней с продолжительностью занятий 10–14 часов в сутки с упором на практические занятия на полигоне. В число механиков-водителей входили только водители автомобилей 1-го и 2-го классов со стажем 3–10 лет, что облегчало задачу подготовки в столь короткий срок.

Программы подготовки командиров танков и башен были схожими. После отбора наиболее обученных в командиры танка и тех и других с первого дня учили стрелять из пушки и пулемета, особо отрабатывались действия на случай отказа оружия и ранения членов экипажа. Первоначальный добровольный набор в танковую школу был заменен мобилизацией, причем местный губернатор-коммунист организовал отбор кандидатов через КПИ, что гарантировало набор мотивированных курсантов, но при этом обостряло отношения с другими политическими силами Народного фронта, ревниво следившими за усилением роли коммунистов в самых боеспособных частях Народной армии.

Со временем был налажен отбор в танковые войска бойцов интернациональных бри-

гад, прежде всего болгар, чехов, немцев, австрийцев, прошедших обучение в советских танковых училищах, – из них готовили командиров танков. Испанские добровольцы, не прошедшие специальной подготовки, как правило, становились заряжающими. В целом при комплектовании танковых частей соблюдались, как правило, следующие принципы: командирами танковых рот и взводов, радистами, механиками, ротными техниками назначались советские добровольцы, командирами танков – интернационалисты и обстрелянные в боях испанские танкисты, а заряжающими – молодые испанцы. Таким образом, каждый танковый экипаж состоял из представителей двух-трех национальностей, что, учитывая языковой барьер, отнюдь не способствовало взаимопониманию и слаженности в действиях [2, с. 262]. Подготовка танковых частей, как правило, осуществлялась в месячный срок. В мирное время на это уходили месяцы и годы, и такое ускоренное прохождение боевой подготовки могло быть достигнуто только за счет снижения ее качества, что, естественно, увеличивало количество различных ошибок, аварий и потерь в боях. С аналогичными проблемами в ходе войны сталкивались советские артиллеристы [3, с. 90–91], моряки [23, с. 53–59] и представители других родов войск.

Советские добровольцы из бригады Павлова приняли участие во всех крупных оборонительных и наступательных операциях Народной армии, проявив бесстрашие, героизм и самопожертвование, компенсируя тем самым недостатки в боевой подготовке членов экипажей из числа испанцев [16, с. 14–22; 20].

Взаимодействие с пехотой оставалось главной проблемой для танковых частей в ходе практически всех оборонительных и наступательных операций республиканской армии. В докладе начальника штаба главного военного советника А.С. Пшеничникова в РУ РККА от 30 января 1937 г. анализируется Теруэльская операция и отмечается очередное неудачное применение танков в ходе наступательной операции: «Наши танки рвались вперед. Они переоценили пехоту, рассчитывая на ее безусловную поддержку, как у себя дома, но оказалось другое. С болью в сердце пришлось наблюдать, как эти стальные коробки были предоставлены самим себе перед окопами противника на высоте 989 и после почти полного расхода боевого комплекта медленно возвращались обратно, застревая на высоких межах вспаханного поля, а пехота, отставшая на 3–4 км, сочувственно аплодировала им, но в атаку не шла» [11, с. 241].

Анализ участия танков в Теруэльской операции представлен и в отчете командира танковой роты П.А. Цаплина в РУ РККА от 13 февраля 1937 года. Применение танков оказалось неожиданным для противника, который «в панике начал бежать на Теруэль, оставляя окопы». Как и в других случаях, пехота за танками не пошла и не воспользовалась возможностью захватить передний край противника. В дальнейшем противник подтянул противотанковую артиллерию, начал забрасывать танки бутылками с зажигательной смесью и танки были вынуждены отойти на исходные позиции, потеряв 4 боевые машины, убив и ранив 100–150 солдат противника. Как сообщает Цаплин, танки Т-26 работали непрерывно 13–14 часов, не было ни одного случая отказа двигателя и других агрегатов, единственное слабое место – гусеницы, которые «необходимо усовершенствовать» [30, с. 420–421].

Выводы, к которым пришел Цаплин, будут повторяться и другими участниками боевых действий: «Для обеспечения успеха пехоту нужно готовить так, чтобы она двигалась непосредственно за танками и закрепляла занятые танками рубежи... командный состав механизированных бригад должен не только быть готов к самостоятельным действиям в отрыве от пехоты, но и уметь взаимодействовать с пехотными тактическими подразделениями» [30, с. 423].

Серьезной проблемой в боевом применении танков в Испании командир танковой роты Д.Д. Погодин, получивший звание Героя Советского Союза (в Испании с октября 1936 г. по 8 марта 1937 г.), считал отсутствие предварительной разведки и рекогносцировки местности. Отмечая, что «чаще всего танки наступали вслепую», Погодин справедливо подчеркивает, что это не могло не отразиться на результатах атак, а также на потерях танков и личного состава. «Последние бои, – пишет Погодин, – показали, что ввод танков в бой без разведки и рекогносцировки вызыва-

ет огромные потери и, следовательно, необходимо усилить танковую роту еще двумя взводами – взводом разведки и огневым взводом» [15, с. 141; 20, с. 144].

В докладе в РУ РККА воентехника В.А. Протодьяконова, назначенного на должность помощника командира танкового батальона (в Испании с октября 1936 г. по 17 июня 1937 г.), рассматриваются вопросы тылового обеспечения и организации ремонта поврежденных танков. Как видно из доклада, ремонт и обеспечение танков батальона боеприпасами находились на хорошем уровне: танки, требовавшие капитального ремонта, отправлялись на ремонтный завод на специальных 10-тонных грузовых автомашинах; мелкий ремонт осуществлялся на месте с использованием специальных походных мастерских; на складе всегда имелся набор запасных частей для мелкого ремонта; две грузовые автомашины постоянно дежурили для подвоза боеприпасов к месту боев [12, с. 145–147].

В докладах военного комиссара 2-го танкового батальона И.В. Зуева от 2 февраля 1937 г. и комиссара танковой бригады С.Г. Болотина от 17 мая 1937 г. в РУ РККА представлена информация о партийно-политической работе с советскими добровольцами танковых войск, а также оценка морально-политического и психологического состояния личного состава. Созданные при ротах и батальонах партийные организации, судя по представленным выпискам из протоколов партийных собраний, серьезно подходили к оценке как боевой деятельности, так и поведения в быту советских добровольцев.

Судя по документам, членство в ВКП(б) давало только одну привилегию – первым начинать атаку и последним выходить из нее. Выступая на партсобрании, кандидат в члены в ВКП(б) С.Т. Моргунов подчеркнул, что большинство членов партии возглавили «по-большевистски свои взводы, роты, батальоны. Петров, Беляев, Прохоров, Склезнев своим личным примером на линии огня учили подчиненных, как нужно идти в бой, как нужно вести себя в бою... они сами шли во главе, сами вели взводы, роты, батальоны на первую линию противника, вели обдуманно, тактически обоснованно... На Хараме лучшие коммунисты пали смертью храбрых» [13, с. 167].

«Во время харамской операции, – писал Болотин, – «мы имели большие потери среди наших людей: 23 раненых и 12 убитых и умерших от ран. В их числе оказался основной партийный актив. Пали парторги Склезнев и Заусайлов. Ранены парторги Новиков, Волошко, Брагин» [13, с. 172]. Тем не менее «перед боем подано 7 заявлений о вступлении в ВКП(б) (Беляк, Александров, Пахомов, Серов, Корсунов, Садчиков и Моргун), а тт. Кудрявцев и Дубинин подали заявление о переводе из кандидатов в члены ВКП(б)» [14, с. 166].

Одновременно отмечаются случаи либо чрезмерной осторожности, либо трусости отдельных командиров. Тот же Моргунов в своем выступлении откровенно заявил, что «новые командиры рот остались в тылу, экипажи посылали в бой, в наступление, а сами со своими экипажами оставались на исходной позиции. Как дерутся машины, комроты не знают... Член партии комроты Зверев во время разгрома итальянского корпуса сидел на выжидательной позиции, а рота действовала сама до тех пор, пока комбат Петров не прибыл с передовых позиций и не заставил Зверева возглавить колонну» [13, с. 169]. Отмечается также такой факт, когда командир танка «Евтухов, боясь быть убитым, специально отдавал команды двигаться по лощинам и действовал сзади роты» [14, с. 166]. Некто «Бойцов неплохо работал в тылу, но всячески стремился уклониться от фронта и в бою не был» [13, с. 174].

Исходя из своего опыта командования танковой ротой, Погодин отмечал, что «физическая и моральная утомленность личного состава экипажа при условии ежедневных боев наступает после 5–6-дневной работы», что «участие в боях с перерывами может довести норму работы экипажа до 10 дней», боевая работа сроком «свыше 10 дней приводит к сильному переутомлению, к понижению темпов и качества выполнения задачи и большим потерям как машин, так и личного состава» [15, с. 141].

Погодин также обращает внимание на необходимость своевременной эвакуации из подбитых танков убитых и раненых товарищей. Он приводит эпизод с одним механиком-водителем, который привез свой погибший экипаж на сборный пункт, где убитых увидели экипажи других танков. «В результате это-

го, – пишет Погодин, – многие бойцы отказались ужинать, при назначении на этот танк нового экипажа все по разным причинам стремились от этого уклониться» [15, с. 142].

Характеризуя морально-политическое и психологическое состояние личного состава, комиссары отмечали наличие неблагоприятных факторов: многонациональность личного состава (40 немцев, 14 французов и чехов на 10 декабря 1936 г. в батальоне И.В. Зуева), наличие совершенно открытого употребления спиртных напитков, наличие легальных домов терпимости и кафе-шантанов [14, с. 162]. Отсюда такие факты, когда «целый ряд товарищей не сразу поняли всю гнусность посещения домов терпимости и до 03.12.1936 г. около 20 чел. самовольно посетили проституток» [14, с. 163], а еще «был один случай заражения венерической болезнью от проститутки кандидата партии Бербеча, который вылечился, не выходя из строя» [14, с. 165].

Среди заболеваний и травм танкистов отмечаются ожоги, нервные заболевания, вызванные переутомлением, заболевания слухового аппарата, возникающие при контузии, прямые пулевые и осколочные ранения, а также простудные болезни и заболевания желудочно-кишечного тракта, связанные с непривычным рационом питания. Политработник санитарной части танковой бригады (авторство не установлено) отмечал в своей записке, что желудочно-кишечные заболевания перенесли практически все добровольцы по прибытии в Испанию из-за смены питания и в качестве главной причины он указывает оливковое масло.

Записка того же политработника санитарной части танковой бригады знакомит нас с организацией санитарного и медицинского обслуживания раненых и травмированных танкистов. «На передовой линии, – отмечает автор записки, – расставленные санитарные точки делают первичную перевязку, накладывают жгут и шины. От линии на 50–200 м есть второй пункт с врачом. Там делают впрыскивания: противостолбнячные и против заражения крови. За 5–15 км от фронта есть уже госпитали, где оказывается хирургическая помощь» [18, с. 191].

В госпитали раненые доставлялись на санитарных машинах, как правило, на переоборудованных грузовиках, рассчитанных на четверо носилок. «Все раненые танкисты, – пишет автор записки, – находящиеся в госпиталях в Мадриде, обеспечиваются ежедневно привозом продуктов из штаба бригады, необходимым для питания: консервированным молоком, какао, апельсинами, яблоками, шоколадом, ветчиной, печеньем. Раненым доставляется также необходимое белье и одежда» [18, с. 198].

В записке также отмечается, что госпиталь в Арчене стал основным для раненых танкистов, куда их перевозили из госпиталей Мадрида и других городов после проведенных операций. Туда же направлялись легкораненые танкисты, перевозка которых в санитарных и легковых машинах танковой бригады не причиняла вреда их здоровью.

Что касается самих госпиталей, то не совсем радужную картину рисует письмо старшего советника санитарной службы И.А. Клюсса: «Не чувствуется организации работы у руководства, а также требовательности и контроля. Всюду в госпиталях грязь, доходящая до антисанитарного состояния. То же и еще в большей степени относится и к пищевому рациону. Отдельные перевязочные, по-видимому, не везде существуют, и перевязка производится прямо в палатах. Посетители могут ходить по всему госпиталю, включая и операционную, не надевая халатов» [21, с. 208].

Погибших танкистов, в том числе советских добровольцев, хоронили, как правило, недалеко от поля боя. «В оливкой роще, – пишет политработник санитарной части танковой бригады, – комиссар разыскивает место, где похоронить убитого. Комиссар и два товарища хоронят убитого у оливкового дерева, возле камня» [18, с. 192]. Типичный для танкиста пример гибели командира танка Куприянова и механика-водителя Быстрова приводит в своей служебной записке в РУ РККА капитан А.Ю. Новак: «Танк весь сварился от пожара, коробка перемены передач расплавлена, броня разворочена, катки расплавились. От товарищей остался только пепел» [19, с. 273].

Результаты. В соответствии с советско-испанскими договоренностями об оказании военной помощи первоначально предполагалось, что командируемые в Испанию советские танкисты будут выполнять функции ин-

структоров – обучать испанцев техническому устройству советского танка, боевому применению танков, тыловому обеспечению танковых подразделений. Не случайно вместе с первой партией танков Т-26 в 50 машин в Испанию прибыло примерно такое же количество танкистов – командиров рот, взводов, танков, механиков-водителей, техников. Однако в связи с реальной угрозой захвата противником Мадрида было принято новое решение – о непосредственном участии советских танкистов в боевых действиях. Из представленных в статье материалов, авторами которых были советские добровольцы-танкисты, становится очевидно, что их участие в боевых действиях в тех конкретных условиях было неизбежным. Испания того периода не имела ни танковой промышленности, ни серьезного опыта использования танков в боевых действиях, ни самих современных танков. Советским танкистам предстояла трудная задача обучить испанцев танковому делу, а также самим принять участие во всех крупных военных сражениях в качестве командиров танковых батальонов, рот, взводов, техников, иногда командиров танков и механиков-водителей в составе смешанных интернациональных экипажей.

Направляемые в Испанию советские танкисты были профессионалами, хорошо знавшими и материальную часть, и уставные положения по боевому применению танков, но это была их первая настоящая война. Предполагалось, что введение в бой танковых частей под Мадридом в октябре-ноябре 1936 г. позволит республиканцам переломить неудачный ход гражданской войны, отсюда попытки первых наступательных действий. Поставленная задача оказалась невыполнимой в силу ряда причин, поэтому советские танки и танкисты под Мадридом помогли скорее преодолеть моральный надлом солдат и офицеров республиканской армии после непрерывных поражений в предыдущий период. Результативность участия советских танкистов и танков в последующих сражениях рассматриваемого периода была в целом аналогичной.

Связывая свои неудачи с нежеланием и неспособностью испанской пехоты взаимодействовать с танковыми частями, советские командиры танковых подразделений не стеснялись в выражениях в отношении испанской пехоты, в то же время представляя в докладах в РУ РККА боевую деятельность своих подчиненных и коллег преимущественно в героическом виде. Рядовые участники боевых действий, комиссары в своих докладах в РУ РККА были более откровенны, отмечая непрофессионализм и чрезмерную осторожность отдельных командиров, граничившую с трусостью.

Информируя РУ РККА о тактико-технических характеристиках танка Т-26, и начальствующий состав, и рядовые танкисты отмечали как достоинства, так и очевидные недостатки этой боевой машины. Касаясь тылового обеспечения танковых частей, и танкисты, и техники, и медицинские работники отмечали отлаженный механизм снабжения танковых подразделений боеприпасами, горюче-смазочными материалами и запасными частями, оказания медицинской помощи раненым танкистам на поле боя и в госпиталях.

Командиры танковых подразделений были хорошо осведомлены о чрезмерной боевой нагрузке рядовых советских танкистов, но считали это допустимым и необходимым. Судя по документам, другой была позиция рядовых танкистов, находившихся после непрерывных боевых действий в течение нескольких недель на грани или за гранью психологического выгорания и физического истощения, перенесших различные заболевания. Они считали возможным вести непрерывные боевые действия в течение 5–6 дней, с перерывами – в течение 10 дней, после чего танкистам требовался отдых.

В целом в ходе участия в боевых действиях советскими танкистами были продемонстрированы как мужество, героизм и самопожертвование одних, так и нежелание умирать в далекой Испании других. Сохраняя в целом высокий уровень воинской дисциплины, советские танкисты, как оказалось, не были лишены обычных человеческих слабостей, своеобразно проявившихся в непривычных для них специфических условиях буржуазно-демократической Испании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арцыбашев В. А., Каримов О. В. Добровольцы страны «Икс» // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 91–93.

2. Ветров А. А. Броневой щит республиканской армии Испании // Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1971. С. 249–316.

3. Воронов Н. Н. Артиллерия республиканской Испании // Под знаменем Испанской республики. 1936–1939. М.: Наука, 1965. С. 69–138.

4. Гагин В. В. Об участии советских ВВС в гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 148–169.

5. Гражданская война в Испании: Известное и неизвестное / под ред. А. Ю. Федорова, Ю. В. Фетисова. М.: ЛЕНАНД, 2018. 336 с.

6. Дайнес В. О. Применение бронетанковых войск в Испании, 1936–1939 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 100–147.

7. Доклад командира танковой роты П.М. Армана о боевой работе республиканских танков в Испании // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 241–267.

8. Доклад командира танковой группы С.М. Кривошеина о боевой работе республиканских танков // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 203–232.

9. Доклад помощника командира танковой бригады по техчасти П. С. Глухова в РУ РККА о транспортировке бронетехники в Испанию и о работе танков в боевых условиях // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 427–435.

10. Доклад командира танковой бригады Д.Г. Павлова (псевдоним Доминго) в РУ РККА о боевой работе танков Т-26 в Испании // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 242–246.

11. Доклад начальника штаба главного военного советника А.С. Пшеничникова (псевдоним Зенде) в РУ РККА с замечаниями и выводами по итогам Теруэльской операции // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 238–241.

12. Доклад воентехника В. А. Протодьяконова «Обеспечение боевой деятельности республиканских танков» // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 145–148.

13. Доклад комиссара танковой бригады Г. С. Болотина о политико-моральном состоянии личного состава бригады и проделанной партийно-политической работе // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 167–175.

14. Доклад военного комиссара 2-ого танкового батальона И. В. Зуева о налаживании политработы в батальоне и политико-моральном состоянии личного состава // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 162–166.

15. Доклад командира танковой роты Д. Д. Погодина о боевой работе республиканских танков в Испании // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 139–142.

16. Ермолов, А. Ю. Танковые войска и гражданская война в Испании / А. Ю. Ермолов // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 3–29.

17. Записка командира танкового взвода Г. М. Склезнева о технических свойствах танка Т-26 // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 425–426.

18. Записки политработника санитарной части танковой бригады // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 191–203.

19. Записки капитана А. Ю. Новака с описанием некоторых эпизодов боевой работы танкистов // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 268–273.

20. Из доклада командира танковой роты Д.Д. Погодина о боевых действиях республиканских танков // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 142–145.

21. Из письма старшего советника санитарной службы И. А. Клюсса санитарное обеспечение рес-

публиканской армии Испании // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. : Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 203–210.

22. Кривошеин С. М. Танкисты-добровольцы в боях за Мадрид // Под знаменем Испанской республики. 1936–1939. М.: Наука, 1965. С. 446–468.

23. Кузнецов Н. Г. На далеком меридиане. М.: Наука, 1988. 247 с.

24. Любарский С. И. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. М.: Воениздат, 1939. 72 с.

25. Мастерков А. Харама, 1937. Первое сражение советских танков // Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг. М.: Эксмо: Яуза, 2007. 443 с.

26. Мерецков К. А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М.: Политиздат, 1968. 464 с.

27. Новиков М. В. РККА и война в Испании: новый сборник документов // Российская история. 2021. № 3. С. 228–230.

28. Новиков М. В. Советская и российская историография гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. 133 с.

29. Новиков, М. В. Советская помощь Испанской республике в 1936–1939 гг.: современные консервативные версии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 464. С. 134–142.

30. Отчет командира танковой роты П.А. Цаплина в РУ РККА о действиях танковой роты с бронемашинами на теруэльском участке с 27.12.1936 г. по 05.01.1937 г. // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 416–423.

31. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35082. Оп. 1. Д. 320. Л. 2–94.

32. Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании. Сборник материалов и документов. М.: Аспект Пресс, 2021. 364 с.

33. Технический отчет командира танковой группы С. М. Кривошеина о боевой работе республиканских танков (на примере танка Т-26) // РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. : Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 233–241.

34. Шубин А. В. Великая испанская революция 1931–1939 гг. М.: Акад. проект: Мир, 2019. 570 с.

REFERENCES

1. Artsybashev V.A., Karimov O.V. Dobrovoltsy strany «Iks» [Volunteers of the Country "X"]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2017, no. 2, pp. 91-93.

2. Vetrov A.A. Bronevoj shhit respublikanskoj armii Ispanii [Armored Shield of the Republican Army of Spain]. *Problemy ispanskoj istorii* [Problems of Spanish History]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 249-316.

3. Voronov N.N. Artillerija respublikanskoj Ispanii [Artillery of Republican Spain]. *Pod znamenem Ispanskoj respubliki. 1936-1939* [Under the Banner of the Spanish Republic. 1936-1939]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 69-138.

4. Gagin V.V. Ob uchastii sovetskikh VVS v grazhdanskoi voine v Ispanii v 1936-1939 gg. [About the Participation of the Soviet Air Force in the Spanish Civil War in 1936–1939.]. *Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii. T. XX: SSSR i Grazhdanskaia voina v Ispanii 1936–1939* [Russian Collection. Studies on the History of Russia. Vol. 20. The USSR and the Spanish Civil War 1936-1939]. Moscow, Modest Kolerov, 2016, pp. 148-169.

5. Fedorov A.Iu., Fetisov Iu.V., eds. *Grazhdaskaia voina v Ispanii: Izvestnoe i neizvestnoe* [The Spanish Civil War: The Known and Unknown]. Moscow, LENAND Publ., 2018. 336 p.

6. Daines V.O. Primenenie bronetankovykh voisk v Ispanii, 1936-1939 gg. [The Use of Armored Troops in Spain, 1936-1939]. *Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii. T. XX: SSSR i Grazhdanskaia voina v Ispanii 1936-1939* [Russian Collection. Studies on the History of Russia. Vol. 20. USSR and Spanish Civil War 1936-1939]. Moscow, Modest Kolerov, 2016, pp. 100-147.

7. Doklad komandira tankovoj roty P.M. Armana o boevoj rabote respublikanskih tankov v Ispanii [Report of the Tank Company Commander P.M. Arman on the Combat Work of Republican Tanks in Spain]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 2]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 241-267.

8. Doklad komandira tankovoj gruppy S.M. Krivosheina o boevoj rabote respublikanskih tankov [Report of the Commander of the Tank Group of S.M. Krivoshein on the Combat Work of Republican Tanks]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg*. [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 Vols. Vol. 2]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 203-232.

9. Doklad pomoshhnika komandira tankovoj brigady po tehchasti P. S. Gluhova v RU RKKA o transportirovke bronetehniki v Ispaniju i o rabote tankov v boevyh uslovijah [Report of the Assistant Commander of the Tank Brigade for the Technical Unit P.S. Glukhov in the Intelligence Directorate of the Red Army on the Transportation of Armored Vehicles to Spain and on the

Work of Tanks in Combat Conditions]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936-1939 gg*. [Red Army and the Spanish Civil War. 1936-1939. In 8 Vols. Vol. 1], Moscow, Polit. encikl. Publ., 2019, pp. 427-435.

10. Doklad komandira tankovoj brigady D. G. Pavlova (psevdonim Domingo) v RU RKKA o boevoj rabote tankov T-26 v Ispanii [Report of the Commander of the Tank Brigade D. G. Pavlov (Alias Domingo) to the Intelligence Directorate of the Red Army on the Combat Work of the T-26 Tanks in Spain]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg*. [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 Vols. Vol. 1], Moscow, Polit. encikl. Publ., 2019, pp. 242-246.

11. Doklad nachalnika shtaba glavnogo voennogo sovetnika A. S. Pshenichnikova (psevdonim Zende) v RU RKKA s zamechanijami i vyvodami po itogam Teruelskoj operacii [Report of the Chief of Staff, Chief Military Adviser A.S. Pshenichnikov (Alias Zende) to the Intelligence Directorate of the Red Army With Comments and Conclusions on the Results of the Teruel Operation]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg*. [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 1], Moscow, Polit. encikl. Publ., 2019, pp. 238-241.

12. Doklad voentehnika V. A. Protodyjakonova «Obespechenie boevoj dejatelnosti respublikanskih tankov» [Report of Military Technician V.A. Protodyakonov "Ensuring the Combat Activity of Republican Tanks]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936-1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936-1939. In 8 vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 145-148.

13. Doklad komissara tankovoj brigady G.S. Bolotina o politiko-moralnom sostojanii lichnogo sostava brigady i prodelannoj partijno-politicheskoj rabote [Report of the Commissar of the Tank Brigade G.S. Bolotin on the Political and Moral State of the Brigade's Personnel and the Party-Political Work Done]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 167-175.

14. Doklad voennogo komissara 2-ogo tankovogo batalyona I. V. Zueva o nalazhivanii politraboty v batalyone i politiko-moralnom sostojanii lichnogo sostava [Report of the Military Commissar of the 2nd Tank Battalion I.V. Zuev on the Establishment of Political Work in the Battalion and the Political and Moral State of the Personnel]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 162-166.

15. Doklad komandira tankovoj roty D. D. Pogodina o boevoj rabote respublikanskih tankov v Ispanii [Report of Tank Company Commander D.D. Pogodin on the Combat Work of Republican Tanks in Spain]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 139-142.

16. Ermolov A.Ju. Tankovye vojska i grazhdanskaja vojna v Ispanii [Tank Troops and the Civil War in Spain]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 3-29.

17. Zapiska komandira tankovogo vzvoda G.M. Sklezneva o tehnicheskih svojstvah tanka T-26 [The Note of the Tank Platoon Commander G.M. Skleznev on the Technical Properties of the T-26 Tank]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 1], Moscow, Polit. encikl. Publ., 2019, pp. 425-426.

18. Zapiski politrabotnika sanitarnoj chasti tankovoj brigady [Notes of a Political Worker of the Sanitary Unit of the Tank Brigade]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 Vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 191-203.

19. Zapiski kapitana A. Ju. Novaka s opisaniem nekotoryh epizodov boevoj raboty tankistov [Notes of Captain A.Y. Novak with a Description of Some Episodes of the Combat Work of Tankers]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 Vols. Vol. 2]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 268-273.

20. Iz doklada komandira tankovoj roty D.D. Pogodina o boevyh dejstvijah respublikanskih tankov [From the Report of the Tank Company Commander D.D. Pogodin on the Fighting of Republican Tanks]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 Vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 142-145.

21. Iz pisma starshego sovetnika sanitarnoj sluzhby I.A. Kljussa sanitarnoe obespechenie respublikanskoj armii Ispanii [From the Letter of the Senior Adviser of the Sanitary Service I.A. Kluss - Sanitary Provision of the Republican Army of Spain]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols. Vol. 3]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 203-210.

22. Krivoshein S.M. Tankisty-dobrovolcy v bojah za Madrid [Tankers-Volunteers in the Battles for Madrid]. *Pod znamenem Ispanskoj respubliki. 1936–1939* [Under the Banner of the Spanish Republic. 1936–1939]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 446-468.

23. Kuznecov N.G. *Na dalekom meridiane* [On the Distant Meridian]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 247 p.

24. Liubarskii S.I. *Nekotorye operativno-takticheskie vyvody iz opyta voiny v Ispanii* [Some Operational and Tactical Conclusions from the Experience of the War in Spain]. Moscow, Voenizdat, 1939. 72 p.

25. Masterkov A. Harama, 1937. Pervoe srazhenie sovetskih tankov [Kharama, 1937. The First Battle of Soviet Tanks]. *Tankovyj proryv. Sovetskie tanki v bojah 1937–1942 gg.* [Tank Breakthrough. Soviet Tanks in the Battles of 1937–1942]. Moscow, Eksmo Publ., Jauza Publ., 2007. 443 p.

26. Mereckov K.A. *Na sluzhbe narodu: Stranicy vospominanij* [In the Service of the People: Pages of Memories]. Moscow, Politizdat, 1968. 464 p.

27. Novikov M.V. RKKA i vojna v Ispanii: novyj sbornik dokumentov [Red Army and the War in Spain: A New Collection of Documents]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2021, no. 3, pp. 228-230.

28. Novikov M.V. *Sovetskaia i rossiiskaia istoriografiia grazhdanskoi voiny v Ispanii 1936–1939 gg.* [Soviet and Russian Historiography of the Spanish Civil War of 1936–1939]. Yaroslavl, Izd-vo IaGPU, 2014. 133 p.

29. Novikov M.V. Sovetskaia pomoshch Ispanskoi respublike v 1936–1939 gg.: sovremennye konservativnye versii [Soviet Aid to the Spanish Republic in 1936–1939: Modern Conservative Versions]. V*estnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2020, no. 464, pp. 134-142.

30. Otchet komandira tankovoj roty P. A. Caplina v RU RKKA o dejstvijah tankovoj roty s bronemashinami na terujelskom uchastke s 27.12.1936 g. po 05.01.1937 g. [Report of the Tank Company Commander P.A. Tsaplin to the Intelligence Directorate of the Red Army on the Actions of a Tank Company With Armored Vehicles in the Teruel Sector From 12/27/1936 to 01/05/1937]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936-1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936-1939. In 8 Vols. Vol. 1], Moscow, Polit. encikl. Publ., 2019, pp. 416-423.

31. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 35082, inv. 1, d. 320, l. 2-94.

32. *Sovetsko-ispanskie otnosheniia v period grazhdanskoi voiny v Ispanii* [Soviet-Spanish Relations During the Spanish Civil War]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2021. 364 p.

33. Tehnicheskij otchet komandira tankovoj gruppy S. M. Krivosheina o boevoj rabote respublikanskih tankov (na primere tanka T-26) [Technical Report of the Commander of the Tank Group S.M. Krivoshein on the Combat Work of Republican Tanks (On the Example of the T-26 Tank)]. *RKKA i grazhdanskaja vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 Vols. Vol. 2]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2020, pp. 233-241.

34. Shubin A.V. *Velikaia ispanskaia revoliutsiia 1931–1939 gg.* [The Great Spanish Revolution of 1931–1939]. Moscow, Akad. proekt Publ., Mir Publ., 2019. 570 p.

Information About the Author

Mikhail V. Novikov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Respublikanskaya St, 108/1, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, m.novikov@yspu.org, https://orcid.org/0000-0002-2013-1919

Информация об авторе

Михаил Васильевич Новиков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, m.novikov@yspu.org, https://orcid.org/0000-0002-2013-1919

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.3

UDC 930.272
LBC 63.3

Submitted: 29.07.2021
Accepted: 03.11.2021

APPEALS AND MEMOS OF THE KIROV PLANT ARTILLERY DESIGNER I.A. MAKHANOV TO THE CPSU(B)'S CENTRAL COMMITTEE SECRETARY A.A. ZHDANOV IN 1937–1938 [1]

Andrey M. Ryabkov

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. The fate of Ivan Abramovich Makhanov, the artillery designer and the head of the Kirov Plant bureau was ignored by Soviet historiography. Moreover, for a long time it was believed that the designer was repressed and killed in the late 30s. However, after spending 16 years in prison, I.A. Makhanov survived, lived a long life and left behind voluminous handwritten memoirs published in 2022. In addition, in the recently declassified funds of the archives of Saint Petersburg, separate documents of Makhanov's authorship, as well as those dedicated to his activities, are found. The complex of new sources forces us to revise the established views on the history of the national artillery and military industry of Leningrad. At the same time, the ambiguous role of Makhanov as a designer and administrator in the history of domestic artillery systems creation and production is manifested. This publication is devoted to the correspondence of Makhanov with the CPSU(b)'s Central Committee Secretary A.A. Zhdanov in 1937–1938. From the above documents, in addition to clarifying important technical issues, one can glean an amount of valuable information about both the personality of Makhanov and the structure of the relationship between the "technical intelligentsia" and the supreme party leadership of the USSR in the late 30s of the 20th century.

Key words: Ivan Abramovich Makhanov, Zhdanov, Kirov plant, artillery, stratospheric cannon L-6, divisional cannon L-12, field tests.

Citation. Ryabkov A.M. Appeals and Memos of the Kirov Plant Artillery Designer I.A. Makhanov to the CPSU(b)'s Central Committee Secretary A.A. Zhdanov in 1937–1938. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 29-41. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.3

УДК 930.272
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 29.07.2021
Дата принятия статьи: 03.11.2021

ОБРАЩЕНИЯ И ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО КОНСТРУКТОРА КИРОВСКОГО ЗАВОДА И.А. МАХАНОВА К СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(Б) А.А. ЖДАНОВУ В 1937–1938 ГОДАХ [1]

Андрей Маркович Рябков

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

© Рябков А.М., 2023

Аннотация. Судьба артиллерийского конструктора, начальника бюро Кировского завода Ивана Абрамовича Маханова оказалась по большому счету проигнорированной советской историографией. Более того, долгое время считалось, что он был репрессирован и погиб на исходе 1930-х годов. Однако, проведя в заклю-

чении 16 лет, И.А. Маханов уцелел, прожил долгую жизнь и оставил после себя объемные рукописные воспоминания, изданные в 2022 году. Кроме того, в недавно рассекреченных фондах архивов Санкт-Петербурга обнаруживаются отдельные документы – как авторства самого И.А. Маханова, так и посвященные его деятельности. Комплекс новых источников вынуждает пересматривать устоявшиеся взгляды на историю отечественной артиллерии и военной промышленности Ленинграда. Вместе с тем проявляется неоднозначная роль Маханова как конструктора и администратора в истории создания и производства отечественных артиллерийских систем. Данная публикация посвящена переписке Маханова с секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым в 1937–1938 годах. Из приведенных документов, помимо уяснения важных технических вопросов, можно почерпнуть ряд ценных сведений как о личности Маханова, так и о структуре взаимоотношений между «технической интеллигенцией» и высшим партийным руководством СССР на исходе 30-х гг. XX века.

Ключевые слова: Иван Абрамович Маханов, Жданов, Кировский завод, артиллерия, стратосферная пушка Л-6, дивизионная пушка Л-12, полигонные испытания.

Цитирование. Рябков А. М. Обращения и докладные записки артиллерийского конструктора Кировского завода И.А. Маханова к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову в 1937–1938 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 29–41. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.3

За несколько прошедших лет в историографии, посвященной отечественной артиллерии, произошел значимый прорыв, связанный с обнаружением и опубликованием И.О. Тюменцевым и А.Л. Клейтманом воспоминаний руководителя артиллерийского конструкторского бюро Кировского завода в Ленинграде Ивана Абрамовича Маханова (1901–1980) – сначала в виде фрагментов [1–2; 7–10], а затем и в виде отдельного издания [3].

Параллельно осуществлявшийся А.М. Рябковым поиск в архивах Санкт-Петербурга также дал весомые результаты. К настоящему моменту опубликованы:

– обращение Маханова в партийный комитет завода «Красный Путиловец» 1929 г. [5];

– автобиография и характеристика 1933 г., автобиография 1975 г. [5];

– результаты работы конфликтной комиссии 1937 г. [5];

– материалы об исключении Маханова из рядов ВКП(б) 1939 и 1945 гг. [5];

– докладная записка Михаила Ильича Кошкина о работе конструкторского бюро И.А. Маханова 1936 г. [4; 6].

Как указывалось ранее [4], социальный статус конструктора И.А. Маханова «к концу 30-х гг. был необычайно высок: он общался в формальной и неформальной обстановке с И.В. Сталиным и другими руководителями СССР и РККА, мог обращаться, минуя руководство Кировского завода, непосредственно к первому секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) и члену ЦК А.А. Жданову» [4, с. 92–93]. Лейтмотив воспоминаний Маханова [3] – многочисленные выражения признательности М.Н. Тухачевскому, даже своего рода «выпячивание» факта личной дружбы с маршалом.

В 1937–1938 гг. бюро Маханова вело несколько проектов артиллерийских систем: зенитной «стратосферной» пушки Л-6 (см. рисунок), танковой и капонирной пушки Л-10, дивизионной пушки Л-12. Работы шли тяжело, на что имелся ряд причин как объективного, так и субъективного характера, не в последнюю очередь связанных с волной политических репрессий.

Задания на проектирование систем Маханов мог получать, по его словам, непосредственно от И.В. Сталина. При этом сроки выполнения работ устанавливались предельно жесткие, ответственность разработчиков была персональной. Соответственно, любые задержки, связанные с действием или бездействием третьих лиц, вызывали болезненную реакцию Маханова, заставляли его включать «административный ресурс». Обращениям И.А. Маханова к Андрею Александровичу Жданову посвящена данная публикация.

Служебная записка от 22 августа 1937 г. (документ № 1) направлена Жданову в день смены руководства Кировского завода, когда был снят с должности его директор М. Л. Тер-Асатуров [2]. Одна из целей подачи записки, по всей видимости, – «абстрагироваться» от прежнего руководства, переложить на него часть ответственности за возможные задержки со сдачей на испытания пушки Л-12.

Показательно, что в этом обращении, как и во всех последующих, Маханов апеллирует к Жданову только как к секретарю ЦК ВКП(б), игнорируя его статус секретаря ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б). Вероятно, делалось это сознательно, с целью поднять уровень проблемы до государственного. При этом тон записки, адресованный к одному из первых лиц в партийной иерархии, достаточно требовательный, местами даже «капризный». Отсутствуют персональное обращение (например, «Уважаемый Андрей Александрович!») и вводная фраза (например, «Довожу до Вашего сведения, что…»). Это может свидетельствовать либо об уровне личной культуры автора, либо об отношении к секретарю ЦК ВКП(б) как к равному, о высокой оценке собственной значимости как «незаменимого инженера».

И действительно, в ответ на обращение Маханова Жданов поручает решить его проблему трем самым влиятельным функционерам – новому директору Кировского завода, Первому секретарю Кировского райкома ВКП(б) и заведующему промышленно-транспортным отделом горкома.

Следующая записка (документ № 2) написана через три месяца – в ноябре 1937 г. и посвящена проблемам зенитной артиллерии. Помимо острых технических вопросов, наше внимание должны привлечь характеристики бывших военных руководителей – М.Н. Тухачевский именуется «шпионом и вредителем», а военное руководство в целом – «военной кликой». Вряд ли эти слова искренни, учитывая «настроение момента» и естественное желание администратора с партийным билетом дополнительно выразить свою лояльность режиму, однако ничто не мешало Маханову взять нейтральный тон или использовать менее экспрессивные обороты. В любом случае такая характеристика в корне расходится с послевоенной – в мемуарах Маханова Тухачевский выведен едва ли не «святым».

Третья записка (документ № 3) подготовлена через год, к 21-й годовщине Октября. Ее главная ценность – упомянутые в тексте персоналии, а также технические нюансы, особенно применительно к пушке Л-6.

Вскоре подана еще одна записка (документ № 4), посвященная производству прицелов для пушки Л-12. По форме она напоминает проект постановления СНК в миниатюре (проекты постановлений, как правило, готовили заинтересованные лица или организации, в интересах которых эти постановления впоследствии выносились, что облегчало и ускоряло работу верхних эшелонов власти). Документ до некоторой степени проявляет как самооценку Маханова в качестве «государственного мужа», так и масштаб его притязаний (например, заставить профсоюзы по требованию автора поступиться нормами советского законодательства).

Приведенные документы не исчерпывают всего объема корреспонденции, поступавшей от Маханова к Жданову, но позволяют существенно дополнить психологический портрет «забытого» артиллерийского конструктора довоенной поры.

Использованы документы из фонда Ленинградского обкома КПСС (Р-24) Центрального Государственного архива Историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Орфография первоисточников сохранена, пунктуация приведена в соответствие с нормами русского языка.

100-мм зенитная пушка Л-6 Кировского завода конструкции И.А. Маханова

100-mm anti-aircraft gun L-6 of the Kirov plant, designed by I.A. Makhanov

Документ № 1
Записка И. А. Маханова в ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о ходе работ по созданию дивизионной пушки Л-12 от 22 августа 1937 г.

ЦК ВКП(б) тов. Жданову

Постановлением Правительства от Марта 1937 года мне было дано задание спроектировать и изготовить к 1 ноября 1937 г. легкую дивизионный пушку, которую я назвал литером Л-12. Одновременно с этим для обеспечения выполнения этого задания Правительство предписало Кировскому Заводу в лице т. Тер-Асатурова выделить помещение для моей Опытной мастерской и оборудовать мастерскую 40 станками.

Первая часть задания – конструирование пушки мною закончено, асе рабочие чертежи сделаны, но вторая часть Правительственного Задания – изготовление опытной батареи этих пушек в количестве 4 шт. средствами моей Опытной мастерской – находится под угрозой срыва, т. к. до сего дня я еще не получил всего помещения, которое т. Тер-Асатуров должен был выделить согласно утвержденного плана.

Дело с выделением мне помещения тормозится общественно-партийными организациями Кировского Завода, которые до сих пор не осознали всей серьёзности Правительственного Задания на дивизионную пушку, и из-за того, что при предоставлении мне помещения частично пострадает Красный Уголок одного из второстепенных цехов, Партком и Завком тормозят это дело. Часть помещения, которую я ещё не получил, мне необходимо предоставить немедленно, ибо это грозит срывом срока изготовления пушки и невозможными условиями для работы.

Второе обстоятельство, угрожающее так-же срывом срока, это незаконченность оборудования мастерской. Вместо положенных 40 станков мне дано заводом и установлено только 26.

Прошу Вас принять такие меры к обеспечению меня полностью площадью и оборудованием, которые бы не вызывали рассуждений и дискуссий со стороны Заводоуправления и Партийно-Общественных организаций и соответствовали бы моему желанию выполнить Задание Правительства на лёгкую дивизиону пушку в срок – 1 Ноября 1937 года, т. е. к 20-й годовщине Пролетарской Революции.

Артиллерийский конструктор /Маханов/ (автограф), 22-го августа 1937 г.

Резолюция [простой карандаш]:

т. Лукьянову [3], Давыдову [4] и Оринову [5]. Прошу обратить внимание на письмо т. Маханова.

Жданов.

Машинопись.

ЦГАИПД СПб Ф. Р-24. Оп. 2б. Д. 296. Л.Л. 65-66.

Документ № 2

Докладная записка И. А. Маханова А. А. Жданову о необходимости развития зенитной артиллерии РККА исходя из опыта войны в Испании от 20 ноября 1937 г.

ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.

[на штампе входящей корреспонденции особого сектора ОК и ГК ВКП(б) дата 20.XI.1937]

События в Испании являются проверкой в боевых условиях всех современных средств борьбы, в том числе и зенитной артиллерии. Благодаря прежнему военному руководству – шпионам и вредителям (Тухачевский, Уборевич и др.) – у нас господствовала военно-техническая доктрина, что войну [выигрывают – зачеркнуто автором] решают авиация и танки, предавшая забвению опыт и уроки мировой войны и отводившая артиллерии вспомогательную, а подчас и второстепенную роль. Зенитную же артиллерию считали мало эффективным и проблематичным средством борьбы с авиацией.

Самое сильное средство борьбы с авиацией противника есть сама авиация, а не зенитная артиллерия, так утверждало прежнее военное руководство. Вся страна находилась под гипнозом этой доктрины, т. к. авторы её занимали руководящее положение. Вся их шумиха насчёт всемогущества авиации и танков была направлена к тому, чтобы отвлечь внимание от действительной основы могущества армии и «царицы» боя – артиллерии, и от зенитной артиллерии в особенности, и увлечь на путь огромных затрат на дорогостоящие, хрупкие и несовершенные средства борьбы – авиацию и танки.

Авиация и танки в настоящем их виде еще очень сложны и мало надёжны, и как средство борьбы ещё не достигли той степени живучести и эффективности, какую имеет артиллерия.

Что же касается зенитной артиллерии, то в Испании, которую американцы своем журнале "The Coast Artillery" September-October 1937 [6] называют мировой военной лабораторией, Германская зенитная артиллерия показала такую эффективность огня, при которой самая современная правительственная авиация несет огромный ущерб.

В том же журнале приводятся данные потерь испанской правительственной авиации. [С начала кампании – зачеркнуто автором] по данным главной квартиры генерала Франко до апреля 1937 года сбито 355 правительственных самолётов.

При чём автор статьи «Airplanes Can be Stopped» [7] в том же журнале приводит следующие данные: от огня германской зенитной артиллерии гибнет 70% самолетов из общего числа потерь испанской правительственной авиации, и от истребительной авиации – только 30%. Это говорит о том, [если эти данные верны – зачеркнуто автором] что зенитная артиллерия эффективнее и сильнее действует, чем сама авиация, [почти – зачеркнуто автором] в 2,5 раза.

В оценке эффективности огня зенитной артиллерии выводы американцев совпадают с выводами французов, опубликованных в журнале «La Revue de France» июль месяц 1937 г.

В Американском морском журнале «U.S. Naval Institute Proceedings» – май 1937 года, в статье «Авиация в Испании» отмечается высокая эффективность огня германской зенитной артиллерии при наличии самой современной Советской авиации на стороне правительства [и низкая эффективность – зачеркнуто автором].

Огромное вредительство военной клики, заправлявшей делами вооружения нашей армии, заключается в том, что наша противовоздушная оборона и её главное средство – зенитная артиллерия – слабы и недостаточны.

У нас не существовало строго продуманной [и научно-обос[нованной], на основе опыта мировой войны и развития военной техники – зачеркнуто автором], системы вооружения зенитной артиллерии. [На опыты по зенитной артиллерии не обращалось внимания. Зенитная артиллерия была на заднем плане – зачеркнуто автором], над осуществлением которой могли бы работать наши конструктора.

Состояние нашей зенитной артиллерии можно охарактеризовать следующим образом:

37-мм зенитной автоматической пушки у нас на вооружении до сих пор нет. Вот одна из причин, почему нет на вооружении 37-мм калибра.

Лафет для 37-мм автоматической зенитной пушки Шпитального разрабатывался мною, и в конце 1936 года был представлен на испытание, но Артиллерийское Управление (в лице оставшихся в настоящее время Соркина [8] и Соборнова [9]) даже не допустили этот лафет к испытанию, по совершенно неосновательным соображениям, и это преступное дело остаётся до сих пор безнаказанным.

Т. к. т. Шпитальный обещал правительству начальную скорость снаряда 1100–1200 метров в секунду и сообщил мне официально эти данные, то я лафет рассчитал по прочности и устойчивости на эту начальную скорость снаряда. Когда же я сделал лафет, то т. Шпитальный начальную скорость снаряда снизил до 950 метров в секунду и мой лафет оказался относительно тяжёлым для этой сниженной баллистики, и это был

основной мотив к недопущению на испытание. АУ тогда же заказала заводу № 8 спроектировать новый лафет, так как Махановский им не нравился, и в результате в этом году получился конфуз, т. к. новый лафет завода № 8 оказался тяжелее моего. Потерян целый год времени. [Я считаю забракование – зачеркнуто автором]. Невольно напрашивается вывод, что недопущение моего лафета к испытанию является крупнейшим актом вредительства, рассчитанным на то, чтобы оттянуть вооружение ПВО 37-мм калибром. Если главарей этого вредительства в АУ нет, то остались их помощники в лице Соркина и Соборнова, которые непосредственно [это проводили – зачеркнуто автором; их проводили – зачеркнуто автором] и очень активно браковали этот лафет.

В результате 37-мм калибр в системе ПВО и на вооружении зенитной артиллерии дивизии не существует.

В качестве единственной зенитной пушки у нас принята на вооружение немецкого происхождения, фирмы Rheinmetall, 76-мм зенитная пушка образца 1931 года, изготавливаемая заводом № 8.

Эта пушка, по сравнению с принятой на вооружение немцами 88-мм зенитной пушкой, отличается более слабой баллистикой при одинаковом весе с немецкой. При существующей баллистике Vo = 820 метров в секунду и при снаряде 6,5 кгр можно было бы иметь вес системы не 4,5 тонны, а максимум 2 тонны.

В качестве основного орудия системы ПВО и корпусной зенитной артиллерии существующая пушка слаба. Как показал испанский опыт, калибр 76 мм мал. В качестве дивизионной зенитной пушки этот калибр подходящ, но вес 4,5 тонны, который имеет существующая зенитка, для дивизии [тяжел – зачеркнуто автором] велик. Невольно напрашивается вывод, что 76-мм зенитный калибр необходимо [оставить – зачеркнуто автором] ввести в дивизии, но с весом в боевом положении не более 2 тонн.

В качестве такого дивизионного зенитного орудия могла бы подойти бывшая моя универсальная дивизионная пушка, которая весит в настоящем виде 2450 кгр и при некоторой небольшой переделке могла бы весить 2000 кгр, т. е. по всем данным удовлетворять требованиям дивизионного зенитного орудия.

В качестве зенитной артиллерии более крупного калибра, чем 76 мм, в армии и в системе ПВО городов, за исключением кораблей, мы ничего не имеем.

Вопрос о крупнокалиберной зенитной артиллерии считается, очевидно, маловажным.

Это мнение необходимо в корне изменить, и изменить наше отношение к крупно-калиберной зенитной артиллерии, если мы не [хотим – зачеркнуто автором] желаем 15 быть битыми.

В Германии усиленно работают над полевой 105-мм зенитной пушкой, а для кораблей флота изготовляют еще более мощные зенитные орудия калибром 120 мм.

Япония давно уже имеет на вооружении армии 105-мм зенитную пушку с вертикальной дальностью 14–15000 метров. О системе вооружения японской зенитной артиллерии американцы пишут в журнале «The Field Artillery Journal», и на 105-мм японскую зенитную пушку обращают сугубое внимание.

На новых кораблях японского флота установлены мощнейшие 130-мм зенитные орудия.

Англичане, не довольствуясь зенитными орудиями калибра 100 и 127 мм, устанавливаемыми на всех крупных судах, ввели в состав флота специальные корабли, вооруженные только крупными зенитными орудиями, т. е. специальные плавучие зенитные батареи.

Боевой опыт германской зенитной артиллерии в Испании, вооруженной 88-мм зенитными орудиями, наглядно продемонстрировал эффективность зенитного огня и преимущества крупного калибра зенитной артиллерии.

Всё говорит за то, что мы должны исключительное внимание уделить развитию у нас крупнокалиберной зенитной артиллерии.

Я в течение 2-х лет при исключительно неблагоприятных условиях на заводе и при равнодушном отношении Артиллерийского Управления работаю над 100-мм зенитной стратосферный пушкой Л-6, и с большими трудностями мне всё же удалось эту систему сделать, и в настоящее время она находится на Главном полигоне и проходит заводские испытания стрельбой.

Проведено всего 4 стрельбы и сделано 35 выстрелов полным зарядом. В отношении прочности и устойчивости пушка Л-6 ведет себя вполне удовлетворительно. Заводское испытание еще не закончено, но за время этих испытаний не побывал ни один представитель АУ [или управления ПВО – зачеркнуто автором]. Очевидно для [них – зачеркнуто автором] АУ эта пушка [не имеет значен… – зачеркнуто автором] не актуальна. До чего это учреждение [Я ещё не знаю ни одного случая чтобы АУ помогло, и это в то время, когда наши вероятные противники Германия и Япония... – зачеркнуто автором] слепо и далеко не стоит на уровне понимания своих задач.

По моему мнению, вопрос о зенитной артиллерии в свете [Испанских событий – зачеркнуто автором] испанской проверки 18 и угрожающим положением с зенитной артиллерией у нас следует пересмотреть и более солидно во всём его комплексе разрешить.

Выводы:

1. Необходимо в кратчайший срок разработать продуманную систему вооружения зенитной артиллерии с учетом опыта в Испании и зенитного вооружения других стран.

2. Необходимо форсировать введение на вооружение 37-мм зенитного орудия (оно же и противотанковое). С этой целью принять на испытание мой лафет Л-9 под пушку Шпитального на соревнование с лафетом завода № 8.

3. Необходимо в дивизиях ввести на вооружении легкие зенитные орудия 76-мм калибра с баллистикой существующей зенитной пушки образца 1931 г., но с весом в боевом положении не более 2000 кг. Это орудие должно быть универсальным в том смысле, чтобы его можно было использовать и для стрельбы по наземным целям.

4. В качестве зенитного орудия корпусной артиллерии и системы ПВО городов необходимо ввести на вооружение 100-мм зенитную стратосферную пушку «Л-6», над которой я работаю, и оказать максимум помощи в скорейшей её доработке, [а не допускать такого положения, когда мне кажется, что это дело стало частным делом только конструктора Маханова – зачеркнуто автором].

Теперь же приступить к проектированию мобильной установки еще более мощного зенитного орудия полевого типа калибром 122 мм и с весом в боевом положении 15–16 тонн.

Сложность и дороговизна такой системы вооружения зенитной артиллерии не должна нас останавливать, так как американцы, очень практичный народ, в журнале «The Coast Artillery Journal» в статье «Airplanes Can be Stopped» в заключении пишут, что капиталовложения в зенитную артиллерию [есть – зачеркнуто автором] очень выгодное дело, так как быстро дает очень хороший эффект и страхует от разрушения с воздуха наши города, промышленность, ж/д, мосты [и войска в поле – зачеркнуто автором], а главное – предохраняет от атак с воздуха армию и 70% воздушного противника выводит из строя.

Член ВКП(б)
Артиллерийский конструктор /Маханов/

Сопроводительная записка:
«Копия передана тов. Жданову. В дело. А. Платонова [10] [?? [11]]. XI-37 г.»

Рукопись.
ЦГАИПД СПб Ф. Р-24. Оп. 2б. Д. 300. Л. 1–12.

Документ № 3
Докладная записка И. А. Маханова А. А. Жданову о ходе работ над артиллерийскими системами от 6 ноября 1938 г.

[на штампе входящей корреспонденции особого сектора ОК и ГК ВКП(б) дата 6.XI.1938]
ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.
Докладная записка инж. Маханова И.А.

По дивизионной пушке «Л-12»

Все работы, связанные с переделкой полуавтоматики стреляющего механизма, спускового, подъемного и поворотного механизма на всех 4-х системах, – закончены.

5-го ноября на заводском полигоне было произведено опробование полуавтоматики 20-ю выстрелами с каждой системы. 2 образца показали безукоризненную работу, а два других работали с небольшим процентом отказов, что будет мною устранено 8.XI. после праздника.

На 10-е ноября здесь в Ленинграде А[ртиллерийское] У[правление] намечает 2-х часовую артиллерийскую подготовку. В случае хороших результатов, в чем я лично уверен, 15-го ноября под Москвой на полигоне Московской дивизии состоится вторичная 2-х часовая артиллерийская подготовка.

По капонирной установке Л-10 и Л-10 удлиненной

Нормальных Л-10 изготовлено заводом к празднику 40 шт. В ноябре программа завода 100 шт. 5-го ноября закончена изготовлением и отстреляна на заводском полигоне «удлиненная Л-10»; на стрельбе (20 выстрелов) показала блестящие результаты.

Эта пушка будет обладать, по сравнению с нормальной Л-10, на 20–25% большей бронепробиваемостью.

В части изготовления деталей капонира для этих пушек дело обстоит не плохо.

На Карельском участке подготовлен железобетон, а сегодня в 6 часов утра мною отправлены на автомашине две самые крупные детали на Карельский участок для бетонировки: амбразура, изготовленная из броневой стали, и задняя часть капонира (стальная отливка).

Т. Хозин [12] с военными инженерами форсирует бетонировку. Все остальные детали капонира закончу изготовлением 12-го ноября, монтаж закончу к 5.XI [13]. 20-го ноября можно будет начать большие испытания.

По зенитной пушке Л-6

Результатов отстрела со второй трубой – лейнером не имею. Имею сведения от командарма т. Кулик [14] и комдива т. Грендаль [15], что Л-6 на военных произвела исключительное впечатление.

Нехорошо дело обстоит с резиной на колесах Л-6. К 1-му декабря я изготовлю (чертежи уже готовы) 8-ми колесный ход с покрышками от 2-х этажного троллейбуса по типу американских артиллерийских систем.

6.XI.-1938 г.
И. Маханов (автограф)

Машинопись.
ЦГАИПД СПб Ф. Р-24. Оп. 2б. Д. 411. Л. 38–39.

Документ № 4

[На типографском бланке: «Кировский завод» Начальник Артиллерийского Опытно-Конструкторского Отдела Инженер Маханов И.А.]

Ц. К. ВКП(б) т. Жданову А.А.

Согласно Вашего указания новая опытная батарея дивизионных пушек Л-12 должна быть изготовлена и испытана к 1 Января 1939 года.

Прицелы (4 шт.) совершенно новой оригинальной конструкции, отличной от прицелов, которые стоят на первой опытной батарее, взялся изготовить для нас завод № 379 (бывший Ленинградский филиал Института № 12 X Главного Управления НКОПа [16]) по нашим чертежам.

Прошу Ваших указаний:

1. Директору и Партийной организации завода № 379 форсировать изготовление 4-х прицелов Л-12 с окончанием к 15 декабря с/г.

2. Профсоюзным организациям, чтобы последние не ограничивали завод № 379 сверхурочными часами и аккордными работами в части изготовления прицелов.

3. Кировскому Райкому Партии взять под особое наблюдение изготовление 4-х прицелов Л-12 на заводе № 379.

20 ноября 1938 года. И. Маханов (автограф)

Машинопись.

ЦГАИПД СПб Ф. Р-24. Оп. 2б. Д. 411. Л. 45.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И. А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).

The work was carried out within the framework of the RFBR grant "Formation and development of scientific and technical thought and military industry in the USSR in the 1920s-1950s (according to the memoirs of I. A. Makhanov)" (project no.19-49-340008).

[2] Тер-Асатуров Михаил Львович (1898–1938) – директор Кировского завода с 24 июня 1936 по 22 августа 1937 г. Арестован 21 ноября 1937, осужден 26 февраля 1938 г., убит 27 февраля 1938 года.

[3] Лукьянов Степан Игнатьевич (1897 – 21.2.1939) – заведующий промышленно-транспортным отделом Ленинградского горкома ВКП(б). 29 декабря 1937 г. заведующим отделом партийных кадров Ленинградского городского комитета ВКП(б) был поставлен вопрос об освобождении Лукьянова от работы как не заслуживающего политического доверия. На 11 июня 1938 г. числился арестованным органами НКВД. Убит 21 февраля 1939 года.

[4] Давыдов Михаил Аркадьевич (22.01.1899–27.07.1941) – директор Кировского завода с 22 августа 1937 г. по январь 1938 года. Арестован 9 октября 1939 г., осужден 7 июля 1941 г., убит 27 июля 1941 года.

[5] Оринов Павел Григорьевич (июнь 1903 – ?) – с августа 1937 г. секретарь Кировского районного комитета ВКП(б) Ленинграда. Арестован органами НКВД как враг народа 4 ноября 1938 года.

[6] «Журнал артиллерии береговой обороны», сентябрь – октябрь 1937 года.

[7] «Самолеты могут быть остановлены» – англ.

[8] Соркин Рувим Евелевич (1910–1983) – с 1932 по 1942 г. служил в Артиллерийском комитете Главного артиллерийского управления.

[9] Соборнов Михаил Николаевич (1997–1941) – на момент ареста 1 июля 1941 – начальник опытного отдела Технического совета Народного комиссариата вооружения СССР. Убит 28 октября 1941 года.

[10] Платонова А.А. – сотрудник особого сектора ленинградских обкома и горкома ВКП(б).

[11] Скрыто подшивкой документа.

[12] Хозин Михаил Семенович (1896–1979) – командующий войсками Ленинградского военного округа.

[13] С учетом даты составления записки – 6 ноября – следует полагать, что автором документа допущена опечатка и здесь подразумевается другая дата – 5 декабря.

[14] Кулик Григорий Иванович (1890–1950) – начальник Артиллерийского Управления РККА.

[15] Грендаль Владимир Давыдович (1884–1940) – заместитель начальника Артиллерийского Управления РККА.

[16] НКОП – Народный комиссариат оборонной промышленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейтман А. Л., Тюменцев И. О. Артиллерийские орудия конструктора И.А. Маханова: разработка, внедрение, боевое применение в 1930–1950-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 1. С. 34–43. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3.6

2. Клейтман А. Л., Тюменцев И. О. Мемуары И. А. Маханова как источник по истории науки и техники // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. Саратов: Амирит, 2019. С. 99–102.

3. Маханов И. А. Записки Главного конструктора артиллерийских систем Кировского завода. Материалы для выступления на заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР в феврале 1956 года в качестве главного свидетеля по делу Родоса и других бериевских палачей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 600 с.

4. Рябков А. М., Клейтман А. Л. Служебная записка инженера-конструктора М.И. Кошкина о ходе работ по созданию новых артиллерийских систем в конструкторском бюро Кировского завода (из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 90–104. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.8

5. Рябков А. М., Тюменцев И. О. Из личного дела главного конструктора артиллерийского бюро Кировского завода И.А. Маханова // Русский Архив. 2022. № 10 (1). С. 27–49. DOI: 10.13187/ra.2022.1.27

6. Рябков А. М., Тюменцев И. О. Служебная записка инженера-конструктора М.И. Кошкина о ходе работ по созданию новых артиллерийских систем в конструкторском бюро Кировского завода // Военно-исторические аспекты жизни населения Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Вып. 3. Волгоград : Сфера, 2021. С. 37–40.

7. Тюменцев И. О. В Сухановской тюрьме. Из воспоминаний И.А. Маханова // Русский архив. 2017. № 5 (2). С. 167–191; 2018. № 6 (1). С. 45–71.

8. Тюменцев И. О. Военно-техническое сотрудничество СССР с Германией в 1930-х годах (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода им. Кирова И. А. Маханова) // Война и оружие: новые исследования и материалы: тр. X Междунар. науч.-практ. конф. 12–14 мая 2021 г. В 3 ч. Ч. 3. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. С. 294–304.

9. Тюменцев И. О., Клейтман А. Л. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 201–215. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18

10. Тюменцев И. О., Клейтман А. Л. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова). Часть 2 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 207–214. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.16

REFERENCES

1. Tjumencev I.O. V Sukhanovskoi tiurme. Iz vospominanii I.A. Makhanova [In Sukhanov's Prison. From I.A. Makhanov's Memories]. *Russkiy Arkhiv*, 2017, no. 5(2), pp. 167-191; 2018, no. 6(1), pp. 45-71.

2. Klejtman A.L., Tjumencev I.O. Memuary I.A. Mahanova kak istochnik po istorii nauki i tehniki [I.A. Makhanov's Memoirs as a Source on the History of Science and Technology]. *Institut istorii estestvoznanija i tehniki im. S.I. Vavilova. Godichnaja nauchnaja konferencija* [S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual Scientific Conference]. Saratov, Amirit Publ., 2019, pp. 99-102.

3. Kleitman A.L., Tyumentsev I.O. Artillerijskie orudija konstruktora I.A. Mahanova: razrabotka, vnedrenie, boevoe primenenie v 1930–1950-h godah [Cannon Gunnery of Designer I.A. Makhanov: Development, Implementation, Combat Use in the 1930s – 1950s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 34-43. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3 .

4. Tjumencev I.O. Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo SSSR s Germaniej v 1930-h godah (po vospominanijam glavnogo konstruktora artillerijskih vooruzhenij zavoda im. Kirova I.A. Mahanova) [Military-Technical Cooperation Between the USSR and Germany in the 1930s (According to the Memoirs of the Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)]. *Vojna i oruzhie: novye issledovanija i materialy: tr. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 12–14 maya 2021 g. V 3 ch. Ch. 3* [War and Weapons: New Research and Materials. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference (May 12–14, 2021) In 3 Parts. Part 3]. Saint Petersburg, VIMAIViVS, 2021, pp. 294-304.

5. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo SSSR i ChSR v 30-e gg. XX v. (po vospominanijam glavnogo konstruktora artillerijskih vooruzhenij zavoda imeni Kirova I.A. Mahanova) [Military-Technical Cooperation of the USSR and the ChSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 201-215. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18

6. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo SSSR i ChSR v 30-e gg XX v. (po vospominanijam glavnogo konstruktora artillerijskih vooruzhenij zavoda imeni Kirova I.A. Mahanova) [Military-Technical Cooperation of the USSR and the ChSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no 2, pp. 207-214. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18 .

7. Mahanov I.A. *Zapiski Glavnogo konstruktora artillerijskih sistem Kirovskogo zavoda. Materialy dlya vystupleniya na zasedanii Voennoj kollegii Verhovnogo Suda SSSR v fevrale 1956 goda v kachestve glavnogo svidetelya po delu Rodosa i drugih berievskih palachej* [Notes of the Chief Designer of Artillery Systems of the Kirov Plant. Materials for Speaking at a Meeting of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR in February 1956 as the Main Witness in the Case of Rhodes and Other Beria Executioners]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2022. 600 p.

8. Rjabkov A.M., Tjumencev I.O. Sluzhebnaja zapiska inzhenera-konstruktora M.I. Koshkina o hode rabot po sozdaniju novyh artillerijskih sistem v konstruktorskom bjuro Kirovskogo zavoda [Memo of Design Engineer M.I. Koshkin on the Progress of Work on the Creation of New Artillery Systems in the Design

Bureau of the Kirov Plant]. *Voenno-istoricheskie aspekty zhizni naselenija Juga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izuchenija i muzeefikacii. Vyp. 3* [Military and Historical Aspects of the Life of the Population of Southern Russia in the 17th – 21st Centuries: Issues of Study and Museumification. Iss. 3]. Volgograd, Sfera Publ., 2021, pp. 37-40.

9. Riabkov A.M., Kleitman A.L. Sluzhebnaya zapiska inzhenera-konstruktora M.I. Koshkina o khode rabot po sozdaniyu novykh artilleriyskikh sistem v konstruktorskom byuro Kirovskogo zavoda (iz fondov Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga) [The Design Engineer's M.I. Koshkin Memorandum on the Progress of Work of New Artillery Systems Creation in the Kirov's Plant Design Bureau (From the Funds of the Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 90-104. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.8

10. Ryabkov A.M., Tyumencev I.O. Iz lichnogo dela glavnogo konstruktora artillerijskogo byuro Kirovskogo zavoda I.A. Mahanova [From the Personal File of I.A. Makhanov, Chief Designer of the Artillery Design Bureau of the Kirov Plant]. *Russkii Arkhiv*, 2022, no. 10 (1), pp. 27-49. DOI: 10.13187/ra.2022.1.27

Information About the Author

Andrey M. Ryabkov, Researcher, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1 A, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation; Researcher, Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation, andrejryabkov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3306-1382

Информация об авторе

Андрей Маркович Рябков, научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1, литера А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация, andrejryabkov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3306-1382

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.4

UDC 94(47+57)«1936/1940»
LBC 63.3(2)621-68

Submitted: 15.03.2022
Accepted: 03.12.2022

AWARDING THE TITLE OF HERO OF THE SOVIET UNION IN PRE-MILITARY ARMED CONFLICTS: STATISTICAL ANALYSIS (1936–1940)

Dmitry V. Shunyakov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The experience of conferring the title of Hero of the Soviet Union in armed conflicts before the start of World War II is analyzed. It is alleged that representatives of all power structures became Heroes: the People's Commissariat of Defense, the People's Commissariat of the Navy and the People's Commissariat of Internal Affairs. *Materials and methods*. When solving the set research tasks, published data from official statistics, as well as scientific literature, were used. The study was based on the principles of historicism, objectivity and systematics. The need to process quantitative data led to the use of the statistical method. *Analysis*. In 94% of cases, the title of Hero was used solely to distinguish members of the security forces. It is noted that 71% of all the awards were for distinction in the Soviet-Finnish War. Military personnel received 93% of the awards. In fact, representatives of the ground triad (armored, rifle troops and artillery) received $^{2}/_{3}$ awards. *Conclusions*. Award practice shows that the award has been rarely used, exclusively for personal courage in battle; almost a third of the awards were made posthumously.

Key words: USSR, Hero of the Soviet Union, Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, award production, armed conflict.

Citation. Shunyakov D.V. Awarding the Title of Hero of the Soviet Union in Pre-Military Armed Conflicts: Statistical Analysis (1936–1940). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 42-52. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.4

УДК 94(47+57)«1936/1940»
ББК 63.3(2)621-68

Дата поступления статьи: 15.03.2022
Дата принятия статьи: 03.12.2022

НАГРАЖДЕНИЕ ЗВАНИЕМ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПРЕДВОЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (1936–1940 гг.)

Дмитрий Викторович Шуняков

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Анализируется опыт присвоения звания Героя Советского Союза в вооруженных конфликтах до начала Великой Отечественной войны. Констатируется, что Героями стали представители всех силовых структур: НКО, НКВМФ, НКВД. *Материалы и методы.* При решении поставленных задач использовались опубликованные данные официальной статистики, а также научная литература. Исследование проводилось на основе принципов историзма, объективности и системности. Необходимость обработки количественных данных обусловила использование статистического метода. *Анализ.* Звание Героя в исследуемый период применялось почти исключительно для отличия представителей силовых структур – в 94 % случаев. Отмечается, что наибольшее количество званий было присвоено за отличия в Советско-финляндской войне – 71 % всех награждений. Львиную долю наград заслужили представители Вооруженных сил – 93 %. Фактически $^{2}/_{3}$ наград получили представители сухопутной триады (бронетанковые, стрелковые войска

© Шуняков Д.В., 2023

и артиллерия). *Выводы.* Наградная практика показывает, что звание присваивалось редко, исключительно за личное мужество в бою, почти треть награждений произведено посмертно.

Ключевые слова: СССР, Герой Советского Союза, Президиум Верховного совета СССР, наградное производство, вооруженный конфликт.

Цитирование. Шуняков Д. В. Награждение званием Героя Советского Союза в предвоенных вооруженных конфликтах: статистический анализ (1936–1940 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 42–52. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.4

Введение. Предвоенные вооруженные конфликты послужили серьезной проверкой наградной системы СССР. Наряду с орденами и медалями, наиболее проявившие себя удостаивались высшей степенью отличия – званием Героя Советского Союза.

Цель исследования – изучение особенностей присвоения звания Героя Советского Союза в предвоенных конфликтах с позиций статистического анализа. Научная новизна заключается в дополнении статистических данных, а также в типологизации награждений по специальностям и категориям военнослужащих. Теоретической значимостью исследования следует считать подробный статистический анализ награждений в предвоенных конфликтах. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных данных в преподавании истории, изучении предвоенного периода в высших военных и гражданских учебных заведениях, а также в фалеристике для уточнения особенностей присвоения званий в предвоенных вооруженных конфликтах.

Материалы и методы. Исследование основано на общенаучных методах (анализа, синтеза, генерализации) и системном подходе. Теоретический этап предполагал обращение к материалам имеющихся в данной области научных работ с целью определения степени разработанности проблемы. Эмпирический этап проходил с учетом собранных методом сплошной выборки общестатистических данных. На этапе обработки и систематизации практических данных был использован метод статистического анализа.

Теоретической базой исследования стали: двухтомный библиографический словарь под редакцией И.Н. Шкадова «Герои Советского Союза» и уточненный справочник В.П. Воробьева, Н.В. Ефимова «Герои Советского Союза» [1; 2]. В этих трудах приводятся краткие библиографические данные удостоенных званием Героя Советского Союза. Информация о Героях предвоенных конфликтов, лишенных звания позднее, не содержащаяся в вышеперечисленных исследованиях, представлена в работе В.Н. Конева «Прокляты и забыты. Отверженные Герои СССР» [3].

Сбор эмпирического материала исследования предполагал обращение к законодательной базе. В частности, были проанализированы постановления (указы) Центрального Исполнительного Комитета СССР (Президиума Верховного Совета СССР), опубликованные в газетах «Правда» и «Красная звезда» [4–10; 12–41]. Изучение этих материалов показало отсутствие статистического анализа награждений по годам, категориям военнослужащих, видам силовых структур и родам войск.

Анализ. Награждение званием Героя Советского Союза производилось среди военнослужащих и специалистов, участвовавших в гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.), войне Японии и Китая (1937–1941 гг.), в ходе советско-японских пограничных конфликтов на озере Хасан (1938 г.) и реке Халхин-Гол (1939 г.), а также Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Количество награжденных званием в конфликтах и войнах представлено в таблице.

Анализ данных позволяет сделать следующие выводы.

Всего в предвоенных конфликтах было присвоено 589 награждений, что составляет 94 % от общего количества удостоенных звания Героя Советского Союза (626 награждений) и 5 (83 %) – повторно (6 награждений). Четверть награждений – 146 (24,8 %), произведены посмертно. 587 Героев (99,66 %) являются представителями Вооруженных сил и органов правопорядка СССР и двое (0,34 %) – иностранными гражданами (в дальнейшей типологизации награждений по родам войск и категориям военнослужащих не учитываются).

Количество награжденных званием Героя Советского Союза в предвоенных конфликтах

Number of those awarded the title of Hero of the Soviet Union in prewar conflicts

Категория награжденных	Вооруженный конфликт					
	Война в Испании	Война в Китае	Бои на озере Хасан	Бои на реке Халхин-Гол	Советско-финляндская война	Всего
По годам						
1936	17	–	–	–	–	17
1937	25	–	–	–	–	25
1938	12	2	26	–	–	40
1939	5	11	–	73	–	89
1940	–	1	–	–	417	418
Итого	59	14	26	73	417	589 *
По наркоматам						
НКО	57	14	21	73	381	546
НКВМФ	–	–	–	–	23	23
НКВД	–	–	5	–	13	18
Итого	57	14	26	73	417	587
По воинской специальности						
Пехота	1	–	7	11	105	124
Кавалерия	–	–	–	–	2	2
Артиллерия	–	–	1	3	55	59
Танкисты	20	–	6	27	73	123
Летный состав ВВС	34	14	1	25	65	139
Представители ВМФ	2	–	–	–	22	24
Инженеры	–	–	1	–	11	12
Разведчики	–	–	–	1	19	20
Лыжник	–	–	–	–	4	4
Связисты	–	–	–	1	5	6
Шоферы	–	–	–	–	6	6
Медики	–	–	1	–	1	2
Политработники	–	–	4	5	39	48
Военные техники	–	–	–	–	3	3
Пограничники	–	–	5	–	10	15
Итого	57	14	26	73	417	587
По категориям (в соответствии со служебным положением)						
Командный состав	47	13	9	54	234	357
Начальствующий состав	–	–	5	5	43	53
Младший командный и начальствующий состав	10	1	8	14	79	112
Рядовой состав	–	–	4	–	61	65
Итого	57	14	26	73	417	587

Примечание. Составлено автором по: [2, т. 1, с. 32, 35, 49, 51, 56, 59, 69–71, 73, 78, 80, 81, 99, 112, 118, 130, 138, 142, 143, 146, 154–156, 179, 181, 183, 191, 193, 202, 215, 226, 230, 233, 235, 236, 241, 245, 251, 260–262, 265, 266, 272, 274, 276, 283, 291, 295, 296, 314, 333, 354, 359, 363, 365, 375, 382, 383, 386, 387, 398, 411, 417, 419, 420, 423, 428, 430, 436, 440, 445, 451, 453, 457, 458, 465, 468, 470, 472–474, 478, 483, 511, 512, 519, 528, 531, 534, 539, 543, 549, 551, 552, 557, 562, 566, 575, 576, 583, 586, 588, 604, 606, 634, 637, 638, 641–643, 650, 653, 654, 660, 664, 668, 677, 681, 685, 686, 698, 700, 707–709, 711, 721, 724, 730, 733, 750, 767, 768, 772, 773, 779, 783, 785, 787, 790, 792, 798, 802, 812, 813, 815, 820, 827, 830, 833, 835, 842, 844, 847–849, 861, 864, 866, 870, 876, 888, 890, 895; 2, т. 2, с. 7, 12, 18, 20, 27, 31, 34, 36, 37, 39, 41, 45, 48, 55, 56, 62, 76, 86, 96, 98, 101, 119, 124, 133, 137, 142, 155, 156, 157, 159, 161, 162, 168, 170, 175, 196, 204, 208, 211, 223, 237, 246, 252, 253, 261, 266, 271, 274, 279, 280, 299, 312, 322, 327, 329–331, 339, 341, 345, 346, 348–350, 362–364, 366, 367, 372, 377, 379, 383, 384, 395, 398, 403, 408, 410, 418, 435, 439, 446, 453, 463, 468, 472, 476, 481, 485, 495, 503, 505, 513, 515, 519, 526, 531, 532, 539, 541, 547, 558, 561, 567, 585, 586, 588, 591, 594, 597, 599, 604, 609–611, 617, 620, 624, 630, 634, 639, 642, 645, 658, 665, 674, 676, 681, 691, 694, 698, 715, 727, 729, 738, 758, 768, 778, 782, 784, 786, 802, 808, 811, 819, 823, 829, 830, 840; 3, с. 21, 22, 236; 5–41]; * – включая награждение двух иностранных граждан. В дальнейшей типологизации награждения по специальностям и категориям военнослужащих не учитываются.

Продолжение таблицы

Continuation of Table

Категория награжденных	Вооруженный конфликт					
	Война в Испании	Война в Китае	Бои на озере Хасан	Бои на реке Халхин-Гол	Советско-финляндская война	Всего
По составу						
Командный состав	57	14	17	68	313	469
Политический состав	–	–	4	5	39	48
Медицинский состав	–	–	1	–	1	2
Технический состав	–	–	–	–	3	3
Красноармейцы (Краснофлотцы)	–	–	4	–	61	65
Итого	57	14	26	73	417	587
По группам (для командного, начальствующего, младшего командного и начальствующего состава)						
Младший состав	10	1	9	14	78	112
Средний состав	20	–	9	23	174	226
Старший состав	22	13	4	32	93	164
Высший состав	5	–	–	4	11	20
Итого	57	14	22	73	356	522
По званиям						
РККА и ВВС						
Красноармейцы	–	–	4	–	55	59
Отделенный командир	–	–	–	7	20	27
Зам. командира взвода	10	1	6	6	43	66
Старшина	–	–	–	1	8	9
Младший лейтенант	–	–	–	3	34	37
Лейтенант	11	–	2	5	55	73
Старший лейтенант	9	–	2	15	49	75
Капитан	7	3	2	12	38	62
Майор	6	5	–	12	14	37
Полковник	7	5	–	3	12	27
Комбриг	2	–	–	1	4	7
Комдив	1	–	–	–	3	4
Комкор	2	–	–	2	1	5
Командарм 2-го ранга	–	–	–	1	1	2
Командарм 1-го ранга	–	–	–	–	2	2
Итого	55	14	16	68	339	492
ВМФ						
Краснофлотец	–	–	–	–	2	2
Старшина	–	–	–	–	1	1
Лейтенант	–	–	–	–	4	4
Старший лейтенант	–	–	–	–	4	4
Капитан	–	–	–	–	4	4
Капитан-лейтенант	–	–	–	–	2	2
Майор	–	–	–	–	4	4
Капитан 3-го ранга	1	–	–	–	1	2
Капитан 2-го ранга	1	–	–	–	–	1
Итого	2	–	–	–	22	24
Пограничные войска НКВД						
Красноармеец	–	–	–	–	4	4
Отделенный командир	–	–	2	–	–	2
Младший лейтенант	–	–	–	–	1	1
Лейтенант	–	–	3	–	2	5
Старший лейтенант	–	–	–	–	2	2
Капитан	–	–	–	–	1	1
Итого	–	–	5	–	10	15

Окончание таблицы

End of Table

Категория награжденных	Вооруженный конфликт					
	Война в Испании	Война в Китае	Бои на озере Хасан	Бои на реке Халхин-Гол	Советско-финляндская война	Всего
Политический состав (НКО, НКВМФ, НКВД)						
Заместитель политрука	–	–	1	–	6	7
Младший политрук	–	–	1	–	7	8
Политрук	–	–	1	–	9	10
Старший политрук	–	–	1	3	9	13
Батальонный комиссар	–	–	–	2	8	10
Итого	–	–	4	5	39	48
Технический состав (РККА)						
Младший воентехник	–	–	–	–	1	–
Воентехник 2-го ранга	–	–	–	–	1	–
Воентехник 1-го ранга	–	–	–	–	1	–
Итого	–	–	–	–	3	–
Медики (РККА)						
Военфельдшер	–	–	1	–	1	2

Больше всего награждений осуществлено в 1940 г. – 418 (70,9 %). Это объясняется большим количеством военнослужащих, входящих в состав группировки силовых структур, привлекаемой к ведению войны с Финляндией и высокой интенсивностью боевых действий.

Наибольшее количество награждений произведено в период Советско-финляндской войны – 417 (70,8 %). По результатам боев на реке Халхин-Гол осуществлено 73 (12,4 %) награждения, за отличия в гражданской войне в Испании – 59 (10 %) чел., за бои на озере Хасан Героями стали 26 (4,4 %) чел. и в Китае – 14 (2,4 %) человек. Итог количества награждений явился следствием масштабности, скоротечности и привлеченного количества военнослужащих к ведению конфликтов.

По народным комиссариатам награжденные распределились следующим образом: обороны (РККА) – 546 (93 %) награждений (с учетом двух награждений подводников в Испании, когда Военно-морские силы входили в состав РККА); ВМФ – 23 (3,9 %) и внутренних дел – 18 (3,1 %). Это связано с местностью, где происходили вооруженные конфликты, что влияло на состав привлекаемых сил и средств. Так, приграничные конфликты с Японией происходили исключительно на суше (ВМФ не применялся), а в войне Китая и Японии участвовали только летчики.

Соотношение награждений в РККА следующее: Сухопутных войск – 405 (74,3 %); ВВС – 139 (25,7 %). В свою очередь, в Сухопутных войсках $^{2}/_{3}$ награждений пришлось на три основообразующие военные специальности любых Вооруженных сил: стрелки – 124 (31 %), танкисты – 123 (30,6 %) и артиллеристы – 59 (14,6 %) награждений.

Военнослужащие по составу распределились следующим образом: командный состав – 357 (61 %) награждений (из них РККА – 330 (92,2 %), ВМФ – 19 (5,3 %) и Погранвойска НКВД – 9 (2,5 %)); начальствующий состав – 53 (9 %) чел., в том числе военно-политический состав – 48 (90,6 %) чел. (из них РККА – 44 (92,2 %), ВМФ – 1 (1,7 %) и Погранвойска НКВД – 3 (6,1 %)); военно-технический – 3 (5,6 %) чел. и военно-медицинский – 2 (3,8 %); младший командный и начальствующий состав – 112 (19 %) чел. (из них РККА – 108 (97,3 %), ВМФ – 1 (0,9 %) и Погранвойска НКВД – 2 (1,8 %)) и рядовой состав – 65 (11 %) (из них РККА – 59 (91 %), ВМФ – 2 (3 %) и Погранвойска НКВД – 4 (6 %)) человек.

По категориям командные и начальствующие звания распределились следующим образом: младший состав – 112 (21,6 %) чел. (из них РККА – 107 (95,5 %), ВМФ – 1 (0,9 %) и Погранвойска НКВД – 4 (3,6 %)); средний – 226 (43,3 %) чел. (из них РККА – 201 (90 %); ВМФ – 12 (5,3 %) и Погранвойска НКВД – 13 (5,7 %)); старший – 164 (31,4 %) чел. (из них РККА – 152 (92,8 %), ВМФ – 10 (6 %) и По-

гранвойска НКВД – 2 (1,2 %)); высший – 20 (3,8 %) чел. (все РККА).

В Сухопутных войсках наибольшее количество званий получили военнослужащие младшего офицерского состава: «лейтенант» – 73 (14,8 %) и «старший лейтенант» – 75 (15,2 %), всего 148 (30 %) награждений. Персональные воинские звания соответствовали штатным должностям командир взвода (звена в ВВС) и командир роты (эскадрильи в ВВС). Следовательно, чаще всего награждали непосредственно управлявших красноармейцами на поле боя. Также обращают на себя внимание 59 Героев-красноармейцев в составе РККА, всего 2 – из береговой артиллерии ВМФ и ни одного из ВВС. По мнению автора, это является следствием специфики действий ВВС и ВМФ, где военнослужащие, как правило, действовали в составе коллектива (экипажа корабля, самолета и пр.). Успех достигался совместными усилиями всего экипажа и чаще всего звание Героя получал командир. Для ведения индивидуальных действий допускался специалист, прошедший длительное обучение и имеющий соответствующее звание (скажем, морской летчик). Рядовой состав РККА, ведущий бой на суше, имел определенную вариативность индивидуальных действий при звании «красноармеец».

Впоследствии двое из числа удостоенных званием Героя в предвоенных конфликтах (Советско-финляндской войне) были лишены этого высокого звания. Старший лейтенант Н.Н. Магдик, командир артиллерийского дивизиона 101-го гаубичного артиллерийского полка, лишен звания 20 мая 1941 г. за пьяный дебош. Младший командир Б.Р. Антилевский за участие в Русской освободительной армии генерала А.А. Власова в 1946 г. осужден к высшей мере наказания – расстрелу, а 12 июля 1950 г. лишен звания Герой Советского Союза [3, с. 17–22, 236].

Выводы. Количество задействованных военнослужащих в предвоенных конфликтах и их мужество в бою привели к массовым награждениям всем наградным арсеналом СССР. Исследование показывает, что отличие званием Героя Советского Союза было редким и значимым событием, скажем, в Советской-финляндской войне отличие званием Героя было применено лишь в 0,86 % от общего количества награждений (48 497 награждений орденами и медалями), а по итогам боев на реке Халхин-Гол – 0,4 % [11]. Это объясняется, во-первых, высоким статусом звания Героя Советского Союза как высшей награды СССР за боевые подвиги. Во-вторых, высокими наградными требованиями награждающих органов применительно к отличившимся в ходе вооруженных конфликтов. Наградная практика свидетельствует об отсутствии дискриминационной политики по занимаемой должности и званию в отношении награждаемых.

Таким образом, проведенное исследование в теоретическом аспекте уточнило категоризацию награждения, в практическом аспекте – типологизировало награждения по силовым структурам. Полученные результаты применимы для более детального анализа статистических данных о награждении военнослужащих и сотрудников НКВД в изучаемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В. П., Ефимов Н. В. Герои Советского Союза: справочник. СПб.: Аграф+, 2010. 638 с.

2. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь: в 2 т. / пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1987–1988. Т. 1: Абаев – Любичев. 1987. 911 с.; Т. 2: Любов – Ящук. 1988. 863 с.

3. Конев В. Н. Прокляты и забыты. Отверженные Герои СССР. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 480 с.

4. Постановление ЦИК СССР от 31 декабря 1936 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза летчикам и танкистам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1937. № 1 (6967). С. 1.

5. Постановление ЦИК СССР от 21 июня 1937 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1937. № 170 (7136). С. 1.

6. Постановление ЦИК СССР от 27 июня 1937 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1937. № 177 (7143). С. 1.

7. Постановление ЦИК СССР от 4 июля 1937 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1937. № 183 (7149). С. 1.

8. Постановление ЦИК СССР от 22 октября 1937 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1937. № 293 (7259). С. 4.

9. Постановление ЦИК СССР от 28 октября 1937 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1937. № 299 (7265). С. 4.

10. Постановление ЦИК СССР от 3 ноября 1937 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1937. № 305 (7271). С. 1.

11. Сведения о количестве награжденных орденами и медалями СССР по состоянию на 15.09.1940 г. // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 42436сс. Д. 70. Л. 2.

12. Указ ПВС СССР от 14 февраля 1938 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1938. № 45 (7370). С. 1.

13. Указ ПВС СССР от 2 марта 1938 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1938. № 61 (7386). С. 2.

14. Указ ПВС СССР от 14 марта 1938 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1938. № 73 (7398). С. 1.

15. Указ ПВС СССР от 7 июня 1938 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1938. № 156 (7480). С. 1.

16. Указ ПВС СССР от 25 октября 1938 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам, политработникам, врачам и красноармейцам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1938. № 296 (7621). С. 1.

17. Указ ПВС СССР от 14 ноября 1938 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1938. № 315 (7640). С. 1.

18. Указ ПВС СССР от 22 февраля 1939 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Красная звезда. 1939. № 44 (4194). С. 1.

19. Указ ПВС СССР от 29 августа 1939 г. «О награждении Героев Советского Союза майора Грицевец С.И. и майора Кравченко Г.П. второй медалью “Герой Советского Союза”» // Красная звезда. 1939. № 198 (4348). С. 1.

20. Указ ПВС СССР от 29 августа 1939 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии» // Красная звезда. 1939. № 198 (4348). С. 1.

21. Указ ПВС СССР от 17 ноября 1939 г. «О награждении Героя Советского Союза комкора Смушкевича Якова Владимировича второй медалью “Золотая Звезда”» // Красная звезда. 1939. № 264 (4414). С. 1.

22. Указ ПВС СССР от 17 ноября 1939 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу Рабоче-крестьянской Красной армии» // Красная звезда. 1939. № 264 (4414). С. 1.

23. Указ ПВС СССР от 15 января 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза красноармейцам и начальствующему составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 13 (4462). С. 1.

24. Указ ПВС СССР от 19 января 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза капитану Саранчеву Н.Г.» // Красная звезда. 1940. № 19 (4468). С. 1.

25. Указ ПВС СССР от 26 января 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза батальонному комиссару Балаханову Д.А. и красноармейцу Койда А.Г.» // Красная звезда. 1940. № 21 (4470). С. 1.

26. Указ ПВС СССР от 26 января 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 21 (4470). С. 1.

27. Указ ПВС СССР от 26 января 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза красноармейцу Русину Никите Ивановичу» // Красная звезда. 1940. № 21 (4470). С. 1.

28. Указ ПВС СССР от 5 февраля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 30 (4479). С. 1.

29. Указ ПВС СССР от 7 февраля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза младшему командиру Белогурову А.И., лейтенанту Пинчук Г.С. и старшему лейтенанту Харламову В.М.» // Красная звезда. 1940. № 31 (4480). С. 1.

30. Указ ПВС СССР от 7 февраля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза капитан-лейтенанту Вершинину Ф.Г.» // Красная звезда. 1940. № 31 (4480). С. 1.

31. Указ ПВС СССР от 7 февраля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза старшему лейтенанту Борисову И.Д., капитану Крохалеву А.И. и капитану Ракову В.И.» // Красная звезда. 1940. № 31 (4480). С. 1.

32. Указ ПВС СССР от 7 февраля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза капитан-лейтенанту Трипольскому А.В.» // Красная звезда. 1940. № 31 (4480). С. 1.

33. Указ ПВС СССР от 21 марта 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 67 (4516). С. 1.

34. Указ ПВС СССР от 7 апреля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 81 (4530). С. 1.

35. Указ ПВС СССР от 11 апреля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 85 (4534). С. 1.

36. Указ ПВС СССР от 21 апреля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу и краснофлотцам Военно-морского флота» // Красная звезда. 1940. № 93 (4542). С. 1.

37. Указ ПВС СССР от 26 апреля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Пограничных войск НКВД» // Красная звезда. 1940. № 97 (4546). С. 1.

38. Указ ПВС СССР от 7 мая 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 104 (4553). С. 2.

39. Указ ПВС СССР от 19 мая 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 114 (4563). С. 1.

40. Указ ПВС СССР от 20 мая 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза красноармейцам и начальствующему составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 115 (4564). С. 1.

41. Указ ПВС СССР от 21 мая 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза красноармейцам и начальствующему составу Красной армии» // Красная звезда. 1940. № 116 (4565). С. 1.

REFERENCES

1. Vorobyov V.P., Efimov N.V. *Geroi Sovetskogo Soyuza: slovar* [Heroes of the Soviet Union. Dictionary]. Saint Petersburg, Agraf+ Publ., 2010. 638 p.

2. *Geroi Sovetskogo Soyuza: kratkij biograficheskij slovar: v 2 t.* [Heroes of the Soviet Union. Short Biographical Dictionary. In 2 Vols]. Moscow, Voyenizdat, 1987-1988, vol. 1, 1987. 911 p.; vol. 2, 1988. 863 p.

3. Konev V.N. *Proklyaty i zabyty. Otverzhennye Geroi SSSR* [Damned and Forgotten. Rejected Heroes of the USSR]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2010. 480 p.

4. Postanovlenie CIK SSSR ot 31 dekabrya 1936 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza lyotchikam i tankistam Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of December 31, 1936 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Pilots and Tankers of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1937, no. 1 (6967), p. 1.

5. Postanovlenie CIK SSSR ot 21 iyunya 1937 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of June 21, 1937 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1937, no. 170 (7136), p. 1.

6. Postanovlenie CIK SSSR ot 27 iyunya 1937 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of June 27, 1937 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1937, no. 177 (7143), p. 1.

7. Postanovlenie CIK SSSR ot 4 iyulya 1937 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of July 4, 1937 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1937, no. 183 (7149), p. 1.

8. Postanovlenie CIK SSSR ot 22 oktyabrya 1937 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krest'yanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of October 22, 1937 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1937, no. 293 (7259), p. 4.

9. Postanovlenie CIK SSSR ot 28 oktyabrya 1937 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krest'yanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of October 28, 1937 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1937, no. 299 (7265), p. 1.

10. Postanovlenie CIK SSSR ot 3 noyabrya 1937 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of November 3, 1937 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1937, no. 305 (7271), p. 1.

11. Svedeniya o kolichestve nagrazhdennyh ordenami i medalyami SSSR po sostoyaniyu na 15.09.1940 g. [Information on the Number of Those Awarded Orders and Medals of the USSR as of 15.09.1940]. *Centralnyj arhiv ministerstva oborony* [Defence Ministry Central Archive], f. 33, inv. 42436cc, d. 70, l. 2.

12. Ukaz PVS SSSR ot 14 fevralya 1938 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of February 14, 1938 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1938, no. 45 (7370), p. 1.

13. Ukaz PVS SSSR ot 2 marta 1938 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza

komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of March 2, 1938 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1938, no. 61 (7386), p. 2.

14. Ukaz PVS SSSR ot 14 marta 1938 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of March 14, 1938 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1938, no. 73 (7398), p. 1.

15. Ukaz PVS SSSR ot 7 iyunya 1938 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krest'yanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of June 7, 1938 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1938, no. 156 (7480), p. 1.

16. Ukaz PVS SSSR ot 25 oktyabrya 1938 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram, politrabotnikam, vracham i krasnoarmejcam Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of October 25, 1938 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Commanders, Political Officers, Doctors and Red Army Soldiers of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1938, no. 296 (7621), p. 1.

17. Ukaz PVS SSSR ot 14 noyabrya 1938 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of October 14, 1938 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Pravda*, 1938, no. 315 (7640), p. 1.

18. Ukaz PVS SSSR ot 22 fevralya 1939 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of February 22, 1939 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1939, no. 44 (4194), p. 1.

19. Ukaz PVS SSSR ot 29 avgusta 1939 g. «O nagrazhdenii Geroev Sovetskogo Soyuza majora Gricevec S.I. i majora Kravchenko G.P. vtoroj medalyu "Geroj Sovetskogo Soyuza"» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of October 29, 1939 "On Awarding Heroes of the Soviet Union Major Gritsevets S.I. and Major Kravchenko G.P. with the Second Medal 'Hero of the Soviet Union' "]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1939, no. 198 (4348), p. 1.

20. Ukaz PVS SSSR ot 29 avgusta 1939 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza komandiram Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of October 29, 1939 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanders of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1939, no. 198 (4348), p. 1.

21. Ukaz PVS SSSR ot 17 noyabrya 1939 g. «O nagrazhdenii Geroya Sovetskogo Soyuza komkora Smushkevicha Yakova Vladimirovicha vtoroj medal'yu "Zolotaya Zvezda"» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of November 17, 1939 "On Awarding Hero of the Soviet Union Komkor Smushkevich Yakov Vladimirovich with the Second Gold Star Medal"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1939, no. 264 (4414), p. 1.

22. Ukaz PVS SSSR ot 17 noyabrya 1939 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu sostavu Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of November 17, 1939 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding Officer of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1939, no. 264 (4414), p. 1.

23. Ukaz PVS SSSR ot 15 yanvarya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza krasnoarmejcam i nachalstvuyushchemu sostavu Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of January 15, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Red Army Soldiers and Commanding Officer of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 13 (4462), p. 1.

24. Ukaz PVS SSSR ot 19 yanvarya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza kapitanu Saranchevu N.G.» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of January 19, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Captain N.G. Saranchev"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 19 (4468), p. 1.

25. Ukaz PVS SSSR ot 26 yanvarya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza batalyonnomu komissaru Balahanovu D.A. i krasnoarmejcu Kojda A.G.» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of January 26, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Battalion Commissar Balakhanov D.A. and the Red Army Soldier Koyd A.G."]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 21 (4470), p. 1.

26. Ukaz PVS SSSR ot 26 yanvarya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu sostavu Raboche-krestyanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of January 26, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding

Officer of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 21 (4470), p. 1.

27. Ukaz PVS SSSR ot 26 yanvarya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza krasnoarmejcu Rusinu Nikite Ivanovichu» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of January 26, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Red Army Soldier Rusin Nikita Ivanovich"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 21 (4470), p. 1.

28. Ukaz PVS SSSR ot 5 fevralya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachal'stvuyushchemu sostavu Raboche-krest'yanskoj Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of February 5, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding Officer of the Workers' and Peasants' Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 30 (4479), p. 1.

29. Ukaz PVS SSSR ot 7 fevralya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza mladshemu komandiru Belogurovu A.I., lejtenantu Pinchuk G.S. i starshemu lejtenantu Harlamovu V.M.» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of February 7, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Junior Commander A.I. Belogurov, Lieutenant G.S. Pinchuk and Senior Lieutenant V.M. Kharlamov"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 31 (4480), p. 1.

30. Ukaz PVS SSSR ot 7 fevralya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza kapitan-lejtenantu Vershininu F.G.» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of February 7, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Captain-Lieutenant Vershinin F.G."]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 31 (4480), p. 1.

31. Ukaz PVS SSSR ot 7 fevralya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza starshemu lejtenantu Borisovu I.D., kapitanu Krohalevu A.I. i kapitanu Rakovu V.I.» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of February 7, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Senior Lieutenant Borisov I.D., Captain Krokhalev A.I. and Captain Rakov V.I."]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 31 (4480), p. 1.

32. Ukaz PVS SSSR ot 7 fevralya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza kapitan-lejtenantu Tripolskomu A.V.» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of February 7, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to Captain-Lieutenant Tripolsky A.V."]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 31 (4480), p. 1.

33. Ukaz PVS SSSR ot 21 marta 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu i ryadovomu sostavu Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of March 21, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 67 (4516), p. 1.

34. Ukaz PVS SSSR ot 7 aprelya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu i ryadovomu sostavu Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of April 7, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 81 (4530), p. 1.

35. Ukaz PVS SSSR ot 11 aprelya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu i ryadovomu sostavu Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of April 11, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 85 (4534), p. 1.

36. Ukaz PVS SSSR ot 21 aprelya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu so-stavu i krasnoflotcam Voenno-morskogo flota» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of April 21, 1940 "On Conferring the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding Staff and the Red Navy Men"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 93 (4542), p. 1.

37. Ukaz PVS SSSR ot 26 aprelya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachal'stvuyushchemu i ryadovomu sostavu Pogranichnyh vojsk NKVD» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of April 26 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the NKVD Border Troops"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 97 (4546), p. 1.

38. Ukaz PVS SSSR ot 7 maya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu i ryadovomu sostavu Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of May 7, 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 104 (4553), p. 2.

39. Ukaz PVS SSSR ot 19 maya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachal'stvuyushchemu i ryadovomu sostavu Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of May 19 1940 "On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the Red Army"]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 114 (4563), p. 1.

40. Ukaz PVS SSSR ot 20 maya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu i ryadovomu sostavu Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet

of May 20, 1940 “On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the Red Army”]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 115 (4564), p. 1.

41. Ukaz PVS SSSR ot 21 maya 1940 g. «O prisvoenii zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza nachalstvuyushchemu i ryadovomu sostavu Krasnoj armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of May 21, 1940 “On the Assignment of the Title of Hero of the Soviet Union to the Commanding and Military Personnel of the Red Army”]. *Krasnaya zvezda* [Red Star], 1940, no. 116 (4565), p. 1.

Information About the Author

Dmitry V. Shunyakov, Candidate of Sciences (History), Professor, Military Training Center, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, konigsberg039@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2649-4179

Информация об авторе

Дмитрий Викторович Шуняков, кандидат исторических наук, профессор военного учебного центра, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, konigsberg039@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2649-4179

www.volsu.ru

СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЭКОНОМИКА, ТРАНСПОРТ, ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.5

UDC 94(470:55+45)(574)"1941/1945"
LBC 63.3(2)6

Submitted: 08.12.2022
Accepted: 10.01.2023

SOCIAL INFRASTRUCTURE OF AN ENTERPRISE AS THE MAIN FACTOR OF WORKERS' LIFE SUPPORT DURING THE WAR YEARS (1941–1945) [1]

Marina N. Potemkina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Roza S. Zharkynbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Evgeniya V. Anufrieva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The functioning of the social infrastructure of industrial enterprises of the Soviet rear is of research interest to understand the sources of the victory of the USSR in the Great Patriotic War. *Methods and Materials.* The source base of the study is represented by documents from the central and local archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, most of which are introduced into scientific circulation for the first time. In the course of the study, a modernization methodological approach was applied, historical-comparative and historical-genetic research methods were used. *Analysis.* The article deals with management mechanisms and characterizes the objects of social infrastructure of industrial enterprises of the military complex of the USSR with the example of defense enterprises of such front and rear regions as Stalingrad, Chelyabinsk region and Kazakhstan with regard to the period 1941–1945. The difficulties of functioning of working hostels, health centers, nurseries, canteens, subsidiary farms, caused by extreme conditions of wartime and a general lack of material and financial resources, are shown. *Results.* During the analysis, it was possible to establish regional differences in the activities of social infrastructure facilities, violations of the principle of social justice and unsatisfactory quality of social services provided were noted. Using the example of three regions of the USSR, the conclusion is made about the importance of social policy at industrial enterprises for improving production discipline and the survival of workers. *Authors' contribution.* M.N. Potemkina analyzed the documents of the Joint State Archive of the Chelyabinsk region, developed the methodological foundations of the study, formulated the main results; R.S. Zharkynbayeva analyzed archival sources from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, which allowed to determine the regional features of the social infrastructure of industrial enterprises. E.V. Anufrieva participated in identifying documents from the archives of the Volgograd region and writing the final text.

Key words: Great Patriotic War, economic history of the USSR, industrial enterprises, social infrastructure of the enterprise, social policy.

© Потемкина М.Н., Жаркынбаева Р.С., Ануфриева Е.В., 2023

Citation. Potemkina M.N., Zharkynbayeva R.S., Anufrieva E.V. Social Infrastructure of the Enterprise as the Main Factor of Workers' Life Support During the War Years (1941–1945). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 53-64. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.5

УДК 94(470:55+45)(574)"1941/1945"
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 08.12.2022
Дата принятия статьи: 10.01.2023

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОЧИХ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1945 гг.) [1]

Марина Николаевна Потемкина

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Роза Сейдалиевна Жаркынбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Евгения Владимировна Ануфриева

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. В рамках изучения источников, обеспечивших победу СССР в Великой Отечественной войне, интерес представляет функционирование социальной инфраструктуры промышленных предприятий советского тыла. *Методы и материалы.* Источниковая база работы – документы центральных и местных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан, в большинстве своем вводимые в научный оборот впервые. В ходе исследования применен модернизационный методологический подход, использованы историко-сравнительный и историко-генетический методы. *Анализ.* В статье, применительно к периоду 1941–1945 гг., рассмотрены управленческие механизмы и охарактеризованы объекты социальной инфраструктуры промышленных предприятий оборонного комплекса СССР на примере оборонных предприятий таких прифронтовых и тыловых регионов, как Сталинград, Челябинская область, Казахстан. Показаны трудности функционирования рабочих общежитий, здравпунктов, детских яслей, столовых, подсобных хозяйств, вызванные экстремальными условиями военного времени и общим дефицитом материальных и финансовых ресурсов. *Результаты.* В ходе анализа удалось установить региональные различия деятельности объектов социальной инфраструктуры, отмечены нарушения принципа социальной справедливости и неудовлетворительное качество предоставляемых социальных услуг. На примере трех регионов СССР сделан вывод о важном значении социальной политики на промышленных предприятиях для повышения производственной дисциплины и выживания работников. *Вклад авторов*. М.Н. Потемкина проанализировала документы Объединенного государственного архива Челябинской области, разработала методологические основы исследования, сформулировала основные результаты; Р.С. Жаркынбаева осуществила анализ архивных источников из Архива Президента Республики Казахстан, что позволило определить региональные особенности социальной инфраструктуры промышленных предприятий. Е.В. Ануфриева участвовала в выявлении документов из архивов Волгоградской области и написании окончательного текста.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, экономическая история СССР, промышленные предприятия, социальная инфраструктура предприятия, социальная политика.

Цитирование. Потемкина М. Н., Жаркынбаева Р. С., Ануфриева Е. В. Социальная инфраструктура предприятия как главный фактор жизнеобеспечения рабочих в военные годы (1941–1945 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 53–64. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.5

Введение. Изучение исторического опыта становления социальной инфраструктуры предприятия представляет несомненный исследовательский интерес. В экстремальных условиях Великой Отечественной войны, когда из-за дефицита ресурсов люди были поставлены на грань выживания, социальная ответственность предприятия за жизнь и жизнеобеспечение членов трудового коллектива и членов их семей проявлялась наиболее рельефно.

Историография. Подходы к исследованию уровня жизни рабочего класса сформировались в советской историографии [1; 18]. В современной российской науке в достаточной мере изучена тематика социальной политики государства в годы Великой Отечественной войны [15; 17; 26], ряд научных публикаций посвящен материально-бытовому положению населения в военный период [11; 40]. Тема функционирования социальной инфраструктуры затрагивается в исследованиях по истории отдельных предприятий, таких как завод «Серп и молот», Московский электромеханический завод (электрокомбинат) [8; 16]. Развернутую характеристику источниковой базы и методологических подходов к изучению социальной инфраструктуры предприятий в 1930-е гг. продемонстрировал Л.А. Фадеев [45], механизм формирования фонда директора предприятия проследил А.В. Сметанин [39].

Зарубежные исследователи уделяют внимание функционированию сталинской экономической модели в целом, проводя параллели с положением рабочих на предприятиях в западных странах [46]. Характеризуя взаимоотношения работника с предприятием, К.М. Строс использует применительно к советскому предприятию термин «фабрика-община» и делает вывод о том, что она «выполняла обещание социализма обеспечить всех граждан (по крайней мере, горожан) системой социальной защиты и минимальным уровнем благосостояния» [47]. Использование дефицита как политического инструмента в советской экономической модели показывает Ж. Сапир [37]. Анализ казахстанской историографии также убеждает в том, что тема социальной роли промышленного предприятия остается «белой лакуной» среди исследований о Великой Отечественной войне [29].

Цели исследования: охарактеризовать влияние войны на социальную инфраструктуру промышленных предприятий оборонного комплекса СССР на примере оборонных предприятий таких прифронтовых и тыловых регионов, как Сталинград, Челябинская область и Казахстан.

Источниковедческую основу исследования, наряду с фондами центральных архивов Российской Федерации (Государственный архив РФ, Российский государственный архив экономики) и архивов республики Казахстан (Архив Президента Республики Казахстан), составили документы, извлеченные из региональных архивов Челябинской (Объединенный государственный архив Челябинской области) и Волгоградской (Государственный архив Волгоградской области, Центр документации новейшей истории Волгоградской области) областей.

К социальной сфере советских предприятий относилось обеспечение различных социальных гарантий, снабжение и питание рабочих, их жилищные условия, охрана труда и здоровья, организация досуга и т. д.

Для обозначения социальной функции промышленного предприятия в советский период, как правило, использовалось выражение «забота о материально-бытовых нуждах трудящихся» [6, с. 67]. В современных исследованиях отсутствует четкая общепринятая терминология применительно к социальной роли советского предприятия. Мы будем использовать термин «социальная инфраструктура предприятия» в следующей трактовке – комплекс объектов, обеспечивающий функционирование жизнедеятельности его работников. В качестве методологической основы используются теоретические установки модернизационного подхода. Последний позволит рассматривать переход к современной повседневности через призму развития социальной инфраструктуры промышленных предприятий как одного из компонентов экономического развития Советского Союза.

Становление и особенности социальной инфраструктуры промышленных предприятий. Социальная инфраструктура предприятий сформировалась в 1930-е гг. и стала важным механизмом управления рабочими кадрами. В экстремальных условиях

военного времени не произошло ее принципиальной перестройки, но акценты были смещены. На первый план выдвинулось решение таких задач, как: преодоление дефицита кадров в условиях военной мобилизации, обеспечение выживания работников, поддержание их трудоспособного состояния.

Характерной чертой мобилизационной экономики была централизованная система распределения ресурсов. Но в регионах ответственность за распоряжение социальной помощью возлагалась на местные органы власти, профсоюзы и руководство предприятий. Ведущую роль в промышленных центрах играли градообразующие предприятия.

Следует отметить, что к началу 1940-х гг. крупные советские предприятия имели на балансе широкую сеть социальных учреждений (жилые дома и общежития, предприятия питания, детские сады, базы отдыха взрослых и школьников, дома отдыха и санатории, медицинские учреждения и т. д.). С началом войны социальные возможности предприятий сузились в силу воздействия нескольких факторов: целый ряд объектов социальной инфраструктуры был реквизирован у предприятий для обеспечения обороны страны; сократилось финансирование, в частности были упразднены директорские фонды. В то же время необходимость в социальной помощи работникам предприятий увеличилась из-за ухудшения материально-бытового положения рабочих в целом, а прибывших по эвакуации в особенности.

Для работников промышленных предприятий централизованное снабжение продовольствием, товарами широкого потребления, обеспечение жильем, медицинское обслуживание играли большую роль в годы войны, поскольку из-за увеличения продолжительности трудового дня времени на организацию своего жизнеобеспечения практически не оставалось.

Состояние социальной инфраструктуры также зависело от региональных особенностей: так, если на Урале оборонный комплекс доминировал в структуре промышленности и в довоеннный период, промышленные предприятия часто были градообразующими, то к началу 1940-х гг. они уже имели развитую сеть социальных объектов. В сложном положении оказались заводы, прибывшие в эвакуацию и размещенные на новых строительных площадках [41, л. 99]. В промышленных центрах, оказавшихся в годы войны в зоне боевых действий, например в Сталинграде, промышленная и социальная инфраструктура предприятий подверглась значительным разрушениям и ее необходимо было восстанавливать. Существенно отличалась ситуация в Казахстане, поскольку оборонная промышленность республики начала создаваться только в годы войны на базе эвакуированных предприятий. Социальную инфраструктуру пришлось выстраивать параллельно с промышленной буквально «с нуля».

Основными объектами социальной инфраструктуры практически каждого крупного оборонного предприятия были: столовые и подсобные хозяйства, ведомственное жилье (большей частью это были общежития), мастерские или цеха по производству ширпотреба, медицинские учреждения (здравпункты, больницы), детские сады. Значительная часть баз отдыха, санаториев и детских лагерей в начале Великой Отечественной войны была передана под объекты оборонного назначения (для дислокации военных частей, под госпитали и др.).

Объекты жилищного назначения. Существенной частью социальной инфраструктуры промышленных предприятий были жилищно-коммунальные объекты. В годы Великой Отечественной войны именно предприятия сосредоточили в своих руках практически все жилищно-коммунальные вопросы [42, л. 1 об].

Следует отметить, что средняя обеспеченность жилой площадью в 1940 г. по стране в расчете на одного городского жителя составляла 6,5 кв. м [19, с. 9], в промышленных регионах эта цифра была еще ниже. Постоянного и затратного ремонта требовало существующее жилье, особенно жилые строения барачного типа, возведенные в годы первых пятилеток. Ситуация с жильем в городах советского тыла ухудшилась в связи с прибытием тысяч эвакуированных, а также трудмобилизованных, большинство из которых проживало в общежитиях. Вследствие перенаселения и недостаточного финансирования состояние заводского жилья повсеместно ста-

ло неудовлетворительным. Главной задачей было предоставление работникам предприятия «крыши над головой», на обеспечение качества жилья элементарно не оставалось ресурсов [10]. Улучшение положения наблюдается после 1943 года. На крупных предприятиях были организованы мастерские и даже целые цеха по изготовлению бытового инвентаря: тумбочек, табуреток, столов, кадок, чайников, умывальников, ведер, тазов, утюгов и др.

Особенно тяжелое положение с жильем сложилось в Сталинграде, поскольку через город проходила линия фронта и несколько месяцев шли тяжелые бои, вследствие чего вся инфраструктура была разрушена. Руководство завода № 221 «Баррикады» использовало для жилья своим работникам воинские блиндажи, подвалы, частично сохранившиеся каменные здания с железобетонными перекрытиями. «С наступлением же лета 1943 года основным жилым фондом стали палатки. В них было размещено до 2000 рабочих завода и строителей...» [25, л. 18]. К концу апреля 1943 г. на Сталинградском тракторном заводе «вошли в строй 46 комнат, 4 общежития, приспособлено под жилье 49 комнат, открылись две столовые, 4 магазина, ларек, две бани, амбулатория, стационар, изолятор, аптека, детские ясли, две школы» [43, л. 66–67]. Обустройством жилья также занималась администрация и завком завода: организовали изготовление собственными силами для оборудования общежитий тумбочки, табуретки, столы, бачки для воды, чайники, кружки, вели переговоры через Наркомат танковой промышленности о выделении не менее 10 тыс. комплектов принадлежностей (одеяла, простыни, матрацы, наволочки, полотенца) [31, л. 168]. На Сталинградском танковом заводе в восстановленных домах делались надписи с именами и номером добровольческой бригады, силами которой восстанавливался дом [31, л. 171]. На заводе «Красный Октябрь» для стимулирования и поощрения скоростного строительства бараков для вновь прибывающих рабочих на заводе был объявлен конкурс среди цехов. Итоги конкурса подвели в октябре 1943 г., победивший цех получил премию в 5 000 рублей [32, л. 16]. В целом к январю 1945 г. на балансах предприятий г. Сталинграда содержалась определенная социальная инфраструктура. Объем ведомственного жилья завода «Красный Октябрь» составлял 21 982 кв. м. [3, л. 47 об. – 48, 62].

Объекты санитарно-медицинского назначения. На балансах предприятий содержались службы, поддерживавшие санитарно-гигиеническое состояние и предоставление медицинской помощи работникам. Приказ Наркомздрава СССР от 29 июня 1940 г. вменял в обязанность предприятий создание закрытой ведомственной сети здравоохранения с подчинением поликлиники, больницы, яслей, молочной кухни, центрального и цеховых здравпунктов – медсанчасти завода. Однако на большинстве предприятий это решение не было выполнено из-за начавшейся войны. После коренного перелома на фронтах Великой Отечественной, с одной стороны, истощения рабочей силы в тыловых регионах страны – с другой, возникла острая необходимость усиления медико-санитарной работы на предприятиях. Это понимало и местное руководство. В 1943 г. на Челябинском Кировском заводе работало 12 цеховых здравпунктов и 9 дезокамер, решениями облисполкома и бюро обкома ВКП(б) был разработан ряд мер по улучшению медико-санитарного обслуживания рабочих и снижению заболеваемости [21, л. 335–341].

Руководство Наркомздрава СССР, не имея прямых рычагов давления на директоров промышленных предприятий, как правило, обращалось к руководителям промышленных наркоматов с просьбой «дать указание директорам предприятий», чтобы они выполняли его приказы. Одной из мер, дающих возможность привлечь на производство женщин, имеющих детей, стало открытие ведомственных детских учреждений. В целом в СССР в 1941–1942 гг. было развернуто в городах 96 650 ясельных мест [35, л. 13]. Сложнее обстояли дела в Сталинграде, здесь после освобождения города детские учреждения создавались снова [31, л. 169].

Проблема нехватки детсадов и детясли остро стояла и в Казахстане. Например, на заводе № 175 осенью 1942 г. не могли приступить к работе свыше 600 женщин, имевших грудных и малолетних детей, поскольку завод не располагал возможностью

из-за отсутствия площади организовать детские ясли и детские сады [38, л. 20–21].

Обеспечение работников предприятия продуктами питания и товарами повседневного спроса. Важной частью социальной инфраструктуры предприятий в военные годы стали структуры, обеспечивающие работникам дополнительные источники снабжения продуктами питания и промышленными товарами: отделы рабочего снабжения (далее – ОРСы), подсобные хозяйства, заводские столовые. В условиях существования нормированной системы распределения стимулирующими трудовую активность работника рычагами стали усиленное дополнительное питание, второе горячее питание, диетическое питание, сухие пайки. Дополнительное снабжение осуществлялось частично за счет централизованных фондов, а также за счет поиска предприятием дополнительных источников снабжения. Так, в 1941–1942 гг. промышленным предприятиям Урала было переподчинено более 100 совхозов – 1/3 их общего числа в регионе [14, с. 24].

В условиях дефицита ресурсов администрация предприятий сосредоточила свои усилия на способах поддержки наиболее квалифицированной части работников, а также тех, кто регулярно выполнял и перевыполнял нормы выработки [23, л. 317; 20, л. 144–144 об].

В годы войны на предприятиях оборонного значения были воссозданы ОРСы, существовавшие как форма ведомственного снабжения работников приоритетных отраслей промышленности в СССР в 1932–1936 годах. 19 февраля 1942 г. СНК СССР принял решение об их повсеместном создании на объектах промышленности, транспорта, строительства [9, с. 89]. В 1942–1945 гг. в Казахской ССР было создано свыше 200 ОРСов и продснабов. Они обслуживали 1 245 тыс. рабочих и служащих промышленных предприятий республики [12, с. 86].

ОРСы Челябинской области к осени 1942 г. получили в свое распоряжение 413 магазинов, 346 столовых, что составляло 1/3 торговой сети и 1/2 сети общепита области [44, с. 38]. В Сталинграде ОРСы на крупных предприятиях стали организовываться сразу после окончания Сталинградской битвы и полного освобождения города [30, л. 14].

Роль ОРСов как объектов социальной инфраструктуры можно оценить двояко. С одной стороны, они способствовали улучшению обеспечения работников предприятий продуктами питания и товарами первой необходимости [34, л. 168]. С другой стороны, ОРСы часто становились инструментом перераспределения товаров в пользу руководящего состава и обслуживающего персонала, местом многочисленных хищений и растрат продуктов питания [2, с. 235–236]. Анализируя систему распределения и снабжения 1930-х гг., Е. Осокина пишет о практике «мертвых душ» и «прихлебателей» [24, с. 141]. В ЦК КП(б) Казахстана поступали многочисленные письма от рабочих завода, где говорилось: «Отдел снабжения – это гнездо, которое тормозит работу завода и где скрываются от войны» [18, л. 131–131 об.]. 1 февраля 1943 г. Президиум ВЦСПС издал постановление «Об усилении борьбы профсоюзов с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Как правило, работа общественного контроля активизировалась в периоды проверок бригад ВЦСПС [27, с. 274].

Механизм управления социальными объектами. В условиях мобилизационной экономики административные возможности центральных и местных властно-управленческих структур были широкими, а материально-технические и финансовые ресурсы, которые государство могло направить в социальную сферу – ограниченными [28, с. 321].

Реализация функций социальной ответственности существенно зависела от фигуры директора предприятия. Руководитель завода постоянно находился в условиях двойного давления: с одной стороны, требования выполнения плана практически любой ценой, с другой – необходимости сохранения рабочей силы. В этих условиях принятие решений руководителями советских предприятий в принципе основывалось не на экономическом расчете, а на интуиции [5, с. 336]. Наиболее влиятельные директора, используя связи и значение завода, «выбивали» у государства для своих рабочих дополнительные продовольственные фонды или привилегии, зарабатывая собственный авторитет в глазах рабочих и усиливая тем самым патерналистские настроения [4, с. 134].

Некоторыми возможностями обладали и руководители среднего звена, например начальники цехов. По инициативе начальника четвертого механического цеха Челябинского Кировского завода Хохлова в 1942 г. в цехе открыты парикмахерская, сапожная мастерская, реконструирована цеховая душевая, оборудована дезокамера [13, с. 267].

Директорский корпус промышленных предприятий нес персональную ответственность не только за выполнение плана по выпуску производственной продукции, но и за состояние трудовых ресурсов. Поэтому, если социальные функции предприятием не выполнялись, в силу вступали репрессивно-карательные меры воздействия. Так, в октябре 1942 г. по заданию Челябинского обкома ВКП(б) была осуществлена проверка завода № 549, в результате которой директор завода был исключен из рядов ВКП(б) и отдан под суд [7, л. 17].

На протяжении всего военного периода периодически вопросы материально-бытового положения населения стояли на повестке заседаний бюро обкомов, горкомов и райкомов партии. В принимаемых решениях часто давались указания не только различным государственным структурам, но и напрямую директорам заводов [22, л. 382].

Социальные объекты, принадлежавшие конкретным предприятиям, были предназначены для использования прежде всего их работниками. Но в реальности крупные (особенно градообразующие) предприятия предоставляли произведенные товары и имеющиеся в их распоряжении сырьевые ресурсы, а также социальные блага другим предприятиям, учреждениям и жителям всего города [33, л. 49]. Санчасть Челябинского Кировского завода обслуживала не только своих рабочих, но и жителей района [36, с. 246].

По мере улучшения положения на фронте и освобождения территории СССР от оккупантов состояние социальной инфраструктуры промышленных предприятий укреплялось. Уже с 1944 г. в связи с реэвакуационными процессами появилась возможность возвращения предприятиям-владельцам объектов социально-культурного назначения, переданных в начале войны под нужды оборонного назначения. Так, в начале 1945 г. Челябинский Кировский завод получил обратно здание клуба (с начала войны там была расквартирована воинская часть), дом отдыха и пионерский лагерь Акаккуль (были заняты учреждением, подведомственным Наркомату военно-морского флота) [23, л. 382].

Выводы. Главной задачей предприятия была мобилизация работников на выполнение производственного задания. В экстремальных условиях военного времени эта задача дополнилась необходимостью обеспечения выживания рабочих, служащих и ИТР. Усилившийся дефицит материальных, финансовых и трудовых ресурсов заставлял руководство страны в целом и директорский корпус заводов в частности искать дополнительные источники снабжения и содержать на своих балансах инфраструктуру социального назначения. Возможность самостоятельно распределять дополнительно добытые ресурсы давала администрации предприятия мощный рычаг материального давления на рабочий коллектив и сдерживания негативных настроений.

При всех различиях регионального характера прослеживается общая тенденция ухудшения состояния социальной инфраструктуры на промышленных предприятиях тыла во второй половине 1941 и в 1942 году.

Изменения в социальной политике предприятий советского тыла начали происходить во второй половине 1943 года. Суть их выражалась в смене акцентов с доминирования репрессивных и административных методов на материально-бытовые. Причин было несколько: с одной стороны, завершение перестройки экономики на выпуск военной продукции, вступление в строй на новых местах дислокации эвакуированных предприятий привело к стабилизации экономики и росту производства, позволило выделить средства для социальной сферы. С другой стороны, рост пассивных протестных практик в форме дезертирства с предприятий, потеря человекодней вследствие роста заболеваемости, снижение показателей норм выработки из-за общей ослабленности и массовой дистрофии вынуждало руководство предприятий обратить внимание на вопросы материально-бытового обеспечения работников. Расширялись и развивались существующие объекты социальной инфраструктуры промышленных предприятий.

Экстремальные условия длительной войны продемонстрировали принципиальную важность успешного функционирования социальной инфраструктуры промышленного предприятия для обеспечения выживания своих работников, сокращения текучести рабочей силы, укрепления трудовой дисциплины, предотвращения протестных настроений. При всех недостатках: остаточном принципе финансирования, зависимости от деловых и личных качеств руководителей горкома, горисполкома и директора завода, отдельных нарушениях принципа социальной справедливости, неудовлетворительном качестве предоставляемых социальных услуг – социальная инфраструктура промышленных предприятий выполнила поставленные перед ней задачи. Но проблему социальной справедливости они не решали.

Курс на развитие социальной ответственности предприятия через создание и развитие социальной инфраструктуры доказал в долгосрочной исторической перспективе свою результативность.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан № AP09260449.

The article was written as part of the implementation of a research project under the grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. AP09260449.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 1992. 336 с.

2. Аполовников А. А., Пасс А. А., Потемкина М. Н., Усольцева Н. Л. Экономическая преступность в СССР в годы Великой отечественной войны (на материалах Южного Урала): монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 359 с.

3. Годовой отчет завода «Красный Октябрь» за 1944 год // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-76. Оп. 4. Д. 29.

4. Гольдштейн Я. Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск: Рифей, 1995. 412 с.

5. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 400 с.

6. Даньшина В. В., Соловьева В. В. Социальная ответственность промышленных предприятий в СССР // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 67–74.

7. Докладная записка секретарю обкома ВКП(б) Патоличеву // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 42. Д. 22. Л. 17.

8. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. Крепость социализма. Повседневность и мотивация труда на советском предприятии 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

9. Запарий Вас. В. Система ОРСов и их роль в организации материального обеспечения работников танковой промышленности Урала в 1942–1945 гг. // Годы поисков и свершений: кафедра истории науки и техники УГТУ-УПИ – УрФУ. 1999–2014 гг.: в рамках Пятой ежегод. науч. конф. кафедры Истории науки и техники «История науки и техники в современной системе знаний». Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015. С. 89–92.

10. Заседание бюро обкома ВКП(б) от 13.10.1942 г. // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 22. Л. 170.

11. Кабирова А. Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. Казань: Фэн, 2011. 467 с.

12. Козыбаев М. К., Едыгенов Н. Е. Труд во имя Победы. Алматы: Казахстан, 1995. 176 с.

13. Комаров Л. С., Ховив Е. Г., Заржевский Н. И. Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.). М.: Профиздат, 1972. 375 с.

14. Корнилов Г. Е. Совхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны // Совхозы Урала в период социализма (1938–1985 гг.): сб. науч. тр. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. С. 24–39.

15. Красноженова Е. Е. Социальная поддержка рабочих промышленных предприятий Нижнего Поволжья в условиях Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 357–362.

16. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН. 2005. 368 с.

17. Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 574 с.

18. Мы рабочие и служащие // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 632. Л. 131–131 об.

19. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбил. стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

20. Народному комиссару торговли Казахской ССР тов. Омарову Докладная записка // АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 632. Л. 144–144 об.

21. О мерах по улучшению медико-санитарного обслуживания рабочих Кировского завода и снижению заболеваемости // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 28. Л. 335–341.

22. О мероприятиях по культурно-бытовому строительству на Кировском заводе в 1945 г. // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 24. Л. 382.

23. Об улучшении общественного питания в цехах танкового производства Кировского завода. Заседание бюро обкома ВКП(б) // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 18. Л. 317.

24. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.

25. Отчет о работе заводского комитета союза рабочих промышленности Вооруженных сил СССР завода № 221 за период с 29 июня 1943 г. по 1 января 1944 г. // ГАВО. Ф. 127. Оп. 3. Д. 7. Л. 18.

26. Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск: Челяб. гос. агроинженер. ун-т, 2007. 167 с.

27. Палецких Н. П. ОРСы и кооперативная торговля на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской агроинженернрой академии. 2010. Т. 57. С. 272–276.

28. Палецких Н. П. Социальная политика и тыловая повседневность на Южном Урале в период Великой Отечественной войны // Гороховские чтения: сб. материалов шестой рег. музей. конф. Челябинск: Челяб. гос. краевед. музей, 2015. С. 320–326.

29. Потемкина М. Н., Жаркынбаева Р. С. Производственная повседневность военного времени (1941–1945 гг.) в отражении современной зарубежной и российской историографии // Вестник Казахского национального университета. Серия историческая. 2021. № 2 (101). С. 91–98.

30. Приказы по СТЗ // ГАВО. Ф. 6032. Оп. 1. Д. 243. Л. 14.

31. Приказы по СТЗ // ГАВО. Ф. Р-6032. Оп. 1. Д. 244. Л. 167–175.

32. Приказы по заводу «Красный Октябрь» // ГАВО. Ф. Р-76. Оп 3. Д. 1.

33. Проверка учета и расхода вспомогательных материалов на Челябинском трубном заводе НКЧМ // ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 18. Д. 30. Л. 49.

34. Протокол Заседания партбюро Завода НКТМ от 5.3.1943 г. //АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 1а. Л. 164–176.

35. Решение коллегии Народного Комиссариата Здравоохранения СССР от 29 июня 1943 г. (Протокол № 22) // Российский государственный архив экономики. Ф. 8248. Оп. 22. Д. 3. Л. 13–15.

36. Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла. 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 375 с.

37. Сапир Ж. Советская экономика: истоки, развитие, функционирование // Индустриализация: исторический опыт и современность: межунив. сб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 86–138.

38. Уполномоченному КПК при ЦК КП(б)К Товарищу Кузнецову // АП РК. Ф.708. Оп. 9. Д. 340. Л. 20–21.

39. Сметанин А. В. Директорские фонды советских предприятий (1946–1961 гг.): ресурс трансформации социального порядка // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 2 (41). С. 145–154.

40. Соловьева В. В. Государственное распределение продовольствия в СССР в 1941–1945 гг. (на примере промышленных предприятий Урала) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 100–104.

41. Справка по заводу №317 ОГПУ по состоянию на 9.3.1942 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 644. Л. 99–100.

42. Справка зам директора Кировского завода Зверева от 26.12.1941 г. // ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 224. Л. 1 об.

43. Справки, докладные записки зав. отделом, инструкторов, секретарей горкома и райкомов ВКБ(б) // Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 2. Д. 94. Л. 66–67.

44. Трифонов А. Н. Продовольственное положение на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). Екатеринбург: Изд-во УГТУ – УПИ, 1993. 38 с.

45. Фадеев Л. А. Развитие социальной сферы машиностроительных предприятий в годы первых пятилеток (источники и методы исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 30 с.

46. Gregory P. R. The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. XI, 308 p.

47. Straus K. M. Factory and Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class. Pittsburgh: University of Pittsburgh Pre, 1997. 378 p.

REFERENCES

1. Antufyev A.A. *Uralskaya promyshlennost nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Ural Industry on the Eve and During the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, In-t istorii i arkheologii, 1992. 336 p.

2. Apolovnikov A.A., Pass A.A., Potemkina M.N., Usoltseva N.L. *Ekonomicheskaya prestupnost v SSSR v gody Velikoy otechestvennoy voyny (na materialakh Yuzhnogo Urala)* [Economic Crime in the USSR During the Great Patriotic War (Based on the

Materials of the Southern Urals)]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2021. 359 p.

3. Godovoy otchet zavoda «Krasnyy Oktyabr» za 1944 god [Annual Report of the Krasny Oktyabr Plant for 1944]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region], f. r-76, inv. 4, d. 29.

4. Goldshteyn Ya.Ye. *Otkrovenno govorya. Vospominaniya, razmyshleniya* [Frankly Speaking. Memories, Reflections]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 1995. 412 p.

5. Gregori P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 400 p.

6. Dan'shina V.V., Solovyova V.V. Sotsialnaya otvetstvennost promyshlennykh predpriyatiy v SSSR [Social Responsibility of Industrial Enterprises in the USSR]. *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Astrakhan State Technical University. Economy], 2015, no. 3, p. 67-74.

7. Dokladnaya zapiska sekretaryu obkoma VKP(b) Patolichevu [Memo to the Secretary of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Patolichev]. *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGAChO)* [United State Archive of the Chelyabinsk Region], f. 288, inv. 42, d. 22, l. 17.

8. Zhuravlov S.V., Mukhin M.Yu. *Krepost sotsializma. Povsednevnost i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii 1928–1938 gg*. [Fortress of Socialism. Everyday Life and Labor Motivation at the Soviet Enterprise in 1928–1938]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 240 p.

9. Zapariy V.V. Sistema ORSov i ikh rol v organizatsii materialnogo obespecheniya rabotnikov tankovoy promyshlennosti Urala v 1942–1945 gg. [System of Worker Supply Departments and Their Role in the Organization of Material Support for Workers in the Tank Industry of the Urals in 1942–1945]. *Gody poiska i sversheniy: Kafedra istorii nauki i tekhniki UGTU-UPI – UrFU. 1999–2014* gg.: *v ramkakh Pyatoy yezhegod. nauch. konf. kafedry Istorii nauki i tekhniki «Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoj sisteme znanij»* [Years of Searches and Accomplishments: Department of the History of Science and Technology, Ural State Technical University – UrFU. 1999–2014. Within the Framework of the Fifth Annual Scientific Conference of the Department of the History of Science and Technology "History of Science and Technology in the Modern System of Knowledge"]. Yekaterinburg, UMC UPI, 2015, pp. 89-92.

10. Zasedaniye byuro obkoma VKP(b) ot 13.10.1942 g. [Meeting of the Bureau of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) from 13.10.1942]. *OGACHO* [United State Archive of the Chelyabinsk Region], f. 288, inv. 42, d. 22, l. 170.

11. Kabirova A.Sh. *Voyna i obshchestvo: Tatarstan v 1941–1945 gg*. [War and Society: Tatarstan in 1941–1945]. Kazan, Fen Publ., 2011. 467 p.

12. Kozybayev M.K., Yedygenov N.Ye. *Trud vo imya Pobedy* [Labor for the Victory]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1995. 176 p.

13. Komarov L.S., Khoviv E.G., Zarzhevskiy N.I. *Letopis Chelyabinskogo traktornogo (1929–1945 gg.)* [Chronicle of the Chelyabinsk Tractor Plant (1929–1945)]. Moscow, Profizdat, 1972. 375 p.

14. Kornilov G.Ye. Sovkhoznoe proizvodstvo na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny [State Farm Production in the Urals During the Great Patriotic War]. *Sovkhozy Urala v period sotsializma (1938–1985 gg.): sb. nauch. tr.* [State Farms of the Urals in the Period of Socialism (1938–1985). Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk, UNTS AN SSSR, 1986, pp. 24-38.

15. Krasnozhenova Ye.Ye. Sotsialnaya podderzhka rabochikh promyshlennykh predpriyatiy Nizhnego Povolzhya v usloviyakh Velikoy otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Social Support of Workers of Industrial Enterprises in the Lower Volga During the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region. Politics, Economics, Culture], 2015, no. 3 (44), pp. 357-362.

16. Markevich A.M., Sokolov A.K. «*Magnitka bliz Sadovogo koltsa»: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot», 1883–2001 gg*. ["Magnitogorsk Near the Garden Ring": Incentives to Work at the Moscow Plant "Hammer and Sickle", 1883–2001]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 368 p.

17. Mitrofanova A.V. *Rabochiy klass SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Working Class of the USSR During the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 574 p.

18. My rabochiye i sluzhashchiye [We Are Workers and Employees]. *Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (APRK)* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 6.1, d. 632, l. 131-131 r.

19. *Narodnoe khozyaystvo SSSR za 70 let: Yubil. stat. ezhegodnik* [National Economy of the USSR for 70 Years: Jubilee Statistical Yearbook]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1987. 766 p.

20. Narodnomu komissaru torgovli Kazakhskoy SSR tov. Omarovu Dokladnaya zapiska [To the People's Commissar of Trade of the Kazakh SSR Comrade Omarov Memorandum]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 6.1, d. 632, l. 144-144 r.

21. O merakh po uluchsheniyu mediko-sanitarnogo obsluzhivaniya rabochikh Kirovskogo zavoda i snizheniyu zabolevaemosti [On Measures to Improve the Health Care of Workers of the Kirov Plant and Reduce Morbidity]. *OGACHO* [United State

Archive of the Chelyabinsk Region], f. 288, inv. 42, d. 28, l. 335-341.

22. O meropriyatiyakh po kulturno-bytovomu stroitelstvu na Kirovskom zavode v 1945 g. [About the Events on Cultural and Household Construction at the Kirov Plant in 1945]. *OGACHO* [United State Archive of the Chelyabinsk Region], f. 288, inv. 42, d. 24, l. 382.

23. Ob uluchshenii obshchestvennogo pitaniya v tsekhakh tankovogo proizvodstva Kirovskogo zavoda. Zasedanie byuro obkoma VKP(b) [On the Improvement of Public Catering in the Tank Production Shops of the Kirov Plant. Meeting of the Bureau of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *OGACHO* [United State Archive of the Chelyabinsk Region], f. 288, inv. 42, d. 18, l. 317.

24. Osokina Ye.A. *Za fasadom «stalinskogo izobiliya». Raspredeleniye i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii* [Behind the Facade of "Stalin's Abundance". Distribution and the Market in Supplying the Population During the Years of Industrialization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 351 p.

25. Otchet o rabote zavodskogo komiteta obyedinennoy rabochey promyshlennosti Vooruzhennykh sil SSSR zavod №221 za period s 29 iyunya 1943 g. po 1 yanvarya 1944 g. [Report on the Work of the Factory Committee of the Union of Industrial Workers of the Armed Forces of the USSR Plant No. 221 for the Period from June 29, 1943 to January 1, 1944]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 127, inv. 3, d. 7, l. 18.

26. Paletskikh N.P. *Sotsialnyye resursy i sotsialnaya politika na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social Resources and Social Policy in the Urals During the Great Patriotic War]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. agroinzhener. un-t, 2007. 167 p.

27. Paletskikh N.P. ORSy i kooperativnaya torgovlya na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Workers' Supply Departments and Cooperative Trade in the Urals during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskoy agroinzhenernoy akademii*, 2010, vol. 57, pp. 272- 276.

28. Paletskikh N.P. Sotsialnaya politika i tylovaya povsednevnost na Yuzhnom Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Social Policy and Rear Everyday Life in the South Urals During the Great Patriotic War]. *Gorokhovskiye chteniya: sb. materialov shestoy reg. muzey. konf.* [Gorohovskie Readings. Proceedings of the Sixth Regional Museum Conference]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. kraeved. muzej, 2015, pp. 320-326.

29. Potemkina M.N., Zharkynbayeva R.S. Proizvodstvennaya povsednevnost voyennogo vremeni (1941–1945 gg.) v otrazhenii sovremennoy zarubezhnoy i rossiyskoy istoriografii [Production Eeveryday Life of Wartime (1941–1945) in the Reflection of Modern Foreign and Russian Historiography]. *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaya* [Journal of History], 2021, no. 2 (101), pp. 91-98.

30. Prikazy po STZ [Orders for Stalingrad Tractor Plant]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6032, inv. 1, d. 243, l. 14.

31. Prikazy po STZ [Orders for Stalingrad Tractor Plant]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. r-6032, inv. 1, d. 244, l. 167-175.

32. Prikazy po zavodu «Krasnyy Oktyabr» [Orders for the Krasny Oktyabr Plant]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. r-76, inv. 3, d. 1.

33. Proverka ucheta i raskhoda vspomogatelnykh materialov na Chelyabinskom trubnom zavode NKCHM [Checking the Accounting and Consumption of Auxiliary Materials at the Chelyabinsk Pipe Plant People's Commissariat of Ferrous Metallurgy]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. r-8300, inv. 18, d. 30, l. 49.

34. Protokol Zasedaniya partbyuro Zavoda NKTM ot 5.3.1943 g. [Minutes of the Meeting of the Party Bureau of the Plant of the People's Commissariat of Heavy Machine Building Dated 5.3.1943]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 1110, inv. 1, d. 1a, l. 164-176.

35. Resheniye kollegii Narodnogo Komissariata Zdravookhraneniya SSSR ot 29 iyunya 1943 g. (Protokol № 22) [Decision of the Board of the People's Commissariat of Health of the USSR of June 29, 1943 (Protocol No. 22)]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 8248, inv. 22, d. 3, l. 13-15.

36. Samuelson L. *Tankograd: sekrety russkogo tyla. 1917–1953* [Tankograd: Secrets of the Russian Rear. 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 375 p.

37. Sapir Zh. Sovetskaya ekonomika: istoki, razvitie, funktsionirovanie [Soviet Economy: Origins, Development, and Functioning]. *Industrializatsiya: Istoricheskiy opyt i sovremennost* [Industrialization: Historical Experience and Modernity]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 1998, pp. 86-138.

38. Upolnomochennomu KPK pri TsK KP(b)K Tovarishchu Kuznetsovu [To the Commissioner of the Committee of Party Control Under the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) Of Kazakhstan, Comrade Kuznetsov]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 9, d. 340, l. 20-21.

39. Smetanin A.V. Direktorskiye fondy sovetskikh predpriyatiy (1946–1961gg.): preobrazovaniye resursov poryadka [Director's Funds of Soviet Enterprises (1946–1961): Resource for the Transformation of the Social Order]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2018, no. 2 (41), pp. 145-154.

40. Solovyeva V.V. Gosudarstvennoe raspredelenie prodovolstviya v SSSR v 1941–1945 gg. (na primere promyshlennykh predpriyatiy Urala) [State Distribution of Food in the USSR in 1941–1945 (On

the Example of Industrial Enterprises of the Urals)]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2009, no. 3 (24), pp. 100-104.

41. Spravka po zavodu №317 OGPU po sostoyaniyu na 9.3.1942 g. [Information About Plant No. 317 United State Political Administration as of 09.03.1942]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 6.1, d. 644, l. 99-100.

42. Spravka zamdirektora Kirovskogo zavoda Zvereva ot 26.12.1941g. [Reference of the Deputy Director of the Kirov Plant Zverev Dated 12/26/1941]. *OGACHO* [United State Archive of the Chelyabinsk Region], f. p-124, inv. 1, d. 224, l. 1 r.

43. Spravki, dokladnyye zapiski zav. otdelom, instruktorov, sekretarey gorkoma i raykomov VKB(b) [Certificates, Memorandums of Department Heads, Instructors, Secretaries of the City Committee and District Committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *Tsentr dokumentatsii istorii Volgogradskoy oblasti* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 2, d. 94, l. 66-67.

44. Trifonov A.N. *Prodovolstvennoye polozheniye na Urale nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1938–1945*). [Food Situation in the Urals on the Eve and During the Great Patriotic War (1938–1945)]. Yekaterinburg, Izd-vo UGTU-UPI, 1993. 138 p.

45. Fadeyev L.A. *Razvitiye sotsialnykh predelov mashinostroitel'nykh predpriyatiy v gody pervykh pyatiletok (istochniki i metody issledovaniy): avtoref. dis. ... kand. nauk* [Development of the Social Sphere of Machine-Building Enterprises During the First Five-Year Plans (Sources and Research Methods). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2013. 30 p.

46. Gregory P.R. *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004. XI, 308 p.

47. Straus K.M. *Factory and Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class*. Pittsburg, University of Pittsburgh Pre, 1997. 378 p.

Information About the Authors

Marina N. Potemkina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Prosp. Lenina, 38, 455000 Magnitogorsk, Russian Federation; Leading Researcher, Laboratory of the History of Military Economics, Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation, mpotemkina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7056-1258

Roza S. Zharkynbayeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History, Historiography and Source Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, Roza.zharkynbayeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8560-1654

Evgeniya V. Anufrieva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, ev_anufrieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0756-4488

Информация об авторах

Марина Николаевна Потемкина, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, просп. Ленина, 38, 455000 г. Магнитогорск, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Лаборатория истории военной экономики центра экономической и социальной истории ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация, mpotemkina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7056-1258

Роза Сейдалиевна Жаркынбаева, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, Roza.zharkynbayeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8560-1654

Евгения Владимировна Ануфриева, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, ev_anufrieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0756-4488

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.6

UDC 94(470.45)“1941/1943”:629.543
LBC 63.3(2R-4Vog)622-2

Submitted: 26.11.2022
Accepted: 18.12.2022

ESTIMATE OF THE NUMBER AND SEX AND AGE COMPOSITION OF “VOLGOTANKER” WORKERS IN THE LOWER VOLGA REGION IN 1941–1943

Margarita I. Bukatina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The invasion of the Soviet Union by Nazi troops and the Battle of Stalingrad greatly affected all aspects of life in the Lower Volga Region. Ensuring the economy of the whole country and resistance to the invader was carried out by the large oil shipping company “Volgotanker”, which delivered Baku oil throughout the Volga Basin. The quantity and quality of personnel played an important role in the effectiveness of the organization. *Materials and methods.* To write this article we have identified and drawn a wide range of archival sources from the funds of the State Archive of the Astrakhan region, the Center for the Documentation of Contemporary History of the Volgograd region and the State Historical and Memorial Museum-Reserve “Battle of Stalingrad”. The methodological basis of the research is the principle of historicism and maximum possible objectivity. The shipping company itself and its activity in the context of external factors can best be described within the framework of the historical-system method. *Analysis and results.* This article provides a detailed assessment of the size of the shore personnel, the number of party organizations of the shipping company, the floating personnel and one ship’s crew on average. The analysis of position and sex and age composition of “Volgotanker” workers is given. Conclusions are made about the efficiency of “Volgotanker”’s work in connection with the number and composition of its personnel.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, “Volgotanker”, river transportation, oil transportation, number of employees, age and sex composition of the organization.

Citation. Bukatina M.I. Estimate of the Number and Sex and Age Composition of “Volgotanker” Workers in the Lower Volga Region in 1941–1943. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 65-76. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.6

УДК 94(470.45)“1941/1943”:629.543
ББК 63.3(2Р-4Вог)622-2

Дата поступления статьи: 26.11.2022
Дата принятия статьи: 18.12.2022

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ РАБОТНИКОВ «ВОЛГОТАНКЕРА» В РАЙОНЕ НИЖНЕЙ ВОЛГИ В 1941–1943 ГОДАХ

Маргарита Игоревна Букатина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Вторжение немецко-фашистских войск в СССР и Сталинградская битва сильно повлияли на все сферы жизни Нижнего Поволжья. Обеспечение экономики страны топливом и борьбы с противником осуществляло крупное нефтеналивное пароходство «Волготанкер», доставлявшее бакинскую нефть по всему Волжскому бассейну. Не последнюю роль в эффективности работы организации играло количество и качество персонала. В рамках данной статьи на основе широкого круга архивных документов из фондов Государственного архива Астраханской области, Центра документации новейшей истории Волгоградской области и государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва» произведена детальная оценка размеров штатов берегового персонала, численности партийных организаций пароходства, плавсостава и одной судовой команды в среднем. Приведен анализ должностного и половозрастного состава трудящихся «Волготанкера». В результате выведена предполагаемая численность персонала по

© Букатина М.И., 2023

разным категориям, обозначаются тенденции по увеличению в организации числа женщин и несовершеннолетних работников. Сделаны выводы об эффективности работы «Волготанкера» в связи с численностью и составом его кадров.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, «Волготанкер», речной транспорт, нефтеперевозки, численность работников, половозрастной состав организации.

Цитирование. Букатина М. И. Оценка численности и половозрастной состав работников «Волготанкера» в районе Нижней Волги в 1941–1943 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 65–76. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.6

Введение. Когда летом 1942 г. немецко-фашистские войска перерезали пути снабжения и эвакуации Сталинграда, огромную роль в битве стал играть речной транспорт, который поддерживал обороноспособность города в сложнейших условиях бомбардировок, обстрелов и минирования. Легендарными стали сталинградские переправы, но большое значение для битвы и обороноспособности всей страны имел и самоотверженный труд работников речного транспорта выше и ниже города, поддерживавший неустойчивый, но очень важный транзит через минированные участки реки в районе обороняющегося Сталинграда. Вышеупомянутый транзит по реке от Астрахани до Саратова, которому всячески препятствовали немецкие войска, был крайне сложен и опасен, поэтому осуществлялся только для очень важных грузов, в связи с чем в большинстве своем касался нефтекараванов «Волготанкера», нефтеналивного пароходства, обеспечивавшего перевозки нефтепродуктов бакинских месторождений по всей Волге. Его работа зачастую скорее определяла деятельность других пароходств Волги, поскольку от него зависела поставка необходимого как фронту, так и пароходствам топлива. Защита и транспортировка нефтеналивных судов при любой оперативной обстановке была приоритетной, потому что такие суда были одновременно ценнейшим ресурсом и опасным объектом, поскольку представляли собой легкую и крайне взрывоопасную мишень для авианалетов.

В описываемый период на территории Нижней Волги кроме «Волготанкера» действовало одноименное Нижневолжское речное пароходство (НВРП), которое располагалось по руслу Волги от Камышина до пос. Лагани (Калмыцкая АССР) в устье реки, включая дельту с выходом в Каспийское море [5, с. 47]. Именно эти места для речного транспорта являлись Нижней Волгой. В 1941–1943 гг. на этой территории происходили сложные процессы как логистические и экономические, так и социальные. Это было связано с увеличением нагрузки на водные пути из-за начала военных действий, мобилизации и эвакуации населения, непосредственным приближением линии фронта к Волге.

Работа «Волготанкера» имела огромное значение для народного хозяйства страны и ее сопротивления захватчику. «Волготанкер» перевез в 1941 г. до трети всей бакинской нефти (8 млн т) и до примерно пятой части нефти всего СССР, а в 1943 г. – половину бакинской (6 млн т) и треть всей нефти СССР.

Кроме материальной базы, не менее важен для эффективной деятельности любого предприятия, а, возможно, и более значим, человеческий фактор. Именно поэтому следует подробно оценить количество и качество человеческого ресурса, который напрямую определял столь объемный экономический вклад «Волготанкера». Более того, такие, казалось бы, формальные показатели, как численность и половозрастной состав трудящихся, позволяют увидеть социальную картину организации во время войны, реальное положение конкретных людей, их тяготы и трудовые подвиги.

Методы и материалы. Научных работ, посвященных изучению, собственно, деятельности «Волготанкера», не существует. Организация упоминается в различных трудах, посвященных Сталинградской битве, Великой Отечественной войне и речному транспорту. Наиболее новым и значимым для реконструкции работы речного транспорта Нижней Волги является коллективный энциклопедический справочник, составленный В.В. Булатовым, О.А. Гоманенко, Е.Л. Головиной [3]. Он со-

держит краткие данные о важнейших событиях, людях, судах Нижней Волги в период Сталинградской битвы в алфавитном порядке, но внутренние особенности функционирования «Волготанкера» затронуты эпизодически. Ценнейшие сведения о пароходстве во время войны зафиксировал В.В. Пермяков [9], который сам в те годы трудился на судне «Уралнефть». Его книга сочетает в себе исследовательский компонент с воспоминаниями автора и некоторых его коллег, из которых можно почерпнуть сведения об особенностях их работы, в том числе и разбираемых в данной статье. При этом вопрос численности и состава работников речного транспорта в военное время не рассмотрен в историографии. Это связано с тем, что сведения из источников на этот счет фрагментарны и нуждаются в сопоставлении и трактовке. Именно поэтому для написания статьи был выявлен и привлечен широкий круг источников из фондов Государственного архива Астраханской области, Центра документации новейшей истории Волгоградской области и государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва». Источниковой базой послужили приказы Народного комиссариата речного флота и его политуправления, руководителей и управлений местных учреждений – Управления «Волготанкера», Политотдела, военизированной охраны, их официальная делопроизводственная документация, документы, описывающие движение кадров и статистические отчеты, переписка между различными ведомствами, приказы о награждении, а также документы личного происхождения, представленные неопубликованными воспоминаниями.

Методологической основой исследования является принцип историзма и максимально возможной объективности в вопросах, связанных, например, с оценкой эффективности работы системы перевозок, вписывания ее в рамки глобальных событий и их неотторжимой оценки, поддерживается ценностный подход. Само пароходство и его деятельность в контексте внешних факторов наиболее полно могут быть отражены с помощью историко-системного метода.

Анализ. Начать стоит с оценок численности различных категорий речников, поскольку это один из важнейших показателей, влияющих на эффективность работы и выполнение различных норм, а также один из наиболее чувствительных к военным действиям параметров. Война запустила беспрецедентные движения кадров во всех хозяйственных организациях, меняя качественный и количественный состав трудящихся, что, несомненно, коснулось и «Волготанкера».

Береговой персонал. Кроме работников, непосредственно осуществлявших работу на судах, огромное значение имел береговой штат пароходства. К этой категории относился и административный персонал, и работники, задействованные в погрузке-выгрузке, линейный и судоремонтный, обслуживающий персонал – уборщицы, работники столовых и т. д. Для оценки численности берегового персонала приведем данные о точном устройстве внутренней структуры Астраханского участка. После реорганизации эксплуатационных участков в 1940 г. восемь более мелких слили в четыре крупных – Астраханский, Саратовский, Камустьинский, Горьковский [10, л. 209–219]. Объединение участков позволило сократить число работников берега во всем пароходстве с 363 до 312 человек, то есть на 51 человека. Управление Астраханского участка находилось в самой Астрахани на пристани им. Ленина, а новая структура Астраханского участка включала такие важные части инфраструктуры, как три нефтепункта – им. III Интернационала (до Ильинки), им. Ленина (до Владимировки), Сталинград (до Камышина). Новая структура управления участком состояла:

1) из руководства участка;

2) диспетчерской на пристани им. Ленина;

3) операторских пунктов на пристани им. III Интернационала и в Сталинграде;

4) выплатных пунктов на пристанях им. III Интернационала и им. Ленина;

5) личного состава с разделением оформления на пристанях им. III Интернационала и им. Ленина;

6) цехов по зачистке судов с прикреплением к нефтепунктам им. Ленина и им. III Интернационала;

7) бухгалтерии и делопроизводства.

Непосредственно список штата сотрудников Управления участка включал в себя: 1) начальника участка; 2) заместителя на-

чальника; 3) старшего диспетчера; 4) четырех диспетчеров; 5) заведующего личным составом; 6) двух ответственных исполнительного состава; 7) делопроизводителя; 8) машинистку; 9) старшего бухгалтера; 10) двух бухгалтеров; 11) двух счетоводов; 12) четырех кассиров; 13) пятерых ответственных расчетчиков зарплаты; 14) двух инспекторов по зарплате; 15) двух техников; 16) заведующего снабжением и складом; 17) заведующего хозяйством; 18) заведующего складом № 2; 19) шестерых капитанов рейда; 20) четырех линейных механиков; 21) трех операторов 1-го пункта III Интернационала; 22) восемь кладовщиков; 23) агента снабжения; 24) конюха; 25) четырех рассыльных; 26) уборщицу; 27) коменданта на Бузане; 28) двенадцать сторожей; 29) четырех учетчиков диспетчера.

Список штата нефтеучастка им. Ленина состоял: 1) из начальника пункта; 2) трех старших приемосдатчиков; 3) восьми приемосдатчиков [10, л. 210].

На Сталинградском нефтепункте трудились: 1) начальник пункта; 2) старший капитан рейда и заместитель начальника; 3) два капитана рейда; 4) два линейных механика; 5) три оператора; 6) технический рабочий; 7) два старших приемосдатчика; 8) шесть приемосдатчиков; 9) рассыльная-уборщица [10, л. 211].

Приведенные выше данные говорят о том, что всего 109 человек берегового персонала обслуживало участок Нижней Волги, при этом получая в общей сложности в месяц 41 660 рублей. Данные списки позволяют нам довольно полно понять, как строилась береговая работа, получить представление о деятельности и на других участках пароходства из-за четкой регламентации и централизации. Наиболее высокооплачиваемыми должностями, исходя из затрат на оклады, были административные – начальники, управляющие, технические – линейные механики и капитаны рейдов, бухгалтеры и диспетчеры. Самой массовой профессией берегового хозяйства была должность приемосдатчика.

В январе 1941 г. данная структура претерпела сокращение штатов административного и управленческого персонала по участкам [17, л. 3]. Повторные сокращения, уже связанные с военной обстановкой, происходили в августе (на 27 должностей) [17, л. 123] и октябре [17, л. 147].

Итак, 109 из 312 береговых работников «Волготанкера», то есть почти 35 % берегового персонала всего пароходства, было сосредоточено на Астраханском участке. Это говорит об особой важности данного эксплуатационного участка по сравнению с другими тремя в рамках организации. Несмотря на это, война вносила свои коррективы – штаты урезались и такой значимый и крупный участок функционировал под контролем всего около 70 человек.

Численность членов ВКП(б). Первичные парторганизации находились на всех значимых точках – эксплуатационных участках, базах, заводах, управлениях. На большинстве самоходных судов присутствовали помполиты и просто члены партии [20, л. 19]. В таблице 1 представлено изменение численности парторганизации «Волготанкера» за 1941–1943 годы.

Исходя из данных таблицы 1, можно сделать выводы не только о численности конкретной парторганизации, но и предположительно оценить пропорционально падению количества членов ВКП(б) в «Волготанкере» процент оттока персонала по организации в целом. Для оценки динамики этого процесса на основе таблицы 1 составим график (см. рис. 1).

Таким образом, наглядно продемонстрирована тенденция на падение численности членов парторганизации, хотя, вероятно, более логичным с точки зрения руководства было бы увеличить численность ее рядов для большего сплочения коллектива. Эту мысль доказывает и политдонесение конца 1942 г., откуда мы узнаем, что за весь 1942 г. в ряды партии в «Волготанкере» было принято только 41 человек, а задача роста рядов партии не выполнена [16, л. 12]. Об этом же свидетельствует быстрый перелом тенденции падения численности кандидатов в партию, связанной с массовым уходом работников в РККА, в сторону роста уже в тяжелой военной обстановке осени 1942 года. Соответственно, уменьшение количества членов партии связано с внешними обстоятельствами, которые явно совпадают по времени с военными действиями. Наиболее вероятными причинами

оттока персонала могли быть: эвакуация, уход в армию, дезертирство или иное серьезное правонарушение, смерть. Логично предположить, что статистически кадровая ситуация в парторганизации «Волготанкера» схожа с кадровой картиной во всем «Волготанкере», за исключением, возможно, некоторых особенностей. Так, исходя из источников, больше всего в РККА уходили работники с низших должностей – кочегары, грузчики, матросы, среди которых менее вероятно встретить членов партии. Таким образом, во всем «Волготанкере» падение количества работников может быть даже большим, чем в парторганизации. Итак, оценить кадровый голод данного пароходства можно лишь пропорционально в процентном отношении, экстраполируя выявленные из наиболее полной статистики по численности партийных рядов тенденции. Если принять за 100 % самое большое в изученном периоде количество членов партии – 1 187 человек, то станет понятно, что самое крупное падение числа людей составило около 53 % от этого начального количества. Как уже было пояснено выше, такое падение количества работников (а, возможно, и несколько большее) справедливо для всего пароходства.

Численность плавсостава. Центральное место в работе пароходства, конечно, занимала непосредственно деятельность флота и его работников, оценке численности которых нужно уделить особое внимание. До июля 1941 г. крупного движения кадров в пароходстве не наблюдалось (от 0 до 9 человек меняли в месяц свой статус). В июле по Астраханскому эксплуатационному участку 98 человек принято на работу, 33 переведено на

Таблица 1. **Динамика численности парторганизации «Волготанкера» за период с марта 1941 по май 1943 года**

Table 1. **Dynamics of the number of the “Volgotanker” party organization for the period from March 1941 to May 1943**

Дата	Численность членов ВКП(б) во всех организациях, чел.	Численность членов ВКП(б) в плавсоставе, чел.	Численность кандидатов ВКП(б) в плавсоставе, чел.
Март 1941 г.	1 187	117	39
Август 1941 г.	1 035	124	32
Декабрь 1941 г.	775	103	23
Март 1942 г.	686	98	21
Август 1942 г.	647	н. д.	н. д.
Сентябрь 1942 г.	635	80	25
Декабрь 1942 г.	583	н. д.	н. д.
Январь 1943 г.	563	88	35
Февраль 1943 г.	566	н. д.	н. д.
Май 1943 г.	591	74	47

Примечание. Составлено по: [20–22].

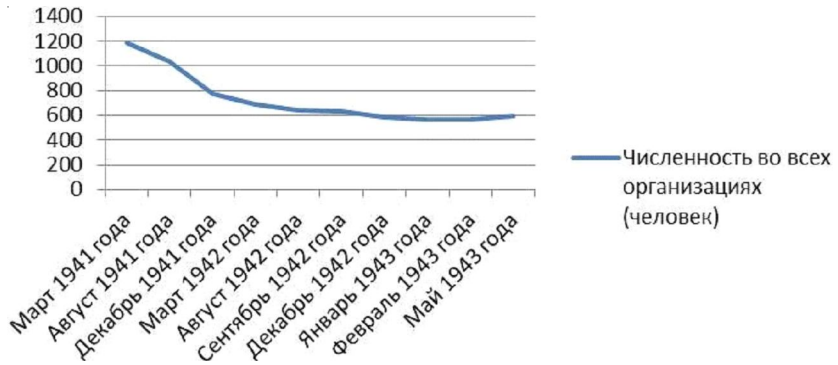

Рис. 1. Численность работников «Волготанкера» в парторганизациях с марта 1941 по май 1943 года

Fig. 1. Number of employees of “Volgotanker” in party organizations from March 1941 to May 1943

другие суда, 23 человека (11 из них кочегары) призваны в РККА, по Сталинградскому – 2 приняты, 2 призваны в армию. В августе в районе Астрахани на работу принято 100 человек, 39 призваны, 26 уволено по иным причинам, в Сталинграде приняты 2, призван 1 [8, л. 83]. Руководство «Волготанкера» старалось максимально заместить уходивший на фронт персонал заранее, понимая, что скоро лишится больших кадровых ресурсов. Наибольшая волна ухода работников «Волготанкера» на фронт пришлась на сентябрь – декабрь 1941 года.

Для замены призывников из машинной команды (из числа кочегаров и масленщиков) на период осеннего призыва 1941 г. был создан резерв из 85 человек, содержание которых на время прохождения призыва (условно установлен срок в 1 месяц) оценивалось в 14 000 рублей. Это позволяет приблизительно оценить оклад одного кочегара или масленщика в 164 рубля и получить некоторое представление о количестве выбывших в РККА [18, л. 22–23]. Исходя из данных по численности партийных работников в плавсоставе (см. табл. 1), где численность членов партии сократилась меньше, чем в целом по пароходству, а число кандидатов выросло, можно сказать, что основная часть непосредственно работников судов не была подвержена ротации в той же степени, что и остальная часть организации.

Приведенная далее таблица 2 позволяет довольно полно оценить количество плавсостава «Волготанкера» и проанализировать его качественный состав. Всего эта категория работников пароходства составила 4 243 человека, что говорит о довольно крупном размере организации. Стоит пояснить, что суда организации в целом делились на самоходные (буксиры) и несамоходные (нефтеналивные баржи), которые и транспортировали караванами буксиры. В соответствии с функционалом судов отличалась численность и состав команды – на самоходных работала «полноценная» команда, а на несамоходных были необходимы несколько матросов и иногда шкипер и рулевой. Поэтому количество капитанов в штате позволяет предположить, что парк всего пароходства составлял около 100 самоходных судов. Кроме того, численность плавсостава можно сопоставить с данными о количестве коммунистов в наиболее близком к 9 июлю 1941 г. месяце (см. табл. 1). Численность членов и кандидатов в члены партии в августе 1941 г. составила 156 человек, из чего выходит, что их доля в плавсоставе в это время насчитывала примерно 3,7 %.

Таблица 2. **Обеспеченность кадрами плавающего состава по «Волготанкеру» на 9 июля 1941 г., чел.**

Table 2. **Availability of personnel for the floating group of the "Volgotanker" on July 9, 1941, people**

Должности	Количество работников	Итого
Капитаны	102	Командный состав – 1 521
Штурманы	269	
Помощники капитанов	16	
Лоцманы	50	
Механики	102	
Помощники механиков	252	
Шкиперы	235	
Помощники шкиперов	495	
Рулевые и штурвальные	273	Рядовой состав – 2 722
Помогатели	551	
Коки	91	
Масленщики	318	
Кочегары	424	
Слесари и токари	20	
Матросы баржей	1 045	

Примечание. Источник: [18, л. 50].

Более наглядно представить качественный состав работников можно с помощью данного ниже графика (см. рис. 2).

Наиболее многочисленной категорией, как мы видим, являются матросы барж, что обусловлено большим объемом несамоходного флота в пароходстве. Еще одна крупная категория – помогатели, скорее линейный персонал, связанный с огромным масштабом и сложностью бассейна Волги. Третья по численности категория, помощники шкиперов, является одной из самых универсальных в плане должностных обязанностей на судах, особенно несамоходных.

Еще одной возможностью представить численность плавсостава и его должностное распределение на каждом отдельном судне является анализ списка погибшей 20 ноября 1942 г. в полном составе команды парохода «Алтай», подорвавшегося на мине: 1) Макарычев К.И. – капитан; 2) Соколов П.И. – штурман; 3) Кривоногов В.И. – штурман; 4) Ильин – штурман; 5) Прохоров – рулевой; 6) Заринова – рулевой; 7) Елесеева – матрос; 8) Ильина – матрос; 9) Соколова – матрос; 10) Прохорова – матрос; 11) Соколова – матрос; 12) Есиков – механик; 13) Дымченко – помощник механика; 14) Ткаченко – масленщик; 15) Качалов – масленщик; 16) Синицын – кочегар; 17) Есикова – кочегар; 18) Соколова – кочегар [6, л. 131–132].

Как видно, на пароходе до его гибели работало 18 человек. Команда могла дополняться (здесь мы, как минимум, не видим лоцмана, коменданта и кока), но данную цифру можно подтвердить оценкой команды другого судна. Для примера возьмем пароход «Кузнец» (экипаж должен был составлять 26 человек [3, с. 115], то есть дефицит работников составлял около трети состава), переданный «Волготанкеру» и работавший на переправах Сталинграда. Состав его команды довольно полно восстанавливается благодаря различным источникам:

Ананичев Александр Степанович – родился в 1888 г., капитан пароходов «Борьба» (до 31 августа) и «Кузнец». Приказом от 6 ноября 1942 г. награжден значком «Отличник соцсоревнования» НКРФ и месячным заработком [14, л. 24–25]. Член ВКП(б) [19, л. 44]. В октябре 1942 г. был награжден в честь 25-летней годовщины Октября за образцовую работу и помощь защитникам Сталинграда [23, л. 26], а в декабре – орденом Красной Звезды [3, с. 34].

Кононов Михаил Иванович – первый помощник капитана.

Таганов Михаил Тимофеевич – лоцман.

Ананичева Александра Григорьевна – матрос.

Володин Сергей Николаевич – механик, член ВКП(б) [19, л. 44].

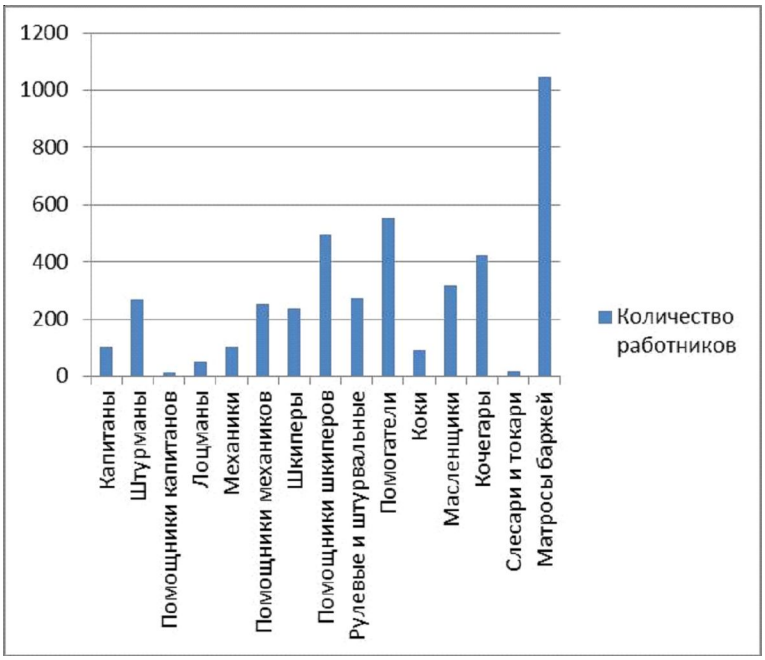

Рис. 2. Качественный состав работников «Волготанкера» по должностям в 1941 году

Fig. 2. Qualitative composition of “Volgotanker” employees by positions in 1941

Чемоданов Федор Петрович – механик. Родился в 1905 г., член ВКП(б). В сентябре 1942 г. был награжден медалью «За боевые заслуги» [3, с. 205].

Ильясов Илья Николаевич – лоцман, член ВКП(б) [19, л. 44].

Белов Геннадий Михайлович – кочегар [4, л. 9].

Белов Василий Михайлович – кочегар. В 1942 г. ему было всего 16 лет [1, с. 47]. Приказом № 27 от 28 ноября 1942 г. награжден Почетной грамотой Наркомречфлота и полумесячным заработком за самоотверженную работу в помощь защитникам Сталинграда [14, л. 43–44].

Белов Михаил Ефимович – первый помощник механика. Приказом от 6 ноября 1942 г. награжден Почетной грамотой Наркомречфлота и полумесячным заработком [14, л. 24–25]. В октябре 1942 г. был награжден в честь 25-летней годовщины Октября за образцовую работу и помощь защитникам Сталинграда [23, л. 26].

Белова Мария – матрос, жена Белова М.Е. и мать Белова В.М. [1, с. 47].

Горностаев – старший лейтенант, комендант «Кузнеца». Героически сбросил руками с палубы парохода авиабомбу зажигательного действия во время выполнения специального задания, заключавшегося в снятии с мели баржи с грузом. Получив ожоги, спас судно [2, с. 15].

Белинский Ф.И. – матрос. Приказом № 27 от 28 ноября 1942 г. награжден Почетной грамотой Наркомречфлота и полумесячным заработком за самоотверженную работу в помощь защитникам Сталинграда [14, л. 43–44].

Глушко Степан Петрович – масленщик. Приказом от 6 ноября 1942 г. награжден Почетной грамотой Наркомречфлота и полумесячным заработком [14, л. 24–25]. В октябре 1942 г. был награжден в честь 25-летней годовщины Октября за образцовую работу и помощь защитникам Сталинграда [23, л. 26].

Сметанин В.Е. – штурвальный. Приказом № 27 от 28 ноября 1942 г. награжден Почетной грамотой Наркомречфлота и полумесячным заработком за самоотверженную работу в помощь защитникам Сталинграда [14, л. 43–44].

Долинина Мария Петровна – родилась в 1906 г., кочегар. Приказом от 6 ноября 1942 г. награждена значком «Отличник соцсоревнования» НКРФ и месячным заработком [14, л. 24–25]. В октябре 1942 г. была награждена в честь 25-летней годовщины Октября за образцовую работу и помощь защитникам Сталинграда [23, л. 26]. В декабре 1942 г. награждена медалью «За боевые заслуги» [3, с. 84].

Зуков И.С. – масленщик. Приказом № 27 от 28 ноября 1942 г. награжден Почетной грамотой Наркомречфлота и полумесячным заработком за самоотверженную работу в помощь защитникам Сталинграда [14, л. 43–44].

Газенпуд – пожилой матрос «Кузнеца» [1, с. 47].

Очевидно, что приведенные данные по части численности команды «Кузнеца» сходятся с информацией о пароходе «Алтай». Более того, на обоих пароходах было по два масленщика и по три кочегара, а остальной состав команды в целом вполне сопоставим. В связи с этим можно предположить, что такая численность команды была более или менее стандартной, хотя не исключала корректировок. Стоит также отметить, что такое количество работников было вариантом сниженной нормы, на что указывает соотношение показателей количества судов и численности плавсостава в 1941 году. Примерно сопоставив такую сниженную численность средней команды с количеством судов, можно осторожно предположить, что численность плавсостава могла снизиться приблизительно до 3 000 человек.

Половозрастной состав работников. К теме изменений численности работников пароходства плотно примыкает вопрос о качественных преобразованиях в кадровом составе «Волготанкера», который также менялся из-за войны.

В 1941 г. женщины составляли только около 5 % работников Наркомречфлота, трудились они в основном таксировщиками, малярами, складскими рабочими [12, л. 4]. Первая и логичная идея, которая приходит в голову при оценке полового состава работников «Волготанкера» во время войны, заключается в том, что количество женщин во всех частях «Волготанкера» увеличивалось. На деле ситуация была сложнее и интереснее. «Волготанкер» еще в довоенном, 1940 г., судя по статистике, был очень «женской» организацией – за навигацию только в плавсоставе работало 1 140 женщин, или 40 % от общего числа рядового плавсостава [7, л. 6]. В основном, трудились матросами, кочегарами, 100 % коков были женского пола, а некая Васильева В.А. даже была рулевой на пароходе «Реконструкция». На 15 мая 1941 г. женщин в пароходстве было уже 1 166 [7, л. 23], но, как можно заметить, рост не был радикальным.

Для удобства оценки можно разделить персонал на несколько крупных категорий – береговой персонал Управления, береговой технический персонал (инструкторы путей, участков, бакенщики и т. д.), береговой младший персонал (грузчики, уборщики), командный персонал плавсостава, средний персонал судна, младший персонал. Высшая часть кадров, как береговая, так и плавающая, с наступлением войны мало сменила свой состав. Эти люди высоко ценились на своих местах из-за опыта и профессионализма, поэтому движение кадров в этих частях организации было незначительным. Почти все они были мужчинами. Средний персонал был больше подвержен мобилизации, поэтому здесь возрастала доля женщин, но более четкая тенденция в этой части организации была связана с «омоложением» кадров. Ушедших или погибших мужчин заменяли только что окончившие училища молодые люди, часто это были даже члены семей речников, их сыновья. Женщины в этой группе кадров чаще всего бакенщицы, коки. Самой «женской» частью организации был младший персонал судов и берега. Например, с весны 1942 г. нормы для женских бригад грузчиков в связи с массовым невыполнением норм женщинами понижались на 20 % [15, л. 63], что говорит о массовости женского труда в этой сфере. Уборщицы, машинистки, масленщицы, кочегары, матросы, грузчицы – все они трудились не покладая рук, чтобы доставить нефтепродукты своей стране. Мужчины именно с этих должностей массово ушли на фронт, что обусловило сильное изменение в кадровом составе этой части организации. Оставшиеся мужчины чаще всего были также очень юными и работали грузчиками, что было связано с недостаточной эффективностью женских бригад.

Женщины на речном транспорте часто занимали и более «военные» должности – на судах встречались пулеметчицы, а в честь 8 марта 1943 г. отряд военизированной охраны премировал 9, а поздравил всего 37 женщин, 30 из которых были стрелками охраны, а остальные кассирами и уборщицами [13, л. 22]. В общем, популярная примета «женщина на корабле – к беде» не была понятна работникам «Волготанкера» еще до войны, а уж во время нее «слабый пол» стал настоящей опорой бесперебойной деятельности организации.

Дополняют данные о половозрастном составе работников и вышеупомянутые списки команд судов «Алтай» и «Кузнец», на которых было 8 и 3 женщины соответственно. Возрастной диапазон речников «Кузнеца», у которых удалось установить дату рождения, – от 16 до 54 лет. Интересную информацию о ситуации на судах дают и сами имена плавсостава. Например, четыре Соколовых на пароходе «Алтай» – вряд ли однофамильцы. Нормальной практикой на судах было работать целыми семьями – отец занимал более высокую должность штурмана или механика, а жена и дети работали матросами, масленщиками, кочегарами [9, с. 86]. Причем, такая семья на судне обычно была не одна, что также можно видеть по спискам команд вышеуказанных судов. Из этого вытекает несколько необычный уровень сплоченности трудового коллектива, своеобразное единение, и без того свойственное судовым командам на море и на реке.

Подтверждает сложившуюся ситуацию и приказ по Управлению «Волготанкера» от 26 июля 1942 г., по которому с судов снимались семьи плавсостава и направлялись по местам жительства или приписки судов, в связи с возросшей для плавсостава опасностью, связанной с приближением фронта к Волге. Особенно это касалось детей от 8 до 14 лет, которых, в случае необходимости, помещали в интернаты. Женщин же, работавших и не работавших, которые имели детей в возрасте до 8 лет, снимали с судов и обеспечивали жильем, если была такая необходимость, определяя их в таком случае на береговую работу. Вместо этих женщин на суда поступали учащиеся ремонтных школ, техникумов или дети судокоманд в возрасте от 15 лет [11, л. 163].

Результаты. Итак, большое значение для эффективности работы организации имела численность и качество персонала. Береговой штат пароходства включал в себя административный персонал, работников, задействованных в погрузке-выгрузке, линейный и судоремонтный, обслуживающий персонал и составлял на Нижней Волге 109 человек в 1941 г., сокращаясь в дальнейшем примерно до 70 человек. Численность плавсостава пароходства в

1941 г. составляла 4 243 человека с возможным снижением до 3 000 человек в дальнейшем, которое было связано с гибелью, эвакуацией и уходом в армию. Команда одного самоходного судна составляла около 18 человек, что было вариантом сниженной нормы. Падение численности парторганизаций «Волготанкера» на 53 % может свидетельствовать о сопоставимом кадровом голоде и во всей организации. Наибольший дефицит касался таких должностей, как матросы, кочегары, масленщики, грузчики.

Еще до войны рядовой плавсостав «Волготанкера» на 40 % состоял из женщин, которых в дальнейшем становилось только больше. Штат «молодел», многие работники были 16–17 лет от роду, часто являясь детьми команды. Вообще, родственные связи зачастую пронизывали команды пароходов, на которых находились и совсем малолетние (до 8 лет) «речники». Приказ о снятии детей и их матерей с судов был выпущен только 26 июля 1942 г., когда первых решили поместить в интернаты.

Оценить эффективность работы речников «Волготанкера» совершенно беспристрастно трудно, поскольку расчет численности и состава трудящихся обостряет осознание нами особого ужаса и масштаба того испытания, которое суждено было пройти этим людям, работавшим в районе Нижней Волги во время войны. Сопоставление объема перевозок и неуклонно падающей численности персонала с увеличением количества женщин и подростков в среде речников говорит о том, что эффективность работы каждого отдельного человека не только не снижалась, но даже росла, с учетом падения качества и количества персонала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беркович Ю., Лебедев-Морской А. Это было на сталинградских переправах. М.: Речиздат, 1944. 80 с.

2. Волгари. О людях Сталинградской переправы / под ред. Ю. Костюка. М.: Воениздат, 1943. 46 с.

3. Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах: обеспечение коренного перелома в войне. Т. 1. Боевые навигации на Нижней Волге и Северном Каспии (1942–1943): энциклопедический справочник / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2019. 256 с.

4. Воспоминания Ананичева А. С. // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». НВФ-19641.

5. Гоманенко О. А. От функционального к производственно-территориальному принципу управления на водном транспорте (на примере Волжского речного флота начала 1930-х годов) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 43–48.

6. Документы (политдонесения, справки, доклады) о партийно-политической работе политотдела пароходства // Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 796. Оп. 1. Д. 17. 195 л.

7. Отчеты о движении кадров рядового плавсостава // ГААО. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 421. 27 л.

8. Отчеты эксплуатационных участков о движении кадров // ГААО. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 422. 100 л.

9. Пермяков В. В. Опаленные Волгой. Самара: Данглис, 2002. 449 с.

10. Положения и инструкции об организации труда в пароходстве «Волготанкер» // ГААО. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 414. 300 л.

11. Приказы и решения Управления пароходства «Волготанкер» // ГААО. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 439. 258 л.

12. Приказы и решения Народного комиссариата речного флота // ГААО. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 440. 83 л.

13. Приказы командира отряда военизированной охраны «Волготанкер» // ГААО. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 14. 224 л.

14. Приказы народного комиссара речного флота СССР о награждении работников речного пароходства и по другим вопросам // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 11418. Оп. 1. Д. 5. 54 л.

15. Приказы начальника политуправления речного флота СССР // ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 10. 253 л.

16. Приказы политуправления речного флота СССР и Наркомречфлота // ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 20. 230 л.

17. Приказы Управления пароходства «Волготанкер» // ГААО. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 408. 178 л.

18. Распоряжения Управления пароходства «Волготанкер» // ГААО. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 411. 50 л.

19. Списки руководящих работников политотдела и пароходства, партийных организаций, пристаней и плавсостава // ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 9. 64 л.

20. Статотчеты политотдела пароходства о составе и движении парторганизаций за 1941 г. и документы к ним // ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 12. 174 л.

21. Статотчеты политотдела пароходства о составе и движении парторганизаций за 1942 г. и документы к ним // ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 16. 132 л.

22. Статотчеты политотдела пароходства о составе и движении парторганизаций за январь – апрель 1943 г. и документы к ним // ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 22. 148 л.

23. Телеграфная переписка из политотдела речного флота СССР поздравления награжденным и другим вопросам // ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 18. 75 л.

REFERENCES

1. Berkovich Iu., Lebedev-Morskoi A. *Eto bylo na stalingradskikh perepravakh* [It Was at the Stalingrad Crossings]. Moscow, Rechizdat, 1944. 80 p.

2. Kostiuk Iu., ed. *Volgari. O liudiakh Stalingradskoi perepravy* [Volgari. About the People of the Stalingrad Crossing]. Moscow, Voenizdat, 1943. 46 p.

3. Zagorulko M.M., ed. *Volzhsko-Kaspiiskii bassein v 1942–1943 godakh: obespechenie korennogo pereloma v voine. T. 1. Boevye navigatsii na Nizhnei Volge i Severnom Kaspii (1942–1943): entsiklopedicheskii spravochnik* [Volga-Caspian Basin in 1942–1943: Providing a Radical Turning Point in the War. Vol. 1. Combat Navigations on the Lower Volga and Northern Caspian Sea (1942–1943). Encyclopedic Reference Book]. Volgograd, Izdatel Publ., 2019. 256 p.

4. Vospominaniia Ananicheva A.S. [Memories of Ananichev A.S.]. *Gosudarstvennyi istoriko-memorialnyi muzei-zapovednik «Stalingradskaia bitva»* [State Historical and Memorial Museum-Reserve "Battle of Stalingrad"]. NVF-19641.

5. Gomanenko O.A. Ot funktsionalnogo k proizvodstvenno-territorialnomu printsipu upravleniia na vodnom transporte (na primere Volzhskogo rechnogo flota nachala 1930-kh godov) [From Functional to Industrial-Territorial Principle of Management on Water Transport (The Example of the Volga River Fleet in the Early 1930s)]. *Vestnik VGU. Seriia: Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2019, no. 3, pp. 43-48.

6. Dokumenty (politdoneseniia, spravki, doklady) o partiino-politicheskoi rabote politotdela parokhodstva [Documents (Political Reports, References, Reports) On Political Work of the Shipping Company Political Department]. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti (GAAO)* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 796, inv. 1, d. 17. 195 l.

7. Otchety o dvizhenii kadrov riadovogo plavsostava [Reports on the Movement of Personnel of Ordinary Seafarers]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2163, inv. 1, d. 421. 27 l.

8. Otchety ekspluatatsionnykh uchastkov o dvizhenii kadrov [Reports of Operating Sites on the Movement of Personnel]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2163, inv. 1, d. 422. 100 l.

9. Permiakov V.V. *Opalennye Volgoi* [Scorched by the Volga]. Samara, Danglis Publ., 2002. 449 p.

10. Polozheniia i instruktsii ob organizatsii truda v parokhodstve «Volgotanker» [Regulations and Instructions on Work Organization in "Volgotanker" Shipping Company]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2163, inv. 1, d. 414. 300 l.

11. Prikazy i resheniia Upravleniia parokhodstva «Volgotanker» [Orders and Decisions of the "Volgotanker" Shipping Company Administration]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2163, inv. 1, d. 439. 258 l.

12. Prikazy i resheniia Narodnogo komissariata rechnogo flota [Orders and Decisions of the Commissariat of the River Fleet]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2163, inv. 1, d. 440. 83 l.

13. Prikazy komandira otriada voenizirovannoi okhrany «Volgotanker» [Orders of the Commander of the "Volgotanker" Paramilitary Guard Detachment]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 1621, inv. 1, d. 14. 224 l.

14. Prikazy narodnogo komissara rechnogo flota SSSR o nagrazhdenii rabotnikov rechnogo parokhodstva i po drugim voprosam [Orders of the Commissar of the River Fleet of the USSR on the Awarding of Employees of the River Shipping Company and on Other Issues]. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO)* [Center for Documentation of Contemporary History of Volgograd Region], f. 11418, inv. 1, d. 5. 54 l.

15. Prikazy nachalnika politupravleniia rechnogo flota SSSR [Orders of the Head of the Political Department of the USSR River Feet]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 796, inv. 1, d. 10. 253 l.

16. Prikazy politupravleniia rechnogo flota SSSR i Narkomrechflota [Orders of the Political Management of the USSR River Fleet and the Commissariat of the River Fleet]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 796, inv. 1, d. 20. 230 l.

17. Prikazy Upravleniia parokhodstva «Volgotanker» [Orders of the "Volgotanker" Shipping Company Administration]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2163, inv. 1, d. 408. 178 l.

18. Rasporiazheniia Upravleniia parokhodstva «Volgotanker» [Instructions of the "Volgotanker" Shipping Company Administration]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2163, inv. 1, d. 411. 50 l.

19. Spiski rukovodiashchikh rabotnikov politotdela i parokhodstva, partiinykh organizatsii, pristanei i plavsostava [Lists of Senior Employees of the Political Department and Shipping Department, Party Organizations, Wharfs and Ship's Personnel].

TsDNIVO [Center for Documentation of Contemporary History of Volgograd Region], f. 11418, inv. 1, d. 9. 64 l.

20. Statotchety politotdela parokhodstva o sostave i dvizhenii partorganizatsii za 1941 g. i dokumenty k nim [Statistical Reports of the Political Department of the Shipping Company on the Composition and Movement of Party Organizations for 1941 and Documents to Them]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 796, inv. 1, d. 12. 174 l.

21. Statotchety politotdela parokhodstva o sostave i dvizhenii partorganizatsii za 1942 g. i dokumenty k nim [Statistical Reports of the Political Department of the Shipping Company on the Composition and Movement of Party Organizations for 1942 and Documents to Them]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 796, inv. 1, d. 16. 132 l.

22. Statotchety politotdela parokhodstva o sostave i dvizhenii partorganizatsii za ianvar – aprel 1943 g. i dokumenty k nim [Statistical Reports of the Political Department of the Shipping Company on the Composition and Movement of Party Organizations for January – April 1943 and Documents to Them]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 796, inv. 1, d. 22. 148 l.

23. Telegrafnaia perepiska iz politotdela rechnogo flota SSSR pozdravleniia nagrazhdennym i drugim voprosam [Telegraphic Correspondence from the Political Department of the River Fleet of the Ussr Congratulations to the Awarded and Other Issues]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of Volgograd Region], f. 11418, inv. 1, d. 18. 75 l.

Information About the Author

Margarita I. Bukatina, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, im-201_175393@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6765-4170

Информация об авторе

Маргарита Игоревна Букатина, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, im-201_175393@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6765-4170

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.7

UDC 94(47+57)“1941/1945”:614.885
LBC 63.3(2)622-3

Submitted: 07.06.2022
Accepted: 08.12.2022

THE RED CROSS ACTIVITIES IN THE RIVER TRANSPORTATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (THE MIDDLE VOLGA CASE)

Olesya A. Gomanenko
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniia L. Golovina
Centre for the Stalingrad Battle Studies, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The Red Cross during the Great Patriotic War contributed significantly to the provision of medical care to both Soviet soldiers and the local population. According to the policy of centralizing public organizations, the Red Cross was integrated into the public authorities and subjected to the Party organs and the People’s Commissariat for Health Care. *Materials and methods.* The study is based on the objectivity principles and applies general scientific as well as specific historical methods. The paper is mainly based on unpublished archival materials. *Analysis.* The paper shows the activities of the Red Cross regional division – the Middle Volga Basin Committee that can be an example of multifunctional use of the organization. The Red Cross Middle Volga Basin Committee was formed in 1939. The paper goal is to establish the importance of the Red Cross of the Middle Volga Steamship Lines in the Great Patriotic War and particularly in the Battle of Stalingrad. From summer 1942 near-frontline Middle Volga was a link in the transportation of the wounded and evacuated population from the Lower Volga region. The basic personnel of the Middle Volga Red Cross were women. Their selfless effort and efficiency were noted by hospitals. *Results.* In difficult conditions, particularly in 1942–1943 the Middle Volga Red Cross Committee fulfilled various tasks to ensure sanitation in the Volga section it was charged with. It trained sanitary and medical personnel for the Red Army and People’s Commissariat for Health Care. The organization educated the population on first aid, including assisting in preparation for the “Ready for Sanitary Defense” test. The Middle Volga Red Cross worked in evacuation hospitals and posts, and in ambulance ships. Besides the organization contributed to preventive anti-epidemic measures. *Authors’ contribution.* O.A. Gomanenko and E.L. Golovina jointly studied historiography, archival materials and made conclusions on the subject.

Key words: Red Cross, sanitation, river transportation, medical care, the Middle Volga.

Citation. Gomanenko O.A., Golovina E.L. The Red Cross Activities in the River Transportation During the Great Patriotic War (The Middle Volga Case). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 77-84. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.7

УДК 94(47+57)“1941/1945”:614.885
ББК 63.3(2)622-3

Дата поступления статьи: 07.06.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНОГО КРЕСТА НА РЕЧНОМ ТРАНСПОРТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ)

Олеся Александровна Гоманенко
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгения Леонидовна Головина
Центр по изучению Сталинградской битвы, г. Волгоград, Российская Федерация

© Гоманенко О.А., Головина Е.Л., 2023

Аннотация. *Введение*. Красный Крест в ходе Великой Отечественной войны внес значительный вклад в дело оказания медицинской помощи и советским солдатам, и местному населению. В соответствии с тенденциями централизации управлением всеми общественными организациями он представлял собой интегрированную в государственные органы власти структуру, подконтрольную партийным органам и Наркомату здравоохранения. *Методы и материалы*. Исследование основывается на принципах историзма и объективности. Статья базируется на архивных материалах и подготовлена с использованием общенаучных и специальных исторических методов. *Анализ*. В статье рассматривается деятельность территориального отделения – Средневолжского бассейнового комитета (басском) общества Красного Креста, который являлся примером многофункционального использования организации. Басском Средневолжского речного пароходства (далее – СВРП) был образован в 1939 году. Цель настоящей статьи заключается в выяснении значения деятельности Красного Креста СВРП в годы Великой Отечественной войны, в частности в период Сталинградской битвы. С лета 1942 г. прифронтовая Средняя Волга стала транспортным звеном в переправке раненых и эвакуированного населения из Нижнего Поволжья. Основой кадрового состава Средневолжского басскома в годы войны являлись женщины, чей самоотверженный труд и эффективная работа отмечались подшефными комитету организациями (госпиталями). *Результаты*. Несмотря на сложную обстановку, в особенности в 1942–1943 гг., басском выполнял различные задания для обеспечения санитарной безопасности вверенного ему участка Волжской водной магистрали. Средневолжский бассейновый комитет общества Красного Креста готовил санитарно-медицинские кадры для Красной армии и Наркомата здравоохранения. Он вел просветительскую работу с населением по оказанию первой помощи, в том числе помогал в подготовке к сдаче норм ГСО («Готов к санитарной обороне»). Басском осуществлял работы в эвакогоспиталях и эвакопунктах, на санитарных судах. Помимо этого, он помогал в проведении профилактических противоэпидемических мероприятий. *Вклад авторов.* О.А. Гоманенко и Е.Л. Головина совместно проанализировали историографию вопроса, архивные документы и сделали выводы по исследованию.

Ключевые слова: Красный Крест, санитарная служба, речной транспорт, медицинская помощь, Средняя Волга.

Цитирование. Гоманенко О. А., Головина Е. Л. Деятельность Красного Креста на речном транспорте в годы Великой Отечественной войны (на примере Средней Волги) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 77–84. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.7

Введение. Организация Красного Креста, появившаяся еще в Российской империи и сохранившаяся в годы советской власти, сыграла важную роль в период Великой Отечественной войны. В это время медицинские кадры были острым дефицитом. Общественная инициатива, шедшая рука об руку с государственными органами здравоохранения, позволила в наиболее сложный период выполнить задачи по охране здоровья мирных граждан в тыловых районах. Красный Крест также оказывал своевременную помощь раненым бойцам советской армии и боролся с распространением инфекций в прифронтовых районах и в тылу. Деятельность Красного Креста на речном транспорте в историографии не рассматривалась. Цель исследования – выяснить значение работы Красного Креста на примере Средневолжского бассейнового комитета, рассмотреть выполнение поставленных перед ним задач в годы Великой Отечественной войны.

Методы и материалы. Проведенное научное исследование базируется на принципах историзма и объективности. Статья подготовлена с использованием общенаучных и специальных исторических методов, к которым относятся историко-сравнительный, историко-генетический и историко-системный. Основой работы являются неопубликованные документы Самарского областного государственного архива социально-политической истории, посвященные работе бассейнового комитета Красного Креста Средневолжского речного пароходства (СВРП). Историографическая база – общие исследования о деятельности Красного Креста в России, в том числе в годы Великой Отечественной войны [1; 2; 6; 7].

Анализ. Красный Крест был создан как общественная благотворительная организация, имевшая характер международного движения со многими национально-государственными отделениями. Несмотря на сложную историю данной организации в период Граж-

данской войны, она продолжила свое существование в стране Советов. 20 ноября 1918 г. в Москве прошло собрание членов Российского общества Красного Креста, где был принят новый Устав организации и избраны новые органы управления. 15 октября 1921 г. Международный Красный Крест официально признал Красный Крест СССР. 29 мая 1923 г. председатели обществ Красного Креста России, Украины, республики Белорусь, Армении и Грузии, а также общества Красного Полумесяца Азербайджана подписали Декларацию «О создании Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР» (далее – СОКК и КП СССР), где закреплялись основные цели и задачи организации. Главной их целью признавалось содействие органам здравоохранения в проведении профилактических и санитарно-оздоровительных мероприятий, а также оказание помощи пострадавшим от стихийных и военных действий [1, с. 135].

С развитием государственной системы здравоохранения складывалась ситуация дублирования СОКК и КП функций Наркомата здравоохранения. В связи с этим в 1938 г. Красный Крест передал органам государственного здравоохранения свои медицинские учреждения. После данных изменений основным направлением деятельности СОКК и КП стала работа с общественностью. В годы Великой Отечественной войны организации Красного Креста в большой степени включались в систему государственных органов. Таким образом, СОКК и КП имел частичное финансирование от государства, а партийные органы контролировали деятельность обществ и определяли задачи и направления их деятельности [7, с. 166].

В регионах, в зависимости от степени развития движения СОКК и КП, а также социально-экономической значимости территории, органы управления организациями Красного Креста существовали в виде комитетов или в форме оргбюро. Если сотрудники оргбюро трудились на общественных началах, то штатные работники комитетов получали зарплату [7, с. 167].

Отмечается, что в советский период много представителей медицинской профессуры были связаны с обществом Красного Креста. К примеру, в 1936 г. были образованы военные факультеты в медицинских вузах. В 1939 г. подобный факультет заработал и во 2-м Московском государственном медицинском институте. В 1939–1944 гг. там было подготовлено 10 выпусков военных врачей [2, с. 55].

В годы Великой Отечественной войны, когда потребовалась концентрация усилий всех организаций, обществ и жителей огромной страны, деятельность Красного Креста приобрела особую значимость. Организация стала хорошим подспорьем системе советского здравоохранения и военной медицине. Перед СОКК и КП встали важнейшие задачи. Во-первых, это подготовка санитарно-оборонных кадров для лечебных учреждений санитарной службы Красной армии и Наркомздрава, а также массовая подготовка населения по оказанию первой само- и взаимопомощи. Во-вторых, работа в эвакогоспиталях, санитарных поездах, эвакопунктах и других учреждениях по оказанию помощи раненым. Помимо этого, в задачи СОКК и КП входило массовое вовлечение трудящихся в ряды доноров, участие в медико-санитарной службе МПВО. Красный Крест участвовал в обслуживании эвакуированного населения, инвалидов войны и семей фронтовиков, собирал подарки раненым бойцам. СОКК и КП проводил массовые санитарно-оздоровительные и противоэпидемические мероприятия, пропагандировал санитарно-оборонные знания и санитарно-просветительную работу. Задачами Красного Креста также стали: оказание помощи населению, пострадавшему от временной оккупации (особенно детям); медико-санитарная помощь населению, работавшему на сооружении оборонительных рубежей, на лесозаготовительных работах и др. [6].

Большое значение в помощи фронту, поддержке мирного населения и речников в годы войны имела деятельность бассейнового комитета Красного Креста Средневолжского пароходства. Он был образован в 1939 г., вторичное утверждение состава в связи с убывшими на фронт медиками прошло в 1942 г. [5, л. 1]. Басском охватывал бассейн Средней Волги длиной в 1 000 км от затона имени Куйбышева (Татарская АССР) до затона у села Золотое (100 км ниже Саратова) [3, л. 7]. При оргбюро басскома восемь районных пунктов

работали круглый год и три отстойных пункта функционировали только зимой, когда там стоял флот на ремонте (весной с началом навигации работа на данных пунктах сворачивалась). Бассейновый комитет СВРП включал в себя 10 районных комитетов со 140 первичными организациями и общественными работниками. Численность участников движения составляла на конец 1943 г. – 7 079 человек. Комитеты райкомов состояли из пяти членов, избираемых на собраниях [4, л. 4]. В оргбюро бассейнового комитета числилось четыре человека (до середины 1943 г. их было пять, один выбыл). Стоит отметить, что текучести кадров в басскоме СВРП практически не было в отличие от непосредственных работников водного транспорта [4, л. 8].

В годы Великой Отечественной войны Средневолжский басском обслуживал речников шести пристаней и шести судоремонтных заводов. На попечении комитета находилось около 8 000 человек [3, л. 7]. Кроме того, в период Сталинградской битвы Средняя Волга, с лета 1942 г. являвшаяся прифронтовой полосой, стала одним из основных связующих звеньев в транспортировке эвакуированного населения и раненых с фронта из Нижнего Поволжья вглубь страны. Отсюда особое значение приобрела помощь активистов Красного Креста с задачами, вставшими перед медицинскими службами Средневолжского региона. Основная работа шла на речных вокзалах Сызрани, Саратова, Куйбышева, Ульяновска.

Главными формами работы басскома СВРП были: санитарно-оборонная работа (непосредственная помощь фронту); общественная помощь раненым, находившимся на излечении в эвакогоспиталях; санитарно-профилактическая и противоэпидемическая работа; донорство. Помимо этого, проводились: разъяснительная работа с населением, в том числе среди школьников; подготовка медсестер, санитарных дружин; курсы для населения по нормам ГСО, а также агитационно-пропагандистская работа, как среди участников организации, так и с населением.

По отдельным направлениям деятельность бассейнового комитета Красного Креста СВРП выглядела следующим образом. В рамках санитарно-оборонной работы комитетом производилась транспортировка раненных на плавучих вокзалах с санитарно-транспортных судов в госпитали. В разгрузке на протяжении 1943 г. обычно принимали участие 70 дружинниц и активисток Красного Креста. Совокупно за 1943 г. ими было отработано 1 620 человеко-часов. Участницы Красного Креста снимали раненых с санитарных пароходов. Перемещали их в эвакоприемник вокзала, затем на машинах отправляли в госпитали. Кроме того, они помогали и в госпиталях (мыли раненых, кормили, отправляли в палаты, готовили подарки и т. п.) [4, л. 8]. Особенно напряженной была работа в конце 1942 г. – начале 1943 года. В это время отличилась первичная организация Красного Креста Торгречтранса, шефствовавшая в Окружном госпитале над одним из бараков. Там у раненых круглосуточно дежурили 12 человек, за что удостоились особой благодарности от командования госпиталя № 358 [5, л. 14].

В 1944 г. объем работ по приемке раненых значительно сократился. Так, нормой была работа на приеме в госпитали 40 активисток Красного Креста. За год было проработано 328 человеко-часов. Продолжалась подготовка подарков для бойцов. В 1944 г. было отправлено на фронт 1 500 подарков. Дружинницы продолжали помогать в госпиталях: проводили уборку, дежурили у тяжелобольных по ночам и др. [4, л. 2].

Выполняя задачи по оказанию помощи раненым в эвакогоспиталях, шесть районных комитетов басскома Красного Креста СВРП шефствовали над девятью палатами в четырех госпиталях. Собственными силами они полностью укомплектовали подшефные палаты жестким инвентарем. К примеру, на собранные организацией средства было изготовлено 30 тумбочек и приобретено 30 кроватей. В каждую палату поставили этажерки и провели радио. Активистки Красного Креста шили шторы, салфетки и все необходимое для мягкого оборудования палат. Таким образом, самим госпиталем было предоставлено только постельное белье, остальное – шефами [4, л. 8].

Помимо первоочередных нужд находящихся на излечении организовывался и досуг. Через бассейновый комитет речников подопечных подшефных палат обеспечивали

ежедневно свежими газетами и литературой, два раза в неделю направляли парикмахеров для бритья и стрижки. К праздникам активистами готовились подарки раненым (за 1943 г. было сделано 900 подарков), приносились патефоны и устраивались встречи за общим столом. Вылечившихся солдат, находившихся в отпусках и тем, кому некуда было возвращаться, шефы размещали у себя на квартирах [4, л. 9].

Значительная работа проводилась комитетом и по сбору средств для помощи защитникам Родины. Для этого была создана специальная комиссия во главе с председателем басскома Корицкой. Так, за 1943 г. было собрано 6 200 руб. на индивидуальную помощь тяжелораненым и инвалидам войны. Многие первичные организации на собранные деньги приобретали продукты для подшефных госпиталей. В медучреждения от комитета поступали арбузы, яблоки, рыба, овощи (точное количество закупленного и переданного не учитывалось).

Собирали члены басскома и помощь для освобожденных от оккупации районов СССР. Например, активистки Красного Креста затона имени Куйбышева собрали для Смоленска 15 000 руб., 17 кг шерсти, 50 табуреток, 10 столов, 8 ламп, 100 кг гвоздей, 50 молотков, 4 плуга, козу, барана, двоих гусей и трех куриц. Кроме того, в навигацию 1943 г. на шести речных вокзалах Средневолжским бассейновым комитетом Красного Креста были организованы комнаты для проезжавших раненых одиночек. Комнаты были оснащены необходимым инвентарем, в них проводилось круглосуточное дежурство активистов Красного Креста и дружинниц. За 1943 г. участниками басскома было проработано 27 720 человеко-часов и обслужено 21 700 раненых. За добросовестный уход активисткам было записано 19 благодарностей от раненых бойцов и командиров. Сохранились фамилии лучших активистов по обслуживанию раненых за 1943 г.: Алексеева, Рябова, Степанова, Иванова, Филькинштейн и др. [4, л. 9–10].

Санитарно-профилактическая и противоэпидемическая работа Средневолжского басскома делилась на два направления – это участие в создании отрядов первой помощи для рабочих на лесозаготовках и совместная с Воздравотделом профилактика инфекционных заболеваний в населенных пунктах. Для выполнения первой задачи в 1943 г. 750 медицинских работников (из них 500 человек вступили в ряды Красного Креста) отправились на лесоразработки. Организованный санитарный пост под руководством судового медика оказал 1 272 случая медицинской помощи [4, л. 10]. В 1944 г. на лесозаготовительных работах было оснащено уже пять санитарных постов. Количество случаев оказания первой помощи снизилось в три раза (425 случаев) [4, л. 4]. В 1943 г. для проведения противоэпидемической борьбы были направлены 70 человек в составе двух курсов и двух дружинниц Красного Креста. Курсантки и дружинницы совместно с медработниками ходили по жилым домам и цехам, проводили профилактику дизентерии, делали прививки от брюшного тифа [4, л. 11]. В 1944 г. подобной работой занимались 55 активисток басскома СВРП. Они также выявляли загрязненные квартиры, общежития, где при обнаружении грязи, вшивости принимали меры (совместно с Воздравотделом) по их устранению. Активистки следили за санитарным состоянием общежитий, цехов, домов в связи с возникшей в Куйбышеве эпидемией тифа [5, л. 11].

При работе со школьниками Средневолжский басском разворачивал санитарно-оборонную работу в трех подшефных ему школах: двух школах в затонах и одной в г. Куйбышеве. Для этого создавались школьные секции и кружки, где педагоги и председатели районных комитетов Красного Креста занимались подготовкой школьников по нормам ГСО и БГСО («Будь готов к санитарной обороне»). За 1943 г. на значок ГСО было подготовлено 496 школьников, на значок БГСО – 218. К обучению детей привлекали врачей и средний медицинский персонал. Кружки и секции оснащались наглядными пособиями и учебниками. В 1943 г. имелось девять укомплектованных санитарных постов для школьников 7–10 классов и восемь для 4–6 классов. Санпосты проводили работы со своими классами, следили за санитарным состоянием учащихся. При каждой из школ была организована санитарная дружина. Дружины прикреплялись к подшефным госпиталям. Учащиеся дежурили и проводили уборку в пала-

тах с ранеными, помогали в приеме и эвакуации больных. В январе 1943 г. дети участвовали в подготовке школьных помещений под размещение раненых – выносили парты, кровати, мыли стены и т. д. [4, л. 12]. В 1944 г. подшефных басскому школ было уже четыре: две неполных средних, одна полная средняя и одна начальная [5, л. 11].

Стоит отметить, что работа по подготовке к нормам ГСО велась басскомом СВРП и среди взрослого населения вверенной ему территории при активном сотрудничестве с МПВО. Таким образом, к концу 1944 г. комитетом было подготовлено 1 428 человек, совместно с МПВО – 1 781 человек, а всего – 3 209 человек. Лучшими первичными организациями Красного Креста по подготовке к нормам ГСО стали затон имени Куйбышева, Балаковский затон и Куйбышевский судоремонтный завод. Лучшими врачами-активистами признаны: Одинцова, Красновская, Долик, Авряскина, Малютина, Комарова и др. [5, л. 14].

Одной из важных задач Средневолжского басскома Красного Креста была подготовка медсестер и санитарных дружин. В рамках данной работы в 1942 г. было подготовлено и выпущено шесть групп медсестер (94 человека), из которых четыре группы были бюджетные (хотя по плану числилось три) и две – общественные (без оплаты часов обучения персоналу). По данным оргбюро басскома, 50 % обучавшихся на курсах оставались работать в местных медучреждениях. Таким образом шла подготовка медицинских кадров не только для Красной армии, но и для «себя». Что касается выполнения плана, в 1942 г. он был осуществлен на 130 % при том, что израсходованный бюджет превысил план лишь на 105,2 %. Из выпущенных медицинских сестер 18 были призваны в Красную армию и двое ушли добровольцами. Остальные работали либо на санитарном судне № 13, либо в системе Водздрава. За этот же период было подготовлено шесть санитарных дружин (114 человек). Все дружины закреплялись за своими объектами, в каждой имелся командир и политрук [5, л. 14 об.]. Следует отметить, что при выполнении задания по подготовке медицинских кадров организацией Красного Креста была достигнута значимая экономия бюджетных средств. К примеру, в 1943 г. на подготовку сандружинниц выделялось 11 000 руб., а израсходовано было в 3,5 раза меньше (3 284 руб.). Подобная экономия достигалась за счет того, что большая часть подготовки проходила в общественном порядке, без оплаты труда преподавателей и командиров сандружин. По плану требовалось подготовить 90 сандружинниц, по факту было обучено 260 человек (288 % к плану) [3, л. 8].

Участники Средневолжского басскома занимались также агитационно-массовой и разъяснительной работой среди населения. За 1944 г. были проведены 242 лекции и беседы (4 272 человека) на различные санитарно-оборонные темы (15 докладов по истории Красного Креста, 12 выступлений о деятельности организации в Великой Отечественной войне). Основными слушателями являлись речники Куйбышева [4, л. 3]. Кроме того, для расширения аудитории использовались страницы бассейновой газеты «Сталинец». Председатель басскома Корицкая также выступала на радио [4, л. 2].

Результаты. Рассмотрев деятельность Средневолжского басскома в годы Великой Отечественной войны, был выявлен круг задач, который решался данной организацией в сложнейшее для страны время. Исследование показало, что отделение СОКК и КП на СВРП имело широкую, развитую сеть, включавшую в себя до 140 первичных организаций и отвечавшую за обширную территорию бассейна Средней Волги. Активисты Средневолжского бассейнового комитета Красного Креста со всеми имевшимися у них средствами стремились к выполнению задач, работая на общественных началах, ведя активную благотворительную деятельность. Являвшись помощником системе Наркомздрава СССР, Средневолжский басском стал союзником Водздрава, организовав медицинскую помощь нуждающимся и обеспечив санитарную безопасность своего региона.

Работа Средневолжского басскома отвечала требованиям времени и может служить одним из примеров эффективной деятельности организаций СОКК и КП СССР в военные годы. Между тем опыт работы Красного Креста, приобретенный в годы Великой Отечественной войны послужил основой для издан-

ного в 1948 г. пособия Я.И. Акодуса «Методическое руководство для преподавателей курсов медицинских сестер обществ Красного Креста и Красного Полумесяца по организации и тактике медицинской службы Советской Армии» [2, с. 155].

Таким образом, значение работы Красного Креста на речном транспорте Средней Волги существенно возросло в 1942–1943 годах. В это время басском играл важную роль в решении задач, поставленных перед медицинскими службами Средневолжского региона. Прифронтовая полоса стала одним из основных связующих звеньев в транспортировке эвакуированного населения и раненых с Нижней Волги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе А. Х., Бисултанов А. К., Сюняева М. Д. Эмблема Красного Креста и Красного Полумесяца через призму Отечественной истории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2014. № 3 (24). С. 132–138.

2. Ковтюх Г. С. К 150-летию образования Российского общества Красного Креста. Долг врача и милосердие в России // Лечебное дело. 2017. № 4. С. 50–56.

3. Объяснительная записка к годовому отчету Средневолжского Бассейнового Комитета Красного Креста за 1943 г. // СОГАСПИ. Ф. 860. Оп. 1. Д. 4. 211 л.

4. Объяснительная записка Средневолжского бассейнового комитета Красного Креста к годовому отчету за 1943 г. // СОГАСПИ. Ф. 860. Оп. 1. Д. 5. 89 л.

5. Объяснительная записка Средневолжского басскома Красного Креста за 1944 г. // СОГАСПИ. Ф. 860. Оп. 1. Д. 9. 69 л.

6. Попова В. В. Деятельность организаций Красного Креста и Красного Полумесяца в годы Великой Отечественной войны // Академия исторических наук. URL: http://www.ainros.ru/materPP/391PobPrib.htm

7. Семенов М. А. Организация Красного Креста в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 165–179. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-14

REFERENCES

1. Abashidze A.H., Bisultanov A.K., Sjunjaeva M.D. Emblema Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesjaca cherez prizmu Otechestvennoj istorii [The Emblem of Red Cross and Red Crescent in Terms of National History]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5, Jurisprudencija* [Science Journal of Volgograd State University. Law], 2014, no. 3 (24), pp. 132-138.

2. Kovtyukh G.S., Voloshun P.V., Zakharova I.A., Khreptus E.S. K 150-letiju obrazovanija Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta. Dolg vracha i miloserdie v Rossii [To the 150th Anniversary of the Russian Red Cross Society. The Duty of a Doctor and Charity in Russia]. *Lechebnoe delo* [General Medicine], 2017, no. 4, pp. 50-56.

3. Objasnitelnaja zapiska k godovomu otchetu Srednevolzhskogo Bassejnovogo Komiteta Krasnogo Kresta za 1943 g. [Explanatory Note to the Annual Report of the Middle Volga Red Cross of 1943]. *SOGASPI* [Samara State Archive of Social and Political History (SSASPH)], f. 860, inv. 1, d. 4. 211 l.

4. Objasnitelnaja zapiska Srednevolzhskogo bassejnovogo komiteta Krasnogo Kresta k godovomu otchetu za 1943 g. [Explanatory Note to the Annual Report of the Middle Volga Red Cross of 1943]. *SOGASPI* [SSASPH], f. 860, inv. 1, d. 5. 89 l.

5. Objasnitelnaja zapiska Srednevolzhskogo basskoma Krasnogo Kresta za 1944 g. [Explanatory Note of the Middle Volga Red Cross of 1944]. *SOGASPI* [SSASPH], f. 860, inv. 1, d. 9. 69 l.

6. Popova V. V. Dejatelnost organizacij Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesjaca v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Red Cross and Red Crescent Activities During the Great Patriotic War]. *Akademija istoricheskih nauk* [Academy of History]. URL: http://www.ainros.ru/materPP/391PobPrib.htm

7. Semenov M.A. Organizacija Krasnogo Kresta v Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Red Cross Organizations in Western Siberia During the Great Patriotic War]. *Istoricheskij kuryer* [Historical Courier], 2018, no. 1, pp. 165-179. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-14

Information About the Authors

Olesya A. Gomanenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9178-1145

Evgeniia L. Golovina, Master in History, Researcher, Centre for the Stalingrad Battle Studies, Marshala Chuikova St, 45, 400066 Volgograd, Russian Federation, centre-stalingrad@mail.ru, nagitchka@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5920-2377

Информация об авторах

Олеся Александровна Гоманенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9178-1145

Евгения Леонидовна Головина, магистр истории, научный сотрудник, Центр по изучению Сталинградской битвы, ул. Маршала Чуйкова, 45, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, centre-stalingrad@mail.ru, nagitchka@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5920-2377

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8

UDC 94(47).084.8
LBC 63.3(2)62

Submitted: 11.09.2022
Accepted: 08.12.2022

LENINGRAD HOUSEHOLD MANAGER DURING THE BLOCKADE: AREA OF RESPONSIBSLITY AND IMAGE [1]

Olga A. Gavrilova
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Mikhail V. Khodjakov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
State Memorial Museum of the Defense and Blockade of Leningrad, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The key figures in the communal services of Leningrad during the period of the city blockade were the household managers – upravkhozy. Their functions were determined by a special regulation adopted and approved by the executive committee of the Leningrad City Council on the eve of the Great Patriotic War. Household managers were supposed to monitor the state of the household, including the housing stock, regulate the passport regime, carry out the correct and timely collection (and in some cases, accrual) of apartment and utility bills. With the help of the employees subordinate to them, they were obliged to carry out routine repairs of the housing stock. *Methods and Materials.* Using a set of documents deposited in the archives, as well as diaries and official decisions of the Leningrad leaders during the war, the authors highlight the emotional background of the blockaded city. Along with the solution of the food problem, an important task in the conditions of massive shelling and bombing was the preservation of the housing stock in a satisfactory condition. *Analysis.* Being subordinate to the district council executive committee, the household managers accumulated in their hands the funds and property of the household, they hired and fired a significant part of the workers, and had the right to impose disciplinary sanctions on them. In the emergency conditions of the blockade, they became the most important link between the party and Soviet leadership of their district and the tenants. Since there was often no effective control over the work of the household managers, they were able to decide at their own discretion, without the sanction of the housing department, on the distribution of vacated rooms and apartments that belonged to deceased and evacuated residents of Leningrad. *Results.* On the basis of a set of documents, including archival materials, the article examines the impact of Leningrad administrative farms on the daily life of Leningraders during the years of the blockade. It is concluded that the abuses of household managers were explained by their low wages, insufficient professional training to solve complex issues of public utilities and a low educational level. *Authors' contribution*. O.A. Gavrilova identified historical sources, analyzed the official decrees issued by the leadership of Leningrad. M.V. Khodjakov analyzed archival materials and memoirs of blockade survivors, designed the text of the article.

Key words: blockade of Leningrad, Great Patriotic War, housing policy, urban economy, household manager.

Citation. Gavrilova O.A., Khodjakov M.V. Leningrad Household Manager During the Blockade: Area of Responsibslity and Image. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 85-93. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62

Дата поступления статьи: 11.09.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УПРАВХОЗ В ГОДЫ БЛОКАДЫ: ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОБРАЗ [1]

Ольга Александровна Гаврилова
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Гаврилова О.А., Ходяков М.В., 2023

Михаил Викторович Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Государственный мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Одной из ключевых фигур в коммунальном хозяйстве Ленинграда в период блокады города был управляющий хозяйством – управхоз (управдом). Функции управхозов были определены специальным положением, принятым и утвержденным исполкомом Ленинградского городского Совета накануне Великой Отечественной войны. Управхозы должны были следить за состоянием домового хозяйства, включая жилой фонд, регулировать паспортный режим, осуществлять правильное и своевременное взимание (а в ряде случаев и начисление) квартирной и арендной платы, а также платы за коммунальные услуги. С помощью подчиненных им работников управхозы были обязаны осуществлять текущий ремонт жилого фонда. Используя комплекс документов, отложившихся в архивах, а также дневники и официальные постановления руководителей Ленинграда военной поры, авторы освещают эмоциональный фон блокированного города. Наряду с решением продовольственной проблемы важной задачей в условиях массированных обстрелов и бомбежек стало сохранение в удовлетворительном состоянии жилого фонда. Находясь в подчинении исполкома районного Совета, управхоз аккумулировал в своих руках денежные средства и имущество домохозяйства, он принимал на работу и увольнял значительную часть работников, имел право вынесения им дисциплинарных взысканий. В чрезвычайных условиях блокады он становился важнейшим звеном между партийным и советским руководством своего района и квартиросъемщиками. Поскольку действенный контроль за работой управляющего хозяйством часто отсутствовал, он по своему усмотрению без санкции жилищного управления мог решать вопросы распределения освобождавшихся комнат и квартир не только умерших, но и эвакуированных жителей Ленинграда. На основе комплекса документов, в том числе архивных материалов, в статье рассматривается влияние ленинградских управхозов на повседневную жизнь ленинградцев в годы блокады. Делается вывод о том, что злоупотребления управхозов объяснялись их низкой заработной платой, недостаточной профессиональной подготовкой для решения сложных вопросов коммунального хозяйства и невысоким образовательным уровнем. *Вклад авторов*. О.А. Гаврилова выявила исторические источники, провела анализ официальных постановлений, изданных руководством Ленинграда. М.В. Ходяков проанализировал архивные материалы и мемуарные свидетельства блокадников, оформил текст статьи.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, жилищная политика, городское хозяйство, управляющий хозяйством.

Цитирование. Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Ленинградский управхоз в годы блокады: зона ответственности и образ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 85–93. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8

Введение. В годы Великой Отечественной войны управляющие домохозяйствами (управдомы, управхозы) играли важную роль в жизни осажденного Ленинграда. В ходе одного из заседаний исполкома Ленинградского городского Совета (ЛГС) они были названы «центральной фигурой в жилищном хозяйстве» города [22, с. 99]. От действий управхоза в чрезвычайных условиях блокады нередко зависела жизнь людей. Несмотря на многообразие научных исследований, посвященных экономике Ленинграда в годы войны, фигура управхоза оставалась в тени даже в работах, характеризующих коммунальное хозяйство города [10; 13, с. 137–150]. Его деятельность в той или иной степени затронута преимущественно в мемуарах и дневниках. Лишь в последние годы появились публикации, в которых характеризуется не только состояние жилого фонда Ленинграда в годы войны и блокады, но и каждодневная деятельность управхозов [7; 21–23]. Цель статьи заключается в том, чтобы определить реальную роль управхоза в жизни осажденного Ленинграда, оценить его место в системе коммунального хозяйства.

Методы и материалы. Помимо общенаучного системного подхода в сочетании с принципом историзма в статье используется метод исторической реконструкции, который позволяет авторам воссоздать неизвестные и наиболее важные события и процессы, связанные с деятельностью руководителей Ленинграда разного уровня, провозгласивших своей целью социальное равенство, но сохранивших в годы войны различия в практиках

решения жилищных проблем «верхов» и «низов» общества. В процессе подготовки статьи использовались подходы, выработанные в рамках эмоционологии. Обращение к исследованию эмоциональных составляющих блокады позволяет по-новому осмыслить ряд проблем, наполнив их качественно новым содержанием. Внимание к нуждам, чаяниям, переживаниям, потребностям и судьбам ленинградцев – одна из важных составляющих статьи.

В ходе работы авторы опирались на комплекс документов, отложившихся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб): Департамент по содержанию жилищного фонда комитета по управлению городским хозяйством мэрии Санкт-Петербурга. 1934–1994 (Р-1008), Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов. 1917–1993 (Р-7384); Плановая комиссия исполкома Ленгорсовета. 1931–1989 (Р-2076), Статистическое управление города Ленинграда – ЦСУ СМ СССР. 1918–1974 (Р-4965). В ходе подготовки статьи также были задействованы официальные распоряжения исполкома Ленинградского городского Совета военной поры, публиковавшиеся в «Бюллетене Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся» (далее – Бюллетень ЛГС). Важным источником для анализа проблемы стали опубликованные стенограммы заседаний, записи обсуждений, решения по вопросам городского хозяйства, принятые на заседаниях исполкома ЛГС в 1941–1943 годах. Использованные в статье дневники блокадников позволяют увидеть, как расширялась сфера деятельности управхоза, менялись его должностные обязанности, а вместе с этим и возможности влиять на блокадный быт ленинградцев.

Анализ. К началу войны острота жилищного вопроса в полной мере осознавалась партийным, советским и хозяйственным руководством Ленинграда. Жилье строилось медленно и тяжело. Инвентаризация домового фонда, осуществленная к 1937 г., зафиксировала в городе 30 427 строений, в том числе 23 858 жилых [9, с. 2]. В тот момент в Ленинграде на одного человека в среднем приходилось 5,7 кв. м жилой площади. В действительности в рабочих районах эти показатели были значительно ниже. Обеспеченность свыше 40 % горожан жилой площадью не превышала 3–4 кв. м на человека [14, л. 9].

Упорядочить «квартирный вопрос» в Ленинграде было призвано положение «Об управляющим домом», утвержденное исполкомом Ленинградского городского совета (ЛГС) 24 апреля 1941 года. В нем подчеркивалось, что основной задачей управляющего домом являлось сохранение и укрепление доверенного ему государством жилого фонда и создание лучших условий обслуживания для проживающего в доме населения. Управляющий домом должен был назначаться из числа лиц, имеющих необходимые знания, хозяйственный опыт и прошедших аттестацию при исполкоме районного Совета. Назначал его начальник районного жилищного управления (РЖУ) по согласованию с начальником районного отделения милиции. После этого предложенная кандидатура утверждалась исполкомом районного Совета с присвоением управхозу определенной категории. В своей повседневной деятельности он подчинялся РЖУ и работал под его руководством. Управляющий вел домовое хозяйство на началах хозяйственного расчета, в соответствии с хозяйственно-финансовыми планами, утвержденными исполкомом районного Совета. Управляющему домом был подчинен весь аппарат домоуправления. Он единолично распоряжался денежными средствами и имуществом домохозяйства, осуществлял наем и увольнение работников, имел право вынесения им дисциплинарных взысканий. Лишь наем и увольнение бухгалтера и счетовода домоуправления должны были утверждаться РЖУ, а дворников и ночных сторожей – согласовываться с начальником районного отделения милиции. Управхоз непосредственно «на основе единоначалия» управлял отдельным домом или группой домов. Он должен был следить за содержанием в чистоте домов, дворов, лестниц, подвалов, лифтов, чердаков, прачечных, мест общего пользования. В обязанности управляющего входило благоустройство дома, его своевременный ремонт, проведение необходимых мероприятий, обеспечивающих нормальную эксплуатацию канализации, водопровода, газопровода, центрального отопления и т. д. [3, с. 5].

В предвоенный период 25 РЖУ города объединяли 3 568 домохозяйств, руководство которыми осуществляли 3 380 управхозов. В их подчинении находились 27 723 человека, включая 8 479 дворников, 9 523 «прочих работников», 3 207 рабочих по текущему ремонту и 3 134 человека из категории «счетного и конторского персонала» и т. д. [19, л. 4].

Важной частью работы управляющего было заключение договоров найма со съемщиками жилых помещений, правильное и своевременное взимание квартирной и арендной платы, а также платы за коммунальные услуги. Периодический осмотр квартир и нежилых помещений должен был способствовать точному учету управляющим и передаче им в РЖУ сведений о наличии в доме жилой площади [3, с. 6]. Правила внутреннего распорядка в квартирах, утвержденные Наркоматом коммунального хозяйства, также предписывали управхозам следить за наличием свободных помещений и излишками жилплощади [16, с. 8–16].

Летом 1941 г. в Ленинград хлынул поток беженцев. Это побудило городское руководство к ужесточению паспортного режима и правил прописки [15, с. 8]. Кроме того, положение «Об управляющим домом» предписывало управхозу осуществлять своевременную прописку прибывающих в дом, выписку выбывающих, недопущение проживания в доме граждан, не прописанных органами милиции или с просроченной пропиской, наблюдение за военнообязанными, своевременную явку призывников в военкоматы, военно-учетный стол или пункты мобилизации [3, с. 6]. Решение исполкома Ленгорсовета, принятое 30 июля 1941 г., ставило вопрос еще более жестко. Оно обязывало управдомов, комендантов и домовладельцев «строго следить за лицами, вновь прибывшими на проживание в дом, требуя от них немедленной личной явки в отделение милиции для разрешения вопроса о прописке». Те, кто по долгу своих служебных обязанностей, допускал проживание в доме людей без паспортов или без прописки, подлежали ответственности в административном порядке. Они могли быть оштрафованы на сумму до 3 000 руб. или лишены свободы сроком до 6 месяцев [4, с. 1].

С целью организации внутренней жизни дома управхоз в случае проживания в квартире нескольких самостоятельных съемщиков жилой площади, по согласованию с ними, назначал ответственных по квартире лиц. Он имел право предъявлять иски о выселении за «неплатеж квартплаты», разрушение жилплощади, систематическое нарушение правил внутреннего распорядка в квартирах [3, с. 7]. Этими рычагами в годы блокады управхозы неоднократно пользовались: из-за неуплаты квартплаты они отказывались заверять стандартные справки на получение продовольственных карточек, требовали от жильцов документы из райздрава, трудкомиссии и т. д., а от подростков – справки из РОНО, в ряде случаев обрекая своими действиями людей на голодную смерть. Ленгорисполком пытался пресекать такие действия управхозов, называя их «преступными» [6, с. 2–3], забывая, однако, при этом, что именно на его решения от 28 декабря 1941 г. и 16 февраля 1942 г. опирались руководители домохозяйств, когда реализовывали меры, «обеспечивающие ликвидацию задолженности по квартирной и арендной плате» [4, с. 82].

Постепенно контроль за деятельностью управхозов усиливался. 30 апреля 1942 г. решением исполкома Ленгорсовета была образована Имущественно-жилищная общественная инспекция при ЛЖУ и утверждено Положение об ее назначении и функциях. Основной задачей инспекции становился контроль за правильным распределением домохозяйствами жилой площади и охраной имущества эвакуированных и призванных в ряды РККА. В ее состав могли входить представители профсоюзов и комсомольских организаций, актив домохозяйств, депутаты городского и районных советов. В случае обнаружения фактов незаконного предоставления и разбазаривания жилой площади, расхищения имущества следовало передавать материалы в следственные органы для привлечения виновных к ответственности [18].

То, что факты хищений имущества из пустующих квартир умерших, эвакуированных и находящихся в армии не были редкостью, признавал и начальник ЛЖУ Б.М. Мотылев. Выступая на заседании исполкома Ленгорсовета 30 июля 1942 г., он констатировал: «Действительно, по домам шел повальный грабеж. Управхозы выдавали любую комнату кому

угодно, брали вещи кто хотел. Положение было такое: начальники райжилотделов каждый день были новые, причем люди малограмотные, люди безответственные, которые заявляли: “А я при чем, что вы с меня спрашиваете, я же не знаю ничего в этом деле”. Управхозы менялись все время» [21, с. 231].

После первой блокадной зимы, катастрофической смертности населения [20] и первых волн эвакуации [24] часть управхозов присвоила себе некоторые не свойственные им функции. Так, в приказе начальника ЛЖУ от 8 июля 1942 г. говорилось о том, что «…управдомы выдают частным лицам справки о наличии свободной жилой площади, разрешают производить осмотр квартир и комнат без разрешения райжилотделов и Ленжилуправления». Руководство ЛЖУ запрещало управхозам осуществлять подобные действия [17, л. 2].

Председатель Октябрьского райисполкома А.А. Бубнов, выступивший в июле 1942 г. за жесткое наказание тех, кто занимался кражей имущества эвакуированных (вплоть до расстрела), полагал, что одной из причин нерешенности данного вопроса является не в полной мере определенная зона ответственности должностных лиц: «У нас недоработана структура райжилотдела в части ответственности за сохранность имущества военнослужащих и уезжающих граждан. До организации райжилотделов распределением жилплощади занимались райжилуправления. Теперь мы их выделили и сказали им: занимайтесь управхозами, а без райжилотдела, без его ордера никто поселиться в квартиру не может» [21, с. 232].

Ленжилуправление также пыталось взять под контроль «переселенческую политику», производившуюся управхозами. ЛЖУ неоднократно принимало решения, направленные на то, чтобы, во-первых, переселение жильцов из верхних этажей в нижние производилось по временным ордерам, выданным на основании сведений, подготовленных управляющими домохозяйствами. А, во-вторых, стремилось покончить с практикой, когда жильцы без достаточных оснований переселялись с первого этажа на второй и третий, оставляя прежние квартиры и комнаты незаселенными. Это приводило к нарушению эксплуатации жилого фонда, выводило из строя системы домового водопровода и канализации [17, л. 23–24].

Правильная организация дела в домохозяйствах происходила с трудом. В ходе заседания исполкома ЛГС 18 марта 1943 г. были озвучены факты «возмутительного отношения к гражданам» во Фрунзенском районе. Начальник РЖУ сообщила о случаях бесконтрольного заселения квартир, при котором опись имущества не производилась: «Укрывается свободная площадь, отказываются от проверки... 16 управдомов самовольно заселяли жилплощадь, воровали вещи, не подчинялись распоряжениям» [22, с. 155].

Жилищные метаморфозы осажденного Ленинграда емко и образно отразила в своем дневнике «блокадная муза» О.Ф. Берггольц. 9 июля 1942 г. она записала: «Третьего дня мы... переехали с нашего 7 этажа из “блиндажа” с небом – в пятый этаж, в отдельную квартиренку из 2-х комнат. Это, как и сотни квартир в Ленинграде, – вымершая квартира... Мой быт накладывался на чей-то чужой, потухший, умерший быт. Меня не покидало ощущение, что это – чужая квартира, что хозяева еще могут вернуться, хотя я знаю, что этого не будет» [1, с. 242–243]. В сентябре 1942 г., желая оформить свой очередной переезд официально, О.Ф. Берггольц пыталась попасть на прием к первому секретарю Куйбышевского райкома ВКП(б) Н.В. Лизунову: «...жду звонка от секретарши Лизунова, примет он меня или нет. Хочу клянчить у него квартиру...» [1, с. 267]. Наконец, выбрав себе новое жилье в доме на улице Рубинштейна (до 1929 г. – ул. Троицкая. – *О. Г., М. Х.*), 9 октября 1942 г. она фиксирует в дневнике: «Завтра мне должны дать ордер на ту квартиру на Троицкой, – несколько неприятных улаживаний с вымогательницей-управхозом, и можно будет переезжать» [1, с. 273].

Именно личными контактами с управхозом рядовой блокадник был вынужден решать свои жилищные проблемы: «Сегодня был у нас управхоз Иван Петрович, окончательно говорили о предоставлении нам комнаты Наталии Васильевны, смежной с нашей, и Алексея Феликсовича рядом с кухней, вполне договорились, и с первого числа обещал нам все перевести и начислять квартплату. За все это

пришлось поблагодарить, выпили вместе поллитра вина и кое-чего дали ему» [8].

Вымогательство управхозов имело под собой объективные причины. Среди них – низкая зарплата. Желающих работать в данной сфере было немного. К тем, кто не справлялся с порученной работой, городское руководство применяло жесткие санкции. «Ленинградская правда» в марте 1942 г. опубликовала на своих страницах заметку «Управдом-бездельник», в которой сообщала о том, что управхоз по улице Войнова, д. 44б за свою бездеятельность был осужден на 3 года лишения свободы [11]. Данная практика продолжалась и в дальнейшем. Так, решением исполкома ЛГС от 24 декабря 1942 г. председателям исполкомов Свердловского и Ленинского райсоветов было предложено «...рассмотреть вопрос о привлечении к строжайшей ответственности управляющих домами и участковых техников Райжилуправлений, допустивших развал работы в домохозяйствах» [5, с. 6]. Публиковавшиеся в прессе сообщения о награждении отличившихся управляющих домохозяйствами в корне ситуацию не меняли [12].

Только административными мерами решить кадровый вопрос оказалось невозможно. Председатель исполкома Куйбышевского районного Совета А.Е. Пудов, выступая на заседании исполкома ЛГС 4 марта 1943 г. по вопросу «О работе с управдомами», указал на значительную текучесть кадров. Он отметил, что в районе при наличии 197 управхозов имелось 90 заявлений об их освобождении от работы. Одним из действенных средств, способных изменить положение вещей, он считал повышение заработной платы управхозов и ликвидацию уравниловки в оценке их труда. В качестве примера приводилась реальная ситуация в домохозяйствах Выборгского района. В одном из них было 200 домов и 1 500 съемщиков (Шувалово), а в другом – 6 корпусов при таком же количестве съемщиков (Батенинский жилмассив в районе Лесного проспекта). Вне зависимости от величины хозяйства управхоз получал зарплату 375 руб. [22, с. 101]. Пригласить на работу в жилищную сферу инженеров или техников с окладом 400–500 руб. было невозможно. От таких предложений они наотрез отказывались.

Только в июне 1943 г. данный вопрос был отчасти смягчен. Решением Ленгорисполкома зарплата управхозов устанавливалась в зависимости от площади домохозяйства. Минимальная ставка 350 руб. вводилась там, где площадь не превышала 2 500 кв. м, максимальная – 700 руб. при площади домохозяйства от 7 до 10 тыс. кв. м [22, с. 135].

Налаживанию работы управхозов должны были способствовать и другие факторы. В годы войны происходило укрупнение домохозяйств. Вместо 3 568, существовавших в первой половине 1941 г., в январе 1942 г. их стало 2 484, а к январю 1943 г. – 2 459 [22, с. 135]. К моменту окончания войны РЖУ объединяли 2 438 домохозяйств с общим числом работников 26 135 чел. [19, л. 4]. Разумеется, сокращение количества домохозяйств было также обусловлено разрушением жилого фонда – как вследствие вражеских бомбардировок, так и в результате плановой кампании по слому деревянных домов в Ленинграде, официально проводившейся в течение месяца с 1 сентября 1942 г. [2, с. 445–448; 7, с. 855–864].

Помимо укрупнения домохозяйств, решением Ленгорисполкома от 8 июля 1943 г. были введены должности заместителей управхозов. Не прекращалась и подготовка кадров для жилищного хозяйства. Ее должен был осуществлять Жилищный техникум, образованный по решению Ленгорисполкома от 1 ноября 1942 г. [22, с. 135]. Однако быстро исправить положение это не могло. Большинство управхозов были женщинами, поступившими на работу в годы войны. К моменту снятия блокады из общего числа управляющих домохозяйствами 53,5 % имели низшее образование и лишь 55 чел. – высшее или среднетехническое. Стаж работы свыше трех лет был только у 32,5 % управхозов [19, л. 5]. Планомерная и систематическая работа управхозов, занимавшихся сплочением жильцов, наведением чистоты во дворах, ремонтными и восстановительными работами, отмечалась в тех случаях, когда они являлись членами партии и направлялись в домохозяйства райкомами ВКП(б) с промышленных предприятий [22, с. 100].

После полного снятия блокады в январе 1944 г. количество управхозов и находящихся в их подчинении работников начало возрастать, несмотря на некоторое сокращение численности домохозяйств (см. таблицу).

Таблица. **Данные о домохозяйствах Ленинграда (на 1 января)**

Table. **Information about households in Leningrad (as of January 1)**

Годы	Количество домохозяйств	Общее число работников	В том числе				
			управляющие	счетные работники и конторский персонал	дворники	рабочие по текущему ремонту	прочие работники
1944	2 444	22 288	2 391	3 163	8 049	2 660	6 025
1945	2 438	26 135	2 460	3 512	8 712	4 115	7 336

Примечание. Источник: [19, л. 4].

Результаты. Деятельность управхозов в осажденном Ленинграде проходила в чрезвычайно сложных условиях. Систематические вражеские бомбардировки и артиллерийские обстрелы приводили к разрушению жилого фонда. Несколько волн эвакуации и колоссальная смертность населения на рубеже 1941–1942 гг. привели к резкому сокращению численности жителей – с 3,2 млн в начале войны до 600 тыс. человек к весне 1943 года. На протяжении всего этого времени управхозы имели возможность влиять на решение острых для ленинградцев жилищных вопросов. Находясь в подчинении исполкомов местных Советов и Ленинградского жилищного управления, они в условиях острого дефицита ресурсов занимались текущими вопросами коммунального хозяйства на своих участках: ремонтом зданий, очисткой придомовой территории, восстановлением коммуникаций и т. д. На должностях управхозов находились преимущественно женщины, большинство из них были плохо подготовлены для работы в данной сфере. Имея невысокую заработную плату, они нередко использовали свое служебное положение для решения жилищных вопросов в границах курируемых ими домохозяйств. Руководствуясь официальными установками «сверху», они должны были контролировать порядок оплаты жильцами коммунальных услуг, а в ряде случаев – выдачи продовольственных карточек. Это обстоятельство превращало их в «вершителей судеб» тысяч ленинградцев, которые вели отчаянную борьбу за выживание в осажденном городе.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00617 «“Запретный город”: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00617 “The Forbidden City”: Housing Policy in Leningrad in the 1940s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берггольц О. Ф. Блокадный дневник: (1941–1945). СПб. : Вита Нова, 2015. 556 с.
2. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. II: Март – декабрь 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 1261 с.
3. Бюллетень ЛГС. 1941. № 21–22.
4. Бюллетень ЛГС. 1941. № 30.
5. Бюллетень ЛГС. 1943. № 1–2.
6. Бюллетень ЛГС. 1943. № 9–10.
7. Гаврилова О. А., Сунь И. Реновация в условиях блокады: снос районов деревянной застройки в Ленинграде. 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 853–869.
8. Гуральник Н. Блокада Ленинграда с 1942 по 1943 г. Запись от 10 ноября 1942 г. // Личный архив Ирины Лукьянец.
9. Домовый фонд Ленинграда. Статистический сборник по материалам инвентаризации. Л. : Ленгоринвентарбюро, 1937. 208 с.
10. Иванов В. А., Иванов Д. В. ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.) // Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука / отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 97–112.
11. Ленинградская правда : газета. Л., 1942. 18 марта.
12. Ленинградская правда : газета. Л., 1942. 19 марта.
13. Манаков Н. А. В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л.: Лениздат, 1961. 215 с.

14. Планы жилищного строительства в 3-ем пятилетии (1938–1942 годы) // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 2. Д. 71. Л. 9.

15. Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2020. 236 с.

16. Правила внутреннего распорядка в квартирах. М.; Л.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1940. 16 с.

17. Приказы по жилищному управлению исполкома Ленгорсовета // ЦГА СПб. Ф. Р-1008. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

18. Протокол заседания № 66 исполкома Ленгорсовета // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1443. Л. 287–290.

19. Разработка годовых отчетов райжилуправлений // ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 1. Д. 5280. Л. 4.

20. Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 294–323.

21. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. 1941 – декабрь 1942 г.: сб. док. / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 440 с.

22. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам и решения: сб. док. / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2018. 640 с.

23. Ходяков М. В. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468.

24. Ходяков М. В. Эвакуация населения и жилищный фонд Ленинграда в 1942 г. // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 167–179.

REFERENCES

1. Berggolts O.F. *Blokadnyj dnevnik: (1941–1945)* [Blockade Diary: (1941–1945)]. Saint Petersburg, Vita Nova Publ., 2015. 556 p.

2. Boldovskiy K.A., ed. *Blokada v resheniyah rukovodyashchih partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Postanovleniya byuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij. Ch. II: Mart – dekabr 1942 g.* [Blockade in Decisions of the Governing Party Organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of Documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), Transcripts of Meetings. Part II: March – December, 1942]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2020. 1261 p.

3. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1941, no. 21-22.

4. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1941, no. 30.

5. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1943, no. 1-2.

6. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1943, no. 9-10.

7. Gavrilova O.A., Sun I. Renovaciya v usloviyah blokady: snos rajonov derevyannoj zastrojki v Leningrade. 1941–1942 gg. [Renovation Under the Blockade: Demolition of Wooden Buildings in Leningrad. 1941–1942]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2022, vol. 12, no. 4, pp. 853-869.

8. Guralnik N. Blokada Leningrada s 1942 po 1943 g. Zapis ot 10 noyabrya 1942 g. [Siege of Leningrad from 1942 to 1943. Record Dated November 10, 1942]. *Lichnyj arhiv Iriny Lukyanec* [Personal Archive of Irina Lukyanets].

9. *Domovyj fond Leningrada. Statisticheskij sbornik po materialam inventarizacii* [House Fund of Leningrad. Statistical Collection Based on Inventory Materials]. Leningrad, Lengorinventarbyuro, 1937. 208 p.

10. Ivanov V.A., Ivanov D.V. ZhKKh blokadnogo Leningrada (organizacionnye i pravovye aspekty funkcionirovaniya nizovyh struktur v 1941–1943 gg.) [Housing and Communal Services of Besieged Leningrad (Organizational and Legal Aspects of the Functioning of Grassroots Structures in 1941–1943)]. Chistikov A.N., ed. *Vojna i blokada. Sbornik pamyati V.M. Kovalchuka* [War and Blockade. Collection of Memory of V.M. Kovalchuk]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 97-112.

11. *Leningradskaya pravda: gazeta* [Leningradskaya Pravda. Newspaper]. Leningrad, 1942. March 18.

12. *Leningradskaya pravda: gazeta* [Leningradskaya Pravda. Newspaper]. Leningrad, 1942. March 19.

13. Manakov N.A. *V kolce blokady. Hozyajstvo i byt osazhdennogo Leningrada* [In the Ring of Blockade. Economy and Life of the Besieged Leningrad]. Leningrad, Lenizdat, 1961. 215 p.

14. Plany zhilishchnogo stroitelstva v 3-em pyatiletii (1938–1942 gody) [Housing Plans in the 3rd Five-Year Plan (1938–1942)]. *TsGA SPb* [Central State Archive of St. Petersburg], f. r-2076, inv. 2, d. 71, l. 9.

15. Cherepenina N.Yu., ed. *Povsednevnye dokumenty leningradcev v gody vojny i blokady 1941–1945 gg.* [Everyday Documents of Leningraders During the War and Blockade of 1941–1945]. Saint Petersburg, Art-Ekspress Publ., 2020. 236 p.

16. *Pravila vnutrennego rasporyadka v kvartirah* [Rules of Internal Order in Apartments]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Narkomhoz RSFSR, 1940. 16 p.

17. Prikazy po zhilishchnomu upravleniyu ispolkoma Lengorsoveta [Orders on the Housing Department of the Executive Committee of the Leningrad City Council]. *TsGA SPb* [Central State Archive of Saint Petersburg], f. r-1008, inv. 2, d. 23, l. 2.

18. Protokol zasedaniya № 66 ispolkoma Lengorsoveta [Minutes of the Meeting No. 66 of the Executive Committee of the Leningrad City Council]. *TsGA SPb* [Central State Archive of Saint Petersburg], f. r-7384, inv. 18, d. 1443, l. 287-290.

19. Razrabotka godovyh otchetov rajzhilupravlenij [Development of Annual Reports of District Housing Departments]. *TsGA SPb* [Central State Archive of Saint Petersburg], f. r-4965, inv. 1, d. 5280, l. 4.

20. Sobolev G.L., Khodjakov M.V. Protivoborstvo zhizni i smerti: nekotorye itogi izucheniya istorii blokady Leningrada [The Confrontation Between Life and Death: Some Results of Studying the History of the Siege of Leningrad]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 294-323.

21. Cherepenina N.Yu., ed. *Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta. Zapisi obsuzhdenij, zamechanij k proektam, resheniya. 1941 – dekabr 1942 g.: sb. dok.* [Transcripts of Meetings of the Executive Committee of the Leningrad City Council. Records of Discussions, Comments on Projects, Decisions. 1941 – December 1942. Collection of Documents]. Saint Petersburg, Art-Ekspress Publ., 2017. 440 p.

22. Chistikov A.N., Cherepenina N.Yu., eds. *Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta: yanvar – dekabr 1943 g. Zapisi dokladov, obsuzhdenij, zamechanij k proektam i resheniya: sb. dok.* [Transcripts of Meetings of the Executive Committee of the Leningrad City Council. Records of Discussions, Comments on Projects, Decisions. January – December, 1943. Collection of Documents]. Saint Petersburg, Art-Ekspress Publ., 2018. 640 p.

23. Khodyakov M.V. Bezhency v Leningrade i zhilishchnaya politika gorodskih vlastej na nachalnom etape vojny i blokady [Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 455-468.

24. Khodjakov M.V. Evakuaciya naseleniya i zhilishchnyj fond Leningrada v 1942 g. [Evacuation of the Population and the Housing Stock of Leningrad in 1942]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2022, no. 2, pp. 167-179.

Information About the Authors

Olga A. Gavrilova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Modern History of Russia, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, o.gavrilova@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0372-1714

Mikhail V. Khodjakov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Modern History of Russia, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, State Memorial Museum of the Defense and Blockade of Leningrad, Solyanoj Lane, 9, 191028 Saint Petersburg, Russian Federation, m.khodyakov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8469-2590

Информация об авторах

Ольга Александровна Гаврилова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, o.gavrilova@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0372-1714

Михаил Викторович Ходяков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Государственный мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда, Соляной пер., 9, 191028 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, m.khodyakov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8469-2590

www.volsu.ru

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И НАЧАЛО КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.9

UDC 94(47).084.8(470.61)
LBC 63.3(2)621

Submitted: 28.08.2022
Accepted: 27.12.2022

MILITARY AND POLITICAL DECISIONS OF THE SUPREME COMMAND OF THE USSR AND GERMANY ON THE EVE OF THE BATTLE OF STALINGRAD (JUNE – JULY 1942) [1]

Vladimir I. Afanasenko

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Maksim V. Medvedev

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* 2022 marks the 80th anniversary of the beginning of the Battle of Stalingrad, which became a turning point not only of the Great Patriotic War of the Soviet people against the Nazi invaders and their allies, but of the entire World War II of 1939–1945. The Battle of Stalingrad covered the territories of modern Voronezh, Rostov, Volgograd regions and the Republic of Kalmykia. The military and political decisions of the supreme command of the USSR and Germany on the eve of the Battle of Stalingrad in June – July 1942 became the starting point in the future battle. *Methods and materials*. The study used problem-chronological, comparative-historical, and statistical methods. The study of the materials was based on the principles of historicism and objectivity. During the analysis of documents from domestic archives, memoirs, statistical information, a significant amount of material was processed; the problems of the prehistory of the Battle of Stalingrad in domestic and foreign historiography were studied. *Analysis*. As a result of the study conducted by the authors, various directives, orders of the Headquarters of the Supreme High Command to the Soviet troops in the Stalingrad direction, as well as the enemy's planning mechanism for the seizure of Stalingrad territory were analyzed. *Results*. It has been established that the Headquarters of the Supreme High Command, even before the start of hostilities in the Stalingrad direction, took measures to concentrate strategic reserves, create defensive lines, and reorganize the management of front-line troops. *The authors' contribution.* V.A. Afanasenko proposed the idea and concept of the article, determined the chronology of the beginning of the preparatory actions preceding the Battle of Stalingrad. M.V. Medvedev analyzed the work of the Headquarters of the Supreme High Command on the preparation and use of combat reserves in battles within the great bend of the Don, carried out a scientific revision of the article.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Headquarters of the Supreme High Command, Stalingrad Front, Southwestern Front, Red Army, Wehrmacht.

Citation. Afanasenko V.I., Medvedev M.V. Military and Political Decisions of the Supreme Command of the USSR and Germany on the Eve of the Battle of Stalingrad (June – July 1942). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 94-103. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.9

© Афанасенко В.И., Медведев М.В., 2023

УДК 94(47).084.8(470.61)
ББК 63.3(2)621

Дата поступления статьи: 28.08.2022
Дата принятия статьи: 27.12.2022

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ СССР И ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ (ИЮНЬ – ИЮЛЬ 1942 г.) [1]

Владимир Иванович Афанасенко

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Максим Валерьевич Медведев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В 2022 г. исполнилось 80 лет началу Сталинградской битвы, ставшей поворотным пунктом не только Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и их союзников, но всей Второй мировой войны 1939–1945 годов. Сталинградская битва охватывала территории современных Воронежской, Ростовской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия. Военно-политические решения высшего командования СССР и Германии накануне Сталинградской битвы в июне – июле 1942 г. стали отправной точкой в будущем сражении. *Методы и материалы.* В исследовании были применены проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, статистический методы. Изучение материалов базировалось на принципах историзма и объективности. В ходе анализа документов отечественных архивов, воспоминаний, статистической информации было обработано значительное количество материала, изучена проблематика предыстории Сталинградской битвы в отечественной и зарубежной историографии. *Анализ.* В результате проведенного авторами исследования были проанализированы различные директивы, приказы и распоряжения Ставки ВГК советским войскам на сталинградском направлении, а также механизм планирования противником захвата сталинградской территории. *Результаты.* Установлено, что Ставкой Верховного Главнокомандования еще до начала боевых действий на сталинградском направлении были приняты меры по сосредоточению стратегических резервов, созданию оборонительных рубежей, реорганизации управления фронтовыми войсками. *Вклад авторов.* В.А. Афанасенко предложена идея и концепция статьи, определена хронология начала подготовительных действий, предшествующих Сталинградской битве. М.В. Медведев проанализировал работу Ставки ВГК по подготовке и применению боевых резервов в сражениях в пределах большой излучины Дона, осуществил научную редакцию статьи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Ставка ВГК, Сталинградский фронт, Юго-Западный фронт, Красная армия, вермахт.

Цитирование. Афанасенко В. И., Медведев М. В. Военно-политические решения высшего командования СССР и Германии накануне Сталинградской битвы (июнь – июль 1942 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 94–103. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.9

Введение. Сталинградская битва стала переломным сражением в истории Великой Отечественной войны, которому посвящено немало исследований. Одним из первых написал исторический очерк о ходе Сталинградской битвы М.А. Водолагин [3]. Стратегические цели и тактика немецкого командования в ходе наступления, особенности оборонительной и наступательной операций советских войск нашли отражение в целом ряде общих и специальных исследований советских историков [12; 13; 24]. В современной историографии расширился спектр изучаемых вопросов. Так, И.Б. Мощанский проанализировал развертывание сил сторон в оборонительный период Сталинградской битвы [18]. А. Панин и С. Переслегин раскрывают события осени 1942 г. под Сталинградом, положение и планы сторон к ноябрю 1942 г., а также разгром 6-й немецкой армии [20]. Различные вопросы истории Сталинградской битвы представлены в других работах последнего вре-

мени [11; 16; 21; 28]. В зарубежной историографии основной упор делается на общем анализе Сталинградской битвы, разборе действий германского командования и его ошибок [1; 14; 15; 23; 26]. Проблемам истории Сталинградской битвы посвящены не только обобщающие и специальные труды, но и фундаментальное энциклопедическое издание [27].

Основной спектр рассматриваемых исследований посвящен различным аспектам оборонительного, с 17 июля по 18 ноября 1942 г., и наступательного, с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г., этапов. Тем не менее многие вопросы Сталинградской битвы и ее предпосылок до сих пор остаются недостаточно исследованными. Среди них следует выделить события, происходившие в июне – июле 1942 года. Отправной точкой этому послужили директивы Ставки Верховного Главнокомандования (далее – ВГК) этого периода по развертыванию резервных армий, создание 12 июля 1942 г. Сталинградского фронта 1-го формирования, другие оперативные действия советского командования.

Материалы и методы. Изучение источников базировалось на принципах историзма и объективности. Конкретно-исторический метод помог проследить процессы по сосредоточению стратегических резервов. С помощью системно-структурного метода были выделены и проанализированы основные меры по урегулированию ситуации на сталинградском направлении. Сравнительно-исторический метод использовался в анализе реорганизации системы управления войсками. В статье были использованы документы Центрального архива Министерства обороны (далее – ЦАМО) РФ: директивы Ставки ВГК № 170438, 170443, 170495, 994103, 994110, 994111, 994112, приказ начальника Генерального штаба Красной армии (далее – ГШКА) № 156061. Основными источниками анализа оперативных решений советского командования стали материалы полевого управления Сталинградского фронта.

Анализ. Поражения противника в конце 1941 г. под Ростовом-на-Дону и Москвой заставило немецкое командование в начале 1942 г. разработать новые методы и подходы в стратегическом планировании военных операций против СССР. Цель нового наступления немецких войск на советско-германском фронте в 1942 г. была сформулирована в секретной директиве немецкого руководства под № 41, утвержденной А. Гитлером 5 апреля 1942 года. Согласно документу германские войска должны были вновь овладеть стратегической инициативой и добиться успеха на южном участке советско-германского фронта.

Утром 1 июня 1942 г. Гитлер вылетел в Полтаву, где находился штаб группы армий «Юг». Он провел в штаб-квартире группировки совещание с командующими группой «Юг» фельдмаршалом Ф. фон Боком, 1-й танковой армией генералом кавалерии Э. фон Клейстом, 4-й танковой армией генерал-полковником Г. Готом, 6-й армией генералом танковых войск Ф. Паулюсом, 4-м воздушным флотом генерал-полковником В. фон Рихтгофеном, детально обсудив задачи летнего наступления немецких войск. В итоге Гитлер выразил мнение: «Если мы не получим нефть Кавказа, то вынуждены будем покончить с этой войной. Основной нашей задачей теперь становится реализация плана “Блау”» [14, с. 12].

Верховное командование вермахта (ОКВ) в рамках спланированной летней кампании готовило продолжение наступательных действий с целью изоляции и разгрома советской группировки на южном участке фронта и получения возможности выйти к Волге и предгорьям Кавказа. Этот стратегический план включал несколько этапов. В первую очередь противник готовил операцию «Блау», в ходе которой предполагал разгромить Брянский фронт, занять Воронеж и далее продвинуться по правобережью Дона на юг, с выходом в тыл рубежей обороны войск Южного и Юго-Западного фронтов. В рамках второго этапа готовилась операция «Клаузевиц», в которой гитлеровцы к северу от Ростова-на-Дону планировали разгром армий Южного и Юго-Западного фронтов. В дальнейшем противник рассчитывал развернуть стремительное наступление на Сталинград и Кавказ.

В конце июня в полосе от Курска до рубежей под Таганрогом сосредоточилась немецкая группа армий «Юг», ожидавшая приказа вышестоящего командования для широкомасштабного удара на фронте протяженностью в 800 километров. В ее состав входили три крупные наступательные группировки. Две из них располагалась к северо-востоку

от Курска и Харькова, а последняя занимала рубеж вблизи Краматорска. Данные объединения планировали занять территории в междуречье Дона и Волги с дальнейшим выходом в предгорья Кавказа. Предназначенная для наступления группировка противника включала свыше 900 тыс. военнослужащих, 1 640 самолетов различных типов, 1 260 единиц бронетехники и не менее 17 тыс. артиллерийских орудий и минометов [13, с. 145–146].

Для реализации задуманной операции вражескому руководству пришлось задействовать дополнительные силы, так как ресурсов было недостаточно. Реорганизация коснулась армейских групп «Центр» и «Север», в которых из имевшихся 77 пехотных дивизий 69 были уменьшены в численности в рамках предоставления поддержки в операции «Блау». В данных дивизиях в трех полках вместо девяти батальонов оставалось шесть (по два в полку). Вооружение и личный состав трех батальонов из каждого соединения отправлялись в пехотные дивизии группы армий «Юг» на пополнение их до штатной численности. Кроме того, все механизированные формирования вермахта, которые не принимали участия в наступательной операции на южном направлении, не получали новую бронированную технику.

Вся модернизированная бронетехника направлялась в танковые и моторизованные дивизии, которые предназначались для применения на южном крыле советско-германского фронта. В целях компенсирования дефицита танков и штурмовых орудий в танковые дивизии групп армий «Север» и «Центр» направлялись противотанковые пушки, установленные на шасси устаревших немецких и французских трофейных танков, имевшие слабую броневую защиту. Благодаря такой реорганизации, группа армий «Юг» увеличила свою боеготовность. Руководство и штаб 4-й танковой армии были переведены из группы армий «Север» [19, с. 300].

Помощь противнику также была оказана четырьмя странами-сателлитами, которые для летней операции «Блау» отправили на южный фланг советско-германского фронта не менее 50 соединений. В итоге получилось по одной итальянской и венгерской, а также две румынские армии общей численностью 1 107 000 человек. Наиболее многочисленными были румынские войска. В составе 3-й и 4-й румынских армий к 1 августа 1942 г. насчитывалось 32 дивизии и бригады, всего 673 067 чел. личного состава. Только 122 танка имела танковая дивизия Румынии, которая в качестве пополнения использовала захваченную технику Красной армии [16, с. 77]. В составе 2-й венгерской армии, состоявшей из 3, 4 и 7-го армейских корпусов (одна танковая и девять легких пехотных дивизий), имелось 90 самолетов, 107 танков и 205 000 человек. В трех корпусах 8-й итальянской армии (2-й, 35-й армейские, альпийский), имелись три бригады и 10 дивизий общей численностью 229 000 военнослужащих, а также 100 самолетов, 17 830 автомобилей и тракторов, 74 танка и самоходных орудий и др. [16, с. 77–78].

После поражения советских войск в мае под Харьковом, в июне началась подготовка к созданию оборонительных рубежей на сталинградском направлении. Директивой № 170438 от 4 июня 1942 г. предписывалось: «7-й резервной армии занять тактически выгодные рубежи на Сталинградском обводе на участке: Луговая Пролейка, Иловлинская, Качалинская, Калач, Нижне-Чирская и юго-восточнее, с задачей прочно прикрыть Сталинград с западного направления» [5, л. 109]. 7 июня 1942 г. такой же директивой Ставки ВГК № 170443 призывалось: «5-й резервной армии занять рубежи по восточному берегу р. Дон на фронте Новая Калитва, Новая Григорьевская. Прочно прикрывая направления на Богучар, Урюпинск, Фролово» [6, л. 378].

Директивой Ставки ВГК от 10 июня 1942 г. было решено в короткие сроки начать сооружение отсечной полосы, которая должна была располагаться от реки Северский Донец и, проходя вдоль Дона, упереться в Сталинградскую оборонительную линию. Для этого прибыли 24-е (полковник М.М. Мальцев) и 26-е (военинженер 2-го ранга И.Ш. Маренный) управления оборонного строительства, 97-е (военинженер 1-го ранга И.А. Федоров) и 96-е (военинженер 2-го ранга В.С. Комаровский) управления военно-полевого строительства. В сооружении оборонительных конструкций Сталинградского рубежа среди населения было задействовано 225 тыс. человек. Общими усилиями сталинградцев и воинов двух

резервных армий были построены 800 дотов и дзотов, установлены 750 бронеколпаков, для чего использованы 380 танковых башен и 400 танковых корпусов, 1 700 железобетонных колпаков. Директивой № 737/ур от 10 июля 1942 г. требовалось завершить строительство рубежа вдоль Дона. Готовность рубежа обороны предполагалась к 1 августа 1942 г. [7, л. 488].

Директивой от 11 июля приказывалось направить в 62-ю армию 214-ю, 29-ю, 229-ю стрелковые дивизии. Кроме того, директива № 170493 от 11 июля требовала от командующего 62-й армией занять Сталинградский оборонительный обвод к утру 12 июля и принять в состав армии 214-ю, 229-ю, 29-ю стрелковые дивизии, 54-й, 115-й укрепрайоны. Эти два укрепрайона (18 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов) были отправлены 10 июля из Суровикино на станцию Лог [9, л. 497–498, 502].

В связи с надвигающейся опасностью после вторжения противника в пределы Дона Сталинградский ГКО ускорил процесс сооружения обороны. Городское производство расширило выпуск колючей проволоки, бронеколпаков, ручных инструментов, а также ежей для противотанковой обороны. Массовое применение получили башни и корпуса от танков, как от советской бронированной техники, так и от трофейной [17, с. 192].

28 июня, как и было запланировано планом «Блау», немецкие войска силами ударных группировок 2-й и 4-й танковых армий перешли в наступление на воронежском направлении в полосе Брянского фронта генерал-полковника Ф.И. Голикова. 30 июня 6-я полевая армия Ф. Паулюса перешла в наступление против войск Юго-Западного фронта маршала С.К. Тимошенко [25, с. 130].

Основные железнодорожные линии проходили через зону боевых действий с севера на юг, параллельно фронту, в то же время с востока на запад проходило очень мало железных дорог, с низкой пропускной способностью (8–12 поездов в сутки) [29, л. 18]. Спешно перебрасываемые резервы не успевали сосредоточиться на нужных направлениях. Без тылов и средств усиления, без взаимодействия с соседними частями, не имея времени на планирование операции и рекогносцировку местности, резервы, как правило, вступали в бой по частям и не могли остановить, или, тем более, разгромить рвущиеся вперед штурмовые группы противника.

Наступление противника набирало обороты, расширяя географию действий, и было нацелено глубоко в тыл советских войск, постепенно поворачивая на юг, и скоро вынудило все наши войска на сплошном фронте от Курска до Севастопольского оборонительного района начать отступление, сопоставимое по масштабу с трагическим отступлением 1941 года. Уже 1 июля 1942 г., на четвертый день после ожесточенных боев, в боевых сводках соединений Брянского фронта говорилось о том, что немцы практически без изменений осуществляют свои запланированные действия, которые они обозначили в захваченных советскими разведчиками документах [15, с. 80–81].

Были приняты срочные меры по созданию стратегической обороны на сталинградском направлении. Директивой Ставки ВГК № 156 061 от 9 июля 1942 г. приказывалось «выброской передовых отрядов на фронт Бабка, Новая Калитва, не допустить переправы противника на левый берег Дона. Ускоренным маршем выдвинуть на этот фронт 127-ю стрелковую дивизию и установить связь с левофланговыми частями 6-й армии» [22, л. 326]. 10 июля на базе Сталинградского танкового центра было приказано срочно сформировать к 18:00 этого же дня девять (644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652-й) отдельных танковых батальонов по 21 танку Т-34 и 21 танку Т-60 в каждом и немедленно отправить 644-й и 645-й отдельные танковые батальоны в 62-ю армию, 646-й, 647-й – в 63-ю армию, 651-й и 652-й батальоны – в 64-ю армию [7, л. 487]. 9–12 июля 1942 г. последовали новые решения: директива Ставки ВГК № 994103 от 9 июля 1942 г. о переименовании с 12:00 10 июля 7-й резервной армии в 62-ю армию, 5-й резервной армии – в 63-ю армию, 1-й резервной армии – в 64-ю армию [10, л. 483].

Когда потерявший управление над своими войсками штаб Юго-Западного фронта по приказу [8, л. 150] в ночь с 11 на 12 июля 1942 г. прибыл в Сталинград и связался со Ставкой ВГК, последовали директивы № 994110–994112 от 12 июля 1942 г. об образовании Ста-

линградского фронта на базе управления Юго-Западного фронта, с дислокацией штаба фронта в г. Сталинград и включении в состав фронта 63-й, 62-й и 64-й армий. Командующим был назначен маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. В этот же день, 12 июля, были отданы директивы Ставки ВГК № 170501, 170502 об установлении разграничительных линий между действующими фронтами: Воронежским, Сталинградским и Северо-Кавказским [9, л. 19–20].

К середине июля противнику на подступах к Сталинграду смогли сопротивляться 12 соединений 62-й и 63-й армий, общей численностью в 166 тыс. чел., оснащенные 400 танками, 2 200 орудиями и минометами. Авиация фронта к тому времени состояла из 600 самолетов, среди которых было 60 истребителей войск ПВО и до 200 бомбардировщиков дальней авиации.

В районе Сталинграда еще в конце 1941 – начале 1942 г. было сооружено три оборонительных обвода, хотя не предоставлялось возможности оборудовать их до начала оборонительной операции. Решением Сталинградского городского комитета обороны от 12 июля 1942 г. началось сооружение четвертого оборонительного обвода «Г» на окраинах Сталинграда. В период напряженной работы на Сталинградском городском обводе было сооружено 320 баррикад, 450 блиндажей и убежищ, 37 дотов, 200 дзотов и т. д. [17, с. 192–193].

Кроме того, в июне – июле 1941 г. ряд директив указывали на перевод системы народных судов для деятельности в чрезвычайных ситуациях. Устанавливался порядок замещения мобилизованных судей, приостанавливались отпуска, уменьшался перечень судебных участков в сельских районах на 20 %, а в городских – на 25 %, к 1 августу их обновленный штатный распорядок закреплялся в наркомате финансов [21, с. 58].

Продвигаясь к большой излучине Дона, 12 июля 1942 г., войска вермахта вошли в административные границы Сталинградской области. С 14 июля в области было установлено военное положение. Объявлялась мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 50 лет в ряды Красной армии. 16 июля поступила директива: «Разведотрядам воспрепятствовать продвижению противника на юг и юго-восток. Действия увязать с авиаразведкой и действием боевой авиации». Уже 17 июля 1942 г. в большой излучине Дона соединения 62-й армии столкнулись в бою с наступавшими частями 6-й полевой армии Ф. Паулюса [22, л. 203].

23 июля 1942 г. Гитлер срочно издал директиву, которая полностью изменила план удачно развивающейся операции противника. Согласно первичному плану противник 28 июня начал удар от Курска на восток, а уже через два дня, наступая от Харьковской области, нанес поражение войскам Красной армии и вышел к Дону. В дальнейшем немцы развернулись на юг и вдоль западного побережья р. Дон двинулись к Ростову. Другая группа войск наступала из Артемовска прямо на Ростов. Уже 24 июля противник захватил донскую столицу и, переправившись через Дон, оказался на пути к Северному Кавказу [15, с. 120].

С целью управления ситуацией на сталинградском направлении 23 июля 1942 г. в расположение штаба фронта прибыл представитель Ставки ВГК начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский. Благодаря инициативе Василевского, 25 июля силами 1-й танковой армии и других частей Сталинградского фронта удалось провести контрнаступление. Это позволило сорвать вражеские планы по разгрому 62-й и 64-й армий и прорыву к Сталинграду.

В то же время 28 июля 1942 г. наркомом обороны СССР И.В. Сталиным был подписан приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», получивший в просторечии название «Ни шагу назад!». В приказе говорилось о сложившейся ситуации, последствиях отступления, а также применялись меры преследования паникерства.

К 5 августа из Сталинградского фронта были выделены соединения, которые объединились в Юго-Восточный фронт. Начались интенсивные танковые сражения. Бессмертную славу заслужили в этот самый тяжкий период оборонительного сражения на Сталинградском фронте отдельный курсантский артдивизион и восемь курсантских стрелковых полков [4, с. 59–62]. В очередной раз попытка противника совершить внезапный танковый прорыв в Сталинград провалилась.

Однако частая смена командующих под Сталинградом в июле – августе 1942 г. сыграла отрицательную роль: маршал С.К. Тимошенко командовал Сталинградским фронтом 10 суток, с 12 по 22 июля, генерал-лейтенант В.Н. Гордов – 20 суток, с 23 июля по 12 августа. Его сменил 13 августа генерал-полковник А.И. Еременко. В 62-й армии за два месяца сменилось четыре командующих; в 64-й армии – три командарма.

На организации обороны и качестве управления войсками, помимо частой смены армейских войсковых начальников, негативно сказались также значительные потери среди командиров соединений 62-й и 64-й армий, принявших в июле – августе 1942 г. тяжелые удары немецких группировок 6-й полевой и 4-й танковой армий. Полковник А.С. Захарченко, встретивший врага еще на границе СССР 22 июня 1941 г. командиром прославленной 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, погиб 24 июля 1942 г. у хутора Верхняя Бузиновка, командуя 192-й стрелковой дивизией 62-й армии. Комбриг Д.В. Аверин, командир 196-й стрелковой дивизии этой же армии, был убит 7 августа 1942 г. при прорыве из окружения. Полковник И.П. Сологуб, командуя 112-й стрелковой дивизией, погиб 9 августа 1942 года. В неравном бою 11 августа 1942 г. погиб полковник Ф.Ф. Сажин, командир 229-й стрелковой дивизии. Командир 35-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор В.А. Глазков погиб 8 августа в уличных боях в Сталинграде. 15 августа в плен попал командир 181-й стрелковой дивизии генерал-майор Т.Я. Новиков, а 26 августа был пленен командир 126-й стрелковой дивизии полковник В.Е. Сорокин. 30 августа были сняты с должности и преданы суду военного трибунала командиры 147-й и 203-й стрелковых дивизий генерал-майор А.А. Вольхин и полковник В.Я. Кашляев [2, с. 998–1000].

Таким образом, воплощение в жизнь военного замысла немецкого командования могло бы нанести сокрушительный удар по Красной армии. Анализ архивных документов позволяет сделать выводы о том, что Ставка ВГК в июне – июле 1942 г. сделала многое для организации советской обороны: еще до начала боевых действий на сталинградском направлении были приняты решения по сосредоточению стратегических резервов, созданию укрепленных рубежей, проведена реорганизация управления войсками в звене фронт – армия. К сожалению, этого оказалось недостаточно, чтобы остановить наступление противника, значительно превосходившего советские войска, особенно в технике.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

The research is supported by the state order to the South Research Center, task number 122020100347-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бивор Э. Сталинград. Смоленск: Русич, 1999. 445 с.

2. Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. 4. Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий ребольского направления, истребительных дивизий. М.: Кучково поле, 2015. 1246 с.

3. Водолагин М. А. Сталинград в Великой Отечественной войне (1941–1943 гг.). Сталинград: Областное книгоизд-во, 1949. 256 с.

4. Голиков, Ф. И. Сталинград (воспоминания заместителя командующего фронтом) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 55–64.

5. Директива Ставки ВГК № 170438 от 4 июня 1942 г. 7-й резервной армии с задачей прочно прикрыть Сталинград с западного направления // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 32.

6. Директива Ставки ВГК № 170443 от 7 июня 1942 г. 5-й резервной армии занять рубежи по восточному берегу р. Дон, прикрывая направления на Богучар, Урюпинск, Фролово // ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 3408. Д. 71.

7. Директива Ставки ВГК № 736/ур от 10 июля 1942 г. о строительстве отсечного рубежа // ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71.

8. Директива Ставки ВГК № 170495 от 12 июля 1942 г. о немедленном перемещении фронтового управления в Сталинград // ЦАМО РФ. Ф. 96-А. Оп. 2011. Д. 26.

9. Директивы Ставки ВГК № 994110, 994111, 994112 от 12 июля 1942 г. об образовании Сталинградского фронта на базе управления Юго-Западного

фронта; о дислокации штаба фронта в г. Сталинград; о включении в состав фронта с 12 июля 63-й, 62-й и 64-й армий // ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 3408. Д. 72.

10. Директива Ставки ВГК № 994103 от 9 июля 1942 г. командующим 7, 5, 1-й резервными армиями, войсками Юго-Западного и Южного фронтов о переименовании армии // ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3408. Д. 71.

11. Исаев А. В. Неизвестный Сталинград. Как перевирают историю. М.: Яуза: Эксмо, 2012. 488 с.

12. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 682 с.

13. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М.: Воениздат, 1975. 511 с.

14. Карель П. Второй фронт. Кн. 3: Сталинград. Крах операции «Блау». М.: Эксмо, 2008. 591 с.

15. Лидделл-Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1976. 580 с.

16. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Медведев М. В. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 454 с.

17. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Курбат Т. Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.

18. Мощанский И. Б. Оборона Сталинграда, 17 июля – 18 ноября 1942 г. М.: БТВ-КНИГА, 2001. 83 с.

19. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: Изографус: ЭКСМО, 2002. 798 с.

20. Панин А., Переслегин С. Сталинград. Цена победы. М.; СПб.: АСТ: Terra Fantastica, 2005. 331 с.

21. Пищулина С. Ю., Давыдова М. Л., Вилков А. А. Управление Наркомата юстиции РСФСР по Сталинградской области: особенности функционирования накануне и в период Сталинградской битвы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 1. С. 56–66. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.6

22. Приказ начальника Генерального штаба Красной армии Василевского А.М. № 156061 от 9 июля 1942 г. командующему 5-й резервной армией // ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 3408. Д. 26.

23. Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2003. 175 с.

24. Самсонов А. М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1989. 629 с.

25. Соколов Б. В. Мифическая война. Миражи Второй Мировой. М.: Яуза-пресс, 2011. 349 с.

26. Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. М.: Прогресс-Академия, 1995. 528 с.

27. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 / под ред. М. М. Загорулько. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.

28. Сталинградская битва: хроника, факты, люди. Кн. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. 911 с.

29. Управление военных сообщений Генерального штаба Красной армии // ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977444. Д. 121.

REFERENCES

1. Bivor E. *Stalingrad* [Stalingrad]. Smolensk, Rusich Publ., 1999. 445 p.

2. *Velikaja Otechestvennaja: Komdivy. Voennyj biograficheskij slovar. T. 4. Komandiry strelkovyh, gornostrelkovyh divizij, krymskih, poljarnyh, petrozavodskih divizij, divizij rebolskogo napravlenija, istrebitelnyh divizij* [The Great Patriotic War: Division Commanders. Military Biographical Dictionary. Vol. 4. Commanders of Rifle, Mountain Rifle Divisions, Crimean, Polar, Petrozavodsk Divisions, Divisions of the Rebol Direction, Fighter Divisions]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015. 1246 p.

3. Vodolagin M.A. *Stalingrad v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1943 gg.)* [Stalingrad in the Great Patriotic War (1941–1943)]. Stalingrad, Oblastnoe knigoizd-vo, 1949. 256 p.

4. Golikov F.I. Stalingrad (vospominanija zamestitelja komandujushhego frontom) [Stalingrad (Memoirs of the Deputy Commander of the Front)]. *Novaja i novejshaja istorija*, 2006, no. 1, pp. 55-64.

5. Direktiva Stavki VGK № 170438 ot 4 ijunja 1942 g. 7-j rezervnoj armii s zadachej prochno prikryt Stalingrad s zapadnogo napravlenija [Directive of the Headquarters of the Supreme High Command No. 170438 of June 4, 1942 to the 7th Reserve Army with the Task of Firmly Covering Stalingrad from the Western Direction]. *Centralnyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (TsAMO RF)* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 132-A, inv. 2642, d. 32.

6. Direktiva Stavki VGK № 170443 ot 7 ijunja 1942 g. 5-j rezervnoj armii zanjat rubezhi po vostochnomu beregu r. Don, prikryvaja napravlenija na Boguchar, Urjupinsk, Frolovo [Directive of the Supreme High Command Headquarters No. 170443 of June 7, 1942 to the 5th Reserve Army to Occupy the Lines Along the Eastern Bank of the Don River, Covering the Directions to Boguchar, Uryupinsk, Frolovo]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry

of Defence of the Russian Federation], f. 48-A, inv. 3408, d. 71.

7. Direktiva Stavki VGK № 736/ur ot 10 ijulja 1942 g. o stroitelstve otsechnogo rubezha [Directive of the Headquarters of the Supreme High Command No. 736/ur Dated July 10, 1942 on the Construction of a Cut-Off Line]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 48-A, inv. 3408, d. 71.

8. Direktiva Stavki VGK № 170495 ot 12 ijulja 1942 g. o nemedlennom peremeshhenii frontovogo upravlenija v Stalingrad [Directive of the Headquarters of the Supreme High Command No. 170495 of July 12, 1942 on the Immediate Transfer of the Front Office to Stalingrad]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 96-A, inv. 2011, d. 26.

9. Direktivy Stavki VGK № 994110, 994111, 994112 ot 12 ijulja 1942 g. ob obrazovanii Stalingradskogo fronta na baze upravlenija Jugo-Zapadnogo fronta; o dislokacii shtaba fronta v g. Stalingrad, o vkljuchenii v sostav fronta s 12 ijulja 63-j, 62-j i 64-j armij [Directives of the Supreme High Command Headquarters No. 994110, 994111, 994112 Dated July 12, 1942 on the Formation of the Stalingrad Front on the Basis of the Southwestern Front Directorate; on the Deployment of the Front Headquarters in Stalingrad, on the Inclusion of the 63rd, 62nd and 64th Armies in the Front from July 12]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 48-A, inv. 3408, d. 72.

10. Direktiva Stavki VGK № 994103 ot 9 ijulja 1942 g. komandujushhim 7, 5, 1-j rezervnymi armijami, vojskami Jugo-Zapadnogo i Juzhnogo frontov o pereimenovanii armii [Directive of the Supreme Command Headquarters No. 994103 of July 9, 1942 to the Commander of the 7th, 5th, 1st Reserve Armies, Troops of the Southwestern and Southern Fronts on the Renaming of the Army]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 48-A, inv. 3408, d. 71.

11. Isaev A.V. *Neizvestnyj Stalingrad. Kak perevirajut istoriju* [Unknown Stalingrad. How History is Distorted]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2012. 448 p.

12. *Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza 1941–1945 gg. T. 2. Otrazhenie sovetskim narodom verolomnogo napadenija fashistskoj Germanii na SSSR. Sozdanie uslovij dlja korennogo pereloma v vojne (ijun 1941 g. – nojabr 1942 g.)* [The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. Vol. 2. Reflection by the Soviet People the Treacherous Attack of Fascist Germany on the USSR. Creating Conditions for a Radical Change in the War (June 1941 – November 1942)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 682 p.

13. *Istorija Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945. V 12 t. T. 5. Proval agressivnyh planov fashistskogo bloka* [History of the Second World War. 1939–1945. In 12 Vols. 5. The Failure of the Aggressive Plans of the Axis Powers]. Moscow, Voenizdat Publ., 1975. 511 p.

14. Karel P. *Vtoroj front. Kn. 3: Stalingrad. Krah operacii «Blau»* [The Second Front. Book 3: Stalingrad. The Collapse of Case Blue]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 591 p.

15. Liddell-Gart B.G. *Vtoraya mirovaya voyna* [World War II]. Moscow, Voenizdat Publ., 1976. 580 p.

16. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Medvedev M.V. *Bolshaya izluchina Dona – mesto reshayushchikh srazheniy Velikoy Otechestvennoy voyny (1942–1943 gg.)* [Large Bend of the Don is the Place of Decisive Battles of the Great Patriotic War (1942–1943)]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN, 2016. 454 p.

17. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. *Vojna. Jug. Perelom (leto 1942 – osen 1943 g.)* [War. South. Turning-Point. (Summer 1942 – Autumn 1943)]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN, 2012. 284 p.

18. Moshchanskiy I.B. *Oborona Stalingrada, 17 iyulya – 18 noyabrya 1942 g.* [Defense of Stalingrad, July 17 – November 18, 1942]. Moscow, BTV-KNIGA Publ., 2001. 83 p.

19. Myuller-Gillebrand B. *Sukhoputnaya armiya Germanii. 1933–1945* [Overland Army of Germany of 1933–1945]. Moscow, Izografus Publ., Eksmo Publ., 2002. 798 p.

20. Panin A., Pereslegin S. *Stalingrad. Tsena pobedy* [Stalingrad. Price of Victory]. Moscow, Saint Petersburg, AST Publ.; Terra Fantastica Publ., 2005. 331 p.

21. Pishchulina S.Yu., Davydova M.L., Vilkov A.A. Upravlenie Narkomata yustitsii RSFSR po Stalingradskoy oblasti: osobennosti funktsionirovaniya nakanune i v period Stalingradskoy bitvy [The Department of People's Commissariat of Justice of the RSFSR in the Stalingrad Region: Features of Functioning before and during the Battle of Stalingrad]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 56-66. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.6

22. Prikaz nachalnika Generalnogo shtaba Krasnoj armii Vasilevskogo A.M. № 156061 ot 9 ijulja 1942 g. komandujushhemu 5-j rezervnoj armiej [Order of the Chief of the General Staff of the Red Army Vasilevsky A.M. No. 156061 Dated July 9, 1942 to the Commander of the 5th Reserve Army]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 48-A, inv. 3408, d. 26.

23. Roberts Dzh. *Pobeda pod Stalingradom: Bitva, kotoraya izmenila istoriyu* [Victory near Stalingrad. Fight Which Has Changed the History]. Moscow, URSS, Editorial URSS, 2003. 175 p.

24. Samsonov A.M. *Stalingradskaya bitva* [The Battle of Stalingrad]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 629 p.

25. Sokolov B.V. *Mificheskaja vojna. Mirazhi Vtoroj Mirovoj* [Mythical War. Mirages of the Second World War]. Moscow, Jauza-press Publ., 2011. 349 p.

26. *Stalingrad: Sobytie. Vozdeystvie. Simvol* [Stalingrad. Event. Influence. Symbol]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1995. 528 p.

27. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya bitva. Iyul 1942 – fevral 1943* [Battle of Stalingrad. July, 1942 – February 1943]. Ed. 5, corr. and suppl. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 800 p.

28. *Stalingradskaya bitva: khronika, fakty, lyudi. Kn. 1* [Battle of Stalingrad: Chronicle, Facts, People. Book 1]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 911 p.

29. Upravlenie voennyh soobshhenij Generalnogo shtaba Krasnoj armii [Department of Military Communications of the General Staff of the Red Army]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 15, inv. 977444, d. 121.

Information About the Authors

Vladimir I. Afanasenko, Senior Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, af521735@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9624-7048

Maksim V. Medvedev, Candidate of Sciences (History), Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, m1max@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-6405

Информация об авторах

Владимир Иванович Афанасенко, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, af521735@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9624-7048

Максим Валерьевич Медведев, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, m1max@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-6405

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.10

UDC 94(470.45)“1942/1943”
LBC 63.3(2Р-4Вог)622,1

Submitted: 08.12.2022
Accepted: 20.01.2023

PARTICIPATION OF NATIVES OF THE BELARUS IN THE BATTLE OF STALINGRAD

Aliaksey M. Litwin

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. *Introduction.* The main information about our compatriots who distinguished themselves in the Battle of Stalingrad is contained in the award documents, which have not yet become the subject of study by Belarusian researchers. Separate facts had been appearing in the press already during the hostilities. For example, the feat of the Red Army soldier Alexey Vashchenko, who closed the embrasure of the enemy's gates with his breast on September 5, 1942, was the subject of a publication in the division newspaper and a leaflet issued by the political department. However, the main information on the topic emerged only in the post-war time. *Methods and Materials*. The article is based on the information from scientific and educational literature, encyclopedias and reference books, from the memories of Soviet military leaders who took part in the Battle of Stalingrad, publications in the regional historical collections “Memory”, from the Belarusian central and local periodicals. The goal is to identify information about the participation of natives of Belarus in the Battle of Stalingrad. *Results.* The study showed that the Belarusians were represented both among the privates and command staff, in almost all types and branches of the military. Many of them were awarded high state decorations for military distinctions during the Battle of Stalingrad.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, natives of Belarus, Belarusians, Soviet military leaders.

Citation. Litwin A.M. Participation of Natives of the Belarus in the Battle of Stalingrad. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 104-115. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.10

УДК 94(470.45)“1942/1943”
ББК 63.3(2Р-4Вог)622,1

Дата поступления статьи: 08.12.2022
Дата принятия статьи: 20.01.2023

УЧАСТИЕ УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

Алексей Михайлович Литвин

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье на основе анализа сведений из научной и научно-популярной литературы, энциклопедических и справочных изданий, мемуаров советских военачальников, принимавших участие в Сталинградской битве, публикаций в районных книгах-хрониках «Память», в белорусских центральных и районных периодических изданиях поставлена цель выявить сведения об участии уроженцев Беларуси в Сталинградской битве. Исследование показало, что белорусы были представлены как среди рядового, так и командного звена, практически во всех видах и родах войск, многие из них за боевые отличия во время Сталинградской битвы были удостоены высоких государственных наград. Основная информация о наших соотечественниках, отличившихся в этих боях, содержится в наградных документах, которые еще не стали предметом изучения белорусских исследователей. Отдельные сведения появлялись в печати уже в ходе боевых действий (подвигу красноармейца Алексея Ващенко, 5 сентября 1942 г. закрывшего своей грудью амбразуру вражеского дзота, была посвящена публикация в дивизионной газете, а также выпущена политотделом листовка), однако основные сведения по теме появились в послевоенное время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, уроженцы Беларуси, белорусы, советские военачальники.

© Литвин А.М., 2023

Цитирование. Литвин А. М. Участие уроженцев Беларуси в Сталинградской битве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 104–115. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.10

Введение. Имена отличившихся в сражениях Великой Отечественной войны белорусов и жителей Белорусской ССР широко популяризировались уже в военные годы. Сбор информации на данную тему активизировался с начала 1960-х гг., когда стали отмечаться юбилейные годовщины Победы и выдающихся сражений Великой Отечественной войны. С обретением независимости интерес общественности к вкладу белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне усилился [3; 15]. Благодаря десятилетиям активного исследовательского поиска Б.Д. Долготовича подготовлен ряд книг и статей об участии белорусов и уроженцев Беларуси в боевых действиях на фронтах войны. Заслугой историка является введение в научный оборот уточненных биографических сведений о белорусах и уроженцах Беларуси – маршалах, генералах и адмиралах, командирах объединений и соединений, а также о награжденных полководческими и другими наградами Родины [18–23; 44].

Однако научное исследование участия уроженцев Беларуси в различных сражениях Великой Отечественной войны, в том числе и в Сталинградской битве, до последнего времени не осуществлялось. В определенной степени это можно объяснить тем, что в годы войны в Красной армии не было белорусских национальных формирований, уроженцы Беларуси служили во всех видах и родах войск. В изданных по этой теме работах приводились лишь одиночные примеры отличившихся в сражениях белорусов, главным образом Героев Советского Союза [29; 33] и военачальников [3–8; 11–17; 25–28; 40]. Краткие сведения об участии уроженцев Беларуси и белорусов в сражении представлены в энциклопедии «Сталинградская битва», изданной под редакцией М.М. Загорулько [42, с. 66–67].

Известно, что среди защитников Сталинграда служили представители многих национальностей СССР. Например, в легендарной 62-й армии генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова русские составляли 51,5 %, украинцы – 34,4, татары – 3,9, казахи – 2,4, белорусы – 2,2, грузины – 1,4, башкиры – 1,3, узбеки – 0,4, представители других наций и народностей – 2,5 %. Воины этого многонационального формирования самоотверженно сражались и ярко демонстрировали боевое содружество народов [41].

К сожалению, точная цифра общего числа уроженцев Беларуси, которые принимали участие в Сталинградской битве, пока не известна. Знакомство с опубликованной литературой по данной теме говорит о том, что эта цифра должна быть весьма значительной. На сегодняшний день нет достоверных данных о количестве наших соотечественников, погибших и раненых в Сталинградской битве, о попавших в плен, о тех, кто остался в живых, о количестве награжденных орденами и медалями, другими наградами командования. Эти и ряд других вопросов требуют изучения в будущем.

Материалы и методы. Сформулированная нами задача обусловила и выбор метода исследования, и набор источников. При подготовке данной статьи использована научная и научно-популярная литература, энциклопедии, мемуары советских военачальников, газетные публикации белорусских центральных и районных газет, районные книги-хроники «Память», содержащие сведения об участниках Сталинградской битвы. Метод компаративного анализа документального материала позволил не только выявить сущность процесса вооруженного противостояния, но и установить персонифицированные данные о конкретных участниках событий. Объявление в Республике Беларусь 2022 г. Годом исторической памяти значительно активизировало работу по увековечиванию памяти об участии жителей республики в событиях Великой Отечественной войны. В связи с этим 80-летие начала и завершения Сталинградской битвы, как одного из ключевых сражений Великой Отечественной войны, приобретает особое значение. Юбилей дает возможность не только еще раз вспомнить об этой выдающейся битве, но и назвать имена ее участников, в том числе ранее неизвестных.

Анализ. Сталинградская битва началась 17 июля 1942 г. и продлилась 200 суток. Она включала стратегическую оборону (17 июля – 18 ноября 1942 г.) и стратегическое наступление (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.), в ходе которых была окружена и уничтожена 330-тысячная группировка противника. Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в Великой Отечественной войне и оказала определяющее влияние на ход всей Второй мировой войны. Противоборствующие стороны потеряли в ней более 2 млн человек. Победа в Сталинградской битве стала триумфом советского военного искусства, мужества, стойкости и силы духа солдат и офицеров Красной армии. Наши соотечественники принимали в этой битве участие на всех этапах, в составе всех родов войск и на различных уровнях: от рядовых бойцов и до командиров разных уровней.

Наиболее высокопоставленным советским военачальником, имеющим отношение к разгрому войск противника под Сталинградом, был уроженец г. Гродно, генерал-лейтенант (позже – генерал армии) Алексей Иннокентьевич Антонов (1896–1962). С декабря 1942 г. он был назначен начальником Оперативного управления и первым заместителем начальника Генерального штаба РККА. В этом качестве участвовал в планировании завершающих операций под Сталинградом. С февраля 1945 г. – начальник Генштаба, член Ставки ВГК. В память о знаменитом земляке в г. Гродно названа улица, его имя присвоено Гродненской средней школе № 11, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска [6, с. 39; 29, с. 34–35].

27 июля 1942 г. на должность заместителя командующего войсками Сталинградского фронта был назначен белорус, уроженец местечка Богушевичи нынешнего Березинского района Минской области генерал-майор (позже – генерал-лейтенант) Кирилл Алексеевич Коваленко (1891–1962). В этой должности он командовал оперативной группой фронта в составе 4-го и 16-го танковых корпусов, 24, 84, 315-й стрелковых дивизий. Организовал несколько контрударов по 14-му танковому корпусу противника, который вышел к Волге севернее Сталинграда. С 9 сентября 1942 г. генерал-майор К.А. Коваленко был начальником штаба Сталинградского фронта, а с 30 сентября стал заместителем командующего войсками Донского фронта. Позже, в 1943 г., был удостоен звания Героя Советского Союза [6, с. 110; 20, с. 87–88; 33, с. 63; 39, с. 528].

Среди командующих армиями, принимавших участие в Сталинградской битве, необходимо назвать имя Антона Ивановича Лопатина (1897–1965). Он родился в деревне Каменной (Каменка) ныне Брестского района Брестской области в крестьянской семье. С ноября 1941 г. по 23 июня 1942 г. генерал-майор А.И. Лопатин командовал 37-й армией, войска которой в ходе Ростовской наступательной операции ударом во фланг войскам 1-й танковой армии генерала Клейста содействовали 9-й и 56-й армиям в освобождении г. Ростова-на-Дону 29 ноября 1941 года. С 3 августа 1942 г. по 5 сентября 1942 г. он командовал 62-й армией, войска которой не смогли удержать противника на подступах к Сталинграду. А.И. Лопатин был снят с должности, передав командование армией В.И. Чуйкову, а через месяц он был назначен командующим 34-й армии Северо-Западного фронта [20, с. 85–87; 33, с. 309].

Выходец из Могилева белорус Валентин Антонович Пеньковский (1904–1969) за успешное командование 76-й стрелковой дивизией был назначен командующим штабом 21-й армии Юго-Западного фронта. В октябре 1942 г. ему было присвоено звание генерал-майора, а закончил он военную службу генералом армии [20, с. 101–102].

Жизненный путь и военная биография уроженца деревни Большая Крушиновка Рогачевского района Гомельской области Георгия Петровича Исакова (1896–1961) заслуживает пера военного романиста. В августе 1915 г. он был призван на службу, окончил военное училище, воевал на Юго-Западном и Западном фронтах. В феврале 1918 г. демобилизован в чине штабс-капитана. С апреля 1918 г. – в Красной армии, принимал участие в обороне Петрограда, с января 1920 г. – на польско-советском фронте. Позже принимал участие в боях с частями С.Н. Булак-Балаховича. В марте 1922 г. демобилизован из армии по болезни. С апреля 1922 по 1940 г. – на советской и хозяйственной работе в БССР. В 1929 г. окончил Белорусский государствен-

ный университет, в 1930 г. прошел курс переподготовки запаса на стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА «Выстрел», с 1932 г. – начальник управления заготовок Комитета заготовок при СНК БССР. Вновь призван в Красную армию в феврале 1940 г. – назначен командиром учебного батальона Витебских курсов усовершенствования комсостава запаса. Окончил Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе в 1941 году. С 5 августа 1941 г. назначен командиром 811-го стрелкового полка 229-й стрелковой дивизии 20-й армии Западного фронта. Участвовал в Смоленском сражении, 29 августа был тяжело ранен. После выписки из госпиталя с 10 октября в должности командира 19-й отдельной стрелковой бригады принимал участие в Тульской, Калужской, Ржевско-Вяземской наступательных операциях. С февраля 1942 г. полковник Г.П. Исаков командовал 49-й стрелковой бригадой 20-й армии Западного фронта, с мая 1942 г. – командир формировавшейся в Южно-Уральском военном округе 17-й отдельной истребительной бригады, которая с июня 1942 г. передана на Юго-Западный фронт и там вступила в бой в ходе начавшейся Сталинградской битвы. В конце августа 1942 г. полковник Г.П. Исаков – заместитель, а с 9 октября 1942 г. – командир 96-й стрелковой дивизии 21-й армии Донского фронта, отличившейся в уничтожении окруженной группировки противника в районе Сталинграда. За успешные операции, мужество и героизм личного состава дивизия в феврале 1943 г. была преобразована в 68-ю гвардейскую. В октябре 1943 г. Г.П. Исакову было присвоено звание Героя Советского Союза [6, с. 229].

Среди белорусов – участников обороны Сталинграда – больше всего известны имена авиаторов – Героев Советского Союза. Среди них уроженец села Глухи (в настоящее время – Быховского района Могилевской области), командующий ВВС Юго-Западного фронта и 17-й воздушной армией генерал-майор авиации (с 20 декабря 1942 г. – генерал-лейтенант, с 1944 г. – генерал-полковник, с 1959 г. – первый маршал авиации – белорус) Степан Акимович Красовский (1897–1983). Возглавляемые им авиационные объединения обеспечивали надежную поддержку с воздуха 5-й и 21-й танковых армий при прорыве обороны противника и его окружении [31, с. 133–153]. В последующем руководил авиационными объединениями в боевых операциях на Курской дуге и Днепре, в освобождении Польши, Чехословакии, Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. В противостоянии с врагом на всех фронтах отличился умелым руководством подчиненной ему авиации и успешной организацией ее взаимодействия с наземными войсками [33, с. 268].

На завершающем этапе Сталинградской битвы отличились летчики сформированной в начале декабря 1942 г. 302-й истребительной авиадивизии под командованием полковника Бориса Ивановича Литвинова (1907–?) – белоруса, уроженца города Речица Гомельской области. С февраля 1943 г. дивизия воевала в составе 4-го истребительного авиакорпуса 2-й воздушной армии Воронежского фронта и 5-й воздушной армии Степного фронта [12, с. 655].

Уроженец деревни Барки (ныне – Шкловского района Могилевской области) Николай Александрович Карначёнок (1922–1942) в 1941 г. окончил Одесскую военную авиационную школу летчиков. С 1 июля 1941 г. воевал на Юго-Западном и Сталинградском фронтах. Во время битвы на Волге командовал звеном истребителей 434-го истребительного полка 8-й воздушной армии. На счету лейтенанта Н.А. Карначёнка – 10 сбитых вражеских самолетов, из них 7 бомбардировщиков. Погиб 22 сентября 1942 г. в воздушном бою в районе поселка Котлубань Дубовского района Сталинградской области. Через два месяца ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Он стал первым белорусом, удостоенным этой награды в боях за Сталинград [29, с. 260; 33, с. 216–217].

8 февраля 1943 г. был удостоен звания Героя Советского Союза заместитель командира эскадрильи 629-го истребительного полка 102-й истребительной авиационной дивизии лейтенант Николай Иванович Столяров (1919–1985). Он совершил 127 боевых вылетов, провел 38 воздушных боев с самолетами противника, лично сбил 7, а в составе группы еще 4 самолета противника [43].

Помимо этого, в Сталинградской битве принимали участие не менее 60 уроженцев

Беларуси, получившие звание Героя Советского Союза или ставшие полными кавалерами ордена Славы уже на других фронтах. Среди них летчики майор Федор Федорович Архипенко (1921–2012), командир эскадрильи 508-го истребительного авиационного полка 205-й истребительной авиационной дивизии [1], и капитан Николай Иванович Абрамчук (1910–1974), командир эскадрильи 894-го истребительного авиационного полка 101-й истребительной авиационной дивизии ПВО, старший лейтенант Иван Герасимович Томашевский (1918–1994), штурман звена 25-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка 272-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии и др. [15, с. 75].

Полковник Лев Петрович Овсищер родился в 1919 г. в местечке Богушевск (в настоящее время – Витебской области). Окончил Чкаловское летное училище. Служил в 901-м ночном бомбардировочном полку 271-й авиационной дивизии. Именно Л.П. Овсищер выполнил уникальное задание командующего войсками Донского фронта К.К. Рокоссовского: его самолет «зависал» над расположением командного пункта генерала (затем – фельдмаршала) Ф. Паулюса, и летчик зачитывал через громкоговоритель текст ультиматума. В качестве воздушного парламентера Л.П. Овсищер совершил 24 вылета и 70 раз передавал текст ультиматума советского командования штабу 6-й немецкой армии об условиях капитуляции. Всего за годы Великой Отечественной войны в качестве штурмана Л.П. Овсищер произвел 600 боевых и специальных вылетов, был награжден орденами Красного Знамени, дважды – Отечественной войны 1-й степени, дважды – Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и многими медалями [27, с. 59–60].

19 ноября 1942 г. с мощного артиллерийского удара началось наступление Красной армии под Сталинградом. С 1944 г. этот день отмечался как День артиллерии, с 1964 г. – как День ракетных войск и артиллерии.

Артиллерию Сталинградского фронта возглавлял уроженец города Лунинца (в настоящее время – Брестской области) Владимир Эрастович Таранович (1897–1983) – участник Первой мировой, Гражданской, советско-финляндской войн, генерал-полковник артиллерии (1944). С июля 1943 г. стал заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии по артиллерии. В этой должности часто выезжал на фронт для организации боевого применения бронетанковых войск, изучения опыта использования танковых войск, оказания помощи командованию частей, принимал участие в освобождении Украины, Румынии, Польши, в Советско-японской войне 1945 г. [6, с. 588].

Артиллерией 65-й армии Донского фронта в Сталинградской битве командовал уроженец г. Витебска полковник Израиль Соломонович Бескин (1895–1964). Именно ему принадлежит инициатива применения в ходе боевых действий двойного огневого вала. Бывший командующий 65-й армией, дважды Герой Советского Союза генерала армии П.И. Батов вспоминал, что после сдачи в плен Паулюса со штабом в районе Спартаковки «осталась самая отчаянная группа гитлеровцев, засевших в подвалах, каменных завалах, разбитых танках. Мы решили разрушить огневые точки прямой наводкой. Днем вместе с командующим артиллерией армии полковником Бескиным, с Бирюковым, Поповичем и Прозоровым работали, определили план подавления огневых средств противника. <...> Всю ночь работали артиллеристы. Местами они ставили орудия почти вплотную. Пушки стояли в две линии <...>. Сотни орудий стояли на прямой наводке. И вот вся эта мощь загрохотала. После трех-пяти минут из блиндажей, из подвалов, из-под танков начали выползать гитлеровцы. Одни бежали, другие становились на колени, обезумев, вздымали к небу руки. Некоторые бросались обратно в укрытия, скрывались среди столбов из дыма и взвихренного камня и снова выскакивали» [2, с. 271–272]. Звание генерал-майора артиллерии И.С. Бескину было присвоено 27 января 1943 г., генерал-лейтенанта артиллерии – 22 августа 1944 г., а 31 мая 1945 г. он был удостоен звания Героя Советского Союза [6, с. 86; 33, с. 56].

Уроженец г. Борисова Матвей Григорьевич Вайнруб (1910–1998), выпускник Военной академии им. М.В. Фрунзе, прошел Великую Отечественную войну с первого и до последнего дня [24]. В Сталинградской битве подполковник, а затем полковник М.Г. Вайнруб

являлся командующим бронетанковыми и механизированными войсками и заместителем командующего 62-й армией В.И. Чуйкова. Когда противник прорвался к центральной переправе 62-й армии, захватив высокий дом на берегу, к ней прекратился подвоз боеприпасов, пополнения, продовольствия, В.И. Чуйков вызвал подполковника М.Г. Вайнруба и поручил ему с танками и 30 бойцами атаковать дом, в котором находилась большая группа немцев, чтобы обеспечить переправу в Сталинград дивизии А.И. Родимцева. Через три часа М.Г. Вайнруб доложил: «Приказ выполнен. Переправа работает» [10, с. 3–4]. Об этом эпизоде упоминается и в фундаментальном труде академика А.М. Самсонова «Сталинградская битва», выдержавшем четыре издания: «Чтобы отстоять переправу, В.И. Чуйков приказал бросить на усиление оборонявших ее воинов несколько танков из состава тяжелой танковой бригады последнего своего резерва. Первая группа в составе шести танков во главе с майором П.И. Зализюком получила задачу перехватить улицы, ведущие к вокзалу. Вторая группа во главе с подполковником М.Г. Вайнрубом была направлена к домам специалистов, из которых противник обстреливал Волгу и пристань огнем крупнокалиберных пулеметов. Немецкие автоматчики, прорвавшиеся к пристани, были оттеснены от переправы к вокзалу Сталинград-1» [39, с. 182–183]. 13 марта 1944 г. М.Г. Вайнрубу было присвоено звание генерал-майора, а 6 апреля 1945 г. – звание Героя Советского Союза [33, с. 83–84].

Минчанин гвардии полковник Иван Михайлович Богушевич (1902–1962) служил в Красной армии с 1935 г., окончил артиллерийские курсы усовершенствования командного состава, участвовал в боях на реке Халхин-Гол в 1939 году. В боях под Сталинградом отличился, командуя 111-м (позже – 161-м гвардейским) пушечным артиллерийским полком. Затем сражался на Курской дуге, освобождал Румынию, Чехословакию, Венгрию, Австрию. Звания Героя Советского Союза удостоен 30 октября 1943 г. [33, с. 68].

15 сентября 1942 г. батареи 722-го зенитно-артиллерийского полка, которым командовал уроженец села Добрынь (в настоящее время – Кобринского района Брестской области) майор Агей Данилович Коновод (1912–?), прицельным огнем сбили три юнкерса противника. Всего с начала 1942 г. полк уничтожил 68 немецких истребителей. Командир полка был награжден орденом Красного Знамени [30]. Полк впоследствии был удостоен звания гвардейского, а А.Д. Коновод заслужил еще много наград и закончил службу генерал-майором артиллерии [37, с. 296].

Уроженец города Гомеля Евгений Абрамович Бирбраер (1912–1943) – участник советско-финляндской войны и с первых дней – Великой Отечественной войны. В августе 1942 г. окончил командные курсы «Выстрел». Под Сталинградом командовал минометной ротой 3-го батальона 706-го стрелкового полка 204-й (позже – 78-й гвардейской) стрелковой дивизии. Согласно представлению к награде, 30 января 1943 г. был корректировщиком, на основании его донесений удалось уничтожить снайперские точки противника, что позволило подразделениям РККА продвинуться вперед с наименьшими потерями. Лично привел и разоружил 60 немецких солдат, в том числе 3 офицеров [9]. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 26 октября 1943 г. в боях за Днепр [33, с. 58; 45].

Тяжелейшие испытания в войне выпали на долю пехоты, стрелковых войск. Имеется огромное число примеров, подтверждающих, что наши земляки мужественно и самоотверженно дрались в их составе. Так, широкую известность под Сталинградом получил расчет противотанковых ружей 84-го стрелкового полка, совершивший свой подвиг 23 июля 1942 г. в районе станицы Клетской. Русские А. Беликов, Г. Самойлов, украинец П. Болото и белорус П. Алейников (бывший рабочий Оршанского льнокомбината) дали решительный бой наступающим немецким танкам. Гвардейцы подбили 15 танков и задержали продвижение противника [3, с. 350].

Красноармеец Алексей Егорович Ващенко (1921–1942) – белорус, уроженец деревни Воската Городокского района Витебской области, служил автоматчиком 272-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР. Он первым из белорусов совершил подвиг Александра Матросова (раньше его самого). Ему исполнилось при этом всего 20 лет. В наградном листе от-

мечалось: «5 сентября 1942 г. во время атаки под сильным огнём станкового пулемёта с криком “За Родину!” своим телом закрыл амбразуру дзота, дав возможность развить успех атаки роты. Личным самопожертвованием за Родину показал свою преданность и презрение к смерти. Пал смертью храбрых на глазах товарищей, воодушевив бойцов бесстрашием и преданностью Родине» [34, с. 362; 36, с. 508–509].

В знаменитой 138-й стрелковой дивизии полковника И.И. Людникова отлично проявил себя уроженец деревни Скребни Витебского района Владимир Онуфриевич Коноваленко (1917–1944). В 1933 г. он окончил Оршанский железнодорожный техникум. С 1937 г. – в Красной армии. Принимал участие в советско-финляндской войне 1939–1940 годов. В 1941 г. окончил Сухумское военно-пехотное училище. Во время Великой Отечественной на фронте с января 1942 года. С осени 1942 г. – офицер-порученец при штабе 138-й стрелковой дивизии. В ответственный момент боев был назначен командиром 344-го полка, несмотря на то что имел звание старшего лейтенанта. В дарственной надписи маме В.О. Коноваленко на своей книге «Остров Людникова» И.И. Людников писал: «Дорогая Елена Васильевна! Ваш сын Владимир Онуфриевич был скромным и мужественным офицером. Это записано в истории войны. Это мой воспитанник и боевой товарищ. Я его всегда привожу в пример солдатам, сержантам и офицерам. В этой книге правдиво описаны его боевые дела. Пускай эта книга будет ему памятником. Советский народ его не забудет» (цит. по: [15, с. 75; 17, с. 506]).

Старший лейтенант Исаак Федорович Ваксман родился в 1922 г. в селе (в настоящее время – поселке) Краснополье Могилевской области. На фронт прибыл 20-летним юношей по окончании курсов младших лейтенантов и свой боевой путь начал в октябре 1942 г. под Сталинградом, где принял батарею 45-мм орудий 1118-го стрелкового полка 333-й стрелковой дивизии. И.Ф. Ваксман отличился уже в первых боях, смело выдвигая орудия вперед и метким огнем уничтожая огневые точки противника, что обеспечило продвижение пехоты. И.Ф. Ваксман погиб в ноябре 1943 г. при форсировании Днепра, а 22 февраля 1944 г. был посмертно удостоен «Золотой Звезды» [33, с. 84].

Минчанин Ефим Исакович Эренгросс (1902–1956) по окончании Коммунистического института журналистики в Минске работал редактором ряда газет в Белорусской ССР. С первых дней Великой Отечественной войны находился в рядах РККА. Во время Сталинградской битвы комиссару батальона Е.И. Эренгроссу довелось командовать батальоном вместо погибшего командира. 2 декабря 1942 г. осколком мины навылет была раздроблена его левая рука. Лечение в госпитале закончилось демобилизацией из армии по инвалидности. 22 декабря 1942 г. старший лейтенант Е.И. Эренгросс, политрук роты 1034-го стрелкового полка 293-й стрелковой дивизии, был награжден медалью «За оборону Сталинграда» [45], позже удостоен орденов Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалей.

В Сталинграде хорошо известна фамилия легендарного белоруса, уроженца Горецкого района Могилевской области, командира 91-й отдельной танковой бригады, впоследствии маршала Советского Союза Ивана Игнатьевича Якубовского (1912–1976). На временной экспозиции в Минске были представлены его фуражка и китель, а также уникальный экспонат, который никогда не покидал стен музея-заповедника «Сталинградская битва». Это осколок немецкого снаряда, которым во время наступления в январе 1943 г. был пробит полушубок Ивана Игнатьевича. Такой трофей дважды Герой Советского Союза пронес с собой через всю войну [20, с. 101–102].

Достойный вклад в героическую оборону Сталинграда внесли моряки и офицеры Волжской военной флотилии, заместителем командующего которой был уроженец Пинска контр-адмирал Павел Алексеевич Трайнин (1895–1956). Он был удостоен ордена Ленина, 3 орденов Красного Знамени, орденов Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, многих медалей [20, с. 95–96; 21, с. 56].

Уроженец Чериковского района Могилевской области М.Н. Лисиков встретил войну в должности корабельного минера на Северном флоте. Осенью 1942 г. в составе одной из частей морской пехоты принимал участие в улич-

ных боях, в штурме и занятии вокзала станции Сталинград – Товарная. Был тяжело контужен, после излечения был в составе десанта на Малую Землю, сражался на Дунае, принимал участие в разгроме Японии [38, с. 482–483].

Николай Маркович Шпайер во время Сталинградской битвы возглавлял ветеринарный отдел Юго-Западного и Донского фронтов. Он родился в 1892 г. в местечке Глубокое (ныне г. Глубокое Витебской области) в семье ремесленника. Окончил еврейское училище и Казанский ветеринарный институт в 1917 году. Во время Гражданской войны и послевоенные годы являлся одним из организаторов и руководителей ветеринарной службы РККА. Генерал-майор (с апреля 1943 г.), генерал-лейтенант (с июля 1945 г.) ветеринарной службы, доктор ветеринарных наук, профессор [44, с. 219–222].

Говоря об участии белорусов в Сталинградском сражении, необходимо также сказать о том, что активную помощь сражающемуся Сталинграду оказывали белорусские партизаны, действовавшие в это время на оккупированной территории [32]. К осени 1942 г. в Беларуси функционировала, по существу, партизанская армия, насчитывавшая в своих рядах 57 тыс. человек, для борьбы с которой немецкое командование вынуждено было отвлекать значительные силы и средства. В самый разгар Сталинградской битвы в ночь со 2 на 3 ноября 1942 г. белорусские партизаны провели успешную операцию по взрыву железнодорожного моста на реке Птичь. В результате движение поездов на магистрали Брест – Гомель было прервано на 18 суток.

Результаты. Проведенное исследование показало, что в историографии проделана значительная работа по освещению подвига уроженцев Беларуси в период Сталинградской битвы. Это касается в первую очередь награжденных высшими наградами СССР, командного состава представителей видов и родов войск. Значимый опыт в этом направлении в Республике Беларусь был накоплен при создании 146-томного издания историко-документальных хроник «Память», развернувшегося с 1985 г. и завершенного к 60-летию Победы. Во многих книгах серии нашло отражение участие уроженцев Беларуси в Сталинградской битве. Так, во 2-й книге «Памяць» Ветковского района кроме упоминаемых нами Героев Советского Союза приведены фамилии 28 участников Сталинградской битвы [35, с. 77].

Современные компьютерные технологии, оцифровка документов военных архивов, особенно фронтового, армейского, дивизионного и полкового звена, наградных документов, списков потерь создает уникальную возможность появления в будущем новых глубоких научных исследований, содержащих достоверные статистические данные по личному составу. Создание цифровых версий книг «Память» должно стать продолжение начатой в 1980-е гг. работы, с наполнением их содержания материалами из семейных и личных архивов участников войны. Необходима также координация усилий историков, архивистов и краеведов, музейных работников по совместной разработке темы, подготовке и изданию совместных работ, в том числе публикации документов, что будет способствовать сохранению исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипенко Ф. Ф. Я начал войну на «Чайке». Записки летчика-истребителя. М.: Яуза: ЭКСМО, 2007. 106 с.

2. Батов П. И. В походах и боях. М.: Изд-во ДОСААФ, 1984. 511 с.

3. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Минск: БЕЛТА, 2005. 544 с.

4. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945): бібл. паказ / нав. рэд. А. М. Літвін, В. І. Ермаловіч. Мінск: Военная история, 1990. 435 с.

5. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941–1945) / нав. рэд. А. М. Літвін. Мінск: [б. и.], 1990. 296 с.

6. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945. Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1980. 680 с.

7. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы / адказ. рэд. А. М. Літвін. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. 202 с.

8. Белорусская ССР: краткая энциклопедия. В 5 т. Т. 5. Биографический справочник / гл. ред. И. П. Шамякин. Минск: Бел. сов. энциклопедия им. П. Бровки, 1981. 740 с.

9. Бирбраер Евгений Абрамович. Медаль «За боевые заслуги». Наградной лист // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie19263432/?static_hash=acbba7c94d08e2d0d0757bd8b8a420a2v1

10. Вайнруб М. Г. Однополчане: рассказы о солдатском подвиге. Киев: Дніпро, 1982. 320 с.

11. Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М.: Кучково поле, 2005. 406 с.

12. Великая Отечественная. Комдивы. Военный биографический словарь. Т. 2. Командиры авиационных дивизий ВВС и ВМФ, командующие дивизионами / под общ. ред. В. П. Горемыкина. М.: Кучково поле, 2013. 992 с.

13. Великая победа на Волге / под ред. маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. М.: Воениздат, 1965. 526 с.

14. Великая Победа советского народа. 1941–1945: материалы науч. конф., посвящ. 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1976. 648 с.

15. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / гл. ред. А. А. Коваленя. Минск: Беларуская навука, 2015. 495 с.

16. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / гал. рэд. М. Касцюк. Мінск: Экаперспектыва, 2006. 613 с.

17. Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. Т. 4. Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 640 с.

18. Долготович Б. Д. Военачальники земли белорусской. Минск: БелЭн, 2005. 286 с.

19. Долготович Б. Д. Почетные граждане белорусских городов. Минск: Беларусь, 2008. 368 с.

20. Долготович Б. Д. Сыны и дочери Беларуси в боях за города-герои. Минск: Колорград, 2020. 224 с.

21. Долготович Б. Д., Мочайкин А. Г., Бережной Б. Н. Кому суша, кому море. Минск: Четыре четверти, 2020. 192 с.

22. Долготович Б. Д., Солонович Ю. В. Подвиг длиною в жизнь: биографический справочник о почетных гражданах белорусских городов. Минск: Колорград, 2020. 700 с.

23. Долготович Б. Д., Шеин В. В. Сыны Беларуси – кавалеры полководческих (флотоводческих) орденов. Минск: Колорград, 2019. 195 с.

24. Еврейская военная энциклопедия / сост. И. М. Левитас. Киев: Сталь, 2007. 704 с.

25. Иоффе Э. Г. Участие евреев в Сталинградской битве // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Вып. 19 / адк. рэд. А. А. Каваленя. Мінск: МДЛУ, 2021. С. 55–62.

26. История Белорусской ССР. В 2 т. Т. 2. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1961. 700 с.

27. История Белорусской ССР. Мінск: Навука и тэхніка, 1977. 632 с.

28. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 – декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1961. 662 с.

29. Их именами названы... / гл. ред. И. П. Шамячкин. Минск: БелСЭ, 1987. 711 с.

30. Коновод Агей Данилович. Орден Красного Знамени. Наградной лист // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie4009278/

31. Красовский С. А. Жизнь в авиации. Минск: Беларусь, 1976. 320 с.

32. Литвин А. М. Партизанское движение на территории Беларуси в период Сталинградской битвы: вопросы стратегического и оперативного использования партизанских сил // Сражения в России: Дон и Сталинград. Взгляд через 75 лет / под ред. С. И. Филоненко. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГПУ, 2017. С. 131–141.

33. Навечно в сердце народном / гл. ред. И. П. Шамякин. Минск: Беларус. сов. энцикл., 1984. 607 с.

34. Память: Внутренние войска МВД Республики Беларусь: историко-документальная хроника / под общ. ред. В. Г. Рожнева. Минск: ФУАинформ, 2008. 449 с.

35. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага р-на. Кн. 2. Мінск: Белта, 1998. 461 с.

36. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гарадоцкага р-на. Мінск: Беларусь, 2004. 892 с.

37. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Кобрынскага р-на. Мінск: Белта, 2002. 623 с.

38. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Чэрыкаўскага р-на. Мінск: Вышэйшая школа, 1994. 659 с.

39. Самсонов А. М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1989. 630 с.

40. Свердлов Ф. Д. В строю отважных: очерки о евреях – Героях Советского Союза. М.: Книга и бизнес, 1992. 304 с.

41. Стал известен национальный состав участников Сталинградской битвы. URL: https://v1.ru/text/gorod/2016/02/02/57142251/

42. Сталинградская битва: июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2009. 752 с.

43. Столяров Николай Иванович. Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда»). Наградной документ // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie12050196/

44. Твои сыновья, Беларусь: маршалы, генералы (адмиралы) – белорусы и уроженцы Беларуси в годы Великой Отечественной войны / сост. Б. Д. Долготович, А. А. Коваленя. Мінск: Беларуская навука, 2019. 475 с.

45. Эренгросс Ефим Исакович. Медаль «За оборону Сталинграда». Наградной документ // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-nagrada_kartoteka1422970680

REFERENCES

1. Arkhipenko F.F. *Ia nachal voinu na «Chaike». Zapiski letchika-istrebitelia* [I Started the War on the Chaika. Notes of a Fighter Pilot]. Moscow, Jauza Publ., EKSMO Publ., 2007. 106 p.

2. Batov P.I. *V pokhodakh i boiakh* [On Campaigns and Battles]. Moscow, Izd-vo DOSAAF, 1984. 511 p.

3. *Belarus v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945* [Belarus During the Great Patriotic War 1941–1945]. Minsk, BELTA Publ., 2005. 544 p.

4. Litvin A.M., Ermalovich V.I., eds. *Belarus u Vialikai Aichynnai vaine (1941–1945): bibl. pakaz* [Belarus in the Great Patriotic War (1941–1945). Bibliographic Index]. Minsk, Voennaya istoriya Publ., 1990. 435 p.

5. Litvin A.M., ed. *Belarus u Vialikai Aichynnai vaine Savetskaga Saiuza (1941–1945)* [Belarus in the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945)]. Minsk, [s. n.], 1990. 296 p.

6. *Belarus u Vialikai Aichynnai vaine, 1941–1945. Entsyklapedyia* [Belarus During the Great Patriotic War 1941–1945. Encyclopedia]. Minsk, Belaruskaya savetskaya entsyklapedyya Publ., 1980. 680 p.

7. Litvin A.M., ed. *Belarus u gady Vialikai Aichynnai vainy: stan i perspektyvy dasledavannia prablemy* [Belarus During the Great Patriotic War: The State and Prospects of Researching the Problem]. Minsk, Instytut gistoryi NAN Belarusi, 2005. 202 p.

8. Shamiakin I.P., ed. *Belorusskaia CCR: kratkaia Entsiklopediia. V 5 t. T. 5* [Belarusian SSR: Brief Encyclopedia. In 5 vol. Vol. 5]. Minsk, Bel. sov. entsiklopediya im. P. Brovki Publ., 1981. 740 p.

9. Birbraer Evgeniy Abramovich. Medal' «Za boevye zaslugi». Nagradnoy list [Birbraer Evgeny Abramovich. Medal "For Military Merit". Award Sheet]. *Pamyat naroda*. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie 19263432/?static_hash=acbba7c94d08e2d0d075 7bd8b8a420a2v

10. Vainrub M.G. *Odnopolchane: rasskazy o soldatskom podvige* [Fellow Soldiers]. Kiev, Dnipro Publ., 1982. 320 p.

11. *Velikaia Otechestvennaia. Komandarmy. Voennyi biograficheskii slovar* [The Great Patriotic War. Commanders. Military Biographical Dictionary]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2005. 406 p.

12. Goremykin V.P., ed. *Velikaia Otechestvennaia. Komdivy. Voennyi biograficheskii slovar. T. 2. Komandiry aviatsionnykh divizii VVS i VMF, komanduiushchie divizionami* [Great Patriotic War: Divisional Commanders. Military Bibliographic Dictionary. Vol. 2. Commanders of Air Force and Navy Aviation Divisions, Division Commanders]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013. 992 p.

13. Marshal of the Soviet Union Rokossovskij K.K., ed. *Velikaia pobeda na Volge* [Great Victory On the Volga]. Moscow, Voenizdat, 1965. 526 p.

14. *Velikaia Pobeda sovetskogo naroda. 1941–1945: materialy nauch. konf., posvyashch. 30-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [The Great Victory of the Soviet People. 1941–1945. Proceedings of the Scientific Conf., Dedicated to the 30th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 648 p.

15. Kovalenia A.A., ed. *Vklad belorusskogo naroda v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine* [Contribution of the Belarusian People to the Victory in the Great Patriotic War]. Minsk, Belaruskaia navuka Publ., 2015. 495 p.

16. Kastsiuk M., ed. *Gistoryya Belarusi. U 6 t. T. 5. Belarus' u 1917–1945 gg.* [History of Belarus. In 6 vols. Vol. 5. Belarus in 1917–1945]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 2006. 613 p.

17. *Gistoryya Belaruskay SSR. U 5 t. T. 4. Belarus napyaredadni i ў gady Vyalikay Aychynnay vayny Savetskaga Sayuza (1938–1945 gg.)* [History of the Belarusian SSR. In 5 vol. Vol. 4. Belarus on the Eve and During the Great Patriotic War of the Soviet Union (1938–1945)]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1975. 640 p.

18. Dolgotovich B.D. *Voenachalniki zemli belorusskoi* [The Military Leaders of the Belarusian Land]. Minsk, BelEn Publ., 2005. 286 p.

19. Dolgotovich B.D. *Pochetnye grazhdane belorusskikh gorodov* [Honorary Citizens of Belarusian Cities]. Minsk, Belarus Publ., 2008. 368 p.

20. Dolgotovich B.D. *Syny i docheri Belarusi v boiakh za goroda-geroi* [Sons and Daughters of Belarus in the Battles for Hero Cities]. Minsk, Kolorgrad Publ., 2020. 224 p.

21. Dolgotovich B.D., Mochaikin A.G., Berezhnoi B.N. *Komu susha, komu more* [For Some Land, for Some the Sea]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2020. 192 p.

22. Dolgotovich B.D., Solonovich Iu.V. *Podvig dlinoiu v zhizn: biograficheskii spravochnik o pochetnykh grazhdanakh beloruskikh gorodov* [Life-Long Feat. Biographical Guide About Honorary Citizens of Belarusian Cities]. Minsk, Kolorgrad Publ., 2020. 700 p.

23. Dolgotovich B.D., Shein V.V. *Syny Belarusi – kavalery polkovodcheskikh (flotovodcheskikh) ordenov* [Sons of Belarus – Holders of Military (Naval) Orders]. Minsk, Kolorgrad Publ., 2019. 195 p.

24. Levitas I.M., ed. *Evreiskaia voennaia entsiklopediia* [Jewish Military Encyclopedia]. Kiev, Stal Publ., 2007. 704 p.

25. Ioffe E.G. Uchastie evreev v Stalingradskoi bitve [Participation of Jews in the Battle of Stalingrad].

Belarus i Germaniia: gistoryia i suchasnasts. Vyp. 19 [Belarus and Germany: History and Modernity. Iss. 19]. Minsk, MDLU, 2021, pp. 55-62.

26. *Istoriia Belorusskoi SSR. V 2 t. T. 2* [History of the Belorussian SSR. In 2 vols. Vol. 2]. Minsk, Izd-vo Akad. nauk BSSR, 1961. 700 p.

27. *Istoriia Belorusskoi SSR* [History of the Byelorussian SSR]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1977. 632 p.

28. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza. 1941–1945. V 6 t. T. 3. Korennoy perelom v khode Velikoy Otechestvennoy voyny (noyabr 1942 – dekabr 1943 g.)* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. In 6 vols. Vol. 3. Turning Point in the Course of the Great Patriotic War. (November, 1942 – December, 1943)]. Moscow, Voenizdat, 1961. 662 p.

29. Shamyachkin I.P., ed. *Ikh imenami nazvany...* [Their Names Are Given to...]. Minsk, BelSE Publ., 1987. 711 p.

30. Konovod Agey Danilovich. Orden Krasnogo Znameni. Nagradnoy list [Konovod Agei Danilovich. Order of the Red Banner. Award Letter]. *Pamyat naroda*. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie4009278/

31. Krasovskii S.A. *Zhizn v aviatsii* [Aviation Life]. Minsk, Belarus Publ., 1976. 320 p.

32. Litvin A.M. Partizanskoe dvizhenie na territorii Belarusi v period Stalingradskoi bitvy: voprosy strategicheskogog i operativnogo ispolzovaniia partizanskikh sil [Partisan Movement on the Territory of Belarus During the Battle of Stalingrad. Issues of Strategic and Operational Use of Partisan Forces]. Filonenko S.I., ed. *Srazheniia v Rossii: Don i Stalingrad. Vzgliad cherez 75 let* [Battles in Russia: Don and Stalingrad. View Through 75 Years]. Voronezh, Izdatelsko-poligraficheskiy tsentr VGPU, 2017, pp. 131-141.

33. Shamiakin I.P., ed. *Navechno v serdtse narodnom* [Forever in the Heart of the People]. Minsk, Belarus. sov. entsikl. Publ., 1984. 607 p.

34. Rozhneva V.G., ed. *Pamiat: Vnutrennie voiska MVD Respubliki Belarus: istoriko-dokumentalnaya khronika* [Memory: Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Historical and Documentary Chronicle]. Minsk, FUAinform Publ., 2008. 449 p.

35. *Pamiats*: *gist.-dakum. khronika Vetkaŭskaga r-na. Kn. 2* [Memory. History and Documentary Chronicle of the Vetka District. Book 2]. Minsk, Belta Publ., 1998. 461 p.

36. *Pamiats: gist.-dakum. khronika Garadotskaga r-na* [Memory. History Documental Chronicle of Horadok District]. Minsk, Belarus Publ., 2004. 892 p.

37. *Pamiats: gist.-dakum. khronika Kobrynskaga r-na* [Memory. History Documental Chronicle of the Kobryn District]. Minsk, Belta Publ., 2002. 623 p.

38. *Pamiats: gist.-dakum. khronika Cherykaŭskaga r-na* [Memory. History Documental Chronicle of Cherikavsky District]. Minsk, Vysheishaia shkola Publ., 1994. 659 p.

39. Samsonov A.M. *Stalingradskaia bitva* [Battle of Stalingrad]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 630 p.

40. Sverdlov F.D. *V stroyu otvazhnykh: ocherki o evreyakh – Geroyakh Sovetskogo Soyuza* [In the Ranks of the Brave: Essays About Jews – Heroes of the Soviet Union]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1992. 304 p.

41. *Stal izvesten natsionalnyi sostav uchastnikov Stalingradskoi bitvy* [The National Composition of the Participants in the Battle of Stalingrad Became Known]. URL: https://v1.ru/text/gorod/2016/02/02/57142251/

42. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya bitva: iyul 1942 – fevral 1943: entsiklopediya* [Battle of Stalingrad: July 1942 – February 1943. Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2009. 752 p.

43. Stolyarov Nikolay Ivanovich. Geroy Sovetskogo Soyuza (orden Lenina i medal «Zolotaya Zvezda»). Nagradnoy dokument [Stolyarov Nikolai Ivanovich. Hero of the Soviet Union (Order of Lenin and "Gold Star" Medal). Award Document]. *Pamyat naroda*. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie12050196/

44. Dolgotovich B.D., Kovalenia A.A., eds. *Tvoi synovyia, Belarus: marshaly, generaly (admiraly) – belorusy i urozhentsy Belarusi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Your Sons, Belarus. Marshals, Generals (Admirals) – Belarusians and Natives of Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk, Belaruskaia navuka Publ., 2019. 475 p.

45. Erengross Efim Isakovich. Medal «Za oboronu Stalingrada». Nagradnoy document [Ehrengross Yefim Isakovich. Medal "For the Defense of Stalingrad". Award Document]. *Pamyat naroda*. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-nagrada_kartoteka1422970680

Information About the Author

Aliaksey M. Litwin, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center of a Military History, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academicheskaya St, 1, 220072 Minsk, Republic of Belarus, ajlit@tut.by, voenhistbel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1584-0294

Информация об авторе

Алексей Михайлович Литвин, доктор исторических наук, профессор, заведующий центром военной истории, Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072 г. Минск, Республика Беларусь, ajlit@tut.by, voenhistbel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1584-0294

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.11

UDC 94(470.45)“1942/1943”:355.415.8
LBC 63.3(2Р-4Вог)622,7

Submitted: 08.06.2022
Accepted: 08.12.2022

TO THE QUESTION OF THE FATE OF PRISONERS OF WAR FROM THE STALINGRAD POCKET

Sergey G. Sidorov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The successful counter-offensive of the Soviet troops near Stalingrad marked the beginning of the mass capture of enemy soldiers. Only after the liquidation of the Stalingrad cauldron, more than 90 thousand people were taken prisoner. *Methods and materials*. Historical facts are researched on the basis of the principles of historicism and objectivity. The article uses problem-chronological and comparative-historical methods. The article is based on the archival and published documents of the NKVD Secretariat, the Main Directorate for Prisoners of War Central Office and NKVD Internees and the Joint Archival Fund: Institutions for Prisoners of War and Internees of the Volgograd Region. *Analysis.* The captured enemy soldiers were exhausted and weakened to the limit, poorly dressed, all with lice, many sick and non-transportable. At the same time, it was impossible to create normal conditions in the destroyed city in a short period to accommodate captured enemy soldiers. A month-long stay in the frontline led to the fact that only 30% of the prisoners of war could be taken to the rear camps. In the special hospitals for prisoners of war created in Stalingrad and the region, the mortality rate until the beginning of June 1943 amounted to 63% of those admitted for treatment. But most of the prisoners sent to the rear could not move the road or died in the first days upon arrival at the camps. *Results*. About 80 thousand prisoners of war from the Stalingrad cauldron died already in 1943. The main reason for the high mortality among them was a long stay in harsh winter conditions and stress because of being in the cauldron without regular food. The low readiness of the NKVD camps and special hospitals to receive prisoners of war also had an effect.

Key words: prisoners of war, Battle of Stalingrad, camps for prisoners of war, special hospitals, Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR.

Citation. Sidorov S.G. To the Question of the Fate of Prisoners of War from the Stalingrad Pocket. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 116-128. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.11

УДК 94(470.45)“1942/1943”:355.415.8
ББК 63.3(2Р-4Вог)622,7

Дата поступления статьи: 08.06.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ СТАЛИНГРАДСКОГО «КОТЛА»

Сергей Григорьевич Сидоров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Успешное контрнаступление советских войск под Сталинградом положило начало массовому пленению солдат противника. Только после ликвидации Сталинградского «котла» в плен попало более 90 тыс. человек. *Методы и материалы.* Исторические факты исследуются на основе принципов историзма и объективности. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. В основу статьи положены опубликованные и архивные документы Секретариата НКВД-МВД СССР, Центрального аппарата Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР и Объединенного архивного фонда Учреждения по делам военнопленных и интернированных Волгоградской области. *Анализ.* Взятые в плен солдаты противника были до предела истощены и ослаблены, плохо одеты, все с наличием вшей, многие больные и нетранспортабельные. В то же время в разрушенном городе в короткие сроки было невозможно создать нормальные условия для размещения плененных солдат

© Сидоров С.Г., 2023

противника. Месячное пребывание в прифронтовой полосе привело к тому, что в тыловые лагеря удалось вывезти только 30 % военнопленных. В созданных в Сталинграде и области спецгоспиталях для военнопленных смертность до начала июня 1943 г. составила 63 % от числа поступивших на излечение. Однако и большинство из отправленных в тыл пленных не смогли перенести дорогу или умерли в первые дни по прибытию в лагеря. *Результаты.* Около 80 тыс. военнопленных из Сталинградского «котла» умерли уже в 1943 году. Основной причиной высокой смертности среди них стало длительное пребывание в суровых условиях зимы и стресса в окружении при отсутствии регулярного питания. Сказалась также низкая готовность лагерей НКВД и спецгоспиталей к приему военнопленных.

Ключевые слова: военнопленные, Сталинградская битва, лагеря для военнопленных, спецгоспитали, УПВИ НКВД СССР.

Цитирование. Сидоров С. Г. К вопросу о судьбе военнопленных из сталинградского «котла» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 116–128. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.11

Введение. Успешное контрнаступление советских войск в ходе Сталинградской битвы положило начало массовому пленению вражеских солдат. Если с начала войны до ноября 1942 г. приемные пункты НКВД СССР приняли от частей Красной армии менее 20 тыс. военнопленных, то в ноябре – декабре 1942 г. уже более 70 тыс., а в январе – феврале 1943 г. еще свыше 150 тыс. чел. [17, с. 152].

Наибольшее количество военнопленных поступило в феврале 1943 г. после капитуляции окруженных войск 6-й армии Ф. Паулюса в Сталинграде и прилегающих районах.

Командование Донского фронта, не желая напрасных жертв, 8 января предъявило руководству окруженной группировки ультиматум с требованием капитуляции, который был отвергнут. Начавшиеся 10 января трехнедельные интенсивные боевые действия привели к гибели большей части окруженных войск. Каждый третий попал в плен.

Методы и материалы. Исторические факты исследуются на основе принципов историзма и объективности. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие проследить судьбу военнопленных из Сталинградского котла с момента пленения и нахождения во фронтовых подразделениях НКВД до вывоза в офицерские и производственные лагеря, определить продолжительность нахождения последних в тыловых подразделениях, рассмотреть итоги работы созданных спецгоспиталей для военнопленных в Сталинградской области в первой половине 1943 года.

Ранее отдельные вопросы исследуемой в статье проблемы затрагивались в обобщающих монографиях по истории военного плена в СССР отечественными и зарубежными историками М.Т. Джусти, А.Л. Кузьминых, С. Карнером, С.Г. Сидоровым [5; 14; 30; 34], а также в исследованиях В.П. Галицкого, А.Е. Епифанова, С.Г. Сидорова и А. Хильгера, посвященным положению военнопленных в Сталинграде и Сталинградской области [4; 10; 29; 33]. Авторы приводят сведения о причинах и масштабах смертности военнопленных из сталинградского котла в первые месяцы пребывания их в плену до вывоза в тыловые районы страны. В то же время в названных работах недостаточно внимания уделено работе сталинградских спецгоспиталей и организации лечения в них, не отражена участь военнопленных, вывезенных из Сталинграда в тыловые лагеря.

В основу статьи легли документы Секретариата НКВД-МВД СССР – Ф. Р-9401, находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Центрального аппарата Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР – Ф. 1п, Объединенного архивного фонда Учреждения по делам военнопленных и интернированных Волгоградской области – Ф. 47п, находящиеся в Российском государственном военном архиве, опубликованные в многотомном сборнике документов и материалов «Военнопленные в СССР. 1939–1956». Многие из находящихся в сборнике документов, раскрывающих работу сталинградских спецгоспиталей, судьбу военнопленных, вывезенных в тыловые лагеря, не стали предметом исследования историков [1; 6; 8; 11; 12; 13; 21]. Вместе с тем в статье в научный оборот вводятся новые документы из названных архивов [2; 18;

19; 26; 31; 32], позволяющие проанализировать состояние сталинградских лагерей, динамику изменения численности военнопленных в 1943 г. и ряд других вопросов.

Анализ. Предвидя поступление большого числа военнопленных, 26 января 1943 г. заместитель командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенант И.Г. Советников приказал начальнику тыла 64-й армии немедленно организовать в Сталинграде в районе поселка Бекетовка лагерь для военнопленных со сроком его оборудования и обеспечения продовольствием к 31 января. Всех военнопленных, захваченных войсками 64-й и 57-й армий, предписывалось содержать во вновь организуемом лагере [7, л. 10]. Выполнить это распоряжение в условиях разрушенного Сталинграда в короткий срок не удалось. Вся тяжесть в разрешении вопросов размещения и обустройства военнопленных легла на фронтовые органы Управления по делам военнопленных и интернированных (далее – УПВИ) НКВД СССР [11, с. 74].

3 февраля 1943 г. заместитель наркома внутренних дел И.А. Серов отдал распоряжение представителям УПВИ НКВД Н.Н. Смирнову и С.М. Шустину организовать в районе Сталинграда необходимое количество лагерей-распределителей [7, л. 10]. Число взятых в плен солдат противника быстро росло. Если до этого дня Сталинградские подразделения УПВИ приняли от частей Красной армии 35 тыс. военнопленных, то к концу следующего уже 76 тыс. чел. [17, с. 152]. Для размещения взятых в плен солдат противника НКВД на территории Сталинграда и прилегающих районов области развернул 13 лагерей-распределителей, для руководства которыми 8 февраля приказом наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии было создано Управление Бекетовского лагеря № 108 во главе с капитаном госбезопасности Н.Н. Смирновым. Начальнику УПВИ НКВД СССР майору госбезопасности П.К. Сопруненко поручалось немедленно направить в Сталинград для укомплектования аппаратов лагерей для военнопленных 240 административных работников. Управлению лагеря выделялось 10 грузовых автомашин, 50 оперативных работников и необходимое количество войск для охраны и конвоирования военнопленных [23, с. 68–69].

Одновременно с приказом в тот же день Л.П. Берия утвердил предложения руководства НКВД СССР о порядке размещения военнопленных, сосредоточенных в районе Донского фронта. Из 82 тыс. военнопленных, размещенных в бараках и землянках в неорганизованном виде, предлагалось:

– 20–25 тыс. оставить в Сталинграде для использования на восстановительных работах в соответствии с просьбой секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянова;

– по 20 тыс. вывезти в Узбекскую ССР для использования на Фархадстрое на строительстве гидроэлектростанции и в Казахскую ССР для работы на хлопковых полях совхоза «Пахта-Арал» в Чимкентской области;

– 10 тыс. направить в Урюпинский лагерь НКВД для военнопленных;

– по 5 тыс. вывезти в г. Уральск для использования на строительстве трубопровода Гурьев – Куйбышев и в Астраханский лагерь ГУЛАГа НКВД СССР.

Вывоз военнопленных из Сталинграда поручалось осуществить только по окончании воинских перевозок [22, с. 67–68].

Между тем численность контингента Бекетовского лагеря продолжала расти. По состоянию на 15 февраля 1943 г. в лагере № 108 находилось уже более 92 тыс. взятых в плен солдат противника, в том числе 3 817 офицеров, расположенных в 16 пунктах Сталинграда и области (см. таблицу).

Военнопленные в созданных на скорую руку лагерях без ограждений размещались в разбитых, неприспособленных для жилья помещениях, в подвалах разрушенного города, где отсутствовали пищеблоки. Вблизи лагерных пунктов не было воды, ощущался недостаток в охране и работниках этих лагерей [7, л. 12].

Дополнительные трудности были связаны с тем, что контингент военнопленных, поступавший из окруженной группировки, был до предела истощен и ослаблен, плохо одет, поголовно с наличием вшей.

О тяжелом физическом состоянии военнопленных свидетельствовали показания немецких врачей и солдат, взятых в плен. Как следует из их показаний, в ноябре – декабре 1942 г. суточный рацион немецкого солдата не превышал 200–300 г хлеба и 100–150 г конского мяса. С 10 января 1943 г. регулярное

снабжение войск продовольствием было прекращено и носило случайный характер [2, л. 10].

По официальным показаниям генерала-квартирмейстера 6-й германской армии генерал-майора Кучинского, солдатский рацион в период окружения под Сталинградом менялся трижды. При минимальной суточной норме в 2 000 калорий калорийность солдатского пайка в период с 8 по 23 декабря 1942 г. составляла 1 467 калорий, с 24 декабря 1942 г. по 23 января 1943 г. – 694 калорий, с 25 января по 2 февраля 1943 г. – 228 калорий (только 120 г хлеба) [16, с. 395].

Среди взятых в плен оказалось много больных, обмороженных. Только в 4 пунктах Бекетовского лагеря, расположенных в Кировском районе Сталинграда (пос. Сталгрэс, Лесобаза, з-д № 91, пос. Сакко и Ванцетти), немедленной госпитализации подлежало 8 696 чел., в том числе 2 775 сильно обмороженных, 1 969 хирургических больных [7, л. 13]. Однако госпитали для воинов Красной армии были переполнены, а первые семь спецгоспиталей для больных и раненых военнопленных открылись лишь к 7 февраля 1943 года.

8 февраля Л.П. Берия поручает своему заместителю И.А. Серову, находящемуся в Сталинграде, устранить наблюдающиеся перебои в питании военнопленных и совместно с заместителем начальника военно-санитарного управления Красной армии Радгаузом принять необходимые меры к обеспечению госпитализации больных военнопленных [28, с. 69]. Вскоре открытые спецгоспитали будут подчинены созданному в Сталинграде местному эвакуационному пункту (далее – МЭП) военнопленных № 13.

1 марта 1943 г. Л.П. Берия подписал приказ № 00398 о вывозе из Сталинграда 78,5 тыс. военнопленных [24, с. 100–101]. Однако физическое состояние взятых в плен солдат противника не позволило выполнить данное решение. Согласно справке начальника УПВИ НКВД СССР И.А. Петрова в период с 6 марта по 1 апреля удалось вывезти только 27 295 чел., в том числе 24 717 рядовых и 2 578 офицеров. 10 500 рядовых были направлены в Покровский лагерь № 127 Саратовской области (Каменка – 5 000 чел., Красный Кут – 2 500 чел., Вольск – 3 000 чел.). 10 233 военнопленных были вывезены в Фархадский лагерь № 26 Узбекской ССР, 3 984 – в Пахта-Аральский лагерь № 29 Казахской ССР. Офицеров переместили в офицерские лагеря: Елабужский № 97 Татарской АССР (1 519 чел.), Красногорский № 27 Московской области (335 чел.),

Таблица. **Дислокация пунктов размещения военнопленных управления Бекетовского лагеря НКВД № 108 по состоянию на 15 февраля 1943 г.**

Table. **Dislocation of places of accommodation of prisoners of war of the Beketovsky department NKVD Camp No. 108 as of February 15, 1943**

Пункт размещения	Военнопленных	
	Всего	Из них офицеров
Поселок Сакко и Ванцетти	4 690	1 437
Поселок завода № 91	15 220	–
Поселок Лесобазы	10 870	–
Поселок Сталгрэс	18 920	820
Дубовка	16 090	566
Кисляки	2 000	–
Совхоз «Красноярский»	4 800	100
Совхоз «Пролетарий»	3 920	23
Паньшино	2 000	–
Заплавное	250	–
Фроловский лагерь № 50	5 400	400
Капустин Яр	2 730	290
Большая Россошка	880	35
Каменный Буерак	1 750	16
Городище, Александровка	1 300	130
Гумрак	1 700	–
Итого	92 520	3 817

Примечание. Источник: [9, с. 71–72].

Оранский № 74 Горьковской области (526 чел.), Суздальский № 160 Ивановской области (198 чел.) [31, л. 18–19].

Вывоз военнопленных из Сталинграда продолжился и в первой половине апреля. Об этом свидетельствует оперативная справка о движении военнопленных из Сталинградского «котла», составленная работниками второго отдела УПВИ по состоянию на 15 апреля 1943 года. В документе отмечалось, что из 92 090 взятых в плен солдат противника удалось вывезти в другие лагеря 28 098 чел. (30,5 %). При этом число умерших с учетом госпитализированных непосредственно частями Красной армии составило 55 228 чел. (60 %), 6 чел. совершили побег, 889 чел. находились в лагере, 7 869 чел. состояло на излечении в спецгоспиталях (8,5 %) [19, л. 320–321].

К этому времени под началом МЭП № 13 в Сталинградской области действовало уже 15 госпитальных точек [6, с. 114]. С целью улучшения обслуживания больных и контроля над их лечением в апреле ряд точек был упразднен, а больные сконцентрированы в 6 укрупненных госпиталях. Два спецгоспиталя находились на территории Сталинграда (№ 4939 в пос. Бекетовка и № 4950/6 в 1-й Совбольнице) и четыре в области (№ 3249 в с. Рудня, № 4952 в г. Фролово, № 4937 в с. Капустин Яр, № 283 в г. Дубовка) [8, с. 110–113].

Во второй половине мая 1943 г. в 6 спецгоспиталях находилось 5 813 военнопленных, в том числе 1 772 здоровых, занятых обслуживанием госпиталей. По сравнению с серединой апреля количество военнопленных в лечебных учреждениях сократилось на 2 тыс. человек.

Более половины больных (2 358 чел.) проходило лечение в госпитале № 4939 в пос. Бекетовка. Медицинское обслуживание осуществляли 67 военнопленных врачей [6, с. 116]. Советских врачей в госпитале было всего 2, обслуживавших по 8 одноэтажных бараков, в каждом из которых находилось по 130–140 человек. Санитарное состояние территории и госпиталя было неудовлетворительным. Жилые бараки не имели нар, больные располагались на полу без постельного белья и матрацев, окна не имели стекол. В палатах, в том числе и там, где размещались больные желудочно-кишечными заболеваниями, присутствовало много мух. Баки с питьевой водой имелись не во всех бараках и в недостаточном количестве, из-за отсутствия умывальников больные, особенно тяжелые, умывались нерегулярно [1, с. 118; 8, с. 110–111].

Госпиталь № 4950, дислоцированный на территории 1-й Совбольницы, обслуживал раненых и больных Красной армии. Одно из отделений госпиталя – шестое – было выделено для лечения военнопленных. В мае 1943 г. в нем состояло 796 больных, которых обслуживали 33 врача, 61 санитар и рабочая команда в составе 90 чел., все из числа военнопленных. В штате госпиталя был только 1 советский врач – начальник госпиталя, грузин по национальности. Истории болезней велись на немецком языке, поэтому начальник госпиталя, который его не знал, наблюдал за лечением больных формально. Медикаменты и мединструменты в госпитале были в основном трофейные. Воды в нужном количестве из-за отсутствия транспорта не хватало, умывальники отсутствовали [8, с. 112].

Медобслуживание и в остальных спецгоспиталях в основном проводилось медперсоналом из числа немецких военнопленных. Истории болезни не велись совсем. Медикаментами госпитали до лета 1943 г. пользовались трофейными, в последующем отечественными из склада МЭП № 13 [6, с. 116].

В спецгоспиталях наблюдалась высокая смертность, особенно в первые месяцы их работы. Общий процент смертности с начала организации госпиталей до начала июня 1943 г. составил 63 % от общего числа поступивших на излечение. Постепенно смертность снижалась. За период с 10 апреля по 5 июня во всех госпиталях умерло 3 874 военнопленных или 31 % проходивших лечение. При этом в марте смертность составляла 49 %, в апреле – 16 %, в мае – 6–7 % [6, с. 114–115].

Основной причиной смертности явилась тяжелая форма дистрофии у поступивших в госпитали больных вследствие длительного голодания во время окружения (42,1 % к числу лечившихся дистрофиков) [6, с. 115].

Дистрофия и авитаминозы, возникшие в период окружения, создали у некоторых групп больных такие глубокие и не обратимые органические изменения в жизненно важных орга-

нах и системах, при которых даже полноценное питание и подвоз нужных витаминов не давал благоприятного исхода [1, с. 120].

Значительное число смертей имело место среди больных инфекционными заболеваниями с наличием дистрофии. Так, у больных дизентерией смертность составила 61 %, брюшным тифом – 47,9 %, сыпным тифом – 39,8 %, терапевтических – 32,1 %.

Высокому уровню смертности в феврале – марте также способствовало плохое санитарное состояние в госпиталях, чрезмерная скученность, размещение на полу, отсутствие нормального питания, недостаток воды, наличие вшей у всех больных, недостаточный контроль над работой немецких медицинских работников со стороны советских врачей. Выписка больных из госпиталей в марте – апреле почти не производилась. Лишь в конце апреля и в мае число выписанных больных после выздоровления становится заметным. Больше всего – 1 124 чел. – в это время было выписано из госпиталя № 4952 (г. Фролово), что составляло 37 % к общему числу лечившихся в госпитале больных [6, с. 115].

Увеличению количества выздоровевших военнопленных способствовали и новые нормы питания военнопленных, введенные приказом НКВД СССР в соответствии с постановлением ГКО от 5 апреля 1943 года. Установленное питание для больных дистрофией и для общегоспитальных больных, по сравнению с ранее действовавшими нормами, давали больше шансов на выздоровление. В них предусматривалась более высокая для больных норма хлеба, мяса, рыбы и других продуктов [25, с. 360–362].

17 мая 1943 г. на базе расформированных лагерей-распределителей и управления лагерей НКВД № 108 было сформировано под тем же номером управление Бекетовского лагеря НКВД производственного назначения, в котором к 1 июня находилось только 1 270 чел. [32, л. 59].

Перевозка военнопленных в марте 1943 г. в тыловые офицерские и производственные лагеря проходила в очень тяжелых условиях. Фактически ни один эшелон в это время не был оборудован печами и нарами, имелись перебои в питании, снабжении топливом для кухни. Наблюдалась массовая смертность в пути и в первые дни по прибытию в лагерь.

Покровский лагерь НКВД для военнопленных № 127 в Саратовской области, созданный 24 февраля 1943 г., находился ближе всех к Сталинграду. В него в период с 4 по 13 марта из Сталинграда поступило 3 эшелона военнопленных – 8 007 чел., из которых в пути умерло 1 526 человек. За время нахождения в лагере с 15 марта по 1 мая умерло еще 4 663 человека. Причинами смерти военнопленных были дистрофия (4 326 чел.), обморожения (162 чел.), сыпной тиф (54 чел.), ранения (23 чел.), другие причины (98 чел.). На 1 мая в живых осталось только 1 818 человек. По приказу НКВД СССР от 13 июля лагерь был ликвидирован, оставшиеся в живых военнопленные были собраны в одно отделение и переданы в состав Вольского лагеря № 137 Саратовской области [3, с. 148–149, 415; 34, S. 41]. О судьбе около 2,5 тыс. отправленных в лагерь № 127 взятых в плен солдат противника документы обнаружить не удалось. Можно предположить, что либо количество вывозимых в Саратовскую область пленных было завышено, либо их настигла смерть в пути или в лагере.

Содержание военнопленных, прибывших в Пахта-Аральский лагерь НКВД для военнопленных № 29, было неудовлетворительным. В канун 1944 г. начальник лагеря майор госбезопасности Духович был снят с работы и понижен в должности «как не обеспечивший проведение лечебно-профилактических и оздоровительных мероприятий в лагере» [27, с. 459]. На 1 марта 1944 г. на сельскохозяйственных работах в хлопкосовхозе «Пахта-Арал» в лагере № 29 находилось только 2 851 военнопленных [20, л. 83].

Проблему функционирования учреждений для содержания военнопленных в Узбекистане затронул профессор В.П. Мотревич [15]. Однако военный период пребывания солдат противника на узбекской земле автор фактически обходит молчанием и дает неточную картину по истории Фархадского лагеря № 26. Между тем лагерь № 26 для военнопленных производственного назначения с лимитом в 20 тыс. чел., куда было направлено более 10 тыс. пленных из-под Сталинграда, просуществовал недолго. Неудовлетворительное состояние контингента лагеря, высокая смертность и нецелесообразность дальнейшего содержа-

ния на строительстве ГЭС привели к появлению 13 мая 1943 г. приказа НКВД УзССР об организации Андижанского оздоровительного лагеря № 26 с лимитом в 2,5 тыс. чел. [12, с. 431]. Управление Фархадского лагеря по приказу НКВД СССР № 00873 от 22 мая передислоцировали на базу Избасканской трудовой детской колонии в с. Чуама Андижанской области в 30 км от железнодорожной станции Андижан, давшей новое название лагерю [3, с. 85; 12, с. 431; 26, л. 92]. Прибывшие из Фархадского лагеря оставшиеся в живых военнопленные все были поражены вшами и болели дистрофией. Вследствие проведенных оздоровительных и лечебных мероприятий работникам лагеря удалось добиться резкого снижения смертности. Если в первый месяц поступления военнопленных в оздоровительный лагерь смертность составляла 24,3 % контингента лагеря, то в июне она снизилась до 0,9 %, в декабре – до 0,1 %. Высокую смертность в Андижанском лагере № 26 в мае руководство МВД Узбекской ССР объясняло длительным нахождением солдат противника в окружении под Сталинградом, вследствие которого они были сплошь ослабленными, в тяжелом, а многие из них, в безнадежном состоянии [12, с. 432].

Участь военнопленных офицеров, вывезенных из Сталинграда, также была тяжелой. Рассмотрим это на примере более 2 тыс. офицеров, направленных в Елабужский № 97 и Оранский № 74 лагеря НКВД.

В Елабужский лагерь Татарской АССР военнопленные офицеры из окруженной сталинградской группировки начали поступать 16–19 марта 1943 года. Первая партия в количестве 1 095 чел. прибыла из лагерных отделений № 10, 13 и 19 Бекетовского лагеря № 108 [21, с. 672]. В числе прибывших находилось 480 больных сыпным тифом и дифтерией. Остальные военнопленные были в инкубационном периоде заболевания сыпным тифом. У всех пленных имелись вши. Поступивший контингент разместили в зданиях бывшего монастыря, специально приспособленных под лагерь, и в лазарете при лагере. Штат санитарного отделения лагеря на день прибытия военнопленных состоял из 4 врачей и 6 работников среднего медицинского персонала.

Больные сыпным тифом и переболевшие им одновременно болели и дифтерией. На борьбу с сыпным тифом и дифтерией был мобилизован весь личный состав лагеря. Медицинский персонал, занятый на борьбе с инфекцией, перевели на казарменное положение. Им в помощь мобилизовали 40 студентов 1-го и 2-го курсов Елабужской фельдшерско-акушерской школы. В ходе борьбы с инфекцией заразились и переболели гриппом и тифом три врача и три средних медработника. Ликвидация эпидемии сыпного тифа и дифтерии позволила лагерю с мая 1943 г. принимать новые партии военнопленных [21, с. 673]. Смертность в лагере в том году была самой высокой за всю его историю. Из 712 чел., умерших в лагере за период с 1943 по 1948 г., 435 чел. (61,1 %) умерло в 1943 г. [21, с. 674].

В Оранском лагере НКВД для военнопленных № 74 в начале марта 1943 г. содержалось 2 580 военнопленных [18, л. 155]. 23 марта в лагерь из приемно-пересыльного пункта № 108/10 Сталинграда прибыло 524 пленных. Из числа поступивших в лагерь 44 чел. находились в предагональном состоянии. В первые 5 дней умерли 35 чел. [13, с. 574]. В связи со значительным ростом контингента и поступлением в лагерь большого количества больных дистрофией, с обморожениями и легкими ранениями, в 1943 г. в лазарете было развернуто от 500 до 860 коек. Из 2 672 военнопленных, прошедших в том году через лазарет лагеря, больше всего составляли больные дистрофией (1 255 чел.), сыпным тифом (448 чел.), хирургические (285 чел.), с обморожениями (192 чел.) [13, с. 572]. Смертность в лагере в 1943 г. была самой высокой. Из 1 509 чел., умерших в лагере за период с 1941 по 1949 г., 1 202 чел. (79,7 %) умерли в 1943 г. [13, с. 574].

По подсчетам германских историков, занимающихся проблемой военного плена в СССР, из более 90 тыс. немецких солдат 6-й армии, капитулировавших в Сталинграде, домой в ходе послевоенной репатриации возвратились только 6 тыс. чел. [35, S. 178].

Результаты. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что подавляющая часть военнопленных из Сталинградского «котла» – около 80 тыс. чел. – умерла уже в 1943 году. Основной причиной высокой смертности взятых в плен солдат противника стал отказ командования окруженной

группировки, выполнившей требования руководства Германии, сложить оружие в начале января 1943 года. Капитуляция могла спасти десятки тысяч человеческих жизней. Двухмесячное пребывание в суровых условиях зимы и стресса при отсутствии регулярного питания привело к истощению, глубоким органическим изменениям во всех органах и тканях, резко снизивших имунно-биологическое состояние и сопротивляемость организма. Это явилось причиной высокой заболеваемости и смертности от других болезней. Спасти таких людей в условиях низкой готовности лагерей-распределителей и спецгоспиталей к приему военнопленных, недостатках в организации размещения, питания и медицинского обслуживания во фронтовой полосе, тяжелых условиях транспортировки в тыловые районы страны после месячного пребывания в разрушенном Сталинграде было практически невозможно. Несмотря на это, руководством страны предпринимались меры по спасению взятых в плен солдат противника. Об этом свидетельствует и постепенное налаживание работы спецгоспиталей, в которых с каждым месяцем улучшались условия лечения больных, и произведенное весной 1943 г. повышение норм питания пленных, и принимаемые меры по налаживанию перевозки взятых в плен солдат противника в тыловые районы. Однако большинство из этих мер окажет влияние на судьбу тех военнопленных, которые поступят в руки НКВД СССР в ходе последующих сражений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт совместной комиссии представителей МЭП № 13, Сталинградского мединститута, отделения по руководству лагерями для военнопленных УНКВД по Сталинградской области о результатах обследования постановки лечебной работы и обслуживания военнопленных в эвакогоспиталях № 4939 и 4950 от 27 июня 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 118–120.

2. Акты обследования лагерей военнопленных // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 34 а. Д. 3.

3. Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 6. Лагеря для военнопленных НКВД-МВД СССР. 1939–1956 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2013. 768 с.

4. Галицкий В. П. Там, в Бекетовке, под Сталинградом // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 18–22.

5. Джусти М. Т. Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954. СПб.: Алатейя, 2010. 272 с.

6. Доклад начальника управления местного эвакуационного пункта № 13 военврача 1 ранга Василькова о работе госпиталей, обслуживающих военнопленных за время с 10 апреля по 5 июня 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 114–116.

7. Доклад о работе лагеря МВД № 108 за 1943–1950 гг. // РГВА. Ф. 47п. Оп. 22. Д. 1. Л. 9–122.

8. Докладная записка начальника УНКВД по Сталинградской области полковника госбезопасности В.С. Прошина в НКВД СССР о состоянии спецгоспиталей для военнопленных, расположенных на территории области от 3 июня 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 110–114.

9. Донесение управления лагерей для военнопленных № 108 в УПВИ НКВД СССР о количестве военнопленных и состоянии лагерей по состоянию на 15 февраля 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 71–72.

10. Епифанов А. Е. Сталинградский плен, 1942–1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). М.: Мемор. музей нем. антифашистов, 1999. 324 с.

11. Из обзора ГУПВИ МВД СССР о работе фронтовых органов за 1942–1943 гг. Не ранее 1946 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 72–82.

12. Итоговый доклад начальника 1-го отделения ОПВИ МВД Узбекской ССР майора Смирнова о деятельности Андижанского оздоровительного лагеря № 26 за период с мая 1943 по апрель 1947 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 5. Кн. 2. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951. Отчетно-информационные документы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2006. С. 431–435.

13. Итоговый доклад начальника управления Оранского лагеря № 74 Горьковской области полковника В.А. Вержбицкого и его заместителя по политической части майора М.Г. Гореликова о деятельности лагеря за период с июня 1942 по 1 января

1950 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. В 6 т. Т. 5. Кн. 1: Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951 : отчет.-информ. док. / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2005. С. 564–597.

14. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.

15. Мотревич В. П. Учреждения для содержания военнопленных и интернированных в Узбекистане в 1943–1949 гг. (численность и дислокация) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%9C%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%92.%D0%9F..pdf

16. Обзор деятельности ГУПВИ МВД СССР по медико-санитарному обеспечению военнопленных и деятельности медицинской службы за период 1941–1950 гг. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 4. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952 : отчет.-информ. док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2004. С. 387–437.

17. Обзор деятельности фронтовых органов ГУПВИ НКВД СССР в период Великой Отечественной войны // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 4. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952 : отчет.-информ. док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2004. С. 139–181.

18. Оперативная справка о наличии военнопленных в стационарных и производственных лагерях НКВД на 2 марта 1943 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 9. Л. 155–156.

19. Оперативная справка о движении военнопленных Сталинградских приемных пунктов на 15 апреля 1943 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 9. Л. 320–321.

20. Отчетные материалы о работе УПВИ-ГУПВИ за 1941–1949 гг. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 1–222.

21. Очерки истории Елабужского лагеря № 97 Татарской АССР, составленный врид начальника управления лагеря капитаном Константиновым и врио зам. начальника лагеря по политчасти майором Н.Н. Голубевым за период с декабря 1942 по июль 1948 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. В 6 т. Т. 5. Кн. 1: Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951 : отчет.-информ. / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2005. С. 671–680.

22. Предложения руководства НКВД СССР о порядке размещения по лагерям военнопленных, сосредоточенных в районе Донского и Воронежского фронтов // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 67–68.

23. Приказ НКВД СССР № 00251 «Об организации Сталинградского управления лагерей для военнопленных» от 8 февраля 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М.Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 68–69.

24. Приказ НКВД СССР № 00398 о вывозе военнопленных их лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. С. 100–101.

25. Приказ НКВД СССР № 00683 об изменении норм продовольственного снабжения для военнопленных от 9/10 апреля 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. С. 358–363.

26. Приказ НКВД СССР № 00873 «О передислокации Фархадского лагеря НКВД для военнопленных № 26» от 22 мая 1943 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 135. Л. 92.

27. Приказ НКВД СССР № 001860 о снятии с работы начальника Пахта-Аральского лагеря НКВД для военнопленных № 29 майора госбезопасности Духовича от 30/31 декабря 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. С. 459.

28. Распоряжение Л.П. Берии руководству УНКВД по Сталинградской области о принятии необходимых мер по устранению перебоев с питанием военнопленных и обеспечению госпитализации больных. 8 февраля 1943 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956. В 6 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : док. и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. С. 69–70.

29. Сидоров С. Г. В далеком 1943: к вопросу о судьбе военнопленных в СССР // Сарепта и народы Поволжья в истории России. Волгоград: [б. и.], 1998. С. 10–19.

30. Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 508 с.

31. Справка за подписью начальника УПВИ НКВД СССР И.А. Петрова о вывозе военнопленных из районов Сталинграда и действий Воронежского и Юго-Западного фронтов за период 6 марта по 1 апреля 1943 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 9е. Д. 1. Л. 18–19.

32. Справка УПВИ НКВД СССР о численности военнопленных и спецконтингента, содержащихся в лагерях НКВД на 1 июня 1943 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 1и. Д. 9. Л. 59.

33. Hilger Andreas. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik,

Lageralltag und Errinerung. Essen: Klartext-Verl., 2000. 486 S.

34. Karner Stefan. Im Archipel GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien; München: Oldenbourg, 1995. 269 S.

35. Lehmann A. Erinnerungen an die Kriedsgefangenschaft // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht / hrsg. von W. Wette, G. R. Ueberschar. Frankfurt am Main: [s. n.], 1992. S. 178–189.

REFERENCES

1. Akt sovmestnoy komissii predstaviteley MEP № 13, Stalingradskogo medinstituta, otdeleniya po rukovodstvu lageryami dlya voennoplennykh UNKVD po Stalingradskoy oblasti o rezultatakh obsledovaniya postanovki lechebnoy raboty i obsluzhivaniya voennoplennykh v evakogospitalyakh № 4939 i 4950 ot 27 iyunya 1943 g. [Act of a Joint Commission of Representatives of Local Medical Evacuation Station No. 13, Stalingrad Medical Institute and the Department of Administering Camps for Prisoners of War of the NKVD in the Stalingrad Region on Results of the Inspection of Medical Work and Care for Prisoners of War at Evacuation Hospitals No. 4939 and 4950 of June 27, 1943]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2. Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 118-120.

2. Akty obsledovaniya lagerey voennoplennykh [Acts of Inspections of Camps for Prisoners of War]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyy arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 34a, d. 3.

3. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939-1956. V 6 t. T.6. Lagerya dlya voennoplennykh NKVD-MVD SSSR. 1939–1956 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 6. USSR NKVD-MVD Camps for Prisoners of War. 1939–1956. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013. 768 p.

4. Galitsky V.P. Tam, v Beketovke, pod Stalingradom [There, in Beketovka, near Stalingrad]. *Voenno-istoricyekiy zhurnal* [Military History Journal], 1993, no. 2, pp. 18-22.

5. Giusti M.T. *Italyanskie voyennoplennyye v SSSR, 1941–1954* [Italian Prisoners of War in the USSR, 1941–1954]. Saint Petersburg, Alateya Publ., 2010. 272 p.

6. Doklad nachalnika upravleniya mestnogo evakuatcionnogo punkta № 13 voenvracha 1 ranga Vasilkova o rabote gospitaley, obsluzhivayushchikh voennoplennykh za vremya s 10 aprelya po 5 iyunya 1943 g. [Report of the Chief of Local Medical Evacuation Station No. 13, 1st Rank Military Doctor Vasilkov, on the Work of Hospitals Caring for Prisoners of War in the Period from April 10 to June 5, 1943]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2. Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 114-116.

7. Doklad o rabote lagerya MVD № 108 za 1943–1950 gg. [Report on the Work of Ministry of Internal Affairs Camp No. 108 from 1943 to 1950]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 47p, inv. 22, d. 1, l. 9-122.

8. Dokladnaya zapiska nachalnika UNKVD po Stalingradskoy oblasti polkovnika gosbezopasnosti V.S. Proshina v NKVD SSSR o sostoyanii spetsgospitaley dlya voennoplennykh, raspolozhennykh na territorii oblasti ot 3 iyunya 1943 g. [Memorandum of the Chief of NKVD in the Stalingrad Region, State Security Colonel Proshin V.S., of June 3, 1943, on the Condition of Camps for Prisoners of War, Located on the Territory of the Region]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2. Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 110-114.

9. Donesenie upravleniya lagerey dlya voennoplennykh № 108 v UPVI NKVD SSSR o kolichestve voennoplennykh i sostoyanii lagerey po sostoyaniyu na 15 fevralya 1943 g. [Report of the Administration of Camps for Prisoners of War No. 108 to NKVD Department for Affairs of Prisoners of War and Internees on the Number of Prisoners of War and the Condition of Camps as of February 15, 1943]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2. Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 71-72.

10. Epifanov A.E. *Stalingradskiy plen, 1942–1956 gody (nemetskiye voyennoplennyye v SSSR*) [Stalingrad Captivity, 1942–1956 (German Prisoners of War in the USSR)]. Moscow, Memor. muzey nem. antifashistov, 1999. 324 p.

11. Iz obzora GUPVI MVD SSSR o rabote frontovykh organov za 1942–1943 gg. Ne ranee 1946 g. [From the Review of the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the USSR Ministry of Internal Affairs on the Work of Front-Line Agencies for 1942–1943. Not Earlier Than 1946]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2.*

Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 72-82.

12. Itogovyy doklad nachalnika 1-go otdeleniya OPVI MVD Uzbekskoy SSR mayora Smirnova o deyatelnosti Andizhanskogo ozdorovitelnogo lagerya № 26 za period s maya 1943 po aprel 1947 g. [Final Report of the Chief of the 1st Division of the Uzbek SSR Ministry of Internal Affairs Department for Affairs of Prisoners of War and Internees, Major Smirnov, on the Work of the Andijan Health Camp No. 26 from May, 1943, to April, 1947]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 5. Kn. 2. Regionalnye struktury GUPVI NKVD-MVD SSSR. 1941–1951. Otchetno-informatsionnye dokumenty* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Book 2. Regional Institutions of the NKVD Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees. 1941–1951. Reporting and Information Documents]. Volgograd, Izdatel Publ., 2006, pp. 431-435.

13. Itogovyy doklad nachalnika upravleniya Oranskogo lagerya № 74 Gorkovskoy oblasti polkovnika V.A. Verzhbitskogo i ego zamestitelya po politicheskoy chasti mayora M.G. Gorelikova o deyatelnosti lagerya za period s iyunia 1942 po 1 yanvarya 1950 g. [Final Report of the Chief of Oransky Camp No. 74 of the Gorky Region, Colonel Verzhbitsky V.A., and Deputy Chief for Political Affairs, Major Gorelikov M.G., on the Work of the Camp from June, 1942, to January 1, 1950]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy. V 6 t. T. 5. Kn. 1: Regionalnye struktury GUPVI NKVD-MVD SSSR. 1941–1951 : otchet.-inform. dok.* [Prisoners of War in the USSR. 1939-1956. Documents and Materials. In 6 Vols. Vol. 5. Book 1: Regional Institutions of the NKVD Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees. 1941–1951. Reporting and Information Documents]. Volgograd, Izdatel Publ., 2005, pp. 564-597.

14. Kuzminykh A.L. *Voennyy plen i internirovaniye v SSSR (1939–1956 gody)* [Military Captivity and Internment in the USSR (1939–1956)]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2016. 527 p.

15. Motrevich V.P. Uchrezhdeniya dlya soderzhaniya voennoplennykh i internirovannykh v Uzbekistane v 1943–1949 gg. (chislennost i dislokatciya) [Institutions for the Detention of Prisoners of War and Internees in Uzbekistan from 1943 to 1949 (Number and Location)]. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu»* [Electronic Supplement to "Russian Juridical Journal"]. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%9C%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%92.%D0%9F.pdf

16. Obzor deyatelnosti GUPVI MVD SSSR po mediko-sanitarnomu obespecheniyu voennoplennykh i deyatelnosti meditsinskoy sluzhby za period 1941–1950 gg. [Review of the Work of the USSR MVD Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees on the Medical Support for Prisoners of War, as well as the Work of the Medical Service, from 1941 to 1950]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 4. Glavnoe upravlenie po delam voennoplennykh i internirovannykh NKVD-MVD SSSR. 1941–1952 : otchet.-inform. dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 4. The NKVD Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees. 1942–1952. Reporting and Information Documents and Materials]. Volgograd, Volgograd. nauch. izd-vo, 2004, pp. 387-437.

17. Obzor deyatelnosti frontovykh organov GUPVI NKVD SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Review of the Work of the Frontline Institutions of the NKVD Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees During the Great Patriotic War]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 4. Glavnoe upravlenie po delam voennoplennykh i internirovannykh NKVD-MVD SSSR. 1941–1952 : otchet.-inform. dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939-1956. Documents and Materials. In 6 Vols, Vol. 4: The USSR NKVD-MVD Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees. 1942–1952: Reporting and Information Documents and Materials]. Volgograd, Volgograd. nauch. izd-vo, 2004, pp. 139-181.

18. Operativnaya spravka o nalichie voennoplennykh v statsionarnykh i proizvodstvennykh lageryakh NKVD na 2 marta 1943 g. [Operational Information on the Presence of Prisoners of War in Stationary and Manufacturing Camps of NKVD as of March 2, 1943]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 01e, d. 9, l. 155-156.

19. Operativnaya spravka o dvizhenii voennoplennykh Stalingradskikh priemnykh punktov na 15 aprelya 1943 g. [Operational Information on the Movement of Prisoners of War of Stalingrad Reception Centers as of April 15, 1943]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 01e, d. 9, l. 320-321.

20. Otchetnye materialy o rabote UPVI-GUPVI za 1941–1949 gg. [Records on the Work of Administrations for Affairs of Prisoners of War and Internees and the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees from 1941 to 1949]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 23a, d. 2, l. 1-222.

21. Ocherki istorii Elabuzhskogo lageria № 97 Tatarskoi ASSR, sostavlennyy vrid nachalnika upravleniya lagerya kapitanom Konstantinovym i vrio zam. nachalnika lagerya po politchasti mayorom N.N. Golubevym za period s dekabrya 1942 po iyul

1948 g. [Sketches of the History of Elabuga Camp No. 97 of the Tatar ASSR, Compiled by the Acting Chief of the Camp, Captain Konstantinov, and the Acting Deputy Chief for Political Affairs of the Camp, Major Golubev N.N., from December, 1942, to July, 1948]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy. V 6 t. T. 5. Kn. 1: Regionalnye struktury GUPVI NKVD-MVD SSSR. 1941–1951 : otchet.-inform.* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials. In 6 Vols. Vol. 5. Book 1: Regional Institutions of the NKVD Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees. 1941–1951. Reporting and Information]. Volgograd, Izdatel Publ., 2005, pp. 671-680.

22. Predlozheniya rukovodstva NKVD SSSR o poryadke razmeshcheniya po lageryam voennoplennykh, sosredotochennykh v rayone Donskogo i Voronezhskogo frontov [Proposals of the USSR NKVD Leadership on the Placement of Prisoners of War Concentrated in the Area of the Don and Voronezh Fronts in Camps]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2. Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., pp. 67-68.

23. Prikaz NKVD SSSR № 00251 «Ob organizatsii Stalingradskogo upravleniya lagerey dlya voennoplennykh» ot 8 fevralya 1943 g. [The NKVD Order No. 00251 "On the Organization of the Stalingrad Administration of Camps for Prisoners of War" of February 8, 1943]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2. Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., pp. 68-69.

24. Prikaz NKVD SSSR № 00398 o vyvoze voennoplennykh iz lagerey i priemnykh punktov prifrontovoi polosy [The NKVD Order No. 00398 on the Removal of Prisoners of War from Camps and Reception Centers near the Frontline]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 100-101.

25. Prikaz NKVD SSSR № 00683 ob izmenenii norm prodovolstvennogo snabzheniya dlya voennoplennykh ot 9/10 aprelya 1943 g. [The NKVD Order No. 00683 of April 9–10, 1943, on Changing the Norms of Food Supply for Prisoners of War]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials], Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 358-363.

26. Prikaz NKVD SSSR № 00873 «O peredislokatcii Farkhadskogo lagerya NKVD dlya voennoplennykh № 26» ot 22 maia 1943 g. [The NKVD Order No. 00873 "On the Relocation of NKVD Farkhad Camp for Prisoners of War No. 26" of May 22, 1943]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 9401, inv. 1a, d. 135, l. 92.

27. Prikaz NKVD SSSR № 001860 o snyatii s raboty nachalnika Pakhta-Aralskogo lagerya NKVD dlya voennoplennykh № 29 mayora gosbezopasnosti Dukhovicha ot 30/31 dekabrya 1943 g. [The NKVD Order No. 001860 of December 30–31, 1943, on the Dismissal of the Chief of NKVD Pakhta-Aral Camp for Prisoners of War No. 29, State Security Major Dukhovich]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]. Moscow, Logos Publ., p. 459.

28. Rasporyazhenie L.P. Berii rukovodstvu UNKVD po Stalingradskoy oblasti o prinyatii neobkhodimykh mer po ustraneniyu pereboev s pitaniem voennoplennykh i obespecheniyu gospitalizatsii bolnykh. 8 fevralya 1943 g. [Instructions from Beria L.P. to the Leadership of NKVD in the Stalingrad Region on Taking the Necessary Measures to Eliminate the Shortage of Food for Prisoners of War and Ensuring the Hospitalization of the Sick. February 8, 1943]. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. V 6 t. T. 2. Voennoplennye v Stalingrade. 1943–1954 : dok. i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. In 6 Vols. Vol. 2. Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 69-70.

29. Sidorov S.G. V dalekom 1943: k voprosu o sudbe voyennoplennykh v SSSR [Back in 1943: On the Fate of Prisoners of War in the USSR]. *Sarepta i narody Povolzhya v istorii Rossii* [Sarepta and the Peoples of the Volga Region in the History of Russia]. Volgograd, s. n., 1998, pp. 10-19.

30. Sidorov S.G. *Trud voyennoplennykh v SSSR*. 1939–1956 [Labor of Prisoners of War in the USSR. 1939–1956]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2001. 508 p.

31. Spravka za podpisyu nachalnika UPVI NKVD SSSR I.A. Petrova o vyvoze voennoplennykh iz rayonov Stalingrada i deystviy Voronezhskogo i Yugo-Zapadnogo frontov za period 6 marta po 1 aprelya 1943 g. [Note Signed by the Chief of the NKVD Department for Affairs of Prisoners of War and Internees Petrov I.A. on the Removal of Prisoners of War from Stalingrad Districts and the Area of Operation of Voronezh and Southwestern Fronts from March 6 to April 1, 1943]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 9e, d. 1, l. 18-19.

32. Spravka UPVI NKVD SSSR o chislennosti voennoplennykh i spetskontingenta, soderzhashchikhsya v lageryakh NKVD na 1 iyunya 1943 g. [Note of the NKVD

Department for Affairs of Prisoners of War and Internees on the Number of Prisoners of War and Detainees in NKVD Camps as of June 1, 1943]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 1i, d. 9, l. 59.

33. Hilger Andreas. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Errinerung.* Essen, Klartext-Verl., 2000. 486 S.

34. Karner Stefan. *Im Archipel GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956*. Wien; München, Oldenbourg, 1995. 269 S.

35. Lehmann A. Erinnerungen an die Kriedsgefangenschaft. Wette W., Ueberschar G.R., Hrsg. *Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht*, Frankfurt am Main, s. n., 1992, S. 178-189.

Information About the Author

Sergey G. Sidorov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, histrus@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1366-5787

Информация об авторе

Сергей Григорьевич Сидоров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, histrus@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1366-5787

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.12

UDC 94(470.620-25)«1943»
LBC 63.3(2)622

Submitted: 31.05.2022
Accepted: 08.12.2022

COMBAT OPERATIONS OF THE SOVIET AND GERMAN TROOPS IN THE AZOV FLOODPLAINS IN FEBRUARY – SEPTEMBER 1943

Ilia V. Kiselev

Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after A.K. Serov, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the battles between Soviet and German troops in the Azov floodplains in February – September 1943. This little-studied page in the history of the Battle of the Caucasus 1942–1943, which was marked by prolonged military operations in hard-to-reach areas. *Methods and materials.* The aim of the publication was a comprehensive study of the Soviet-German confrontation in the Azov floodplains on the basis of historical comparative and historical evolutionary methods. The main sources for the study were Soviet and German war journals, operational reports and accounts. Most of these operational documents had not previously been introduced into scientific circulation. Along with them, the recollections of combatants from both sides were used. *Analysis.* The author identified three stages of the Soviet-German confrontation in the Azov floodplains. It was analyzed decisions of the Soviet and German command, the features of the tactics of the troops, their composition, combat training and the supply level. *Results.* The author concluded that units of the Red Army several times tried to use the area of the Azov floodplains to enter the German troops, their subsequent encirclement and defeat. This goal was not achieved, but the active actions of the Soviet North Caucasian Front diverted part of the 17th German Army's forces.

Key words: Great Patriotic War, Battle of the Caucasus, Azov floodplains, Red Army, Wehrmacht.

Citation. Kiselev I.V. Combat Operations of the Soviet and German Troops in the Azov Floodplains in February – September 1943. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 129-139. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.12

УДК 94(470.620-25)«1943»
ББК 63.3(2)622

Дата поступления статьи: 31.05.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В ПРИАЗОВСКИХ ПЛАВНЯХ В ФЕВРАЛЕ – СЕНТЯБРЕ 1943 ГОДА

Илья Викторович Киселев

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова,
г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена боям между советскими и немецкими войсками в приазовских плавнях в феврале – сентябре 1943 года. Это малоизученная страница истории битвы за Кавказ 1942–1943 гг., которая отмечена продолжительными боевыми действиями в труднодоступной местности. С целью всестороннего исследования советско-германского противостояния в приазовских плавнях автор обратился к историко-сравнительному и историко-эволюционному методам. Основными источниками для изучения стали советские и немецкие журналы боевых действий, итоговые оперативные сводки и отчет. Большинство из этих оперативных документов прежде не вводилось в научный оборот. Наряду с ними использовались воспоминания участников боев с обеих сторон. В ходе исследования удалось выделить три этапа советско-германского противостояния в приазовских плавнях. Были проанализированы решения советского и немецкого командования, сопоставлены особенности тактики войск, их состав, боевая подготовка и уровень снабжения. В заключении автором был сделан вывод о том, что части Красной армии несколько раз пытались использовать

© Киселев И.В., 2023

район приазовских плавней для выхода в тыл немецких войск, их последующего окружения и разгрома. Эта цель не была достигнута, однако активные действия Северо-Кавказского фронта отвлекли на себя часть сил 17-й немецкой армии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, приазовские плавни, Красная армия, вермахт.

Цитирование. Киселев И. В. Боевые действия советских и немецких войск в приазовских плавнях в феврале – сентябре 1943 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 129–139. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.12

Введение. Красная армия переломила ход Великой Отечественной войны в сражениях на южном участке советско-германского фронта. Заметное место среди них занимает битва за Кавказ 1942–1943 гг., символом которой принято считать бои на перевалах Главного Кавказского хребта. Но ареной борьбы стали районы с самыми разнообразными природными условиями: пустыни Калмыкии, степи Кубани и Ставрополья, берега Черного и Азовского морей. И везде климатические особенности оказывали заметное воздействие на выбор тактики боевых действий, работу тыла, а значит – и на исход боевых действий [9, с. 40].

Именно такой местностью являются приазовские плавни, протянувшиеся вдоль юго-восточного побережья Азовского моря примерно на 100 км от Приморско-Ахтарска до Темрюка. Ширина зоны плавней колеблется от 15 до 40 км. Эта местность, поймы рек и лиманов, регулярно затапливается водой и покрыта камышовыми зарослями. Там практически отсутствуют дороги и населенные пункты. При всем сказанном плавни стали ареной напряженной борьбы между Красной армией и вермахтом.

Тем не менее в классических советских работах А.А. Гречко [6, с. 352–354, 400] и С.Г. Горшкова [5, с. 229, 232] раскрыты лишь отдельные эпизоды этих боев. Более подробно противоборство в Приазовье рассматривается современными отечественными исследователями – С.В. Янушем [13, с. 496] и авторами труда «Битва за Кавказ» [2, с. 264–266]. Однако они сфокусировались на оперативном значении этой борьбы для советских и германских войск, оставив за скобками проблемы их повседневной жизни и организации боевых действий обеих сторон в этой местности. В самом общем виде данные события представлены в книге Р. Форзика, одном из немногих современных зарубежных изданий, посвященных битве за Кавказ [16, p. 42, 62–63].

Недостаточная изученность боевых действий в столь специфической местности определила цель работы – всестороннее исследование советско-германского противостояния в приазовских плавнях с февраля по сентябрь 1943 года. В этой связи потребовалось охарактеризовать разные этапы этой борьбы, проанализировать влияние природно-климатических условий на ее ход, оценить итоги и значение боев.

Методы и материалы. Сопоставление действий советских и немецких войск потребовало применения историко-сравнительного метода, а изучение изменения характера боев связано с использованием историко-эволюционного метода. Спецификой исследования стала оценка влияния природно-климатических условий на ход вооруженного противостояния, основанием для этого стал принцип географического детерминизма.

Основными источниками для исследования послужили не издававшиеся ранее оперативные документы советских войск – Северо-Кавказского фронта, 9-й и 58-й армий, а также опубликованные материалы Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК). Наряду с ними впервые введены в научный оборот данные из журналов боевых действий германских войсковых объединений и соединений: группы армий «А», 17-й армии, 49-го горного корпуса, 13-й танковой и 50-й пехотной дивизии. Еще одна группа использованных источников имеет личное происхождение, это воспоминания участников боев с обеих сторон.

Анализ. В начале 1943 г. Красная армия перешла в наступление на Северном Кавказе и в течение января освободила основную часть

этого региона. В первых числах февраля советская разведка предполагала, что войска Германии и ее союзников будут продолжать отступление и готовятся к эвакуации в Крым. Ставка ВГК желала превратить поражение противника в его полный разгром. В ночь на 4 февраля 1943 г. ею в адрес командующего Северо-Кавказским фронтом генерал-полковника И.И. Масленникова была направлена директива. Она содержала указания по окружению и разгрому основных сил кавказкой группировки врага западнее Краснодара.

Вечером 10 февраля 1943 г. между генерал-полковником И.И. Масленниковым и командующим 58-й армией генерал-майором К.С. Мельником состоялось обсуждение дальнейшего наступления. В числе прочего командующий фронтом интересовался состоянием льда в озерах и заливах, возможностью обхода обороны противника через плавни и даже проведения кавалерийского налета на Темрюк. В своем ответе командарм-58 достаточно осторожно высказался о перспективах действий на своем правом фланге:

«1. Лед на озерах и заливах на пройденных рубежах по своему состоянию меняется. Так, например: 8.2 лед выдерживал 76 мм пушки, а сегодня в тех же местах не удерживались даже полуторки...

3. Что касается возможности налета, то из опыта перехода через плавни р. Бейсуг считаю это дело возможным. По данным 351 с[трелковой] д[ивизии], на ее участке сейчас сопротивление меньше, чем было 7 и 8.2.» [10].

Тем не менее советское командование решилось прибегнуть к маневру через плавни. В ночь на 19 февраля штаб 58-й армии направил командирам 317, 351 и 414-й стрелковых дивизий боевые распоряжения о проведении наступления. Требовалось в сжатые сроки к исходу 24 февраля преодолеть около 70–80 км и выйти в район Курчанской. Через эту станицу пролегала дорога, обеспечивающая снабжение всех немецких войск к северу от р. Кубань. Координировать действия войск на правом крыле 58-й армии поручалось ее начальнику штаба – генерал-майору М.С. Филипповскому. Уже в ходе начавшейся операции, 22 февраля, под его командованием была образована ударная группа в составе все тех же трех дивизий. Они насчитывали лишь 2 013 активных штыков, что составляло примерно половину наличных сил 58-й армии.

Группа М.С. Филипповского совершила марш по кромке плавней и овладела станицей Черноерковской. Тем самым удалось преодолеть половину расстояния до цели наступления и провести охват левого фланга 17-й немецкой армии. Разведка противника обнаружила движение советских войск, но немцы не ожидали прохода через плавни большой массы пехоты с полковой артиллерией и обозом [18].

24 февраля Черноерковскую атаковали основные силы 13-й немецкой танковой дивизии, но после напряженного боя им пришлось отступить. Группа М.С. Филипповского понесла потери, практически исчерпала запасы боеприпасов и продовольствия. Тем не менее она получила приказ командующего 58-й армией продолжить наступление. 27 февраля 317-я и 351-я стрелковые дивизии, в которых осталось немногим более 1 тыс. активных штыков, через плавни вышли на северо-западные подступы к Курчанской. Нависшая над тылом угроза заставила немцев бросить против ударной группы 58-й армии все имеющиеся под рукой силы. С юга, из района Курчанской, по советским войскам нанесла удар группа командира 1-й горной дивизии генерал-майора В. Штеттнера. С востока возобновила наступление 13-я танковая дивизия полковника В. Крисолли, усиленная немецкой и румынской пехотой. Их стала активно поддерживать немецкая авиация.

В результате напряженных боев к 3 марта противнику удалось оттеснить в плавни 317-ю и 351-ю стрелковые дивизии, их остатки были рассеяны и выходили из окружения небольшими группами. Всего спаслось 300–350 человек, в том числе получивший ранение генерал-майор М.С. Филипповский и оба командира дивизий. В те же дни немцы сумели вытеснить 414-ю стрелковую дивизию из окрестностей Черноерковской. Тем самым они практически перерезали снабжение ударной группы 58-й армии и затруднили ввод в сражение резерва – 10-го стрелкового корпуса. Вместо развития первоначального успеха и выхода во вражеский тыл он втянулся в изнурительные бои за Черноерковкую.

5 марта 1943 г. в журнале боевых действий группы армий «А» был подведен итог прошедшим боям. Отмечалось, что операция 58-й советской армии сорвана, а силы двух ее дивизий в плавнях уничтожены. По немецким данным, в плен было захвачено более 1 тыс. бойцов и командиров Красной армии, советские потери убитыми оценивались в 2,9 тыс. человек. На местах боев обнаружено 69 пушек, 66 минометов и другое вооружение [22].

58-я армия возобновила наступление только в середине марта 1943 года. Но это произошло в связи с отходом немцев на следующий рубеж обороны и уже не могло привести к их окружению. Дальнейшая борьба на кромке плавней в конце марта – начале апреля 1943 г. свелась к позиционным боям вдоль р. Курка, на подступах к Курчанской.

Наступление через приазовские плавни в феврале 1943 г. разворачивалось столь быстро, что не удалось отработать план подготовки и проведения операции, выстроить взаимодействие с войсками других армий и авиацией, а также продумать вопросы эвакуации раненых, обеспечения боеприпасами и продовольствием. Все это имело тяжелейшие последствия для советских войск. Уже к 25 февраля в группе М.С. Филипповского практически закончились боеприпасы: имелось 0,1–0,2 боекомплекта артиллерийских снарядов и мин, а на каждого бойца по 5–10 винтовочных патронов. Продовольствия оставалось менее чем на сутки, и все последующие дни солдатам и офицерам пришлось питаться за счет небогатых припасов местного населения [8]. О трагическом положении раненых рассказано в неопубликованных воспоминаниях И.И. Сучкова, санинструктора 351-й стрелковой дивизии: «На малом клочке суши скопилась масса раненых разной тяжести. Перевязочного материала не было. Снимали мы с себя белье и пускали в ход вместо бинтов, в качестве жгутов были обмотки и пояса. Но спасения для нас, выхода не было. Была команда: кто как может, выходите из положения. Кто стрелялся, кто тонул по пути выхода в глубоководных лиманах из-за тонкого льда. Некоторые бродили в зарослях осеннего камыша и попадали под огонь противника» [4].

Аналогичные трудности испытывали бойцы и командиры 10-го стрелкового корпуса. Подносить боеприпасы и продовольствие, подтягивать артиллерию приходилось буквально на руках на расстояние до 60 км. «В течение 8–10 дней личный состав, ведя тяжелые бои с противником, не получал централизованного продовольственного снабжения и единственной пищей служила – свежая рыба /без соли и хлеба/, добываемая для наших частей местными рыбаками. Медико-санитарная служба в первые дни боев почти отсутствовала, так как корпусной госпиталь и медсанроты бригад находились еще на марше. Не хватало медикаментов и перевязочных. Раны перевязывали тряпками, собираемыми у местного населения. У личного состава либо вообще не было обмундирования, либо во время марша износилась обувь» [3].

Советское фронтовое и армейское командование имело ограниченные возможности для снабжения своих войск в плавнях. Тыловые службы растянулись по всему Северному Кавказу и отстали от действующей армии. Увеличение плеча подвоза, нехватка автомобильного и гужевого транспорта – все это сократило поставки боеприпасов до минимума, а для их доставки на передовую пришлось выделять личный состав или привлекать местное население. Оно же обеспечивало сражающиеся части Красной армии продовольствием из своих скудных запасов.

Исход борьбы в столь тяжелых условиях во многом зависел от качества личного состава, общего уровня боеспособности частей и соединений. В числе первых в Приазовских плавнях оказались две стрелковые дивизии – 317-я и 351-я. Они накопили немалый опыт оборонительных и наступательных действий, но к середине февраля 1943 г. понесли чувствительные потери. Несмотря на неудачу группы М.С. Филипповского, о ее бойцах и командирах сообщалось следующее: «Заслуживает высокой оценки храбрость, выносливость и выдержка личного состава, беззаветно выполнявших свой долг перед Родиной в исключительно трудной обстановке» [12].

Положение дел в 414-й стрелковой дивизии было сложнее. Это национальное соединение было сформировано в Грузии и впервые вступило в бой 17 февраля, сразу потеряв своего командира – полковника Н.Г. Селихова. Новый комдив к началу операции вступить в

должность не успел. Командование 58-й армии винило дивизию в потере Черноерковской, но немецкие документы отмечают ее упорство. В отчете 13-й танковой дивизии противника подчеркивалось, что все дни боев за станицу шла упорная борьба буквально за каждый дом. Сломить сопротивление 414-й стрелковой дивизии удалось лишь при поддержке авиации и бронетехники. Только когда станица загорелась, немцы сумели захватить в плен одиночных бойцов и несколько групп раненых [17].

В марте 1943 г. вся тяжесть боев в приазовских плавнях легла на 10-й стрелковый корпус. Его формирование началось в конце января 1943 г., а уже в середине февраля новое соединение форсированным маршем отправилось на фронт. В боевой характеристике корпуса его состояние в тот момент описано так: «Еще формируемое Управление корпуса и входящие в него соединения без достаточной сколоченности штабов, тыловых учреждений и при слабой оснащенности автотранспортом совершали марш в период весенней распутицы по маршруту, не имея продовольственных запасов. Новое пополнение, в основном бывшие военнопленные у немцев и молодежь из освобожденных районов, не было обмундировано. Артиллерия и тылы бригад в связи с полным бездорожьем растянулись на сотни километров» [3]. Когда корпус вступил в бой, многие новобранцы оказались не готовы противостоять опытному врагу в сложных природных условиях. С первых дней на передовой фиксировались случаи дезертирства и членовредительства. Потребовались жесткие меры по наведению порядка и широкая пропагандистская работа, чтобы повысить устойчивость личного состава. А главное, удалось наладить минимально необходимое снабжение войск. К началу апреля 1943 г. боеспособность 10-го стрелкового корпуса заметно возросла. При этом за месяц боев, с 4 марта по 4 апреля 1943 г., он потерял около половины личного состава: из корпуса выбыло 5 857 убитых и раненых, в строю осталось 6 271 человек.

Состояние немецких войск, противостоявших 58-й армии, также было далеким от идеала. Парировать удар группы М.С. Филипповского в конце февраля 1943 г. противнику пришлось силами 13-й танковой дивизии. Будучи единственным подвижным соединением 17-й немецкой армии, оно систематически использовалось в качестве мобильного резерва. В результате части 13-й танковой дивизии оказались разделены между несколькими сводными группами, их боевой состав к 23 февраля насчитывал всего 1,5 тыс. человек, 12 средних и 4 легких танка [19]. В качестве усиления немецкие танкисты получили пехотную роту и артиллерийскую батарею 2-й горной дивизии румын.

Особенно пестрым составом отличалась боевая группа командира 1-й горной дивизии генерал-майора В. Штеттнера. В нее входили батальоны 98-го горного и 4-го самокатного полков, усиленные дивизионной, противотанковой и зенитной артиллерией. Ядром этого импровизированного объединения стал 42-й пехотный полк 46-й пехотной дивизии, которая в этот момент уже покидала Кубань и перебрасывалась в Запорожье по воздуху. В рядах группы сражались и коллаборационисты, служившие в полицейских и охранных частях 550-го армейского тылового района.

Во второй половине марта 1943 г. подразделения 13-й танковой дивизии были выведены в тыл. Охранные части 17-й армии, такие как 4-й самокатный полк, продолжали нести службу в приазовских плавнях на протяжении всей весны и лета. В середине мая 1943 г. их усилили батальоном 125-й пехотной дивизии и объединили в боевую группу полковника О.-Х. Брюккера. В зоне ее ответственности оставалась коса Вербяная и подступы к Темрюку.

Основная тяжесть борьбы в этой труднопроходимой местности легла на 50-ю немецкую пехотную дивизию, которой командовал генерал-лейтенант Ф. Шмидт. Это соединение имело солидный боевой опыт, однако за время боев зимой 1942–1943 гг. понесло немалые потери и к 1 апреля 1943 г. насчитывало 8 903 человека, в том числе 5 072 – в боевом составе. За счет пополнения к 1 мая общая численность дивизии возросла до 9 367, а к 1 июня – 11 168 солдат, унтер-офицеров и офицеров, из которых 6 269 состояли в боевых частях [14]. Однако полностью покрыть нехватку людей в пехотных батальонах дивизии так и не удалось, даже в мае – июне 1943 г.

их численность оставалась на уровне 45–65 % от штатной.

Военный врач 50-й пехотной дивизии П. Бамм посвятил пребыванию своего соединения в приазовских плавнях целую главу своих мемуаров, которая получила красноречивое название «Комары и малярия». О положении здесь он написал так: «Наша дивизия удерживала самый северный участок Таманского плацдарма, который частично состоял из заболоченных озер в устье небольшой речки Курка, впадавшей в Азовское море. Поначалу этот участок вообще никто не оборонял – но русские, как всегда непредсказуемые, внезапно атаковали противоположный берег прямо через болото. Поэтому пехоте пришлось занять здесь оборонительные позиции; кое-как устроившись на островках, заросших камышом и ивняком, солдаты жили практически в воде» [1, с. 139]. Находившиеся в этом районе солдаты страдали от мух, комаров и мошкары. Под воздействием насекомых и влажности распространялись кожные инфекции, были зарегистрированы случаи малярии. Неизменными спутниками фронтовиков оставались вши. Поэтому от немецких медиков потребовались дополнительные усилия. В расположенной на берегу Азовского моря станице Голубицкой для заболевших и легкораненых был организован госпиталь.

Далеко не блестящим было состояние всего 49-го немецкого горного корпуса. 6 апреля 1943 г. его командир, генерал горных войск Р. Конрад, обратился с рапортом к командованию 17-й армии. В нем указывалось на нехватку вооружения, транспорта и снаряжения в связи с продолжительным отступлением в предшествующие месяцы. Дивизиям корпуса требовалось пополнение в людях и технике, восстановление нормального снабжения всем необходимым, вплоть до средств гигиены и книг. Однако главное внимание командование 49-го горного корпуса обратило на организацию обороны. В плавнях между Азовским морем и Курчанской было решено создать несколько опорных пунктов, обеспечить их мощной артиллерийской поддержкой и надежной связью. Регулярно практиковалась отправка в лиманы дозорных и разведывательных групп на гребных и моторных лодках [21].

Относительное затишье, установившееся в приазовских плавнях во второй половине марта 1943 г., продолжалось около месяца. В апреле Северо-Кавказский фронт возобновил наступление с целью разгрома группировки немецко-румынских войск на Кубани. Однако бои по прорыву укрепленного рубежа противника, именовавшегося «Голубой линией», приняли затяжной характер. Такое положение дел потребовало прибытия представителя Ставки ВГК – маршала Советского Союза Г.К. Жукова. 20 апреля им был отправлен в Москву доклад о мерах по повышению эффективности наступления войск Северо-Кавказского фронта, который касался широкого круга вопросов. Характеризуя обстановку на северном крыле фронта, маршал отметил наличие плавней, позволявших передвигаться только по отдельным тропам и не допускающих перемещения крупных масс войск и техники. Поэтому предлагалось подготовить специальные отряды для захвата плацдармов в тылу противника, для обеспечения их действий подобрать проводников из местного населения и подготовить плавсредства. Кроме того, Г.К. Жуков потребовал от начальника инженерных войск Красной армии генерал-лейтенанта М.П. Воробьева отправить на Кубань 500 специальных костюмов для передвижения по заболоченной местности и мелководью. Были и предложения организационного характера. Представитель Ставки ВГК озвучил просьбу командующего фронтом И.И. Масленникова возложить руководство войсками в плавнях на штаб 9-й армии. В своем очередном докладе в ночь на 24 апреля Г.К. Жуков сообщил, что в 9-й армии началось сколачивание отрядов численностью около батальона каждый. Они вооружались автоматами, ручными и станковыми пулеметами, полковыми пушками и минометами. Отрядам придавались лодки и плоты для размещения тяжелого вооружения. В качестве проводников были отобраны местные рыбаки и партизаны [11, с. 288, 290].

Действительно, 20 апреля 1943 г. командующий 9-й армией генерал-лейтенант К.А. Коротеев отдал распоряжение о формировании в каждой дивизии и бригаде специальных сотен для действий в Приазовских плавнях. Отбор личного состава велся достаточно тщательно:

«Сотни созданы из наиболее решительных, храбрых, находчивых, физически здоровых и выносливых – добровольцев из числа военнослужащих разных специальностей, а также личного состава штрафных рот» [7]. 26 апреля сотни объединились в пять отрядов, каждому из которых придавались взводы саперов и связистов. Их общая численность составила 1 554 человека. С целью их обеспечения продовольствием и боеприпасами на восточном берегу лимана Ордынский развернулась армейская тыловая база. Там же расположился вспомогательный пункт управления 9-й армии, на который возлагалось руководство действиями отрядов. С 24 по 29 апреля с личным составом отрядов проводились практические занятия по передвижению в плавнях и лиманах на лодках, установке тяжелого вооружения на лодках, маскировке и ведению разведки.

30 апреля отряды выдвинулись на исходные позиции. Планировалось, что три отряда сумеют скрытно пройти через лиманы и внезапной атакой овладеть Курчанской. Целью отрядов № 3 и № 4 стал выход в район Темрюка. Тем самым командование 9-й армии рассчитывало дезорганизовать оборону противника и помешать подходу его резервов в условиях начавшегося наступления Северо-Кавказского фронта. К сожалению, этот замысел разгадал противник. В журнале боевых действий 49-го горного корпуса 30 апреля указывалось на обнаружение скопления лодок к северо-западу от Свистельникова и высказывалось предположение об угрозе охвата левого фланга 50-й пехотной дивизии и береговой бороны в районе Темрюка [20].

Именно на темрюкском направлении произошло боевое первое соприкосновение отрядов с противником. Здесь в ночь на 1 мая 1943 г. с двух сторожевых катеров Азовской военной флотилии на косу Вербяная десантировался отряд старшего лейтенанта П.Ф. Болгарцева. Несмотря на потерю части вооружения и снаряжения при высадке, советский отряд закрепился на косе и рассек немецкую оборону. Однако утром того же дня немцы с помощью саперных катеров перебросили на косу Вербяная батальон 50-й пехотной дивизии. К вечеру отряд П.Ф. Болгарцева был оттеснен в плавни, противник посчитал его полностью уничтоженным. Однако две группы и отдельные бойцы из его состава сумели спустя трое суток выйти в расположение 9-й армии. Боевые действия в этом районе продолжил отряд майора А.Е. Поповича. Проведя разведку и разминирование на подходах к косе Вербяной, 7 мая его солдаты и офицеры захватили ее участок, но под ударами тяжелой германской артиллерии и самолетов люфтваффе отступили в плавни. В ночь на 8 мая безуспешно была произведена повторная атака. Советский отряд оставил берег Азовского моря, но до 12 мая продолжал вести бой на косе. Только угроза окружения заставила А.Е. Поповича вернуться на исходные позиции. Отряды майора И.И. Воронюка и капитана И.А. Голосного 6 мая атаковали и захватили опорные пункты противника на северном берегу Курчанского лимана и на северных подступах к станице Курчанской. До 12 мая оба отряда вели тяжелые бои на захваченных рубежах, но в итоге были оттеснены в плавни переброшенной сюда немецкой боевой группой полковника О.-Х. Брюккера, ядром которой стал 667-й пехотный полк. С 12 по 15 мая несколько безуспешных атак на курчанском направлении предпринял пятый советский отряд. С 16 мая отряды прекратили активные действия, ограничившись разведкой, а 21 мая были переданы в распоряжение 351-й стрелковой дивизии и 43-й стрелковой бригады [7, л. 10–15].

Таким образом, сводные отряды 9-й армии не сумели прорваться в тыл обороны противника на северном участке «Голубой линии». Общие потери пяти отрядов за три недели составили более половины от их первоначальной численности – 345 убитых и 758 раненых. Анализируя причины неудачи, офицеры армейского штаба отмечали недостатки взаимодействия и связи между отрядами, слабую поддержку артиллерии и авиации. Говорилось и о природных помехах: заросли камыша мешали вести наблюдение, насыщенная водой почва не позволяла соорудить укрепления и укрытия, длительное пребывание в воде изматывало людей и приводило к распространению заболеваний. Отмечались даже такие факты, как намеренный поджог камыша противником и демаскирующие полеты диких птиц, напуганных появлением людей в плавнях.

Главная причина неудачи вспомогательного удара через приазовские плавни заключалась в том, что основные силы 9-й армии не сумели прорвать фронт 49-го немецкого горного корпуса. Противник имел возможность бросить против советских отрядов свои резервы, поддержать их артиллерией и авиацией. Более того, 25 мая немцы сами перешли в наступление силами 121-го полка 50-й пехотной дивизии. Действиями отдельных подразделений, подготовленных для рейдов в плавнях, они нарушили целостность обороны 43-й стрелковой бригады. На следующий день бригада при поддержке сводных отрядов предприняла ряд контратак и даже создала угрозу окружения командного пункта 121-го пехотного полка немцев. Тем не менее они сумели оттеснить советские части на северо-восток от Курчанского лимана. Как и в начале мая, успеху противника способствовала активная поддержка пикирующих бомбардировщиков, хотя из-за вязкого грунта от 30 до 40 % сброшенных авиабомб не взрывалось.

И все же основная нагрузка во время боя в плавнях легла на пехоту. Особенности ее действий представлены в отчете командира 150-го разведывательного батальона 50-й пехотной дивизии ротмистра Морозовича. Им дана развернутая характеристика местности, борьба в которой прежде всего ведется с природными препятствиями. Например, на продвижение на одну тысячу метров могло потребовать от двух до двух с половиной часов. Поэтому в документе подчеркивается необходимость обеспечения своевременного отдыха личного состава. В список вооружения, наиболее эффективно применявшегося в плавнях, вошли пистолеты-пулеметы, ручные гранаты, легкие и тяжелые пулеметы, огнеметы и ротные минометы. Допускалось использование тяжелых минометов, малокалиберных противотанковых и зенитных пушек. Морозовичем были сформулированы основные принципы ведения боя в плавнях как в наступлении, так и в обороне. Залогом успеха при действиях в плавнях он считал инициативные и энергичные действия, надежное снабжение и связь [15].

5 июня 1943 г. на сложившуюся в приазовских плавнях ситуацию вновь обратила внимание Ставка ВГК, отметив, что противник активизировал свои действия и поставил советские отряды в тяжелое положение. Видя причину в недостатках работы штабов, Верховный главнокомандующий распорядился объединить действовавшие на правом крыле армии в составе одного корпуса и максимально приблизить корпусной командный пункт к передовой. В заключение И.В. Сталин приказал новому командующему Северо-Кавказским фронтом генерал-лейтенанту И.Е. Петрову принять меры для пополнения 9-й армии [11, с. 158–159].

Спустя две недели по распоряжению Ставки ВГК в 9-й армии были произведены кадровые перестановки. Вместо генерал-майора П.М. Козлова, руководившего армией немногим более месяца, новым командармом стал генерал-майор А.А. Гречкин. Очередная директива Ставки ВГК, направленная в штаб Северо-Кавказского фронта 28 июня 1943 г., содержала в числе прочего требование продолжать вести действия в плавнях отрядами 9-й армии. К этому времени на ее правом крыле был развернут 11-й стрелковый корпус в составе четырех бригад. Им были подчинены существующие сводные отряды Голосного, Поповича и Сейфутина, освоившие методы войны в лиманах и камышах. Берег Азовского моря оставался в зоне ответственности 351-й стрелковой дивизии, из состава которой также был выделен сводный отряд для действий в плавнях. В советских частях стала регулярно происходить ротация, позволявшая предоставить отдых находившимся в плавнях солдатам и офицерам.

В целом с конца июня 1943 г. активность боевых действий в Приазовье сошла на нет. Только 10 сентября началась Новороссийско-Таманская наступательная операция советских войск. Поначалу подразделения 11-го стрелкового корпуса вели в прилегающих к Азовскому морю лиманах силовую разведку, а затем начали преследование отходивших на запад частей 50-й пехотной дивизии немцев. Те уже не пытались удерживать подступы к Темрюку, и 27 сентября 1943 г. город был освобожден войсками 9-й армии. Так завершилось противостояние в приазовских плавнях, продолжавшееся семь месяцев.

Результаты. Итак, бои в Приазовье по своему размаху и величине вовлеченных в нее

сил имели, скорее, тактические масштабы. Но ход этой «малой войны» определял развитие обстановки на более высоком оперативном уровне и влиял на устойчивость всего северного участка германской обороны на Кубани весной – летом 1943 года.

Изучение противостояния советских и немецких войск в приазовских плавнях позволяет выделить в нем три этапа. Первый из них связан с наступательной операцией 58-й армии во второй половине февраля – марте 1943 года. Она проводилась с расчетом на проходимость замерзших лиманов и была нацелена на окружение немецких войск. Обе стороны оказались вовлечены в эти бои спонтанно и в основном использовали в плавнях сводные подразделения, не имевшие должной подготовки для действий в этих специфических природных условиях.

Второй этап протекал с середины апреля по конец июня 1943 г., когда Северо-Кавказский фронт предпринял несколько попыток прорыва «Голубой линии», и операция в приазовских плавнях рассматривалась советским военным руководством как способ выхода из тупика позиционных боев. К этому времени германское командование пошло по пути ведения активной обороны и создания среди лиманов опорных пунктов. Более основательно вели подготовку к боям и советские войска, подготовившие целую операцию в плавнях с участием специально сформированных для этого отрядов. На активизацию боев оказало влияние улучшение погодных условий.

Третий этап, длившийся с июля по сентябрь 1943 г., характеризовался спадом активности по обе стороны фронта и завершением боев в Приазовье в связи с прорывом «Голубой линии» под Новороссийском и отступлением 17-й немецкой армии с Кубанского плацдарма.

Приходится признать, что боевые действия в приазовских плавнях шли для Северо-Кавказского фронта тяжело и не позволили решить всех поставленных задач. На первый взгляд, самая очевидная причина тому – недостатки в управлении советскими войсками. К этой мысли подталкивают неоднократные примеры реорганизации управления и постоянная перетасовка командного состава в армейском и корпусном звене. Однако стоит отметить, что наступающие советские части не имели заметного численного преимущества над немцами в условиях, когда те опирались на подготовленную оборону. Личный состав Красной армии имел разный уровень боевой подготовки, тогда как германские соединения все еще сохраняли свой боевой костяк. Наконец, в 1943 г. на Кавказе вермахт имел широкие возможности по обеспечению своих подразделений различной техникой, боеприпасами, снаряжением, медикаментами и продовольствием, а Северо-Кавказский фронт в основном полагался на собственные ресурсы. Их ограниченность прекрасно продемонстрировал тот случай, когда в апреле 1943 г. проблему обеспечения отрядов в плавнях саперным имуществом решалась представителем Ставки ВГК, первым заместителем Верховного главнокомандующего и начальником инженерных войск Красной армии.

Все эти факторы приобрели решающее значение во время ведения боев в столь сложной местности, каковой являлись приазовские плавни. Тем не менее советским войскам несколько раз удалось создать угрозу для немецкой обороны и отвлечь на себя сопоставимые по численности силы противника. Так, в конце февраля – начале марта 1943 г. германское командование было вынуждено задержать переброску на Украину частей 13-й танковой, 46-й и 198-й пехотных дивизий, а в начале мая оказалась отложена отправка в Крым и далее в тыл двух полков, охранявших район Темрюка и Курчанской. На полгода в боях за приазовские плавни увязли основные силы 50-й пехотной дивизии вермахта.

Неоднократные попытки советских войск добиться успеха в приазовских плавнях объяснялись тем, что командование Северо-Кавказского фронта было крайне ограничено в возможностях прорыва «Голубой линии» и искало любые возможности для обхода немецких оборонительных позиций на Кубани. Именно в таком контексте стоит рассматривать не только операции советских войск в Приазовье, но и борьбу за расширение плацдарма на Малой земле в феврале 1943 г. или десанты, высаженные Черноморским флотом и Азовской военной флотилией в сентябре того же года. Во всех перечисленных случаях Красная армия сумела добиться некоторых успе-

хов, но решить задачу по окружению и разгрому кавказской группировки вермахта ей не удалось. Общей характеристикой этого периода битвы за Кавказ стали тяжелые позиционные бои, примером которых и стала борьба советских и немецких войск в приазовских плавнях.

При всей неоднозначности итогов этого противостояния, оно и сегодня имеет определенную практическую значимость. Изучая события далекого 1943 г., в очередной раз убеждаешься, что на войне многое зависит не только от численности войск, но и от того, как они обучены, обеспечены, организованы и мотивированы. А действия подразделений Красной армии дали немало примеров боевого мастерства, солдатской смекалки и подлинного героизма советских солдат и офицеров в борьбе с опасным противником и силами природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бамм П. Невидимый флаг. Фронтовые будни на Восточном фронте. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2006. 270 с.
2. Битва за Кавказ. М.: Триада-Ф, 2002. 411 с.
3. Боевая характеристика 10-го стрелкового корпуса за период с 26 января по 5 апреля 1943 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 448. Оп. 10909. Д. 54. Л. 165.
4. Воспоминания Сучкова И. И. // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р–807. Оп. 1. Д. 36. Л. 52.
5. Горшков С. Г. На южном приморском фланге. М.: Воениздат, 1989. 296 с.
6. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. 494 с.
7. Итоговая оперативная сводка штаба 9-й армии за май 1943 г. // ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 379. Л. 10–15.
8. Итоговая оперативная сводка штаба 58-й армии за февраль 1943 г. // ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 432. Л. 11.
9. Кринко Е. Ф. Роль природного фактора в сражениях Великой Отечественной войны на Юге России в 1942–1943 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. Т. 8, № 2. С. 40–46.
10. Переговор генерал-полковника Масленникова с генерал-майором Мельником /58 А/ 20.00–22.40 10.2.43 // Государственная информационная система «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136526295&backurl=fund%5C51::inventory%5C932::file%5C442::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C8&static_hash=7af7fe834ac5f52e8ac645104b412b2av7
11. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5). Ставка ВГК: Документы и материалы. В 4 ч. Ч. 3. 1943 год. М.: ТЕРРА, 1999. 360 с.
12. Фланговая наступательная операция весной в условиях плавней и лиманов с преодолением крупных водных преград // ЦАМО. Ф. 448. Оп. 10909. Д. 75. Л. 18.
13. Януш С. В. Красная Армия в сражениях за Кавказ (1942–1943 гг.). М.: Илекса, 2020. 780 с.
14. Anlagen zum Kriegstagebuch der Führungsabteilung 50 Infanterie-Division 1.1.–30.6.1943 // National Archives and Records Administration (NARA). T. 315. R. 950. Fr. 1043, 1047, 1053.
15. Erfahrungsbericht über den Kampf im Sumpfgebiet 12.6.1943 // NARA. T. 315. R. 950. Fr. 921–928.
16. Forczyk R. The Kuban 1943. The Wehrmacht's last stand in the Caucasus. Oxford, 2018. 96 p.
17. Gefechtsbericht für die Zeit vom 21.2.-6.3.43 über die Kampf um Kalabatka u. Tschernojerkowskaja // NARA. T. 315. R. 644. Fr. 1459.
18. Ic Meldungen der Armeeoberkommando 17. 1–28.2.1943 // NARA. T. 312. R. 725. Fr. 8364014.
19. Kriegstagebuch des 13 Panzer-Division 1.1.–30.7.1943 // NARA. T. 315. R. 644. Fr. 474.
20. Kriegstagebuch des XXXXIX Gebirs-Armeekorps 5.4.1943–3.7.1943 // NARA. T. 314. R. 1217. Fr. 220.
21. Kriegstagebuch des XXXXIX Gebirs-Armeekorps. Anlagen 1–175 // NARA. T. 314. R. 1218. Fr. 77, 119.
22. Kriegstagebuch des Oberkommando der Heeresgruppe A. 1–28.2.1943 // NARA. T. 311. R. 152. Fr. 7201035.

REFERENCES

1. Bamm P. *Nevidimyj flag. Frontovye budni na Vostochnom fronte. 1941–1945* [The Invisible Flag. Front Everyday Life on the Eastern Front. 1941–1945.]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2006. 270 p.
2. *Bitva za Kavkaz* [Battle of the Caucasus]. Moscow, Triada-F Publ., 2002. 411 p.
3. Boevaja harakteristika 10-go strelkovogo korpusa za period s 26 janvarja po 5 aprelja 1943 g. [Combat Characteristics of the 10th Rifle Corps for the Period from January 26 to April 5, 1943]. *TsAMO*

[Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 448, inv. 10909, d. 54, l. 165.

4. Vospominanija Suchkova I. I. [Memoirs of Suchkov I.I]. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* (*GAKK)* [State Archive of the Krasnodar Region], f. P–807, inv. 1, d. 36, l. 52.

5. Gorshkov S.G. *Na juzhnom primorskom flange* [On the Southern Coast Flank]. Moscow, Voenizdat, 1989. 286 p.

6. Grechko A.A. *Bitva za Kavkaz* [Battle of the Caucasus]. Moscow, Voenizdat, 1969. 494 p.

7. Itogovaja operativnaja svodka shtaba 9-j armii za maj 1943 g. [The final Operational Summary of the Headquarters of the 9th Army for May, 1943]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 51, inv. 932, d. 379, l. 10-15.

8. Itogovaja operativnaja svodka shtaba 58-j armii za fevral 1943 g. [The Final Operational Summary of the Headquarters of the 58th Army for February, 1943]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 51, inv. 932, d. 432, l. 11.

9. Krinko E.F. Rol prirodnogo faktora v srazhenijah Velikoj Otechestvennoj vojny na Juge Rossii v 1942–1943 gg. [The Role of the Natural Factor in the Battles of the Great Patriotic War in the South of Russia in 1942–1943]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities Research], 2015, vol. 8, no. 2, pp. 40-46.

10. Peregovor general-polkovnika Maslennikova s general-maiorom Melnikom /58 A/ 20.00–22.40 10.2.43 [Negotiations Between Colonel General Maslennikov and Major General Melnik (58th Army) 20.00–22.40 10.2.43]. *Gosudarstvennaia informatsionnaia sistema «Pamiat naroda»* ["Memory of the People" portal]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136526295&backurl=fund%5C51::inventory%5C932::file%5C442::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C8&static_hash=7af7fe834ac5f52e8ac645104b412b2av7

11. *Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 16 (5). Stavka VGK: Dokumenty i materialy. V 4 ch. Ch. 3. 1943 god* [Russian Archive: The Great Patriotic War. Vol. 16 (5). High Command Headquarters: Documents and Materials. In 4 Parts. Pt. 3. 1943]. Moscow, TERRA Publ., 1999. 360 p.

12. Flangovaja nastupatelnaja operacija vesnoj v uslovijah plavnej i limanov s preodoleniem krupnyh vodnyh pregrad [Flank Offensive Operation in the spring in the Conditions of Floodplains and Estuaries with Overcoming Large Water Barriers]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 448, inv. 10909, d. 75, l. 18.

13. Janush S.V. *Krasnaja Armija v srazhenijah za Kavkaz (1942–1943 gg.)* [The Red Army in the Battles of Caucasus (1942–1943)]. Moscow, Ileksa Publ., 2020. 780 p.

14. Anlagen zum Kriegstagebuch der Führungsabteilung 50 Infanterie-Division 1.1.–30.6.1943. *National Archives and Records Administration* (NARA), T. 315, R. 950, Fr. 1043, 1047, 1053.

15. Erfahrungsbericht über den Kampf im Sumpfgebiet 12.6.1943. *NARA*, T. 315, R. 950, Fr. 921–928.

16. Forczyk R. *The Kuban 1943. The Wehrmacht's last stand in the Caucasus.* Oxford, Osprey Publ., 2018. 96 p.

17. Gefechtsbericht für die Zeit vom 21.2.-6.3.43 über den Kampf um Kalabatka u. Tschernojerkowskaja. *NARA*, T. 315, R. 644. Fr. 1459.

18. Ic Meldungen der Armeeoberkommando 17. 1–28.2.1943. *NARA*, T. 312, R. 725, Fr. 8364014.

19. Kriegstagebuch des 13. Panzer-Division 1.1.–30.7.1943. *NARA*, T. 315, R. 644. Fr. 474.

20. Kriegstagebuch des XXXXIX Gebirs-Armeekorps 5.4.1943–3.7.1943. *NARA*, T. 314, R. 1217. Fr. 220.

21. Kriegstagebuch des XXXXIX Gebirs-Armeekorps. Anlagen 1–175. *NARA*, T. 314, R. 1218, Fr. 77, 119.

22. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Heeresgruppe A. 1–28.2.1943. *NARA*, T. 311, R. 152. Fr. 7201035.

Information About the Author

Ilia V. Kiselev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after A.K. Serov, Dzerzhinskogo St, 135, 350090 Krasnodar, Russian Federation, ilya.v.kiselev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3729-237X

Информация об авторе

Илья Викторович Киселев, кандидат исторических наук, доцент, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова, ул. Дзержинского, 135, 350090 г. Краснодар, Российская Федерация, ilya.v.kiselev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3729-237X

www.volsu.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ: НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ПОБЕДЕ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.13

UDC 94(438)1939/1945
LBC (4Пол)

Submitted: 15.09.2022
Accepted: 30.11.2022

THE OFFICER CORPS OF THE POLISH ARMY IN THE USSR AND IN THE POLISH PEOPLE'S ARMY (WOJSKO POLSKIE), 1943–1945 [1]

Alexey Yu. Bezugolny

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Annotation. *Introduction*. On the territory of the Soviet Union, Polish troops intended for joint struggle with Nazi Germany were formed twice. The first attempt was unsuccessful: the army of General V. Anders, after complex political maneuvers in which the Western Allies participated, was withdrawn to the territory of Iran in 1942. The second attempt, undertaken in the spring of 1943, was much more successful: in two years, over 300,000 Polish troops were deployed. *Methods and materials*. The method of historicism was used in the development of the article. The research is based on the materials declassified in recent years by Soviet state and military authorities, as well as materials from documentary publications and research literature. *Analysis*. The article analyzes the most acute problem associated with the reconstruction of the Polish Army – the staffing of military units with officers. The reasons for the chronic shortage of officers of Polish nationality and the main ways of their research are shown: training in specialized military educational institutions organized, mobilization of Polish officers in the liberated territories, secondment of Soviet officers to the Polish Army. The specific difficulties in this work are considered. *Results*. The re-establishment of the officer corps of the Polish army was the result of purposeful coordinated efforts of the highest authorities of the Soviet Union, the leadership of the People's Commissariat of Defense and the command of the Polish Army, which allowed Poles to take part in joint operations with the Red Army in the final defeat of German Nazism.

Key words: Red Army, Polish Army, 1st Polish Division named after T. Kosctiusko, officer corps, construction of the armed forces.

Citation. Bezugolny A.Yu. The Offficer Corps of the Polish Army in the USSR and in the Polish People's Army (Wojsko Polskie), 1943–1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 140-151. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.13

УДК 94(438)1939/1945
ББК (4Пол)

Дата поступления статьи: 15.09.2022
Дата принятия статьи: 30.11.2022

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС ПОЛЬСКОЙ АРМИИ В СССР И ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО (1943–1945 гг.) [1]

Алексей Юрьевич Безугольный

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. На территории Советского Союза польские войска, предназначенные для совместной борьбы с гитлеровской Германией, формировались дважды. Первая попытка оказалась неудачной: армия генерала

© Безугольный А.Ю., 2023

В. Андерса после сложных политических маневров, в которых участвовали западные союзники, была выведена на территорию Ирана в 1942 году. Вторая попытка, предпринятая весной 1943 г., оказалась значительно более удачной: за два года была развернута более чем 300-тысячная польская армия. При разработке статьи использовался метод историзма. Исследование основано на рассекреченных в последние годы материалах советских государственных и военных органов управления, а также материалах документальных публикаций и исследовательской литературе. В статье проанализирована наиболее острая проблема, связанная с воссозданием Войска польского, – укомплектование воинских частей офицерским составом. Показаны причины хронической нехватки офицеров польской национальности и основные пути их изыскания: подготовка в организуемых специализированных военно-учебных заведениях, мобилизация польских офицеров на освобожденных территориях, откомандирование в Войско польское советских офицеров и другие. При этом в задачи статьи не входит анализ боевых действий; в центре внимания – вопросы строительства польских войск. Воссоздание офицерского корпуса польской армии стало результатом целенаправленных слаженных усилий высших органов власти Советского Союза, руководства Наркомата обороны и командования Войска польского, что позволило полякам принять участие в совместных с Красной армией операциях по окончательному разгрому германского нацизма.

Ключевые слова: Красная армия, Войско польское, 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко, офицерский корпус, строительство вооруженных сил.

Цитирование. Безугольный А. Ю. Офицерский корпус польской армии в СССР и Войска польского (1943–1945 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 140–151. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.13

Введение. Изучение истории польского офицерского корпуса в период Второй мировой войны обременено одной из самых тяжелых страниц советско-польских отношений, связанных с уничтожением в 1940 г. органами НКВД более 20 тыс. польских военнослужащих, полицейских, чиновников среди которых было свыше 8 тыс. офицеров польской армии, интернированных Советским Союзом в сентябре 1939 году. В свое время российский президент признал ответственность советского руководства за трагедию [6], прочно ассоциируемую с самым известным местом захоронения польских граждан – Катынью в Смоленской области. Однако она по-прежнему остается саднящей раной в отношениях двух стран.

Рассматриваемая в данной статье проблема комплектования офицерским составом польских войск, которые формировались Советским Союзом в 1943–1945 гг., также, безусловно, ведет свой исток к Катыни, но не исчерпывается ею. Острая нехватка офицеров заставила искать нестандартные ходы при комплектовании польских частей. Формирование фактически нового офицерского корпуса для воссозданного в 1943–1945 гг. Войска польского – мало изученная тема советско-польских отношений периода Второй мировой войны.

Методы и материалы. Основным научным методом при обращении к изучению данной тематики является метод историзма, рассматривающий происходившие события в их конкретно-временной и территориальной обусловленности и закономерности.

Изучению истории польского офицерского корпуса и проблемам укомплектования Войска польского командно-начальствующим составом в советское время уделено внимание в работе Главного управления кадров Минобороны СССР о военных кадрах Советской армии в годы Великой Отечественной войны (1963 г.) [5] и диссертации И.И. Шинкарева (1966 г.) [22]. Обе эти работы носили закрытый характер, но в настоящее время рассекречены.

В современной российской историографии стоит отметить большой справочно-аналитический труд В.В. Филиппова и Г.В. Ларина [20], в котором на основе материалов Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) и других источников, обобщены данные по структуре и руководящему составу Войска польского, подготовки офицерского состава, вопросы численности и условий службы откомандированных советских офицеров. К недостаткам работы следует отнести весьма скупой научно-справочный аппарат, не отражающий всей источниковой базы работы.

В современной Польше вопросы ее комплектования офицерским составом, так или иначе поднимаются в различных работах о

«польской армии на Востоке» [24; 25; 26; 27; 29; 30]. Службы советских офицеров на командно-начальствующих должностях в Войске польском посвящена работа Е. Налепы [28].

Основу источниковой базы статьи составили архивные и опубликованные документальные материалы как высших органов государственной власти и военного управления СССР, так и польского командования о комплектовании польских войск офицерским составом, а также аналитические и отчетные материалы, сопровождавшие принятие и исполнение этих решений. Опора на материалы высших органов государственного и военного управления, как представляется, обеспечила более широкий взгляд на тему формирования офицерского корпуса польской армии, чем тот, что представлен в упомянутой выше работе Г. Ларина и В. Филиппова, сосредоточенной на детализации процессов строительства Войска польского.

Анализ. 6 мая 1943 г. Постановлением ГКО № 3294 была сформирована 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко. Местом формирования были определены Селецкие лагеря на берегу Оки под Рязанью.

Командный состав изначально являлся самым слабым звеном польских формирований. Это относилось и к его количественным и к качественным характеристикам. Острая нехватка офицеров для польских формирований в СССР была связана с двумя последовательными событиями: физическим истреблением многих тысяч польских офицеров органами НКВД в 1940 г. и выводом большей части оставшихся в живых в составе сформированной на территории Советского Союза армии генерала В. Андерса за пределы СССР в 1942 году.

Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных в 1943 г. количество польских офицеров, оказавшихся на территории СССР осенью 1939 г., оценивалось примерно в 9,5 тыс. чел. [9, с. 497]. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 г. органами НКВД было уничтожено 8 470 офицеров и генералов польской армии [4, с. 51]. Непосредственно накануне войны, в лагерях НКВД и во внутренней тюрьме НКВД продолжало содержаться 27 760 военнопленных поляков, в том числе 1 259 лиц офицерского состава [9, с. 337–338]. На формирование армии В. Андерса Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных было передано 1 069 офицеров армии, полиции и корпуса пограничной охраны [9, с. 495–496]. С учетом подготовленных для армии Андерса офицеров Советский Союз в ходе эвакуации в Иран в 1942 г. покинули 4 033 офицера [26, s. 36]. В Советском Союзе добровольно осталась группа, насчитывавшая всего несколько человек, во главе с бывшим начальником штаба 5-й пехотной дивизии полковником З. Берлингом.

Уход армии В. Андерса, проведенная в начале 1943 г. паспортизация бывших польских граждан (принудительного присвоения советского гражданства) и, главное, международный скандал, связанный с обнародованием в апреле 1943 г. нацистской пропагандой обнаруженных под Катынью массовых захоронений польских военнослужащих, сделали неизбежным разрыв и без того напряженных отношений между советским и польским эмигрантским правительствами. В политической перспективе этот разрыв послужил на пользу советской стороне, которая стала сама конструировать лояльные ей польские союзные структуры [8, с. 19]. Однако в первое время она оказалась в сложном положении, в том числе в связи с почти полным отсутствием не территории Советского Союза офицерских кадров бывшей польской армии. В ходе паспортизации было выявлено и учтено лишь 15 старших офицеров (0,05 % от всех военнообязанных поляков из числа бывших польских граждан) и 312 младших (1 % от всех учтенных военнообязанных) [18, л. 373]. Таким образом, второе рождение польской армии в СССР предстояло осуществлять в условиях острейшего дефицита офицерского состава польской национальности.

Единого источника изыскания поляков для замещения офицерских должностей не было. При комплектовании 1-й польской пехотной дивизии (май – август 1943 г.) использовались следующие источники: откомандирование офицеров польской национальности (советских граждан) из частей Красной армии; переподготовка способных младших командиров и рядовых с последующим их выдвижением на должности сред-

них командиров; подготовка старших командиров из средних командиров-поляков на кратковременных курсах.

Между тем масштабы строительства польских формирований быстро наращивались. Это отвечало интересам и советской стороны, и готовых к сотрудничеству с Советским Союзом поляков, чью политическую волю выражал созданный в начале 1943 г. Союз польских патриотов. Уже 10 августа 1943 г. 1-я пехотная дивизия развертывается в армейский корпус двухдивизионного состава, усиленный артиллерийской и танковой бригадами, авиационным полком и другими частями [21, л. 17–18].

Приняв это решение, советское правительство одновременно расширило подготовку средних офицеров. Постановлением ГКО от 10 августа 1943 г. № 3904сс было предписано открыть Офицерскую школу на 750 мест (в составе двух пехотных и одного специального отделений) и унтер-офицерский учебный батальон [23, л. 24]. Польские отделения были открыты также в Муромском училище связи, Рязанском пехотном, Московском инженерном и 3-м Ленинградском артиллерийском училищах.

13 марта 1944 г. на основе 1-го армейского корпуса стала формироваться 1-я польская армия (командующий – З. Берлинг, уже в звании генерал-лейтенанта), в состав которой, помимо прежних соединений и частей, вошли вновь формируемые 3-я и 4-я польские пехотные дивизии, две артиллерийских, кавалерийская, саперная бригада, два авиационных полка [17, л. 15–20 об.], а также части и подразделения боевого обеспечения и обслуживания, число которых насчитывало без малого 72 единицы [18, л. 1–5]. Одновременного на базе 1-го Московского пулеметного училища, дислоцированного в Рязани, была создана Объединенная офицерская школа (с 17 марта 1944 г. – училище) с численностью переменного состава 2 тыс. подхорунжих (курсантов). Школа вобрала в себя преподавательские кадры и материальную базу всех перечисленных выше отделений [21, л. 73]. Дополнительно 3 мая 1944 г. формируются курсы младших лейтенантов [12, л. 83 об.]. Кроме того, офицеры технических специальностей готовились в училищах на территории Советского Союза. Например, танкисты (офицеры и сержанты) из расчета на 300 экипажей на танки Т-34 в мае – сентябре 1944 г. готовились в Пушкинском, 1-м Саратовском, 2-м Горьковском танковых училищах и ряде учебных танковых полков [21, л. 96].

Между тем в начале июля 1944 г. советские войска вступили на территорию Польши к западу от линии Керзона. 21 июля 1944 г. в Люблине было объявлено о создании временного органа исполнительной власти на освобожденной территории Польши – Польского комитета национального освобождения (председатель – Э. Осубка-Моравский). Одновременно было создано Главное командование польских вооруженных сил (главнокомандующий – М. Роля-Жимерский, заместители – З. Берлинг, А. Завадский, начальник штаба – М. Спыхальский), объединившее партизанскую Армию людову и 1-ю польскую армию в единое Войско польское. Новые органы власти Польши были признаны Советским Союзом, а те в свою очередь были готовы уступить Москве в принципиальном вопросе о послевоенной восточной границе Польши по линии Керзона, отказавшись от многих приобретений Польши по итогам Советско-польской войны 1919–1921 годов. Эмигрантское правительство в Лондоне и подчиненная ему подпольная Армия Крайова были объявлены вне закона. В их среде господствовало мнение, что Советский Союз стремится подчинить себе Польшу, поэтому следует всеми методами бороться за независимость и довоенные границы государства [8, с. 20].

Если в материальном и кадровом отношениях строительство польских вооруженных сил продолжало полностью зависеть от советской стороны, то планирование его строительства перешло в руки польского протоправительства. Его руководство неоднократно выступало перед И.В. Сталиным с инициативами о расширении польских формирований. В начале августа 1944 г. советское правительство утвердило план формирования фронтового управления («фронт Войска польского»), полевых управлений 2-й и 3-й польских армий, шести новых пехотных дивизий, десятков технических, вспомогательных, тыловых войсковых частей. Потребность в командном составе для Войска польского многократно усилилась [21, л. 162–164].

С середины 1944 г. отмечается тенденция к организационному объединению всех военно-образовательных учреждений родов войск для польской армии, которое должно было обеспечить единообразие в обучении курсантов [12, л. 245]. Во второй половине 1944 г. польские училища стали передислоцировать с территории Советского Союза на освобожденную часть территории Польши и передавать в распоряжение Главнокомандующего Войском польским [1, с. 565]. К окончанию войны в Войске польском действовала разветвленная сеть военно-учебных заведений, готовивших офицеров всех родов войск: три пехотных училища (школы); две армейских пехотных школы; высшая офицерская школа; два артиллерийских училища; школа связи; танковое училище; саперная школа [13, л. 155].

До конца 1944 г. было подготовлено около 7 тыс. молодых офицеров, а на 1945 г. намечалось выпустить еще 16 тыс. чел. [20, с. 295].

Отдельно организовывалась подготовка летного и технического состава для польских частей ВВС. 19 октября 1944 г. для ВВС Войска польского на базе советской 6-й школы первоначального обучения летчиков было создано Объединенное военное авиационное училище на 1 130 курсантов (480 летчиков и 650 техников) [20, с. 316].

Подготовка офицеров для польской армии имела свои особенности. Если в Красной армии уже к середине 1943 г. была преодолена нехватка офицерского состава и накапливался его резерв, что позволило вернуться от сокращенных (4–6 месяцев в пехоте) сроков обучения курсантов военных училищ к однодвухгодичному обучению (в зависимости от рода войск) [5, с. 229], то в Войске польском острый дефицит офицеров сохранялся до конца войны, хотя и постепенно сокращался: в конце сентября 1944 г. штатная укомплектованность польских войск офицерами составляла лишь 50,6 %, к середине ноября 1944 г. – уже 58,8 %, а к 1 января 1945 г. этот показатель достиг 71 % [27, s. 147]. Однако в мае 1945 г. около 30 % должностей (16,4 тыс.) в Войске польском продолжали оставаться вакантными [25, s. 174]. В связи с этим приходилось готовить офицеров в самые сжатые сроки. В 1943–1945 гг. пехотных офицеров выпускали всего через 3 месяца, в технически сложных родах войск – через 4–6 месяцев. Курсанты получали минимум необходимых знаний, по принципу, введенному в Красной армии осенью 1941 г. – «учить только тому, что необходимо на войне». Лишь после окончания войны был введен сначала шестимесячный курс, а с 1946 г. – нормальный двухгодичный.

В училища набирали мобилизованную молодежь со средним и высшим образованием, но без опыта военной службы, как это было в Красной армии в первый период войны (с 1943 г. в училища Красной армии набирали кадровых военнослужащих рядового и сержантского состава, преимущественно фронтовиков).

С переносом с июля 1944 г. линии фронта на территорию Польши, в ряды Войска польского добровольно, по мобилизации и из немецких лагерей стали прибывать профессионально подготовленные кадровые офицеры старой (до 1939 г.) польской армии. Многие из них так или иначе были связаны с подпольной Армией Крайовой, подчиненной эмигрантскому правительству в Лондоне, с которым Советский Союз порвал отношения после катынского скандала. Армии Крайовой советские власти не доверяли. Ее отряды подлежали разоружению частями Красной армии, а офицерский состав – аресту и интернированию [3, с. 122–123].

Польское главнокомандование, напротив, было заинтересовано в мобилизации всех без остатка офицеров с освобожденных территорий с польским населением. Это диктовалось не только хронической нехваткой командно-начальствующего состава для укомплектования польских частей, но и важной политической задачей – «лишить Армию Крайову возможности их использования в своих целях» [2, с. 347, 367]. Первоначально польское командование всерьез рассчитывало на этот источник пополнения офицерского корпуса, предполагая, что ресурс Армии Крайовой мог составлять до 14 тыс. офицеров и 65 тыс. подофицеров [27, s. 180]. В июле 1944 г. Главнокомандующий Войском польским М. Роля-Жимерский даже просил начальника ГУК НКО генерал-полковника Ф.И. Голикова «больше офицеров средней группы пехоты в Польскую армию не направлять, так как их много будет в освобожденной Польше» [15, л. 171].

Однако мобилизации офицеров не давали ожидаемого результата. В феврале – июне 1944 г. в «восточных кресах» (спорных с Советским Союзом территориях Западной Украины и Западной Белоруссии) было мобилизовано только 284 офицера и 410 подофицеров [25, s. 179]. Проведенная в августе – сентябре 1944 г. вторая мобилизация в левобережье Вислы была, казалось, более результативной: по мобилизации явилось 2 249 офицеров. Однако из них удалось призвать только 923 человека (41 %). Остальные по тем или иным причинам добились освобождения или отсрочки от военной службы [15, л. 173]. По мнению советского командования, этот контингент не удовлетворял требованиям службы в условиях военного времени: значительная часть мобилизованных офицеров была старших возрастов. Многие мобилизованные офицеры не желали отрываться от насиженных мест, за время оккупации обзавелись лавочками и мастерскими. В отношении военной подготовки мобилизованные офицеры отстали и нуждались в переподготовке в соответствии с реалиями современной тактики, использования новейших вооружений и военной техники, каковыми Красная армия была насыщена именно в последний период войны. Не удивительно, что из числа мобилизованных немедленно в строй было направлено только 170 чел. [15, л. 177].

Позднее, в сентябре 1944 г., в период боев за Варшаву, подозрения советского командования нашли свои подтверждения: по инициативе мобилизованных офицеров Армии Крайовой в 31-м полку 7-й пехотной дивизии 2-й польской армии случился бунт; около тысячи солдат дезертировало с боевых позиций [14, с. 54]. Всего в 1944 г. было зарегистрировано 6 812 офицеров и 32 400 подофицеров, из которых было мобилизовано 4 841 офицер и 24 923 подофицеров [25, s. 180].

Следует сказать о том, что между польскими офицерами «советского» производства и офицерами старой польской армии нередко отмечались отчуждение и недоверие. «Старые» офицеры, также как и офицеры Армии Крайовой (часто эти две ипостаси совпадали), а также польские офицеры, освобождаемые из немецких лагерей, относились к полякам, пришедшим из Советского Союза, как к предателям [24, s. 318].

Между тем в условиях формирования двух новых армий и фронтового управления, к середине сентября 1944 г. общая штатная численность польской армии достигла 293,3 тыс. чел. (из них в боевых частях – 199,4 тыс. чел.), а списочная – 193,4 тыс. чел. (в боевых частях – 104,6 тыс. чел.) [11, л. 173].

При таких темпах формирования нехватка офицерского состава была основным фактором, сдерживавшим их рост. Польское командование, приступившее к одновременному формированию десятков частей и соединений, вынуждено было большинство из них содержать в большом некомплекте, который к сентябрю 1944 г. достиг 45 % от штатной численности [3, с. 396–397]. Организация новых частей шло медленно, рядовых приходилось подолгу держать в запасных полках. Советские представители настаивали на последовательном комплектовании новых формирований – одно за другим, а имеющийся личный состав направлять из запасных полков в дивизии и обучать там [15, л. 171].

В конце концов программу формирований пришлось существенно сократить. 13 ноября 1944 г. директивой Генерального штаба Красной армии № Орг/1/1735 было объявлено о прекращении формирования фронтового управления и управления 3-й польской армии, частей обеспечения, обслуживания и тылов 3-й польской армии, 11-й и 12-й польских дивизий и нескольких десятков отдельных подразделений, частей и соединений [23, л. 185–190].

Тем не менее польскому командованию удалось вернуть вопрос о дальнейшем развертывании польской армии на повестку дня уже в самом конце войны – в феврале 1945 г., когда исход сражений уже был очевиден, но и польское и советское политические руководства прикидывали послевоенную архитектуру Восточной Европы, в которой сильной польской армии отводилась роль западного форпоста Советского Союза. Поэтому И.В. Сталин, хотя и в несколько урезанном виде, принял план польской стороны едва ли не двукратного увеличения польской армии в течение одного 1945 г.: с 254,8 тыс. военнослужащих до 566,3 тыс. чел. [27, s. 205–206]. С точки зрения комплектования этой массы войск командным составом практически единовременно требовалось огромное количество

офицеров – 29,3 тыс. чел. [7, л. 89]. Это более чем вдвое превышало численность всего польского офицерского состава в марте 1945 г. – 13 877 чел. (вместе с советскими офицерами их общее число составляло 29 372 чел.) [20, с. 109]. Однако к этому времени ситуация с людскими ресурсами коренным образом изменилась. 19 января 1945 г. эмигрантское правительство приняло решение о роспуске Армии Крайовой и освобождении ее военнослужащих от присяги, разрешив им вступать в ряды Войска польского. Это позволило легализоваться десяткам тысяч офицеров и подофицеров. Всего с августа 1944 г., то есть после перехода советскими войсками на правый берег р. Буг и до 9 мая 1945 г. было зарегистрировано 39,9 тыс. офицеров (из которых 24,8 тыс. чел. были признаны годными к строевой или нестроевой службе).

Правда далеко не все они были призваны в Войско польское. Предложенный план укомплектований новых формирований на 1945 г. указывал на то, что ставка делалась на политически лояльных собственных выдвиженцев и молодых офицеров, обученных к тому же в соответствии с новейшим опытом войны: выпуск из училищ и школ (16 тыс. чел.), выдвижение в офицерские и генеральские чины (6 тыс. чел.), резерв Войска польского (0,5 тыс. чел.). Еще 1 238 офицеров старшего звена планировалось командировать из Красной армии распоряжением ГУК НКО СССР. Мобилизацией офицеров с освобожденных территорий должно было быть покрыто 5,6 тыс. вакансий [7, л. 89]. Офицеры Армии Крайовой по настоянию советской стороны в Войско польское не принимались, хотя это требование соблюдалось далеко не всегда. В течение 1944 г. из Войска польского было отчислено около 400 бывших «аковцев».

Всего же за годы войны на территории Польши в Войско польское было призвано 9 108 офицеров и 26 380 подофицеров [25, s. 180]. Многие из них в последующем отправлялись на переподготовку, прежде чем получить должность.

Проект новых формирований Войска польского в 1945 г. был реализован лишь частично, поскольку во второй половине года польская армия приступила к сокращению. Тем не менее нельзя не отметить того факта, что всего за два года офицерский корпус Войска польского окреп настолько, что польское правительство могло решать большие задачи в области военного строительства без существенной помощи со стороны советских военных кадров, опираясь при этом не на старый кадровый состав польской армии, а на политически лояльную молодежь.

Одним из важных источников пополнения польских войск командным составом в рассматриваемые годы стал советский офицерский корпус. Наиболее ценным ресурсом считались советские офицеры польского происхождения, которые должны были стать проводниками советской политики среди остальных поляков. С конца 1943 и в 1944 г. Главное управление кадров НКО постоянно собирало сведения с отделов кадров фронтов и военных округов о наличии командиров польской национальности [19, л. 2–29]. На исходе войны удельный вес этнических поляков в офицерском корпусе Войска польского составлял 50,6 %. При этом больше половины (53 %) офицеров-поляков происходила из СССР. Это были не только бывшие польские граждане, принудительно паспортизированные в 1943 г., но и коренные жители Советского Союза.

По мере расширения польских формирований, изыскание офицеров-поляков становилось все более сложной задачей и в польские части откомандировывались офицеры Красной армии русской, украинской, белорусской и других национальностей. Откомандирование осуществлялось по нарядам Генерального штаба Красной армии, составлявшимся, в свою очередь, с учетом заявок польского командования. Главное управление кадров (в отношении пехотных офицеров) и кадровые органы главных управлений родов войск выделяли потребное количество офицеров [10, л. 73–74]. К концу ноября 1944 г. число советских офицеров, направленных в Войско польское, достигло 9 786 человек, причем этнические поляки среди них составляли лишь 10 % [15, л. 262].

Постоянный рост численности советских военнослужащих в составе Войска польского потребовал мер по правовому регулированию положения в иностранной армии. Уже 1 июля 1943 г., когда в 1-ю польскую пехотную дивизию им. Т. Костюшко были командированы

первые 150 советских офицеров, Главным управлением кадров НКО было разработано и введено в действие «Положение о прохождении службы офицерами Красной армии, откомандированными в дивизию имени Костюшко». В первую очередь Положение оговаривало безусловное сохранение за ними советского гражданства. Советские офицеры зачислялись в действующий резерв Красной армии с сохранением оклада по последней должности. Срок службы в польской дивизии зачислялся как служба в Красной армии. Они носили польскую военную форму одежды образца 1939 года. 30 декабря 1944 г. было издано Постановление Государственного Комитета Обороны № 7248с, уточнявшее нормы Положения 1943 г., прежде всего, в части порядка прохождения службы и разграничения дисциплинарной власти над откомандированными советскими офицерами [16, с. 123–126].

Если говорить не о правовом, а о служебном и бытовом положении советских офицеров, то в архивных документах содержится немало свидетельств того, что они испытывали определенный дискомфорт в польских частях. Материальное содержание советских офицеров в польской армии было крайне скромным – в среднем 1 500 злотых. Для сравнения, домработница при бесплатном питании получала около 1 100 злотых [15, л. 178]. Большинство советских офицеров непольского происхождения не владели польским языком. При этом делопроизводство в польских частях велось именно на нем [30, s. 7]. Как отмечалось в одном из докладов в апреле 1944 г., это «создает для них (для советских офицеров. – *А. Б.*) некоторую трудность в руководстве частями и соединениями» [21, л. 101]. Один из них в своем рапорте о переводе из 2-й польской дивизии «на любой участок фронта», в качестве главного аргумента отмечал: «Польский язык я абсолютно не знаю и не понимаю, что бойцы мне говорят» [15, л. 161]. Со своей стороны, польское командование также воспринимало языковую проблему как препятствие к управлению войсками. 20 июня 1944 г. З. Берлинг сообщал И.В. Сталину, что неизбежное в таких условиях «ведение переписки и отчетности на двух языках требует... значительного увеличения числа переводчиков в штабах и учреждениях». А в войсках «требует содержания института двойных заместителей командиров рот, батальонов, полков, дублирования ряда штабных должностей...» [11, л. 158]. В целях устранения языкового барьера создавались группы по изучению польского языка, в которых велись ежедневные двухчасовые занятия.

Другим явлением, которое также упоминается в документах, было ущемление в правах и интересах советских офицеров со стороны польских сослуживцев, прежде всего в связи с тем, что последними они воспринимались как соперники, пользующиеся конкурентным преимуществом. К тому же многие поляки испытывали неприязнь к большевизму и видели в советских офицерах идеологических противников. В свою очередь сами поляки жаловались на то, что некоторые советские офицеры вели себя высокомерно, подчеркнуто отстранялись от польской культурной среды, народных и особенно, религиозных праздников, мыслили марксистскими догмами [25, s. 185].

По состоянию на начало октября 1945 г. в составе Войска польского продолжало службу свыше 15 тыс. советских генералов и офицеров. Тем не менее все заметнее становится место польских офицеров. Если в середине 1944 г. советские командиры безусловно преобладали в звене рота – батальон, то во второй половине 1945 г. большинство командиров рот и батальонов уже были поляками. Советские офицеры продолжали занимать большинство руководящих должностей в военном министерстве и Генеральном штабе Войска польского, в командном и штабном звене уровня полк – дивизия. Например, из 18 командиров пехотных дивизий 17 были советскими офицерами, из 54 командиров пехотных полков – 49, из 54 начальников штаба пехотных полков – 46, из 162 командиров пехотных батальонов – 67 [13, л. 154]. Особенно много их было в авиации, танковых войсках и артиллерии. Высвобождение их шло по мере подготовки специалистов польской национальности, а также общего сокращения польской армии.

Сразу после окончания войны Главнокомандование Войска польского взяло курс на то, чтобы как можно скорее откомандировать советских офицеров на родину, спешно заменяя их польскими офицерами, даже невзирая на большую разницу в качестве профессио-

нальной подготовки. Уже в 1945 г. было откомандировано свыше 8 тыс. чел. [20, с. 109].

Советская сторона, напротив, с учетом новой «международной и политической обстановки» в послевоенной Восточной Европе, полагала необходимым «на более длительный срок» сохранить присутствие своего офицерского и генеральского состава на всех командных позициях Войска польского под предлогом неготовности польского командного состава к самостоятельному военному строительству [13, л. 160–161]. Советские офицеры занимали командные высоты в Войске польском еще длительное время. С 1949 по 1956 г. министром обороны Польской Народной Республики являлся Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Однако все послевоенные годы советское присутствие в Войске польском быстро сокращалось: уже в августе 1949 г. советские офицеры составляли только 5 % офицерского корпуса Войска польского (728 человек из 14 728) [20, с. 109]. Последний советский офицер покинул ПНР в 1968 году.

Результаты. В одном из послевоенных докладов на имя начальника Главного управления кадров генерал-полковника Ф.И. Голикова в 1943–1945 гг. отмечалось: «Задача по созданию офицерского корпуса Войска польского количественно выполнена, но качественно задача и на сегодняшний день осталась неразрешенной. Офицерский корпус, его низшие звенья – взвод, рота – подготовлены слабо и в политическом отношении не внушают полного доверия» [13, л. 156]. Как показано выше, предельно сжатые сроки подготовки и недостаточно требовательный подбор курсантов лежал в основе этой слабой подготовки. Саму же острую нехватку кадрового офицерского состава в значительной степени обеспечили репрессивные акции советских властей в отношении польских офицеров в предвоенные годы.

В этих условиях большую поддержку оказала практика откомандирования на вакантные должности в Войско польское советских офицеров. Максимального значения их количество достигло к концу войны и составило 16 тыс. человек. Всего с мая 1943 г. по июль 1945 г. было откомандировано 19 679 офицеров Красной армии, среди которых только 3 510 чел. являлись поляками по национальности. На поле боя погибло 464 их них [13, л. 155]. Безусловно, советские офицеры сыграли ключевую роль как в строительстве современной польской армии, так и в осуществлении ею успешных боевых операций.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено за счет гранта № 22-28-00405 Российского научного фонда, https://rscf.ru/project/22-28-00405.

The research was carried out at the expense of grant No. 22-28-00405 of the Russian Science Foundation, https://rscf.ru/project/22-28-00405.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная. Русский архив. Т. 12 (4). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы, 1944–1945 гг. / авт.-сост. А. Д. Ефремов [и др.]. М.: ТЕРРА, 2001. 782 с.

2. Великая Отечественная. Русский архив. Т. 3 (1). СССР и Польша: 1941–1945: к истории военного союза: документы и материалы / авт.-сост. С. Я. Лавренов [и др.]. М.: ТЕРРА, 1994. 490 с.

3. Великая Отечественная. Русский архив. Т. 5 (4). Ставка ВГК: документы и материалы, 1944–1945 гг. / авт.-сост. А. М. Соколов [и др.]. М.: ТЕРРА, 1999. 366 с.

4. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1118 с.

5. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. А. П. Белобородова. М.: Воениздат, 1963. 624 с.

6. Встреча с Президентом Польши Бронисла-вом Коморовским. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/10907

7. Директивы, доклады, переписка по польским формированиям в СССР // ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 764. 150 л.

8. Заец С. В. Советско-польские отношения по проблемам границ Польши в период Второй мировой войны (1939–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2010. 24 с.

9. Катынь: Март 1940 г. – сент. 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / отв. сост. Н. С. Лебедева [и др.]. М.: Весь мир, 2001. 687 с.

10. Материалы по формированию польских частей Главного управления формирований Гла-

вупраформа КА // ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 585. 345 л.

11. Переписка по организации и формированию Польского войска // ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 732. 226 л.

12. Переписка по организации иностранных формирований на территории СССР // ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 729. 245 л.

13. Переписка по офицерским кадрам польской армии в СССР // ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 174. 211 л.

14. Радзиванович В. А. Под польским орлом. М.: Воениздат, 1959. 88 с.

15. Руководящие указания и переписка о назначении офицерского состава в национальные части // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. 348 л.

16. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. М.: Рос. полит. энцикл., 1999. 687 с.

17. Справка Уполномоченного СНК СССР по иностранным формированиям на территории СССР // ЦАМО РФ. Ф. 19. Оп. 11539. Д. 72. 24 л.

18. Указ, постановления, директивы, доклады, донесения, сведения, справки ПВС СССР, ГОКО СССР, НКО и зам. НКО, Уполномоченного по иностранным формированиям и формировании на территории СССР польских частей // ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 11626. Д. 174. 430 л.

19. Учетно-статистическое управление Главного управления кадров НКО // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 172. 229 л.

20. Филиппов В., Ларин Г. Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг. Рязань: Ряз. обл. тип., 2021. 560 с.

21. Формирование, укомплектование, материально-техническое обеспечение польских частей в СССР и оказание помощи населению освобожденной Польши // Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 202. Оп. 244. Д. 5. 377 л.

22. Шинкарев И. И. Роль Советского Союза в создании Вооруженных Сил стран Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 260 с.

23. Штаб 1-го Белорусского фронта // ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 56. 78 л.

24. “Berlingowcy. Żołnierze tragiczni” / red. D. Czapigo. Wydawca: Wydawnictwo RM: Ośrodek KARTA, 2015. 368 s.

25. Grzelak C. K., Stańczyk H., Zwoliński S. Armia Berlinga i Żymierskiego: Wojsko Polskie na froncie wschodnim, 1943–1945. Warszawa: Neriton Akad. świętokrzyska w Kielcach: Filia w Piotrkowie Trybunalskim, 2002. 374 s.

26. Kaczmarek K. Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łaby i Wełtawy. Lublin: Przedsiębiorstwo Poligraficzne, 2005. 312 s.

27. Kospath-Pawłowski E. Wojsko Polskie na Wschodzie, 1943–1945. Pruszków: Ajaks, 1993. 337 s.

28. Nalepa E. J. Oddani partii Lenina i Stalina : czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018. 471 s.

29. Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino / red. nauk. S. Zwoliński. Warszawa: Neriton, 2003. 213 s.

30. Żołnierze, oficerowie, generałowie // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2001. № 6. S. 2–18.

REFERENCES

1. Efremov A.D. et al., eds. *Velikaya Otechestvennaya. Russkij arhiv. T. 12 (4). Generalnyj shtab v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dokumenty i materialy, 1944–1945 gg.* [The Great Patriotic War. Russian Archive. Vol. 12 (4). General Staff During the Great Patriotic War: Documents and Materials, 1944–1945]. Moscow, TERRA Publ., 2001. 782 p.

2. Lavrenov S.Ya. et al., eds. *Velikaya Otechestvennaya. Russkij arhiv. T. 3 (1). SSSR i Polsha: 1941–1945: k istorii voennogo soyuza: dokumenty i materialy* [The Great Patriotic War. Russian Archive. Vol. 3 (1). USSR and Poland: 1941–1945: On the History of the Military Union: Documents and Materials]. Moscow, TERRA Publ., 1994. 490 p.

3. Sokolov A.M. et al., eds. *Velikaya Otechestvennaya. Russkij arhiv. T. 5 (4). Stavka VGK: dokumenty i materialy, 1944–1945* [The Great Patriotic War. Russian Archive. Vol. 5 (4). Headquarters of the Supreme High Command: Documents and Materials, 1944–1945]. Moscow, TERRA Publ., 1999. 366 p.

4. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]. Moscow, Logos Publ., 2000. 1118 p.

5. *Voennye kadry Sovetskogo gosudarstva v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Military Personnel of the Soviet State in the Great Patriotic War of 1941–1945. (Reference and Statistical Materials)]. Moscow, Voenizdat, 1963. 624 p.

6. *Vstrecha s Prezidentom Polshi Bronislavom Komorovskim* [Meeting with Polish President Bronislaw Komorowski]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/10907

7. Direktivy, doklady, perepiska po polskim formirovaniyam v SSSR [Directives, Reports, Correspondence on Polish F1ormations in the USSR]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 7, inv. 30, d. 764. 150 l.

8. Zaec S.V. *Sovetsko-polskie otnosheniya po problemam granic Polshi v period Vtoroj mirovoj vojny (1939–1945): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [Soviet-Polish Relations on the Problems of Poland's Borders During the Second World War (1939–1945). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Yaroslavl, Yarosl. gos. un-t im. P.G. Demidova, 2010. 24 p.

9. *Katyn: Mart 1940 g. – sent. 2000 g.: Rasstrel. Sudbyzhivyh. Ekho Katyni. Dokumenty* [Katyn: March 1940 – Sept. 2000: Execution. The Fate of the Living. The Echo of Katyn. Documents]. Moscow, Ves mir Publ., 2001. 687 p.

10. Materialy po formirovaniyu polskih chastej Glavnogo upravleniya formirovanij Glavupraforma KA [Materials on the Formation of Polish Units of the Main Directorate of Formations of the Red Army Troops]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 56, inv. 12214, d. 585. 345 l.

11. Perepiska po organizacii i formirovaniyu Polskogo vojska [Correspondence on the Organization and Formation of the Polish Army]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 7, inv. 30, d. 732. 226 l.

12. Perepiska po organizacii inostrannyh formirovanij na territorii SSSR [Correspondence on the Organization of Foreign Formations on the Territory of the USSR]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 7, inv. 30, d. 729. 245 l.

13. Perepiska po oficerskim kadram polskoj armii v SSSR [Correspondence on Officer Cadres of the Polish Army in the USSR]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 2, inv. 11569, d. 174. 211 l.

14. Radzivanovich V.A. *Pod polskim orlom* [Under the Polish Eagle]. Moscow, Voenizdat, 1959. 88 p.

15. Rukovodyashchie ukazaniya i perepiska o naznachenii oficerskogo sostava v nacionalnye chasti [Guidelines and Correspondence on the Appointment of Officers to National Units]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 33, inv. 11456, d. 808. 348 l.

16. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope. 1944–1953 gg. V 2 t. T. 1. 1944–1948 gg.* [The Soviet Factor in Eastern Europe. 1944–1953. In 2 Vols. Vol. 1. 1944–1948]. Moscow, Ros. polit. entsikl. Publ., 1999. 687 p.

17. Spravka Upolnomochennogo SNK SSSR po inostrannym formirovaniyam na territorii SSSR [Certificate of the Authorized Government of the USSR on Foreign Formations on the Territory of the USSR]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 19, inv. 11539, d. 72. 24 l.

18. Ukaz, postanovleniya, direktivy, doklady, doneseniya, svedeniya, spravki PVS SSSR, GOKO SSSR, NKO i zam. NKO, Upolnomochennogo po inostrannym formirovaniyam i formirovanii na territorii SSSR polskihchastej [Decree, Resolutions, Directives, Reports, Information, Certificates of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, the State Defense Committee of the USSR, the People's Commissar of Defense and the Deputy People's Commissar of Defense, Authorized for Foreign Formations and the Formation of Polish Units on the Territory of the USSR]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 7, inv. 11626, d. 174. 430 l.

19. Uchetno-statisticheskoe upravlenie Glavnogo upravleniya kadrov NKO [Accounting and Statistical Department of the Main Personnel Department of the People's Commissariat of Defense]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 33, inv. 11454, d. 172. 229 l.

20. Filippov V., Larin G. *Protiv obshchego vraga. Sovetskie voiny v Vojske Polskom 1943–1968 gg.* [Against a Common Enemy. Soviet Soldiers in the Polish Army, 1943–1968]. Ryazan, Ryaz. obl. tip., 2021. 560 p.

21. Formirovanie, ukomplektovanie, materialno-tekhnicheskoe obespechenie polskih chastej v SSSR i okazanie pomoshchi naseleniyu osvobozhdennoj Polshi [Formation, Staffing, Logistical Support of Polish Units in the USSR and Assistance to the Population of Liberated Poland]. *Dokumentalnaya kollektsiya NIIVI* [Documentary Collection of the RIMH], f. 202, inv. 244, d. 5. 377 l.

22. Shinkarev I.I. *Rol Sovetskogo Soyuza v sozdanii Vooruzhennyh Sil stran Yugo-Vostochnoj Evropy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk* [The Role of the Soviet Union in the Creation of the Armed Forces of the Countries of South-Eastern Europe During the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1966. 260 p.

23. Shtab 1-go Belorusskogo fronta [Headquarters of the 1st Belorussian Front]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 233, inv. 2307, d. 56. 78 l.

24. Czapigo D., red. *"Berlingowcy. Żołnierze tragiczni"*. Wydawca, Wydawnictwo RM, Ośrodek KARTA, 2015. 368 s.

25. Grzelak C.K., Stańczyk H., Zwoliński S. *Armia Berlingai Żymierskiego: Wojsko Polskie na froncie wschodnim, 1943–1945*. Warszawa, Neriton Akad. świętokrzyska w Kielcach, Filia w Piotrkowie Trybunalskim, 2002. 374 s.

26. Kaczmarek K. *Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łabyi Wełtawy*. Lublin, Przedsiębiorstwo Poligraficzne, 2005. 312 s.

27. Kospath-Pawłowski E. *Wojsko Polskie na Wschodzie, 1943–1945*. Pruszków, Ajaks, 1993. 337 s.

28. Nalepa E.J. *Oddani partii Lenina i Stalina : czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968*. Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018. 471 s.

29. Zwoliński S. red. nauk. *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego system władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino*. Warszawa, Neriton, 2003. 213 p.

30. Żołnierze, oficerowie, generałowie. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 2001, no. 6, s. 2-18.

Information About the Author

Alexey Yu. Bezugolny, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, abesu111@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4055-0563

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Безугольный, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, abesu111@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4055-0563

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.14

UDC 94
LBC 63.3(2)62, 63.3(4Чея)62

Submitted: 16.06.2022
Accepted: 30.11.2022

CZECHOSLOVAK MILITARY UNITS IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: POLITICAL AND LEGAL PROBLEMS OF FORMATION AND COMBAT USE[1]

Fedor L. Sinitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article is devoted to the identification and analysis of political and legal problems that arose during the formation on the territory of the USSR and the combat use of Czechoslovak military units in the Great Patriotic War. *Methods and materials*. The methodological basis of the research presented in the article is the principles of scientific objectivity and historicism, as well as general and special methods typical of historical studies. The source base of the research includes both published and unpublished documents found by the author in the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History and the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. *Analysis*. The Czechoslovak formations were part of the Czechoslovak armed forces and were subordinate to the emigrant government, and in operational and military-technical matters were under the Soviet supreme command. However, the presence of several actors (the Czechoslovak government in exile, the leadership of the USSR, the command of Czechoslovak units and the Communist Party of Czechoslovakia) led to a number of political and legal conflicts in this process. Firstly, the intention of the emigrant government to save military forces (in fact, supported in some way by the leadership of the USSR) was in conflict with the plans of the KSČ leadership and the commander of the Czechoslovak units, Svoboda L., who advocated maximum possible participation of Czechoslovaks in combat operations on the territory of the Soviet Union. Secondly, the Soviet side sought to put the Czechoslovak formations under its control. The third manifestation of the contradictions was "the case of the Army of A. Hasal" (autumn 1944), with which the problem of belonging to Transcarpathia was closely intertwined. *Results*. Despite the existence of a number of political and legal conflicts, they did not become an obstacle to the creation and combat use of Czechoslovak military formations on the Soviet-German front. In addition, the Soviet-Czechoslovak relations themselves developed quite constructively during the Great Patriotic War.

Key words: World War II, Great Patriotic War, USSR, Czechoslovakia, Czechoslovak Army Corps, Czechoslovak Military Mission, Ludvik Svoboda, Edvard Beneš.

Citation. Sinitsyn F.L. Czechoslovak Military Units in the USSR During the Great Patriotic War: Political and Legal Problems of Formation and Combat Use. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 152-161. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.14

УДК 94
ББК 63.3(2)62, 63.3(4Чея)62

Дата поступления статьи: 16.06.2022
Дата принятия статьи: 30.11.2022

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ВОИНСКИЕ ЧАСТИ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ[1]

Фёдор Леонидович Синицын

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

© Синицын Ф.Л., 2023

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена выявлению и анализу политических и правовых проблем, возникших в процессе формирования на территории СССР и боевого применения чехословацких воинских частей в период Великой Отечественной войны. *Методы и материалы*. В качестве методологической основы представленного в статье исследования взяты принципы научной объективности и историзма, а также общий и специальные методы, характерные для исторического исследования. Источниковая база, использованная при проведении исследования, представленного в настоящей статье, включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы из фондов Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Министерства обороны РФ. *Анализ*. Созданные в СССР формирования являлись частью чехословацких вооруженных сил и подчинялись эмигрантскому правительству, а в оперативном и военно-техническом вопросах находились под советским верховным командованием. В то же время наличие нескольких акторов (Чехословацкое правительство в изгнании, руководство СССР, командование чехословацких частей и Компартия Чехословакии) привело к возникновению в этом процессе ряда политических и правовых коллизий. Во-первых, намерение эмигрантского правительства сберечь воинские силы (фактически, так или иначе поддержанное руководством СССР) вступает в противоречие с планами руководства КПЧ и командира чехословацких воинских частей Л. Свободы, которые выступали за максимально возможное участие чехословаков в боевых действиях на территории Советского Союза. Во-вторых, советская сторона стремилась поставить чехословацкие формирования под свой контроль. Третьим проявлением противоречий было «дело армии А. Гасала» (осень 1944 г.), с которым тесно переплелась проблема принадлежности Закарпатья. *Результаты*. Несмотря на наличие ряда политико-правовых коллизий, они не стали препятствием для создания и боевого применения чехословацких воинских формирований на советско-германском фронте. Кроме того, сами советско-чехословацкие отношения в период Великой Отечественной войны развивались достаточно конструктивно.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Чехословакия, Чехословацкий армейский корпус, Чехословацкая военная миссия, Людвик Свобода, Эдвард Бенеш.

Цитирование. Синицын Ф. Л. Чехословацкие воинские части в СССР в годы Великой Отечественной войны: политические и правовые проблемы формирования и боевого применения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 152–161. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.14

Введение. Актуальность исследования, представленного в статье, объясняется необходимостью объективного освещения истории Великой Отечественной войны и роли Советского Союза в освобождении стран Восточной Европы от нацизма. Цель работы заключается в выявлении и анализе этих проблем, а также их воздействия на ход советско-чехословацкого военного сотрудничества.

Методы и материалы. В период до 1990-х гг. в СССР и Чехословакии было издано немало трудов, посвященных истории чехословацких воинских формирований, созданных в годы войны, однако изучение этой темы было идеологизировано. Опубликован ряд исследований по этой теме и в современной российской, и в зарубежной историографии. Тем не менее до сих пор не создано трудов, в которых был бы дан комплексный анализ политических и правовых проблем, возникших в процессе формирования и боевого применения чехословацких воинских частей. Источниковая база, использованная при проведении исследования, представленного в настоящей статье, включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы из фондов Государственного архива РФ (далее – ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ) и Центрального архива Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). В качестве методологической основы представленного в статье исследования взяты принципы научной объективности и историзма. Из числа общенаучных использованы исторический и логический методы. На их основе применены методы системного анализа. В тесной связи с общенаучными методами использованы другие специальные методы, характерные для исторического исследования.

Анализ. В предвоенный период правовой основой советско-чехословацких отношений был заключенный 16 мая 1935 г. договор о взаимной помощи, на основании которого обе страны вошли в военный союз. Политическую значимость этого договора трудно переоценить [1, с. 274; 36, p. 81], однако его действен-

ность была ослаблена тем, что стороны условились помогать друг другу, только если помощь жертве нападения будет оказана со стороны Франции. Еще одной причиной того, почему в 1938 г. не получилось защитить Чехословакию от гитлеровской агрессии, был отказ ее руководства и от самостоятельного сопротивления, и от помощи СССР.

Второй этап советско-чехословацких военно-политических отношений начался в сентябре 1939 г., когда «Чешский и словацкий легион», созданный в составе польской армии из числа чехословацких беженцев, во главе с подполковником Л. Свободой перешел на территорию СССР (всего более 800 чел.). Чехословацкие воины получили в СССР статус интернированных и были размещены в специальных лагерях, получив весьма облегченные условия содержания и сохранив свою воинскую структуру.

Чехословацкое командование старалось поддерживать среди интернированных патриотические настроения, к чему советские власти относились достаточно лояльно. Тем не менее с начала 1940 г. последние развернули собственную политическую работу с целью улучшить отношение чехословаков к СССР. Эта деятельность имела положительный эффект, особенно среди рядового состава. Реакция же большинства командиров была негативной, так как они пытались сохранить среди интернированных принятую в чехословацкой армии аполитичность [4, л. 7, 37, 51, 60; 5, л. 21, 39–40; 6, л. 204, 206, 244, 260–260 об.; 15, с. 213; 18, с. 61, 64]. Постепенно среди интернированных возникло политическое расслоение, при этом рядовой состав в целом был настроен более просоветски, из-за чего конфликтовал с офицерами [4, л. 3–4, 7, 67; 5, л. 40; 25, л. 125–126; 6, л. 192–193, 221; 15, с. 213, 219–220; 18, с. 63; 35, s. 14–16; 42, s. 109–110].

Хотя после поворота в советской внешней политике, связанного с подписанием в августе 1939 г. советско-германского пакта о ненападении, раздел Чехословакии был признан Советским Союзом де-юре, в 1940 г. началось неофициальное восстановление отношений между СССР и Чехословацким правительством в изгнании во главе с Э. Бенешем, которое находилось в Лондоне [27, с. 15; 38, s. 121]. Одновременно в недрах НКВД возникли, хотя пока и не были реализованы, идеи о создании на территории СССР чехословацких воинских формирований. Эти планы поддерживал Л. Свобода [9, с. 69; 17, с. 83]. В апреле 1941 г. в Москву прибыла неофициальная чехословацкая военная миссия во главе с полковником Г. Пикой.

Третьему этапу отношений положила начало Великая Отечественная война. 18 июля 1941 г. Советский Союз и Чехословакия восстановили дипломатические отношения, и в СССР стали создаваться чехословацкие воинские части. В 1942 г. под командованием Л. Свободы был сформирован пехотный батальон, преобразованный в апреле 1943 г. в бригаду, а еще через год – в армейский корпус. К маю 1945 г. численность личного состава чехословацких формирований достигла 97 299 человек. [37, s. 341].

Оценивая правовые аспекты создания чехословацких частей, необходимо отметить, что легитимность эмигрантского правительства, на основании договоров с которым создавались эти формирования, не была однозначной – прежде всего из-за вопроса о преемственности с предвоенными органами власти Чехословакии [34, с. 178], ведь в октябре 1938 г. Э. Бенеш подал в отставку с поста президента этой страны. Тем не менее советское правительство признало все изменения, произошедшие в политическом статусе Чехословакии после 29 сентября 1938 г., не имеющими силы (и это было важно, так как, например, в Швейцарии Бенеша рассматривали лишь как «бывшего президента» Чехословакии [19, л. 40]).

Создание чехословацких воинских частей в СССР, развернутое сразу после начала Великой Отечественной войны, базировалось на их подчинении эмигрантскому правительству. В оперативном и военно-техническом вопросах они находились под советским верховным командованием. Эти установки были обозначены в военном соглашении, заключенном между СССР и Чехословакей 27 сентября 1941 года.

В деятельности Чехословацкого эмигрантского правительства по формированию «заграничной армии» превалировали политические цели [41, s. 175]. По мнению Э. Бенеша, для того, чтобы Чехословакия вошла в число

стран-победительниц, было необходимо «прийти в Прагу и Берлин вместе с Красной армией» [2, с. 534]. Значимость для эмигрантского правительства военных целей не имеет однозначной оценки. С одной стороны, в его действиях присутствовало стремление сберечь военные силы для освобождения Чехословакии [7, с. 361; 41, s. 35; 39; 40, s. 80–81; 41, s. 175; 43, s. 22–23, 27]. С другой стороны, вступая в противоречие с этим подходом, правительство и лично Бенеш неоднократно не только проявляли заинтересованность в быстрейшем возникновении на территории Советского Союза чехословацких формирований, но и поддерживали их отправку на фронт [8, с. 18, 243, 261; 16, с. 51].

В планах советского руководства при создании чехословацких воинских формирований также превалировали политические цели, а военные цели ввиду малочисленности этих частей были вторичны [16, с. 57, 59; 18, с. 94; 33, с. 54].

Еще одним актором процесса создания чехословацких частей на территории СССР была Коммунистическая партия Чехословакии (далее – КПЧ), основная часть руководства которой во главе с К. Готвальдом с ноября 1938 г. находилась в Москве. КПЧ поддержала создание чехословацких воинских частей на территории СССР и приняла в этой деятельности самое активное участие [40, s. 42].

Наличие нескольких акторов, непосредственно влиявших на создание и боевое применение чехословацких воинских частей в СССР, привело к возникновению в этом процессе политических коллизий.

Во-первых, намерение эмигрантского правительства сберечь воинские силы вступало в противоречие с планами руководства КПЧ и Л. Свободы, которые выступали за максимально возможное участие чехословаков в боевых действиях (такое же мнение разделяли многие чехословацкие воины, а также посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер) [23, л. 25, 27; 43, s. 41–42]. Конфликтная ситуация по этому вопросу ярко проявилась после боевого крещения чехословацкого батальона, состоявшегося на территории Харьковской обл. в марте 1943 г. [16, с. 89; 31; 33, с. 100].

Когда в декабре того же года Э. Бенеш на переговорах с руководством КПЧ в Москве согласился, что чехословаки должны «на поле боя с оккупантами… наверстать то, что было упущено» [43, s. 27], вопрос казался решенным в пользу максимизации боевого применения чехословацких частей. Однако осенью 1944 г., после тяжелых потерь Чехословацкого корпуса на Дуклинском перевале, противоречия вновь дали о себе знать [38, s. 449]. В итоге при поддержке советского правительства Л. Свобода и руководство КПЧ смогли обеспечить дальнейшее участие чехословацких формирований в боевых действиях на советско-германском фронте – тем более, что уже началось освобождение Чехословакии, ожидание которого как «оправдание» использовалось теми, кто хотел сдержать отправку чехословацких воинов на фронт.

Во-вторых, как и эмигрантское правительство, советская сторона стремилась поставить чехословацкие формирования под свой контроль [36, s. 126], что сопрягалось с недоверием руководства СССР чехословацким чиновникам, ответственным за создание воинских частей [2, с. 406] (оно было подогрето неудачей с формированием в СССР польской армии В. Андерса [11, с. 71]).

На практике столкновение интересов советского и чехословацкого руководства относительно контроля над воинской частью проявилось в сфере подбора и назначения командирских кадров. Глава Чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пика настаивал на вызове чехословацких офицеров из Великобритании [33, с. 91], очевидно, в своем большинстве лояльных эмигрантскому правительству. Однако советская сторона отказала в этом, и офицерские кадры стали готовить в СССР. В ответ представители эмигрантского правительства отказали в автоматическом признании званий офицеров, подготовленных в Советском Союзе [41, s. 173].

Коллизия политических интересов возникла также относительно персоны командующего. В 1943 г. эмигрантское правительство назначило лояльного Я. Кратохвила «командующим чехословацкими частями в СССР». Тогда это не вызвало возражений, так как, по сути Кратохвил обрел титул без командирских прав, которые остались у лояльного Советскому Союзу Л. Свободы [33, с. 102]. Однако в апреле 1944 г. Кратохвил получил реально значимый пост командующего 1-м Че-

хословацким армейским корпусом. Дело закончилось тем, что в сентябре того же года командующий 1-м Украинским фронтом И.С. Конев сместил Кратохвила и назначил на его место Свободу (это решение было постфактум и, очевидно, нехотя одобрено эмигрантскими правительством). Хотя официально причиной такого решения было объявлено, что Кратохвил «не справился с командованием» во время Восточно-Карпатской операции [13, с. 80–82], не исключено, что здесь сыграли важную роль политические мотивы [11, с. 35].

Одной из сфер, в которых наиболее ярко проявилась проблема контроля над чехословацкими частями, была политико-воспитательная работа. Эмигрантское правительство стремилось поддерживать аполитичность чехословацких формирований. Советская пропаганда, направленная на чехов и словаков, в основном базировалась не на идеологическом, а на этническом факторе – идее «славянской общности» [8, с. 74; 13, л. 9; 20, л. 25–29; 21, л. 34; 24, л. 15–16; 29, л. 25–28], что не вызывало возражений со стороны эмигрантского правительства [8, с. 261; 16, с. 27].

Однако политико-пропагандистская деятельность еще одного актора – Компартии Чехословакии – вошла в столкновение с политическими интересами эмигрантского правительства [16, с. 75]. В начале 1942 г. КПЧ вела практически подпольную борьбу за «идеологическое овладение» чехословацким батальоном [17, с. 91; 33, с. 92]. Большим успехом партии стало назначение коммуниста Я. Прохазки заместителем командира по вопросам просвещения и воспитания [33, с. 115]. Из 52 воинов, вызвавшихся участвовать в культурно-просветительной работе, более 80 % были членами КПЧ [41, s. 179].

Эмигрантское правительство и военная миссия в СССР ощущали угрозу укрепления в воинской части коммунистического влияния [16, с. 77; 43, s. 173]. Однако в итоге руководство миссии смирилось с этим [7, с. 214], как и командующий Я. Кратохвил [17, с. 99]. Посол З. Фирлингер фактически поддерживал КПЧ. Советский Союз, в свою очередь, официально держался в стороне и старался сглаживать «острые углы», если они появлялись в отношениях между чехословацкими политическими силами [7, с. 217]. Непосредственное участие СССР в политико-воспитательной работе проявилось только в советских военных училищах, где обучались чехословаки [11, с. 127].

В ходе войны в чехословацких формированиях постепенно росло влияние коммунистов [10, с. 53], однако нельзя согласиться с мнением, что чехословацкая часть уже в 1942 г. «фактически вышла из-под идейного влияния» эмигрантского правительства [27, с. 39]. Летом 1944 г. ответственный секретарь чехословацкой секции Всеславянского комитета С.А. Шмераль, посетившая Чехословацкий корпус, сделала вывод: «Наше влияние на солдат и особенно на офицеров еще недостаточно» [17, с. 99]. Действительно, политическое расслоение среди воинов сохранялось, и далеко не все из них были просоветски настроены [11, с. 75; 18, с. 71–72; 26, л. 503, 505]. Кроме того, выявились новые проблемы – в частности, античешские настроения словаков – бывших военнопленных, спровоцированные идеологической обработкой в Словацкой армии [37, s. 313, 315]. К тому же на фоне неудачи с армией В. Андерса проявился «польский фактор» – в 1942 г. среди чехословаков ходили разговоры: «Оружие нам не доверяют, на фронт не пошлют – так же, как и поляков» [22, л. 1]. Закономерно, что положительный опыт создания в Советском Союзе другой польской армии (под командованием З. Берлинга) был воспринят чехословаками с радостью [30, с. 180].

Третьим проявлением коллизии военно-политических интересов эмигрантского правительства, с одной стороны, и руководства СССР, КПЧ и Л. Свободы – с другой, было «дело армии А. Гасала», с которым переплелась политическая проблема принадлежности Закарпатья. К этому региону, который с 1919 г. входил в состав Чехословакии, в годы войны проявил свой интерес советское руководство с целью осуществить переход Закарпатья в состав СССР. Характерно, что Э. Бенеш не возражал против этого [14, с. 414; 32, с. 133; 36, p. 147]. Тем не менее до конца войны регион оставался в составе Чехословакии.

После освобождения Закарпатья 5 ноября 1944 г. туда прибыли чехословацкие высшие офицеры во главе с генералом А. Гаса-

лом, которые начали мобилизацию военнообязанных жителей региона [40, s. 94–95], однако, не в Чехословацкий корпус, а в новую, полностью подконтрольную эмигрантскому правительству армию [11, с. 74; 37, s. 336], которая должна была стать его опорой при обретении власти на освобождаемой территории страны [44, s. 260]. В этой деятельности открыто проявилось политическое недоверие эмигрантского правительства Чехословацкому корпусу как «инструменту» в руках Советского Союза и КПЧ.

Судьба корпуса оказалась под угрозой [44, s. 365]. Руководство СССР, чехословацкие коммунисты и многие воины во главе с Л. Свободой с этим согласиться не могли – тем более что на основе Чехословацкого корпуса они планировали создание будущей армии Чехословакии [2, с. 407; 12; 44, s. 305].

Между делегацией Чехословацкого правительства в Закарпатье и советскими военными властями возник конфликт. Командование 4-го Украинского фронта дало указание А. Гасалу созданные им части распустить [27, с. 148], отправив их личный состав на укрепление Чехословацкого корпуса [37, s. 336], а также одновременно организовало призыв закарпатских добровольцев в Красную армию [3, л. 33]. Эмигрантское правительство было вынуждено уступить [27, с. 149, 152].

После неудачи с созданием «альтернативной» армии в Закарпатье эмигрантское правительство попыталось сформировать ее на территории Словакии [44, s. 276, 284]. Советские власти, разумеется, вновь выступили против этого. Призванные к началу апреля 1945 г. в Словакии 500 офицеров и около 10 тыс. солдат были направлены на комплектование двух бригад [37, s. 339] в рамках Чехословацкого корпуса.

К весне 1945 г. Э. Бенеш укрепился в мысли о продолжении военного сотрудничества с СССР после войны [16, с. 157], что соответствовало политическим целям Советского Союза и КПЧ [2, с. 534; 28, л. 3, 8; 32, с. 8–9, 24, 41]. В марте 1945 г. СССР и Чехословакия приняли решение о преобразовании Чехословацкого корпуса в армию, что и было закреплено в апреле того же года в специальном соглашении [2, с. 535; 8, с. 327, 361, 383–384]. Этот шаг имел важнейшее политическое значение – именно сформированные в СССР и вооруженные им части превращались в армию освобожденной Чехословацкой республики.

Для полной реализации своих планов Советский Союз был заинтересован в том, чтобы утвердить в Чехословакии дружественное правительство [2, с. 404]. В апреле 1945 г. важнейшие посты в новом правительстве Чехословакии (при сохранении поста президента за Э. Бенешем) получили коммунисты и другие симпатизировавшие им деятели, ранее принимавшие непосредственное участие в создании чехословацких частей в СССР.

Результаты. Наличие ряда правовых и политических коллизий не стало препятствием для создания и боевого применения чехословацких воинских формирований на советско-германском фронте.

В правовой сфере, во-первых, была создана и действовала твердая официальная основа для отношений между двумя странами. Во-вторых, правовые коллизии, обусловленные существованием «Протектората» и Словакии, после 22 июня 1941 г. не оказывали на советско-чехословацкие отношения никакого воздействия.

Противоречивость отношения Чехословацкого эмигрантского правительства к боевому применению воинских частей, созданных в Советском Союзе, не смогла завести этот процесс в тупик. Хотя руководство СССР не возражало против того, чтобы сберечь силы чехословацких частей, в вопросе боевого применения оно дало карт-бланш самим чехословакам, при этом создав все необходимые условия для комплектования, обучения и вооружения этих формирований. Благодаря деятельности Л. Свободы, руководства КПЧ во главе с К. Готвальдом, а также З. Фирлингера чехословацкие формирования приняли участие в боевых действиях на советско-германском фронте, заслужив воинскую славу. Неизбежность отказа от задачи «сберечь силы» была обусловлена, на наш взгляд, ее изначальной морально-политической невыполнимостью.

Хотя политический раскол среди чехословацких воинов сохранялся весь период войны (с некоторой тенденцией к усилению просоветских настроений), в целом политические разногласия не вышли за «разумные» пределы и не стали помехой для боевого применения формирований. Политическая ситуация,

сложившаяся вокруг чехословацких частей, несмотря на скрытно развивавшееся противоборство КПЧ и эмигрантского правительства, была сглажена тем, что СССР занимал взвешенную позицию.

Проблемные моменты, возникшие в вопросе обеспечения контроля над формированиями, не вышли на уровень политического конфликта между СССР и Чехословакией.

Разумеется, Э. Бенеш понимал, что чехословацкие формирования в ходе войны все больше переходили под политическое влияние КПЧ и СССР. Поэтому как только появилась возможность, эмигрантское правительство предприняло попытку создать вместо корпуса другую, «альтернативную» армию. Однако после того, как советские власти прямо показали свое негативное отношение к этому начинанию, Бенеш не стал педалировать конфликт и поддержал создание новой армии на основе Чехословацкого корпуса.

В целом создание чехословацких воинских формирований в СССР следует признать с правовой точки зрения обоснованным, а с политической – достаточно удачным опытом. Советский Союз и Чехословакия были «естественными» союзниками, и возобновление их военно-политического сотрудничества было неизбежным. Отношения между двумя странами находились на высоком уровне еще с довоенного времени, и поэтому мнение о «вынужденности» взаимодействия Советского Союза с эмигрантскими правительствами Польши и Чехословакии [11, с. 58] в отношении последней следует признать неверным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00405, https://rscf.ru/project/22-28-00405.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 22-28-00405, https://rscf.ru/project/22-28-00405.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020. 800 с.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.

3. Докладная записка на имя Г. Димитрова. 19 ноября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 548. 1 л.

4. Докладные записки // РГВА. Ф. 1п. Оп. 4в. Д. 9. 75 л.

5. Докладные записки // РГВА. Ф. 1п. Оп. 5а. Д. 1. 228 л.

6. Доклады // РГВА. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. 290 л.

7. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М.: Наука, 1981. 424 с.

8. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М.: Наука, 1983. 472 с.

9. Ерин Д. А., Рубцов Д. И., Филимонов И. А. Организация содержания интернированных военнослужащих Чехословацкого легиона в Суздальском лагере НКВД СССР (1940–1941 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7. С. 60–73.

10. Зарождение народных армий стран-участниц Варшавского Договора, 1941–1949. М.: Наука, 1971. 391 с.

11. Картавый С. Н. Создание в СССР иностранных военных формирований и подготовка для них офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000. 236 с.

12. Краткий отчет о деятельности Всеславянского комитета за 1943–1947 гг. // ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 32. 14 л.

13. Марьина В. В. В Словакию через Карпаты: К 70-летию Словацкого национального восстания и Карпато-Дуклинской операции Красной армии // Россия XXI. 2014. № 3. С. 58–91.

14. Марьина В. В. Восстановление Чехословацкого государства: международные аспекты (1939–1945 гг.) // Чехия и Словакия в XX в.: очерки истории. Кн. 1. М.: Наука, 2005. С. 390–427.

15. Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. М.: Индрик, 2007. 448 с.

16. Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. М.: Индрик, 2009. 432 с.

17. Марьина В. В. Чехословацкие воинские части в СССР, 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 83–105.

18. Марьина В. В. Чехословацкий легион в СССР // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 58–73.

19. Материалы о деятельности представительства Совинформбюро в Польше и Чехословакии // ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 158. 89 л.

20. Отчет о работе Всеславянского комитета за 1941–1944 гг. // ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 4. 62 л.

21. Отчет о работе Всеславянского комитета за период с 1 января 1943 г. по 1 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 28. 83 л.

22. Переписка, ноябрь 1944 г. // ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 581. 2 л.

23. Письмо ЦК КПЧ на имя Э. Бенеша. Ноябрь 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 550. 3 л.

24. Планы, докладные записки и переписка по проведению Третьего Всеславянского митинга в Москве 9 мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 20. 133 л.

25. Политдонесения // РГВА. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 1. 266 л.

26. Положение о военнопленных, сводки, донесения // РГВА. Ф. 1п. Оп. 5а. Д. 2. 669 л.

27. Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941–1947 гг. М.: Наука, 1990. 288 с.

28. Проект платформы нового чехословацкого правительства // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. 26 л.

29. Протокол-стенограмма Шестого пленума Всеславянского комитета 16–17 октября 1943 г. // ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 23. 147 л.

30. Свобода Л. От Бузулука до Праги. М.: Воениздат, 1963. 408 с.

31. Семиряга М. Формирование иностранных воинских частей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 54–69.

32. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. 687 с.

33. Шинкарев И. И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 293 с.

34. Юнгблюд В. Т., Зорин А. В. Советско-чехословацкое сближение в 1943–1945 гг.: взгляд из США // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 178–186.

35. Binar Aleš. Československý vojenský odboj za Druhé světové války na Východě (1939–1945). Brno: Univerzita obrany v Brně, 2019. 125 s.

36. Kalvoda Josef. Czechoslovakia's Role in Soviet Strategy. Washington (DC): University Press of America, 1978. 383 p.

37. Maršalek Zdenko. "Česká", nebo "československá" armada? Národnostní složení československých vojenských jednotek v zahraničí v letech 1939–1945. Praha: Academia, 2017. 528 s.

38. Richter Karel. Apokalypsa v Karpatech. Brno: Jota, 2017. 495 s.

39. Richter Karel. Èeskoslovenský zahranièný odboj, 1939–1945. Praha: FÚV ÈSSPB, 1985. 50 s.

40. Richter Karel. Podkarpatští rusíni v boji za svobodu. Praha: Česká expedice, 1997. 117 s.

41. Richter Karel, Benčík, Antonín. Kdo byl Generál Píka: portrét čs. vojáka a diplomata. Brno: Doplněk, 1997. 308 s.

42. Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války. Svazek první. Praha: Naše vojsko, 1959. 487 s.

43. Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války. Svazek druhý. Praha: Naše vojsko, 1961. 623 s.

44. Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války. Svazek třetí. Praha: Naše vojsko, 1960. 563 s.

REFERENCES

1. Ajrapetov O.R. *Vneshnjaja politika Sovetskoj Rossii i SSSR v 1920–1939 godah i istoki Vtoroj mirovoj vojny* [The Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920-1939 and the Origins of the Second World War]. Moscow, Rodina Publ., 2020. 800 p.

2. *Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War of 1941–1945], vol. 8, Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014. 864 p.

3. Dokladnaja zapiska na imja G. Dimitrova. 19 nojabrja 1944 g. [Report to Georgy Dimitrov, 19 November 1944]. *RGASPI* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 495, inv. 74, d. 548. 1 l.

4. Dokladnye zapiski [Memos]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 4v, d. 9. 75 l.

5. Dokladnye zapiski [Memos]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 5a, d. 1. 228 l.

6. Doklady [Reports]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 3p, inv. 2, d. 3. 290 l.

7. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chehoslovackih otnoshenij* [Documents and Materials on the History of Soviet-Czechoslovak Relations], vol. 4, book 1. Moscow, Nauka Publ., 1981. 424 p.

8. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chehoslovackih otnoshenij* [Documents and Materials on the History of Soviet-Czechoslovak Relations], vol. 4, book 2, Moscow, Nauka Publ., 1983. 472 p.

9. Erin D.A., Rubcov D.I., Filimonov I.A. Organizacija soderzhanija internirovannyh voennosluzhashhih Chehoslovackogo legiona v Suzdalskom lagere NKVD SSSR (1940–1941 gody) [Organization of Internment of Czechoslovak Legion Warriors in the Suzdal Camp of the NKVD of the USSR (1940–1941)]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoj sistemy* [Vedomosti of the Penitentiary System], 2021, no. 7, pp. 60-73.

10. *Zarozhdenie narodnyh armij stran-uchastnic Varshavskogo Dogovora, 1941–1949* [The Birth of the People's Armies of the Warsaw Pact Countries, 1941–1949]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 391 p.

11. Kartavyj S.N. *Sozdanie v SSSR inostrannyh voennyh formirovanij i podgotovka dlja nih oficerskih kadrov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dis... kand. ist. Nauk* [The Creation of Foreign Military Formations in the USSR and the Training of Officers for Them During the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. diss.]. Jaroslavl, s.n., 2000. 236 p.

12. Kratkij otchet o dejatelnosti Vseslavjanskogo komiteta za 1943–1947 gg. [Summary Report on the Activities of the All-Slavic Committee for 1943–1947]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6646, inv. 1, d. 32. 14 l.

13. Maryina V.V. V Slovakiju cherez Karpaty: K 70-letiju Slovackogo nacionalnogo vosstanija i Karpato-Duklinskoj operacii Krasnoj armii [To Slovakia via the Carpathians. To the 70th Anniversary of the Slovak National Uprising and the Carpathian-Dukla Operation of the Red Army]. *Rossija XXI* [Russia XXI], 2014, no. 3, pp. 58-91.

14. Maryina V.V. Vosstanovlenie Chehoslovackogo gosudarstva: mezhdunarodnye aspekty (1939–1945 gg.) [Restoration of the Czechoslovak State: International Aspects (1939–1945)]. *Chehija i Slovakija v XX v.: ocherki istorii* [Czech Republic and Slovakia in the 20th Century: Essays on History], book 1, Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 390-427.

15. Maryina V.V. *Sovetskij Sojuz i chehoslovackij vopros vo vremja Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945 gg.* [The Soviet Union and the Czecho-Slovak Question During World War II. 1939–1945], book 1, Moscow, Indrik Publ., 2007. 448 p.

16. Maryina V.V. *Sovetskij Sojuz i chehoslovackij vopros vo vremja Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945 gg.* [The Soviet Union and the Czecho-Slovak Question During World War II. 1939–1945], book 2, Moscow, Indrik Publ., 2009. 432 p.

17. Maryina V.V. Chehoslovackie voinskie chasti v SSSR, 1941–1945 gody [Czechoslovak Military Units in the USSR, 1941–1945]. *Novaja i novejshaja istorija* [Modern and Current History Journal], 2010, no. 3, pp. 83-105.

18. Maryina V.V. Chehoslovackij legion v SSSR [Czechoslovak Legion in the USSR]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1998, no. 2, pp. 58-73.

19. Materialy o dejatelnosti predstavitelstva Sovinformbjuro v Polshe i Chehoslovakii [Materials on the Activities of the Sovinformburo Office in Poland and Czechoslovakia]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 8581, inv. 2, d. 158. 89 l.

20. Otchet o rabote Vseslavjanskogo komiteta za 1941–1944 gg. [Report on the Activities of the All-Slavic Committee for 1941–1944]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6646, inv. 1, d. 4. 62 l.

21. Otchet o rabote Vseslavjanskogo komiteta za period s 1 janvarja 1943 g. po 1 janvarja 1944 g. [Report on the Activities of the All-Slavic Committee from 1 January 1943 till 1 January 1944]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6646, inv. 1, d. 28. 83 l.

22. Perepiska, nojabr 1944 g. [Correspondence, November 1944]. *TsAMO* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 7, inv. 30, d. 581. 2 l.

23. Pismo CK KPCh na imja E. Benesha. Nojabr 1943 g. [Letter of the CC of KSČ to Edvard Benes, November 1943]. *RGASPI* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 495, inv. 74, d. 550. 3 l.

24. Plany, dokladnye zapiski i perepiska po provedeniju Tretyego Vseslavjanskogo mitinga v Moskve 9 maja 1943 g. [Plans, Memos and Correspondence on the Holding of the Third All-Slavic Rally in Moscow on May 9, 1943]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6646, inv. 1, d. 20. 133 l.

25. Politdonesenija [Political Reports]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 3p, inv. 1, d. 1. 266 l.

26. Polozhenie o voennoplennyh, svodki, donesenija [Regulations on Prisoners of War, Summaries, Reports]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 5a, d. 2. 669 l.

27. Pop I.I. *Chehoslovakija – Sovetskij Sojuz. 1941–1947 gg.* [Czechoslovakia – Soviet Union. 1941–1947]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 288 p.

28. Proekt platformy novogo chehoslovackogo pravitelstva [Draft Platform of the New Czechoslovak Government]. *RGASPI* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, inv. 128, d. 775. 26 p.

29. Protokol-stenogramma Shestogo plenuma Vseslavjanskogo komiteta 16–17 oktjabrja 1943 g. [Protocol-Transcript of the Sixth Plenum of the All-Slavic Committee on October 16–17, 1943]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6646, inv. 1, d. 23. 147 l.

30. Svoboda L. *Ot Buzuluka do Pragi* [From Buzuluk to Prague]. Moscow, Voenizdat, 1963. 408 p.

31. Semirjaga M. Formirovanie inostrannyh voinskih chastej na territorii SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Formation of Foreign Military Units on the Territory of the USSR During the Great Patriotic War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [The Journal of Military History], 1959, no. 9, pp. 54-69.

32. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope. 1944–1953 gg.* [The Soviet Factor in the Eastern Europe], vol. 1. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 687 p.

33. Shinkarev I.I. *Rol Sovetskogo Sojuza v sozdanii vooruzhennyh sil stran Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Evropy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Dis. ... kand. ist. nauk* [The Role of the Soviet Union in the Creation of the Armed Forces of the Countries of Eastern and Southeastern Europe During the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, s. n., 1966. 293 p.

34. Jungbljud V.T., Zorin A.V. Sovetsko-chehoslovackoe sblizhenie v 1943–1945 gg.: vzgljad iz SShA [Soviet-Czechoslovak Rapprochement in 1943–

1945: View from the USA]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 425, pp. 178-186.

35. Binar A. *Československý vojenský odboj za Druhé světové války na Východě (1939–1945).* Brno, Univerzita obrany v Brně, 2019. 125 s.

36. Kalvoda J. *Czechoslovakia's Role in Soviet Strategy.* Washington (DC), University Press of America, 1978. 383 p.

37. Maršalek Z. *"Česká", nebo "československá" armada? Národnostní složení československých vojenských jednotek v zahraničí v letech 1939–1945.* Praha, Academia, 2017. 528 s.

38. Richter K. *Apokalypsa v Karpatech.* Brno, Jota, 2017. 495 s.

39. Richter K. *Československý zahraničný odboj, 1939–1945.* Praha, FÚV ČSSPB, 1985. 50 s.

40. Richter K. *Podkarpatští rusíni v boji za svobodu.* Praha, Česká expedice, 1997. 117 s.

41. Richter K., Benčík A. *Kdo byl Generál Píka: portrét čs. vojáka a diplomata.* Brno, Doplněk, 1997. 308 s.

42. *Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války.* Svazek první. Praha, Naše vojsko, 1959. 487 s.

43. *Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války.* Svazek druhý. Praha, Naše vojsko, 1961. 623 s.

44. *Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války.* Svazek třetí. Praha, Naše vojsko, 1960. 563 s.

Information About the Author

Fedor L. Sinitsyn, Doctor of Sciences (History), Assosiate Professor, Leading Researcher, Department of the New and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, permcavt@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2299-204X

Информация об авторе

Фёдор Леонидович Синицын, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, permcavt@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2299-204X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.15

UDC 94(47).084.8
LBC 63.3(2)622

Submitted: 22.08.2022
Accepted: 08.12.2022

ORGANIZATION AND HOLDING SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL MEASURES IN STALINGRAD AND SEPARATE DISTRICTS OF THE STALINGRAD REGION (1942–1943)

Alexander Y. Epifanov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Elena E. Krasnozhenova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The victory at Stalingrad was secured not just by actions on the fronts. An important role was played by social activities, including health care for the population and the army and the fight against epidemics. Despite this, not all areas of sanitary and anti-epidemic work carried out in Stalingrad have been studied comprehensively. *Methods and materials*. The source base for the study was archival materials stored in the central and Volgograd regional archives. Among them are the documents of the central and regional state authorities on the sanitary condition in Stalingrad and the epidemic measures being carried out in it. In the work on the article, comparative-historical and statistical methods, the method of source study, structural-diachronic and system analysis were used. *Analysis*. In the frontline and liberated from occupation areas of the Stalingrad region, an extremely unfavorable sanitary condition was noted. This inevitably led to the spread of infectious diseases – cholera, tularemia, typhoid and typhus, malaria – and caused the need for urgent anti-epidemic measures. Sanitary clearing of the city, cleaning and burial of corpses, restoration of water supply, expansion of the network of medical institutions, provision of baths and deodorant chambers, mass sanitation and immunization of the population, organization of soap production in the region were considered as priorities. The work of emergency anti-epidemic commissions was restored. *Results*. The anti-epidemic measures implemented in Stalingrad during the war made it possible to prevent the spread of acute infectious epidemic diseases.

Key words: The Great Patriotic War, Stalingrad, sanitary and epidemiological work, epidemics, infectious diseases, civilian population.

Citation. Epifanov A.Y., Krasnozhenova E.E. Organization and Holding Sanitary and Epidemiological Measures in Stalingrad and Separate Districts of the Stalingrad Region (1942–1943). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 162-174. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.15

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Дата поступления статьи: 22.08.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В СТАЛИНГРАДЕ И ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1942–1943 гг.)

Александр Егорович Епифанов

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация;
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

© Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е., 2023

Елена Евгеньевна Красноженова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Победа под Сталинградом была обеспечена не только действиями на фронтах. Важную роль сыграли социальные мероприятия, в том числе медико-санитарное обслуживание населения и армии и борьба с эпидемиями. Несмотря на это, далеко не все направления санитарно-противоэпидемической работы, проводимой в Сталинграде, изучены всесторонне. *Методы и материалы.* Источниковой базой исследования стали архивные материалы, хранящиеся в центральных и волгоградских региональных архивах. В их числе – документы центральных и региональных органов государственной власти о санитарном состоянии в Сталинграде и проводимых в нем эпидемических мероприятиях. В работе над статьей использованы сравнительно-исторический и статистический методы, метод источниковедческого, структурно-диахронного и системного анализа. *Анализ.* В прифронтовых и освобожденных от оккупации районах Сталинградской области отмечалось крайне неблагополучное санитарное состояние. Это неизбежно приводило к распространению инфекционных заболеваний – холеры, туляремии, брюшного и сыпного тифа, малярии и вызывало необходимость проведения срочных противоэпидемических мер. В качестве первоочередных задач рассматривалась санитарная очистка города, уборка и захоронение трупов, восстановление водопровода, расширение сети медицинских учреждений, обеспечение работы бань и дезокамер, массовая санитарная обработка и иммунизация населения, организация производства мыла в регионе. Восстанавливалась работа чрезвычайных противоэпидемических комиссий. *Результаты.* Реализуемые в Сталинграде в период войны противоэпидемические мероприятия позволили предотвратить распространение острых заразных эпидемических заболеваний.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, санитарно-эпидемиологическая работа, эпидемии, инфекционные заболевания, гражданское население.

Цитирование. Епифанов А. Е., Красноженова Е. Е. Организация и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий в Сталинграде и отдельных районах Сталинградской области (1942–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 162–174. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.15

Введение. Великая Отечественная война остается одной из обсуждаемых исторических тем. Огромное значение в достижении Победы сыграли события под Сталинградом, положив начало коренному перелому в войне. Победа под Сталинградом была обеспечена не только действиями на фронтах. Важную роль сыграли социальные мероприятия, в том числе медико-санитарное обслуживание населения и армии и борьба с эпидемиями. Успешная борьба с последними представляет собой ценный опыт организации санитарно-эпидемиологической работы, актуальность которой в условиях пандемии коронавируса очевидна.

Первые работы по проблемам санитарно-эпидемиологической обстановки в Сталинграде появились еще в военный период. Их авторами являлись медицинские работники. Поэтому в исследованиях основное внимание уделялось специфическим медицинским проблемам [1]. В послевоенных исследованиях проанализирована работа по медицинскому обслуживанию населения, проведению противоэпидемических мероприятий. В них отмечена роль партийно-государственных органов и профсоюзов в работе учреждений здравоохранения [4].

Изучение работы органов здравоохранения Сталинграда в области оказания лечебной помощи населению было продолжено в 1960–1990-е гг. [5]. В этот период публиковались работы, освещающие вопросы организации медицинской помощи населению, работы медицинских учреждений и борьбы с эпидемиями в военный период. В монографии М.К. Кузьмина обобщен опыт работы тыловых медицинских учреждений в военный период [13]. Проблемы взаимодействия гражданских лечебных учреждений и военной медицины в области обслуживания населения и решения финансовых и кадровых вопросов исследуются в монографии Н.Г. Иванова, А.С. Георгиевского, О.С. Лобастова [11]. Работа медицинской службы в военный период обобщена в исследованиях Е.И. Смирно-

ва [26]. Сведения о гражданском здравоохранении Сталинграда имеются в исследовании А.М. Самсонова [25].

В настоящее время важнейшими исследовательскими проблемами остаются вопросы, связанные с работой военных [2] и гражданских [3; 10] органов здравоохранения по организации санитарно-эпидемической работы в Сталинграде. В ряде исторических трудов исследуется проблема деятельности органов здравоохранения и организации медицинской помощи в регионе в военный период. Так, проблема медицинского обслуживания населения Сталинграда нашла отражение в исследовании В.В. Щучкина, А.Ф. Воробьева [30]. В нем представлен перечень лечебных учреждений, действовавших в военный период в Сталинградской области.

Ряд исторических работ посвящен проблемам организации санитарно-эпидемиологической работы в Сталинграде и борьбы с распространением инфекционных заболеваний. Так, в исследовании Л.В. Желтовой представлена эпидемическая обстановка в Сталинграде и области в военный период, показана борьба с холерой, туляремией, сыпным тифом, малярией [8]. Л.В. Желтова рассматривает деятельность З.В. Ермольевой и ее коллег в области борьбы со вспышкой холеры в рассматриваемом регионе [9]. И.В. Чернышева в своих статьях исследует организацию медицинской службы в период Сталинградской битвы и борьбу с инфекционными заболеваниями в городе [28; 29]. Решения Сталинградского городского комитета обороны (СГКО) в области санитарно-эпидемиологического состояния города рассмотрены в публикации С.Ю. Пищулиной [15]. Реализуемые в Сталинграде санитарные мероприятия показаны в работе Р.Н. Киценко и О.С. Киценко [12].

Исходя из изложенного, необходимо отметить, что учеными изучены документальные источники, показана борьба со вспышками инфекционных заболеваний в Сталинграде и Сталинградской области, проведен анализ деятельности медицинских служб, осуществляющих противоэпидемическую работу. Вместе с тем далеко не все аспекты исследуемой проблемы получили полное и комплексное освещение в историографии. В настоящее время особую значимость приобрела проблема деятельности региональных органов государственной власти Сталинграда по организации и проведению противоэпидемических мероприятий. От ее результатов напрямую зависело санитарное благополучие в регионе. Работа по борьбе с эпидемиями сыграла значительную роль в достижении Победы под Сталинградом. Поэтому важно не только выявить содержание работы властных органов в решении обозначенной проблемы, но и определить их достижения и просчеты, показать их вклад в борьбу с распространением эпидемиологических заболеваний.

Методы и материалы. Источниковой базой исследования стали архивные материалы, хранящиеся в центральных и волгоградских региональных архивах. В их числе – документы центральных и региональных органов государственной власти о санитарном состоянии в Сталинграде и проводимых в нем эпидемических мероприятиях. В работе над статьей использованы сравнительно-исторический и статистический методы, метод источниковедческого, структурно-диахронного и системного анализа.

Анализ. В 1942–1943 гг. лечебно-профилактическая комиссия Сталинградской области, за исключением самого Сталинграда и оккупированных районов, была сохранена и продолжила свою работу в экстраординарных условиях осадного положения, вследствие чего соблюдение санитарно-эпидемиологических требований в ряде регионов области находилось на крайне низком уровне, либо вовсе игнорировалось. Санитарно-профилактическая работа среди населения не проводилась, несвоевременно и не полностью госпитализировались больные с острыми инфекционными заболеваниями, не осуществлялись наблюдения за санитарным состоянием источников воды, не поддерживался надлежащий санитарно-эпидемический режим в населенных пунктах, на предприятиях и в учреждениях.

В результате в ряде районов (Солодчанском, Фроловском, Михайловском и др.) возникли очаги инфекционных заболеваний. В октябре 1942 г. лечебные учреждения Камышинского и Николаевского районов абсолютно не имели топлива, и его заготовка там не осуществлялась. Почти нигде не проводился теку-

щий ремонт больниц. Очень плохим оставалось питание больных [31, л. 15]. Так, проверкой облздравотдела в октябре 1942 г. было установлено, что в Николаевском районе чрезвычайная противоэпидемическая комиссия так и не была создана. Плановая саночистка райцентра не проводилась. Во многих дворах места общего пользования были переполнены или вообще отсутствовали. Не было и ям для бытовых отходов, которые выливались прямо во дворах или на улицах. Прилегающие улицы не очищались и были сильно загрязнены нечистотами. Николаевская коммунальная баня местное население не обслуживала и оставалась в аварийном состоянии, без топлива и воды. Колодцы были загрязнены и нуждались в немедленном ремонте. Качество воды в колодцах представляло опасность для здоровья людей. Стирка белья и забор воды для употребления в пищу осуществлялись в одном месте.

Учитывая особые условия Сталинградской области, ЦК ВКП(б) по ходатайству бюро обкома ВКП(б) принял меры по ускорению доставки в город медикаментов, дезинфекционных средств и аппаратуры, бактериологических препаратов и инвентаря, а также квалифицированных специалистов и имущества.

Основным разносчиком инфекционных заболеваний в период Сталинградской битвы оказались эвакуированные граждане, в огромном количестве прибывавшие на территорию региона. К 20 апреля 1942 г. их количество в Сталинграде достигло 41 500 человек [27, л. 7]. Сотни тысяч беженцев проезжали Сталинград транзитом. Несмотря на это, помещения для эвакопунктов зачастую выделены не были и необходимым оборудованием не обеспечивались. Медпункты для эвакуированных отсутствовали. Бани их не обслуживали. В целях противодействия эпидемическим заболеваниям, в августе 1942 г. в местах расселения эвакуированных, особенно в заволжских степях, через которые проходили основные потоки беженцев, обкомом ВКП(б) была организована дополнительная сеть больниц и амбулаторий. С этой целью были выделены средства из бюджета Сталинграда. В районах расселения эвакуированных на строительство бань и дезинсекторов был отведен суточный срок. В заволжских степях в 5-дневный срок были развернуты санитарно-бактериологические лаборатории и создан запас хлорки [18, л. 46–47].

29 августа 1942 г. противодействием эпидемическим заболеваниям вплотную занялось бюро Сталинградского обкома ВКП(б). Прежде всего были приняты меры по обеспечению населения питьевой водой. С этой целью восстанавливалась водопроводная сеть с одновременным ее хлорированием. На переправах, в бомбоубежищах, эвакопунктах и иных местах массового скопления людей был создан запас кипяченой воды, организовано изготовление бачков и кипятильников для нее. За качеством питьевой воды устанавливался бактериологический контроль [18, л. 47]. С целью предупредить распространение инфекционных заболеваний, на железнодорожных и водных путях сообщения были организованы санитарно-контрольные пункты и осмотр на них граждан. Особое внимание уделялось очистке города и Волги от нечистот, а также трупов погибших в ходе бомбардировок людей и животных. Останки последних преимущественно использовались для производства мыла [18, л. 47].

Прежде всего восстанавливалась работа местных чрезвычайных противоэпидемических комиссий, устанавливались их еженедельные заседания с участием всех медицинских работников, разрабатывались планы деятельности на 1942–1943 годы. Во всех случаях появления признаков инфекционных заболеваний областной, городской и районные здравотделы осуществляли подворное обследование населенных пунктов. Незамедлительному восстановлению подлежала работа противоэпидемических станций, а сами они – обеспечению помещениями, топливом и транспортом. Райисполкомы обязаны были в кратчайшие сроки организовать работу бань, дезинсекторов и прачечных. Согласно утвержденному плану для районов, в двухдневный срок было организовано строительство дезкамер, а также производство мыла на местах. При этом в прифронтовых районах их пропускная способность была увеличена в 2 раза [23, л. 18]. Характерно, что областной Совет обратился с ходатайством о проверке работы бань и прачечных, а также привлечении виновных за ее срыв к уголовной ответ-

ственности. Все дела, поступающие от госсанинспекции, подлежали безотлагательному рассмотрению прокурором области.

Необходимо отметить, что неблагополучное санитарное состояние наблюдалось в Сталинградской области повсеместно и на протяжении длительного времени. Особенно тяжелым оно было в прифронтовых и освобожденных от оккупации районах. Наличие на территории региона десятков тысяч трупов людей и животных, колоссальное загрязнение фекалиями и мусором, отсутствие водопровода и канализации, скученность и завшивленность оставшегося населения, вспышки эпидемии тифа вызвали необходимость проведения срочных противоэпидемических мер. Так, постановлением СГКО от 15 февраля 1943 г. на уборку и захоронение трупов отводился 10-дневный срок. В самом Сталинграде работы по очистке города планировалось завершить к 1 марта 1943 г. [21, л. 40 об.].

Ликвидировались кладбища вражеских солдат и офицеров. Эксгумированные трупы предписывалось зарыть в другом месте, подальше от жилья. Отвод участков для погребения трупов и само захоронение производились в соответствии с инструкцией Всесоюзной госсанинспекции Наркомздрава СССР от 4 апреля 1942 года. Помимо предания земле, широко практиковалось сожжение останков. Отведение участков для захоронения трупов, собранных на территории Сталинграда, причем как его защитников, так и гитлеровцев, было поручено горисполкому. Кроме того, отбор участков для устройства братских могил защитников Сталинграда бюро обкома ВКП(б) еще 22 января 1943 г. поручило специальной комиссии во главе с председателем горисполкома Д.М. Пигалевым.

28 февраля 1943 г. при облисполкоме для общего руководства работами по захоронению трупов противника была образована чрезвычайная комиссия. В нее вошли секретарь обкома ВКП(б) М.А. Водолагин, заместитель председателя облисполкома А.М. Поляков, заместитель начальника областного управления НКВД В.С. Прошин, комендант города В.Х. Демченко и заместитель председателя горисполкома А.Л. Лебедев. В распоряжение Сталинградского городского Совета, Городищенского и Дубовского райсоветов Ленинским, Средне-Ахтубинским и Пролейским райисполкомами для вывоза трупов к местам захоронения было направлено по 50 подвод. Кроме того, с этой целью были выделены 10 автомашин спецавтоколонны, а также транспорт городского штаба МПВО. Райисполкомы были наделены правом мобилизации населения и транспорта для очистки населенных пунктов от трупов и нечистот. Командованием Донского фронта в распоряжение райисполкомов было направлено 1 500 пленных. Директором 91-го завода А.И. Уфляндом облздравотделу и городской противоэпидемической комиссии была передана вся наличная хлорная известь. 14 марта 1943 г. для окончательной очистки города от оставшихся мертвых тел Сталинградским горкомом ВКП(б) был организован специальный «трехдневник». Проводимые при этом работы осуществлялись при активной поддержке воинских частей и учреждений. Так, комендант города В.Х. Демченко обеспечил использование для вывоза трупов проходящего воинского автотранспорта. Контроль за проведением саночистки, согласно решению облисполкома, возлагался на органы госсанинспекции и милиции. В процессе очистки Сталинграда было предано земле 47 000 павших бойцов и командиров РККА, 147 000 трупов военнослужащих вермахта, 300 тел гражданского населения и 12 500 трупов животных [6, л. 166–170].

Проблема обеспечения работ по очистке города рабочей силой решалась путем организации мобилизаций гражданского населения. Так, в апреле 1943 г. по решению облисполкома на очистку окрестностей Сталинграда от трупов были мобилизованы 300 человек из Городищенского района и 150 из Красноармейского; 500 граждан в возрасте 50–55 лет были призваны облвоенкоматом. Согласно постановлению Сталинградского горисполкома № 3/10, участники сформированных райвоенкоматами уборочных отрядов, уклоняющиеся от своих обязанностей, подлежали немедленному наказанию по ст. 187 УК РСФСР. Прочие виновные в нарушении названного постановления подвергались административной ответственности в виде штрафа или исправительных работ [19, л. 13 об.–14 об.].

Несмотря на предпринимаемые меры, весьма неблагополучным после освобожде-

ния города оставалось снабжение жителей питьевой водой, что крайне отрицательно сказывалось на эпидемиологической обстановке в Сталинграде. Население было вынуждено довольствоваться либо талой водой, либо волжской. Поэтому огромное значение придавалось организации работ по восстановлению водоснабжения города. Городской водопровод был введен в эксплуатацию 20 марта 1943 г., без очистных сооружений, но с временным оборудованием для хлорирования воды [16, л. 27]. Накануне был произведен учет колодцев, их ремонт, очистка и хлорирование. Регулярно исследовалось санитарное состояние воды путем установления при каждом колодце санитарного поста. 10 марта 1943 г. в Сталинграде было введено обязательное кипячение питьевой воды для населения.

Сталинградские органы здравоохранения вели борьбу с инфекционными заболеваниями. В течение весенне-летнего периода 1942 г. отмечалась вспышка «формы № 30», то есть холеры. Большое количество заболевших холерой было выявлено в местах заключения, которые явились источником эпидемии. Оперативное руководство противодействием холере было возложено на заместителя председателя облисполкома А.М. Полякова и секретаря обкома ВКП(б) Ф.В. Ляпина [17, л. 161–162].

В апреле 1942 г. в целях обязательной госпитализации заболевших были выделены 4 госпиталя и развернуты дополнительные 2 000 коек для обследования лиц, подозрительных по заболеванию холерой [28, с. 5]. Летом 1942 г. все население Сталинграда и оборонявшие его войска по решению областной противоэпидемической комиссии получили холерный бактериофаг. Огромная заслуга в организации его производства в Сталинграде принадлежит З.В. Ермольевой [9; 28, с. 5]. Ермольева и ее коллеги организовали массовую иммунизацию населения, вакцину бактериофага в сутки получали до 50 тыс. человек. Были предприняты специальные санитарно-противоэпидемические меры среди строителей оборонительных сооружений. С 1 по 7 августа 1942 г. по решению бюро обкома партии «О мероприятиях борьбы с заболеваемостью формы № 30» от 22 июля того же года в Сталинграде была проведена «санитарная неделя» по сплошной очистке города. В целях иммунизации против острых желудочно-кишечных заболеваний среди населения была проведена массовая разъяснительная работа [17, л. 161–162].

Санитарное состояние Сталинградской области оказалось отягощено и нашествием грызунов, расплодившихся на неубранных сельскохозяйственных угодьях. В результате осенью и зимой 1942–1943 гг. большое распространение получили заболевания формы № 2 (туляремия), которые охватили 26 районов и поразили 43 439 человек, в том числе 4 342 военнослужащих [28, с. 6]. Борьбе с эпидемией туляремии придавалось важное значение. Так, облздравотделу было поручено в декадный срок организовать областную противотуляремийную станцию. Для того чтобы предотвратить эпидемии чумы и туляремии, командованием Сталинградского фронта были освобождены все занятые войсками здания противочумных учреждений, а также демобилизованы их специалисты. Одновременно было приказано возвратить им мобилизованный транспорт. По распоряжению наркомздрава СССР, сотрудниками Сталинградской противочумной станции и ее пунктов (Нижнечирского, Котельниковского, Тундутовского и Чернышковского) проводилось истребление грызунов. С 10 марта 1943 г. в Сталинграде было установлено наблюдение за их численностью, а также исследование на наличие возбудителей инфекционных заболеваний. Сталинградской и Астраханской противочумным станциям было предписано привести в действие все средства борьбы с особо опасными инфекциями и незамедлительно развернуть работу 20 лабораторий по производству санитарно-бактериологических, серологических и клинико-диагностических анализов [23, л. 20].

В 1942–1943 гг. особую проблему для Сталинграда и его окрестностей представлял тиф. Благоприятные условия для его развития создавала массовая завшивленность населения, особенно эвакуированных, а также военнослужащих. Остававшиеся в городе жители скученно ютились в землянках и развалинах. Бани и мыло отсутствовали. Кроме того, сталинградцы вынуждены были использовать для своих нужд завшивленную одежду, снятую с трупов гитлеровцев. В январе

1942 г. было зафиксировано 89 случаев заболеваний сыпным тифом, в феврале – 127, в марте – 297. В июле 1942 г. было уже 1 833 сыпно-тифозных больных [31, л. 15]. Заболеваемость сыпным тифом охватила 53 района области. Несмотря на меры, проводимые против распространения эпидемии тифа, вакцинацию гражданского населения и военнослужащих, регистрировались новые случаи заболеваний. Так, в августе 1942 г. было зарегистрировано 15 случаев сыпного тифа и около 50 – брюшного [31, л. 15]. По состоянию на 1 марта 1943 г. в области были зарегистрированы 7 139 случаев заболевания сыпным тифом и 822 – брюшным [20, л. 167].

Брюшной тиф в исследуемый период получил большое распространение в районах Сталинградской области. Особую опасность он представлял для детей. К сожалению, в условиях военного времени обеспечить 100%-ю госпитализацию больных брюшным тифом длительное время не удавалось. Так, в сентябре 1942 г. во Фролово из 44 заболевших госпитализированы были только 22, причем в основном из-за отказа родителей помещать в больницу своих детей. В сложившихся обстоятельствах для госпитализации всех заболевших брюшным тифом потребовалось вмешательство органов НКВД [7, л. 28].

19 февраля 1943 г. областная противоэпидемическая комиссия разработала мероприятия, направленные на быструю и полную ликвидацию очагов тифа в Сталинграде. В их числе – поголовная санобработка населения города, включая его помывку, дезинфекцию белья и одежды, организация работы бань. Зимой 1942–1943 гг. было запрещено отключение электро- и водоснабжения бань и прачечных. По состоянию на 11 марта 1943 г. в Сталинграде действовали 15 бань с пропускной способностью 318 человек в час. 15 ноября 1943 г. вступила в строй знаменитая баня № 1 на Сурской улице Сталинграда [22, л. 65].

В последующем обязательное мытье в бане всего населения осуществлялось еженедельно, с выдачей на руки 25 грамм мыла. По заявкам облздравотдела первоочередному обеспечению мылом подлежали противоэпидемические учреждения и инфекционные отделения больниц. Предусматривалось резкое увеличение производства хозяйственного мыла. Детское мыло для населения Сталинграда пришлось запрашивать через СНК РСФСР, поскольку производство его в пределах области оказалось невозможным. К 1 января 1943 г. бани, санитарные пропускники, дезокамеры и инфекционные отделения больниц были в достаточном количестве обеспечены запасом топлива и мыла.

Кроме того, была построена и оборудована дополнительная сеть санпропускников с дезинфекционными камерами и карантинные бараки. Также по городу действовали 12 дезинфекционных установок, рассчитанных на 155 комплектов одежды каждая. В больницах и местах помывки граждан были организованы простейшие вошебойки. В каждом районе города были оборудованы примитивные уборные, каждая – на 30 жителей, а также мусорные ящики в местах общественного значения и пользования.

Городским и районным отделам здравоохранения был выделен специальный транспорт для своевременной и полной госпитализации инфекционных больных, а также для санобработки тифозных очагов. Облздравотделом и горрайисполкомами для госпитализации тифозных больных специально были развернуты 2 045 больничных коек. Из общей коечной сети для них были выделены 1 745 мест дополнительно [20, л. 167]. Кроме того, учитывая особое положение области, перед СНК СССР и его наркоматом здравоохранения был поставлен вопрос об обеспечении госпитализации еще 2 000 инфекционных больных. Их госпитализация в обязательном порядке осуществлялась в день выявления [20, л. 167].

Санитарная обработка очагов сыпного тифа по установленным облздравотделом нормативам производилась в течение 18 часов в городах и 24 часов в сельской местности. За очагами заболевания устанавливались наблюдение и контроль. При этом каждый случай повторного заболевания тифом подлежал расследованию [20, л. 168]. В целях иммунизации населения 8 апреля 1943 г. исполком Сталинградского горсовета истребовал от облздравотдела 500 л вакцины от сыпного тифа, 300 л – брюшного тифа, 100 тыс. противодизентерийных таблеток, а также 100 тыс. доз оспенного детрита. 10 марта 1943 г. в Сталинграде были организованы 25 прививоч-

ных отрядов, включавших 50 медработников [16, л. 28]. Для контроля за вакцинацией населения был установлен порядок, согласно которому хлебные карточки выдавались лишь после обязательного предъявления справок о прививках.

Между тем 11 марта 1943 г. в Сталинграде были зарегистрированы 175 новых случаев заболевания тифом. Меры по дальнейшей борьбе с ним были разработаны заведующим облздравотделом В.А. Ивашиненко, которому областной противоэпидемической комиссией было поручено обеспечить диагностику, обязательную госпитализацию тифозных больных и санитарно-дезинфекционную обработку очагов тифа. Объектами профилактических мероприятий против тифа явились вокзалы, эвакопункты, общежития и инфекционные больницы [20, л. 166–167]. По ходатайству областной противоэпидемической комиссии военным командованием был освобожден ряд помещений для размещения тифозных больных. Въезд в Сталинград неорганизованного населения по просьбе СГКО был запрещен вплоть до 1 апреля 1943 года. Соответствующий контроль и заградительная служба были поручены органам милиции и специальным уполномоченным райкомхоза.

Крайне неблагополучным оказалось «санитарно-бытовое» обеспечение рабочих, прибывающих на восстановление Сталинграда. В свою очередь это создавало реальную угрозу возникновения вспышек инфекционных заболеваний, прежде всего тифа. Рабочие общежития города оказались совершенно не готовы к заселению. Рабочие зачастую заселялись без предварительной санобработки. В некоторых общежитиях имела место такая скученность, что на каждой койке размещались по 2–3 человека. Отмечались случаи, когда работницы с маленькими детьми в условиях перенаселения вынуждены были в течение двух недель спать на ступеньках лестницы [24, л. 5].

Практически во всех общежитиях отсутствовали постельные принадлежности, столы, табуретки, баки для кипяченой воды. Регулярная уборка территории вокруг общежитий, очищение и хлорирование уборных не производились. Беспорядок и загрязнение помещений общежитий усугублялись отсутствием камер хранения вещей. Прачечных и бань в общежитиях не было, поэтому широкое распространение среди рабочих получила завшивленность. Дело доходило до того, что рабочие не имели возможности умываться по нескольку дней. Учитывая изложенные обстоятельства, все хозяйственные и строительные организации в обязательном порядке были обязаны проводить двухнедельную обсервацию и полную санобработку прибывающих рабочих.

4 марта 1943 г. последовало новое решение Сталинградского облсовета о мероприятиях по борьбе с сыпным тифом. Помимо уже реализуемых мер, оно предусматривало выделение и оборудование вне вокзалов специальных пунктов для сбора мобилизуемых рабочих, снабжение их баками с кипяченой водой, отхожими местами, а также ежедневную уборку [24, л. 5]. Общежития подлежали санобработке 3 раза в месяц. Кроме того, в них была организована регулярная стирка белья проживающих. В сентябре 1943 г. СГКО принял решение установить в общежитиях печи, исправить крыши, отеплить двери, остеклить окна, настелить деревянные полы. На каждых 100 жильцов полагались вошебойка, прачечная и оборудованный изолятор для заболевших. Все общежития, расположенные в палатках, подлежали ликвидации. Норма жилплощади на каждого человека доводилась до трех квадратных метров. Сплошные нары подлежали замене койками или топчанами. Все общежития предписывалось снабдить постельными принадлежностями, мебелью, баками для воды, сушилками и камерами хранения личных вещей. Для обеспечения общежитий кипяченой водой были построены кубовые. Все вновь прибывшие рабочие подлежали обязательной двухнедельной обсервации и полной санобработке.

Несмотря на реализуемые меры, санитарно-эпидемиологическое состояние мест проживания рабочих продолжало оставаться крайне неблагополучным на протяжении всего исследуемого периода. Так, в общежитиях Тракторозаводского района в ноябре 1943 г. отмечались холод, сырость и скученность. В среднем на одного рабочего приходилось 1,2 кв. м жилплощади и только один комплект белья. Рабочие вынуждены были спать, сти-

рать и принимать пищу прямо на койках. Из-за отсутствия топлива регулярное мытье в бане не представлялось возможным. Среди рабочих процветала завшивленность, приводившая к новым вспышкам сыпного тифа. Не были созданы необходимые условия и для надлежащего медицинского обслуживания рабочих. Поэтому районные органы здравоохранения были вынуждены пойти на крайние, чрезвычайные меры, передав материалы в отношении восьми руководителей Тракторостроя (включая его начальника) в прокуратуру на предмет возбуждения уголовных дел.

Еще одно заболевание, получившее распространение в Сталинградском регионе в рассматриваемый период, – малярия. Случаи заболеваемости малярией отмечались в 1942 г., а в 1943 г. наблюдался значительный рост числа заболевших, что создавало угрозу эпидемии заболеваемости малярией. Так, в августе 1943 г. в Сталинграде и области было зарегистрировано 9 017 эпизодов заражения малярией, в сентябре число заболевших выросло до 12 794 [14, л. 224].

По решению СГКО проводились специальные мероприятия по борьбе с малярией, организовывалась работа районных малярийных станций. В целях выявления случаев заболеваемости малярией проводились массовые обследования населения. Так, в феврале 1943 г. было обследовано 1 089 чел., в том числе 92 детей в возрасте до 12 лет [8, с. 162]. Для профилактики малярии регулярно обследовались водоемы, лужи, водовместилища. Ликвидировались оставшиеся после окончания военных действий водоемы (котлованы, воронки, траншеи и т. п.) как в пределах города, так и в полукилометровой зоне вокруг него. Все поливные и орошаемые сельскохозяйственные участки земли подлежали обязательной регистрации в городской госсанинспекции. По требованию Горздравотдела предприятиями и организациями была организована необходимая санитарно-эпидемиологическая обработка водоемов ядохимикатами [20, л. 168].

Результаты. Военные условия привели к росту заболеваемости и смертности среди гражданского населения. Низкое качество жизни вызвало рост числа заболеваний туберкулезом, дизентерией, брюшным тифом, холерой и чумой. В этой обстановке огромное значение приобрели санитарно-эпидемиологические мероприятия, разрабатываемые и реализуемые местными органами власти и организациями здравоохранения Сталинграда. Осуществлялись меры по развертыванию сети медицинских учреждений, улучшению их материального и кадрового обеспечения, организовывались санитарные недели и месячники, которые позволили предотвратить распространение острых заразных эпидемических заболеваний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берюшев К. С. Медико-санитарное обслуживание Сталинграда и Сталинградской области после освобождения их от оккупации // Гигиена и санитария. 1943. № 11–12. С. 45–46.

2. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Медведев М. В. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 456 с.

3. Булюлина Е. В., Головина Е. Л., Лысенко И. А. Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941–1945 годах // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 2. С. 62–78.

4. Виноградов Н. А., Страшун И. Д. Охрана здоровья трудящихся в Советском Союзе. М.: Медгиз, 1947. 80 с.

5. Григорьев А. Н. Медицинская служба в Сталинградской битве // Военно-медицинский журнал. 1968. № 1. С. 20–23.

6. Докладная записка Государственному комитету обороны заместителя наркома обороны СССР Е.А. Щаденко о материально-имущественной характеристике Сталинградской группы войск от 28 мая 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 19. Л. 166–170.

7. Докладная записка заместителя заведующего облздравотделом Аникина об эпидемическом состоянии Фроловского района // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 28–28 об.

8. Желтова Л. В. Военное здравоохранение в Сталинградской битве: Организация медицинского обеспечения и деятельность медицинской службы Красной Армии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 221 с.

9. Желтова Л. В. З.В. Ермольева на Сталинградском фронте // Медицина и здравоохранение в

годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Медицина, 1995. С. 105–107.

10. Загорулько М. М. Медицинская служба Сталинграда в годы Великой Отечественной войны // Сталинградская битва в истории России. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002. С. 110–118.

11. Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: Медицина, 1985. 303 с.

12. Киценко Р. Н., Киценко О. С. Особенности санитарно-эпидемиологической обстановки и санитарные мероприятия в военном Сталинграде //Опыт и уроки развития медицины в годы Второй мировой войны. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2012. С. 13–15.

13. Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. М.: Медицина, 1979. 239 с.

14. Материалы по обследованию санитарно-эпидемического состояния районов города Сталинграда от 10–11 марта 1943 г. // ГАВО. Ф. 2672. Оп. 1. Д. 9. Л. 224–225.

15. Пищулина С. Ю. Вопросы санитарно-эпидемиологического состояния города в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941–1945 гг.) // Сталинградская битва: Событие. Воздействие. Символ: материалы науч.-практ. конф., г. Волгоград, 3–4 февр. 2003 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 120–126.

16. План чрезвычайных противоэпидемических мероприятий по г. Сталинграду на период до 1 июля 1943 г. // ГАВО. Ф. 2672. Оп. 1. Д. 8. Л. 27–29.

17. Постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) «О мероприятиях борьбы с формой № 30» от 22 июля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1772. Л. 161–162.

18. Постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) «О санитарно-эпидемических мероприятиях по г. Сталинграду» от 29 августа 1942 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1773. Л. 46–47.

19. Постановление Сталинградского горисполкома № 3/10 «О проведении мероприятий по очистке и санитарному содержанию города» от 21 марта 1943 г. // ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 640. Л. 13 об.–14 об.

20. Постановление Сталинградского городского комитета обороны «О мероприятиях по предупреждению распространения сыпного тифа и других инфекционных заболеваний в осенне-зимний период 1943/1944 г. по городу Сталинграду» (проект) // ГАВО. Ф. 2672. Оп. 1. Д. 16. Л. 166–168.

21. Постановление Сталинградского городского Комитета Обороны № 415 «О расчистке города и разминировании» от 15 февраля 1943 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–40 об.

22. Постановление Сталинградского областного комитета ВКП(б) «О санитарно-эпидемическом состоянии города Сталинграда». 15 марта 1943 г. (проект) // ГАВО. Ф. 2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 65–66.

23. Решение VIII сессии Сталинградского областного совета депутатов трудящихся. 10–11 ноября 1942 г. «О состоянии здравоохранения в области» (проект) // ГАВО. Ф. 2672. Оп. 1. Д. 3. Л. 17–20.

24. Решение Сталинградского облсовета депутатов трудящихся «О проведении медико-санитарного обслуживания рабочих, прибывших на восстановление г. Сталинграда» (проект) // ГАВО. Ф. 2672. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–5 об.

25. Самсонов А. М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1989. 627 с.

26. Смирнов Е. И. Война и военная медицина 1939–1945. М.: Медицина, 1976. 463 с.

27. Справка о работе Сталинградских городских организаций по борьбе с эпидемическими заболеваниями на 20 апреля 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 67. Л. 7–8.

28. Чернышева И. В. Санитарно-эпидемическая обстановка в Сталинграде в 1941–1943 гг. // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2015. № 1 (45). С. 3–7.

29. Чернышева И. В. Организация медицинской службы в период Сталинградской битвы // Сталинград и Сталинградская область – Великой Победе. Волгоград: Полиграфпром, 2010. С. 128–130.

30. Щучкин В. В., Воробьев А. Ф. Медицинские работники Сталинграда и области в годы Великой Отечественной войны. Волгоград: Волгогр. ком. по печати, 1995. 414 с.

31. Справка о состоянии лечебно-профилактической сети области. 1942 г. // ГАВО. Ф. 2672. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–15 об.

REFERENCES

1. Beryushev K.S. Mediko-sanitarnoe obsluzhivanie Stalingrada i Stalingradskoj oblasti posle osvobozhdeniya ih ot okkupacii [Medical and Sanitary Services of Stalingrad and the Stalingrad Region After Their Liberation from Occupation]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation], 1943, no. 11-12, pp. 45-46.

2. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Medvedev M.V. *Bolshaya izluchina Dona – mesto reshayushchih srazhenij Velikoj Otechestvennoj vojny (1942–1943 gg.)* [The Great Bend of the Don - the Place of the Decisive Battles of the Great Patriotic War (1942–1943)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs Ran, 2016. 456 p.

3. Bulyulina E.V., Golovina E.L., Lysenko I.A. Sanitarno-epidemicheskoe sostoyanie Stalingradskoj oblasti i rabota organov zdravoohraneniya v 1941–1945 godah [The Sanitary and Epidemic State of the Stalingrad Region and the Work of Health Authorities in 1941–1945]. *Krestyanovedenie* [Russian Peasant Studies], 2021, vol. 6, no. 2, pp. 62-78.

4. Vinogradov N.A., Strashun I.D. *Ohrana zdorovya trudyashchihsya v Sovetskom Soyuze* [Health Protection of Workers in the Soviet Union]. Moscow, Medgiz Publ., 1947. 80 p.

5. Grigoryev A.N. Medicinskaya sluzhba v Stalingradskoj bitve [Medical Service in the Battle of Stalingrad]. *Voenno-medicinskij zhurnal* [Military Medical Journal], 1968, no. 1, pp. 20-23.

6. Dokladnaya zapiska Gosudarstvennomu komitetu oborony zamestitelya narkoma oborony SSSR E.A. Shchadenko o materialno-imushchestvennoj harakteristike Stalingradskoj gruppy vojsk ot 28 maya 1943 g. [Memo to the State Defense Committee of the Deputy People's Commissar of Defense of the USSR Schadenko E.A. on the Material and Property Characteristics of the Stalingrad Group of Troops Dated May 28, 1943]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialnopoliticheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)], f. 83, inv. 1, d. 19, l. 166-170.

7. Dokladnaya zapiska zamestitelya zaveduyushchego oblzdravotdelom Anikina ob epidemicheskom sostoyanii Frolovskogo rajona [Memo of the Deputy Head of the Regional Health Department Anikin on the Epidemic State of the Frolovsky District]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti* (*GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region (SAVO)], f. 2672, inv. 1, d. 7, l. 28-20 r.

8. Zheltova L.V. *Voennoe zdravoohranenie v Stalingradskoj bitve: Organizaciya medicinskogo obespecheniya i deyatelnost medicinskoj sluzhby Krasnoj Armii: dis. ... kand. ist. nauk* [Military Healthcare in the Battle of Stalingrad: Organization of Medical Support and Activities of the Red Army Medical Service. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 1999. 221 p.

9. Zheltova L.V. Z.V. Ermolyeva na Stalingradskom fronte [Z.V. Ermolyeva at the Stalingrad Front]. *Medicina i zdravoohranenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Medicine and healthcare during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Medicina Publ., 1995, pp. 105-107.

10. Zagorulko M.M. Medicinskaya sluzhba Stalingrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Medical Service of Stalingrad During the Great Patriotic War]. *Stalingradskaya bitva v istorii Rossii* [The Battle of Stalingrad in the history of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 2002, pp. 110-118.

11. Ivanov N.G., Georgievskij A.S., Lobastov O.S. *Sovetskoe zdravoohranenie i voennaya medicina v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Soviet Healthcare and Military Medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Leningrad, Medicina Publ., 1985. 303 p.

12. Kicenko R.N., Kicenko O.S. Osobennosti sanitarno-epidemiologicheskoj obstanovki i sanitarnye meropriyatiya v voennom Stalingrade [Features of the Sanitary and Epidemiological Situation and Sanitary Measures in Military Stalingrad]. *Opyt i uroki razvitiya mediciny v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Experience and Lessons of the Development of Medicine During the Second World War]. Volgograd, VolgGMU Publ., 2012, pp. 13-15.

13. Kuzmin M.K. Sovetskaya medicina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet Medicine During the Great Patriotic War]. Moscow, Medicina Publ., 1979. 239 p.

14. Materialy po obsledovaniyu sanitarno-epidemicheskogo sostoyaniya rajonov goroda Stalingrada ot 10–11 marta 1943 g. [Materials on the Survey of the Sanitary and Epidemic Condition of the Districts of the City of Stalingrad from March 10–11, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 2672, inv. 1, d. 9, l. 224-225.

15. Pishchulina S.Yu. Voprosy sanitarno-epidemiologicheskogo sostoyaniya goroda v resheniyah Stalingradskogo gorodskogo komiteta oborony (1941–1945 gg.) [Issues of the Sanitary and Epidemiological State of the City in the Decisions of the Stalingrad City Defense Committee (1941–1945)]. *Stalingradskaya bitva: Sobytie. Vozdejstvie. Simvol: materialy nauch.-prakt. konf.* [The Battle of Stalingrad: Event. Impact. Symbol. Proceedings of the Scientific and Practical Conference]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004, pp. 120-126.

16. Plan chrezvychajnyh protivoepidemicheskih meropriyatij po g. Stalingradu na period do 1 iyulya 1943 g. [Plan of Emergency Anti-Epidemic Measures for the City of Stalingrad for the Period up to July 1, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 2672, inv. 1, d. 8, l. 27-29.

17. Postanovlenie byuro Stalingradskogo obkoma VKP (b) «O meropriyatiyah borby s formoj № 30» ot 22 iyulya 1942 g. [Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On Measures to Combat Form No. 30" Dated July 22, 1942]. *RGASPI* [RGASPI], f. 17, inv. 43, d. 1772, l. 161-162.

18. Postanovlenie byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) «O sanitarno-epidemicheskih meropriyatiyah po g. Stalingradu» ot 29 avgusta 1942 g. [Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On Sanitary and Epidemic

Measures in Stalingrad" Dated August 29, 1942]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)], f. 17, inv. 43, d. 1773, l. 46-47.

19. Postanovlenie Stalingradskogo gorispolkoma №3/10 «O provedenii meropriyatij po ochistke i sanitarnomu soderzhaniyu goroda» ot 21 marta 1943 g. [Resolution of the Stalingrad City Executive Committee No. 3/10 "On Carrying Out Measures for Cleaning and Sanitary Maintenance of the City" Dated March 21, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 640, l. 13 r.-14 r.

20. Postanovlenie Stalingradskogo gorodskogo komiteta oborony «O meropriyatiyah po preduprezhdeniyu rasprostraneniya sypnogo tifa i drugih infekcionnyh zabolevanij v osenne-zimnij period 1943/1944 gg. po gorodu Stalingradu» (proekt) [Resolution of the Stalingrad City Defense Committee "On Measures to Spread Typhus and Other Infectious Diseases in the Autumn-Winter Period of 1943/1944 in the City of Stalingrad" (Draft)]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 2672, inv. 1, d. 16, l. 166-168.

21. Postanovlenie Stalingradskogo gorodskogo Komiteta Oborony № 415 «O raschistke goroda i razminirovanii» ot 15 fevralya 1943 g. [Resolution of the Stalingrad City Defense Committee No. 415 "On Clearing the City and Mine Clearance" Dated February 15, 1943]. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO)* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 171, inv. 1, d. 5, l. 40-40 r.

22. Postanovlenie Stalingradskogo oblastnogo komiteta VKP(b) «O sanitarno-epidemicheskom sostoyanii goroda Stalingrada». 15 marta 1943 g. (proekt) [Decree of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On the Sanitary and Epidemic State of the City of Stalingrad. 15 March 1943. (Draft)]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 2672, inv. 1, d. 7, l. 65-66.

23. Reshenie VIII-j sessii Stalingradskogo oblastnogo soveta deputatov trudyashchihsya. 10–11 noyabrya 1942 g. «O sostoyanii zdravoohraneniya v oblasti» (proekt) [Decision of the 8th Session of the Stalingrad Regional Council of Workers' Deputies. November 10–11, 1942 "On the State of Healthcare in the Region" (Draft)]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 2672, inv. 1, d. 3, l. 17-20.

24. Reshenie Stalingradskogo oblsoveta deputatov trudyashchihsya «O provedenii mediko-sanitarnogo obsluzhivaniya rabochih, pribyvshih na vosstanovlenie g. Stalingrada» (proekt) [The Decision of the Stalingrad Regional Council of Workers' Deputies "On Carrying Out Medical and Sanitary Services for Workers Who Arrived for the Restoration of Stalingrad" (Draft)]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 2672, inv. 1, d. 16, l. 5-5 r.

25. Samsonov A.M. *Stalingradskaya bitva* [The Battle of Stalingrad]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 627 p.

26. Smirnov E.I. *Vojna i voennaya medicina 1939–1945* [War and Military Medicine 1939–1945]. Moscow, Medicina Publ., 1976. 463 p.

27. Spravka o rabote Stalingradskih gorodskih organizacij po borbe s epidemicheskimi zabolevaniyami na 20 aprelya 1942 g. [Information About the Work of Stalingrad City Organizations to Combat Epidemic Diseases on April 20, 1942]. *CDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 67, l. 7-8.

28. Chernysheva I.V. Sanitarno-epidemicheskaya obstanovka v Stalingrade v 1941–1943 gg. [Sanitary and epidemic situation in Stalingrad in 1941–1943]. *Volgogradskij nauchno-medicinskij zhurnal* [Volgograd Journal of Medical Research], 2015, no. 1 (45), pp. 3-7.

29. Chernysheva I.V. Organizaciya medicinskoj sluzhby v period Stalingradskoj bitvy [Organization of the Medical Service During the Battle of Stalingrad]. *Stalingrad i Stalingradskaya oblast – Velikoj Pobede* [Stalingrad and the Stalingrad region – The Great Victory]. Volgograd, Poligrafprom Publ., 2010, pp. 128-130.

30. Shchuchkin V.V., Vorobyev A.F. *Medicinskie rabotniki Stalingrada i oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Medical Workers of Stalingrad and the Region During the Great Patriotic War]. Volgograd, Volgogr. kom. po pechati, 1995. 414 p.

31. Spravka o sostoyanii lechebno-profilakticheskoj seti oblasti. 1942 g. [Information on the State of the Medical and Preventive Network of the Region. 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 2672, inv. 1, d. 5, l. 15-15 r.

Information About the Authors

Alexander Y. Epifanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University, Novokuznetskaya St, 16, Bld.10, 119017 Moscow, Russian Federation; Chief Researcher, Department for the Study of Historical Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Zoyi i Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125171 Moscow, Russian Federation, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Elena E. Krasnozhenova, Doctor of Sciences (History), Professor, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Politekhnicheskaya St, 29, 195251 Saint Petersburg, Russian Federation, eleena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-1679-8590

Информация об авторах

Александр Егорович Епифанов, доктор юридических наук, профессор Департамента права Института экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет, ул. Новокузнецкая, 16, стр. 10, 119017 г. Москва, Российская Федерация; главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Елена Евгеньевна Красноженова, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, 195251 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, eleena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-1679-8590

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.16

UDC 94(470.45)“1943/1945”:642.5
LBC 63.3(2Р-4Вог)622-2

Submitted: 16.05.2022
Accepted: 08.12.2022

RESTORATION OF THE PUBLIC CATERING SYSTEM OF STALINGRAD IN 1943–1945

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the problem of the restoration of the public catering system of Stalingrad at the end of the battle on the Volga. *Methods*. In this study, historical-descriptive (idiographic), historical-genetic, historical-comparative methods, as well as quantitative methods in the study of statistical sources were used. *Analysis and results.* Providing the population of the destroyed city with food became one of the most important directions of the social policy of the period. The problem was addressed on several fronts. At the first stage, in the spring and summer of 1943, most of the enterprises of the city canteen trust were reopened on the basis of the destroyed pre-war canteens. They were made from improvised materials. The work to equip them was done mainly by the employees who had returned from the evacuation. As industrial enterprises were restored, the workers' supply departments opened canteens at their own expense. A number of canteens opened by the city trust were transferred to the balance of the factories. After the start of large-scale restoration work, several large construction departments of central subordination were deployed in the city. They independently provided their workers with food in their own canteens. In the second stage from 1944, due to the allocation of budgetary funds along with the restoration began construction of new catering enterprises. The city's enterprises produced inventory and equipment for canteens. Great attention was also paid to the organization of children's and school meals. As a result, by mid-1945 the public catering system in Stalingrad was generally restored. Most workers and residents were attached to canteens and received rationed one or two meals a day. However, the range of dishes and the quality of food remained unsatisfactory. Centralized supply of products was not carried out in full. Low-power subsidiary farms could not cope with their plans. Most canteens were located in dilapidated premises in unsanitary conditions due to the lack of running water and sewerage.

Key words: public catering, restoration, Stalingrad, 1943–1945, card system, food supply, canteens.

Citation. Lunochkin A.V. Restoration of the Public Catering System of Stalingrad in 1943–1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 175-184. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.16

УДК 94(470.45)“1943/1945”:642.5
ББК 63.3(2Р-4Вог)622-2

Дата поступления статьи: 16.05.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ СТАЛИНГРАДА В 1943–1945 ГОДАХ

Андрей Валентинович Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Луночкин А.В., 2023

Аннотация. В статье рассматривается проблема восстановления системы общественного питания Сталинграда по окончании битвы на Волге. Обеспечение населения разрушенного города питанием стало одним из важнейших направлений социальной политики этого периода. Данная проблема решалась по нескольким направлениям. На первом этапе, весной – летом 1943 г., большинство предприятий городского треста столовых были открыты заново на базе разрушенных довоенных столовых, работы по их оборудованию осуществлялись в основном силами их собственных работников, вернувшихся из эвакуации, и производились из подручных материалов. По мере восстановления промышленных предприятий их отделы рабочего снабжения открывали рабочие столовые на собственные средства. На баланс заводов был передан ряд столовых,

открытых городским трестом. После начала масштабных восстановительных работ в городе были развернуты несколько крупных строительных управлений центрального подчинения. Они самостоятельно обеспечивали своих работников питанием в собственных столовых. На втором этапе с 1944 г. в связи с выделением бюджетных средств наряду с восстановлением началось и строительство новых предприятий общественного питания. На предприятиях города было размещено изготовление инвентаря и оборудования для столовых. Большое внимание уделялось также организации детского и школьного питания. В целом система общественного питания Сталинграда справлялась со своими задачами. Большинство работников и около половины жителей были прикреплены к столовым и получали нормированное горячее питание. Однако ассортимент блюд и качество питания оставались неудовлетворительными. Централизованные поставки продуктов недовыполнялись, маломощные подсобные хозяйства не справлялись с поставленными планами. Большинство столовых размещалось в полуразрушенных помещениях в антисанитарных условиях из-за отсутствия водопровода и канализации.

Ключевые слова: общественное питание, восстановление, Сталинград, 1943–1945 гг., карточная система, продовольственное снабжение, столовые.

Цитирование. Луночкин А. В. Восстановление системы общественного питания Сталинграда в 1943–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 175–184. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.16

Введение. Одной из главных социальных проблем, вставших по окончании Сталинградской битвы, стало обеспечение возвращающегося в город мирного населения продовольствием. В полностью разрушенном городе обычной выдачи продуктов по карточкам было недостаточно, поскольку подавляющее количество горожан просто не имели возможности приготовить пищу из-за отсутствия топлива и элементарной кухонной утвари. В этих условиях исключительное значение получило восстановление системы общественного питания, без которого жители Сталинграда просто не смогли бы выжить. Сталинград стал первым крупным городом СССР, который пришлось возрождать почти полностью. На его примере можно выяснить, насколько эффективны оказались мероприятия государства в деле восстановления социальной сферы на освобожденных территориях.

В научной литературе данная тема затрагивалась в основном в контексте изучения более широких проблем. Так, В.Д. Ильющенко, изучая общественное питание СССР в 1941–1965 гг., обратил внимание на рост удельного веса собственной продукции столовых страны в годы войны [5]. В монографии Э.В. Кузьминой [8] содержатся данные о количестве столовых и ресторанов, имевшихся в Сталинграде до войны, уничтоженных в ходе сражения и восстановленных к 1950 году. В работах Е.Е. Красноженовой [7], А.М. Имангалиевой [6], С.Ю. Пищулиной и О.Ю. Редькиной [12] рассматривается решение социально-бытовых проблем населения Нижней Волги, профсоюзный контроль за распределением продовольствия, формирование трудовых ресурсов для восстановления Сталинграда. Наибольший вклад в изучение данной темы внесла статья Е.В. Австрийскова [1] о продовольственном снабжении сталинградцев в годы войны. Тем не менее общественное питание Сталинграда в 1943–1945 гг. еще не становилось предметом специального исследования.

Цель данной статьи – изучить, как происходило восстановление системы общественного питания Сталинграда в первые годы после окончания битвы на Волге, выяснить, насколько эффективными оказались осуществлявшиеся мероприятия. Это позволит на основе фактического материала значительно дополнить наши представления о социально-экономическом положении и бытовой жизни сталинградцев в этот труднейший период истории города.

Методы и материалы. В настоящем исследовании применялись историко-описательный, историко-генетический, историко-сравнительный методы, а также количественные методы при изучении статистических источников. Неопубликованные источники по данной теме находятся в Государственном архиве Волгоградской области в следующих фондах: Ф. Р-3648 Областного управления торговли исполнительного комитета Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся (далее – Облторгуправление), Ф. Р-3436

Отдела торговли исполнительного комитета Сталинградского городского Совета депутатов трудящихся (Горторготдел), Ф. Р-2866 Сталинградского городского треста столовых (Трест столовых). Это приказы министерств торговли СССР и РСФСР, постановления и решения областных и городского исполкомов Советов, приказы и отчеты треста столовых, прочие документы текущего делопроизводства и материалы проверок предприятий общественного питания. Использовались также материалы, опубликованные в газете «Сталинградская правда» – распоряжения властей, критические заметки о работе общественного питания, объявления.

Анализ. Боевые действия в период Сталинградской битвы нанесли предприятиям общественного питания города, как и всей его социально-экономической инфраструктуре, огромный урон. По данным статистики, на 1 января 1939 г. Сталинградский городской трест столовых имел 72 столовых и ресторана, а всего в городе вместе с буфетами и закусочными работало 298 предприятий общественного питания. В это число вошли и столовые, принадлежавшие отделам рабочего снабжения предприятий (ОРСам) [26, с. 272–273]. По сведениям Э.В. Кузьминой, в результате боевых действий в городе было уничтожено 198 столовых [8, с. 26]. В официальном акте по учету ущерба, причиненного городскому тресту столовых, общая сумма его потерь была оценена в 27 233 000 рублей. Были полностью разрушены капитальные здания двух фабрик-кухонь, трех столовых, а также хозяйственные постройки – гараж, 2 конюшни, 1 коровник, 2 кочегарки, 3 овощехранилища и 1 свинарник. Во всех без исключения предприятиях общепита было уничтожено или повреждено все кухонное оборудование, столовая посуда и приборы, мебель. Оборудование только двух разрушенных фабрик-кухонь, построенных в годы первой пятилетки, стоило 2,4 млн руб. [2, л. 44]. Полностью уничтоженными оказались и заводские столовые на заводах, превращенных в руины.

Восстановление предприятий общепита Сталинграда началось еще до полного окончания боевых действий. Уже 30 января 1943 г. был воссоздан городской трест столовых, существовавший с 1935 г. [24, л. 2]. В феврале 1943 г. в городе было открыто 18 столовых [6, с. 94]. В это время большинство вновь открытых столовых треста находились при предприятиях и были «закрытыми», то есть обслуживали только работников этих предприятий. Но и так называемые «общедоступные» столовые отпускали блюда только по продовольственным карточкам. Различались столовые и по рациону – от 1-разового до 3-разового питания. В системе треста были и так называемые «литерные» столовые, обслуживавшие работников областных партийных и советских учреждений, в каждом районе имелись столовые районного партийного актива, нормы снабжения там были выше обычных.

Понимая огромную социальную значимость общественного питания, городские власти уделяли ему постоянное внимание. В перечне первоочередных задач, определенных Сталинградским горисполкомом 21 марта 1943 г., значилось:

«– в Тракторозаводском районе открыть на фабрике-кухне 1 детскую столовую на 250 чел. и общую столовую на 500 чел.;

– в Баррикадном районе оборудованное помещение в доме, где размещается райсовет, передать тресту столовых для питания детей;

– в Краснооктябрьском районе оборудованное помещение в бывшем клубе им. Ленина под кондитерскую передать во временное пользование тресту столовых для организации питания детей;

– в Дзержинском районе в помещении бывшей школы № 67 дополнительно открыть столовую на 1 000 человек, в том числе детскую на 700 чел.;

– в Ворошиловском районе в Доме грузчика (в помещении рядом с существующей столовой) не позднее 28 марта открыть дополнительную столовую для детей на 120 чел., а также существующую в этом доме столовую, не позднее 25 марта, полностью отремонтировать и пустить в эксплуатацию;

– в Кировском районе предложить директору треста т. Вакулину на фабрике-кухне навести надлежащий порядок и довести фабрику до полной мощности, выпуская в день не менее 3 000 блюд» [24, л. 11].

На 1943 г. правительство РСФСР выделило на восстановление сети предприятий тор-

говли и общепита города и их технической базы 2,5 млн руб. [4, л. 17]. Поскольку направлявшиеся в Сталинград строители в первую очередь занимались работами на объектах промышленности, восстановление предприятий общепита стало делом рук самих их работников. Вернувшиеся из эвакуации люди в рамках «черкасовского движения» безвозмездно трудились в свободное от работы время. В докладе отдела торговли облисполкома от 2 октября 1943 г. отмечалось: «Столовая в доме “Грузчика” в Ворошиловском районе оборудована рабочими столовой там, где раньше фашисты держали конюшню; 25 человек составили бригаду, привели в порядок двор, склад, кухню, зал, отработав 7 000 человекочасов. Столовая Краснооктябрьского района № 6 в здании разрушенной фабрики-кухни № 2 организована силами рабочих столовой, и сейчас обслуживает 1 500 чел., в том числе 500 детей и полностью подготовлена к зиме» [4, л. 2]. Всего силами черкасовских бригад в 1943 г. в Сталинграде было восстановлено 7 столовых [12, с. 70]. Оборудование для этих столовых, как правило, подбиралось тут же в развалинах и ремонтировалось своими силами. Стройматериалы также брались из разрушенных жилых домов. Хуже всего было положение с оконным стеклом, поскольку в центре и северных районах Сталинграда просто не осталось целых окон.

Восстановление разрушенных столовых силами их работников продолжалось и в последующие годы. В характеристике, данной летом 1945 г., заведующий областным торговым отделом И. Громов писал: «Коллектив работников Сталинградского городского треста столовых путем организации черкасовских бригад без денежных затрат восстановил свыше 50 столовых, и необходимую техническую базу для переработки и хранения продукции. По мере восстановления Сталинградских промышленных и транспортных предприятий трест столовых на основании распоряжений вышестоящих органов передал ОРСам свыше 20 столовых на полном ходу с оборудованием и обслуживающим персоналом» [9, л. 75].

Особое внимание уделялось организации питания детей. Уже к 10 мая 1943 г. трест столовых по решению горисполкома должен был открыть столовые для «диетического и усиленного» детского питания в следующем количестве: «Район СТЗ – 650 чел., Баррикадный – 200, Краснооктябрьский – 200, Дзержинский – 1 000, Ерманский – 350, Ворошиловский – 1 000, Кировский – 3 000. ОРСы заводов должны были кормить в общей сумме 5 800 детей [24, л. 48]. Месячная норма на питание детей состояла из 1 100 г мяса или рыбы, 300 г жиров, 300 г сахара, 1 100 г крупы, 750 г муки, 7 500 г картофеля и прочих овощей, 100 г хлеба в день [24, л. 47].

Летом 1943 г. городской трест столовых организовывал еще и питание детей на 15 «летних оздоровительных площадках». В 1944 г. эта практика была расширена. Питанием на базе городских столовых и школ на этих летних площадках было охвачено 2 525 детей. Рацион был довольно неплохим для военного времени. В день на одного ребенка полагалось 60 г мяса или рыбы, 20 г жиров, 10 г сыра, 1 яйцо, 70 г крупы или макаронных изделий, 25 г сахара и кондитерских изделий, 5 г какао, 15 г шоколада, 800 г картофеля и овощей, 300 г молока, 400 г хлеба, 0,75 г чая и даже 12 г фиников. Отдельным пунктом в приказе директор треста столовых категорически запрещал «заменять мясо рыбопродуктами низших категорий, особенно мелким частиком» [13, л. 169].

В январе 1945 г. отдел торговли Сталинградского горисполкома принял решение о передаче школьных буфетов из ведения местных торгов в систему городского треста столовых [21, л. 19]. Школьники получали в буфетах по 100 г хлеба в день, включая выходные – 50 г в порядке централизованного снабжения (по карточкам) и 50 г по решению горисполкома из местных ресурсов. Кроме того, детям полагался ежедневно сладкий чай с закладкой 10 г сахара (кроме выходных дней). В случае отсутствия сахара должны были выдаваться кондитерские изделия в этом же количестве [21, л. 7].

Первые итоги восстановления предприятий общественного питания в Сталинграде были подведены на заседании горисполкома 24 мая 1943 г.: «Городской трест столовых обслуживает общественным питанием 13 000 столующихся, в том числе свыше 7 200 детей. ОРСами заводов охвачены общественным питанием свы-

ше 25 000 чел., в закрытых учреждениях, больницах, детяслях, молкухнях и детсадах – общественным питанием охвачено около 6 000 чел. Всего по городу охвачено общественным питанием около 47 000 чел.» [18, л. 11]. В это время в городе проживало около 107 тыс. чел. [8, с. 41], то есть гарантированным готовым питанием была обеспечена почти половина его населения.

О качестве питания можно судить по тексту приказа по городскому отделу торговли от 16 июля 1943 года. Согласно ему, трест столовых должен был обеспечивать рабочих Главного управления по восстановлению Сталинграда двухразовым питанием (завтрак и обед). На 15 дней, оставшихся до конца июня, рабочим должны были готовить следующие блюда:

Завтрак:

Мясо или рыба с овощным гарниром – 5 дней; мясо или рыба с крупяным гарниром – 5 дней; крупяных – 2 дня; овощных – 3 дня; брынза 7 дней по 100 г (через день).

Обед из 2 блюд:

1-е блюдо: окрошка с мясом – 5 дней; щи и борщ с мясом – 4 дня; супы разные – 6 дней.

2-е блюдо: мясные блюда с крупяным гарниром – 5 дней; рыбные блюда с овощным гарниром – 10 дней.

3-е блюдо: молоко 1 стакан (200 г) – 4 дня.

На одну порцию полагалось 100 г мяса или рыбы, 50 г крупы и 10 г жиров [15, л. 13].

На восстанавливаемых заводах организацией питания работников, как и до войны, занимались отделы рабочего снабжения (ОРСы). Так, ОРС завода «Баррикады» уже к апрелю 1943 г. отремонтировал и запустил кухню и столовую на 1 тысячу человек [3, с. 149]. С 5 августа 1943 г. ОРСам заводов были переданы 16 столовых городского треста вместе с оборудованием, инвентарем и штатом сотрудников [15, л. 23]. Передача городских столовых ОРСам предприятий продолжалась и дальше. На 20 сентября 1943 г. в городском тресте столовых работало 35 столовых, из них 12 детских. Из этого количества общедоступными были только 16, остальные 19 находились на предприятиях и обслуживали только их работников. Свою столовую стремилось иметь каждое учреждение, поскольку иначе работники просто не могли выжить. Так, в решении облисполкома от 6 июля 1943 г. «О развертывании работы областного драматического театра им. Горького» одним им первых пунктов значилось открытие «литерной столовой для работников искусства» [22, л. 31]. В сентябре 1943 г. по решению горисполкома в столовых городского треста было организовано двухразовое питание учителей – 587 человек [17, л. 1].

Подробно динамику развития сети общепита Сталинграда в 1943 г. можно проследить по нижеследующей таблице. Если число столовых городского треста с апреля по сентябрь увеличилось вдвое, то ОРСы предприятий показали рост более чем в 4 раза.

Кроме собственно столовых, восстанавливалась и производственная инфраструктура – овощехранилища, засолочные, помещения для размещения скота в подсобных хозяйствах. Так, на 20 сентября 1943 г. всего по городу, с учетом ОРСов, имелось 14 овощехранилищ и 181 засолочная яма, ремонтировались 13 овощехранилищ и 85 засолочных ям [4, л. 15].

Возрождение сети общепита происходило в обстановке острой нехватки буквально всего – от кухонного оборудования до посуды. Как констатировалось в проекте решения

Сеть общественного питания в Сталинграде в 1943 г.

Catering network in Stalingrad in 1943

	На 01.04.1943		На 20.09.1943	
	Всего	Из них детских	Всего	Из них детских
Трест столовых	17	5	35	12
ОРСы предприятий	17	1	70	4
Военторг	2	–	11	–
Спецторг	2	–	3	–
Всего по городу	38	6	119	16

Примечания. Источник: [4, л. 14]. Военторг – управление торговли, обслуживавшее работников наркомата обороны; спецторг – управление торговли, обслуживавшее работников наркомата внутренних дел.

облисполкома «О состоянии торговой сети и предприятий общественного питания в Сталинграде», в апреле 1943 г. в детской столовой Дзержинского района на 630 детей имелось всего 50 тарелок, в столовой Нефтесиндиката не было ни одной ложки и вилки. Даже в столовой партийного актива Дзержинского района на всех посетителей имелось только 3 ножа [22, л. 28].

Положение с общественным питанием снова стало предметом обсуждения в Сталинградском облисполкоме 26 июня 1944 года. В целом работа предприятий общепита была оценена неудовлетворительно. Отмечался скудный ассортимент блюд, их низкое качество, антисанитария в столовых и отсутствие личной гигиены у работников. В большинстве столовых отсутствовали рукомойники, мыло и полотенца для посетителей. Особенно остро ощущалась нехватка оборудования и посуды, что создавало большие очереди [22, л. 47]. Для исправления этой ситуации была намечена целая программа действий. До 1 октября 1944 г. в Сталинграде должны были быть открыты 13 предприятий общественного питания, из них 5 общедоступных и одна диетическая столовые, 2 кухни-раздаточных для отпуска обедов на дом и 5 чайных [22, л. 48]. Обращалось внимание и на разнообразие блюд. Не позднее 1 июня 1944 г. для столовых должен был быть введен обязательный ассортимент блюд – «1-х не менее двух и 2-х не менее трех». В летнее время от столовых требовалось обязательно производить продажу чая и кофе, а также безалкогольных напитков – кваса, морса и витаминных напитков.

Недостающее оборудование и посуду планировалось изготовить на сталинградских предприятиях. В срок до 1 октября 1944 г. они должны были поставить 25 картофелечисток, 310 наплитных котлов, 920 ведер и тазов, 710 штук мелкого кухонного инвентаря, 27 тыс. чашек, мисок и тарелок, 100 столов, 1 750 стульев и табуреток, 20 тыс. бокалов. Поскольку стеклянная посуда в области не производилась, исполком обратился в Совнарком РСФСР с просьбой выделить 25 тыс. стаканов и 5 тыс. графинов [22, л. 92]. Однако острая нехватка элементарных вещей продолжала ощущаться еще долго. В ноябре 1944 г. директор городского треста столовых А. Соколовский издал приказ: «Некоторые столовые, не имея чайной посуды, подачу чая потребителю производят в глубоких тарелках. Считая такое явление нарушением культурного обслуживания, приказываю: Впредь до получения чайной посуды подачу чая производить в стеклянных банках, получив таковые из столовой № 34» [13, л. 389].

По состоянию на 25 июня 1944 г., согласно справке облисполкома, в городском тресте столовых работало 38 предприятий на 3 тыс. посадочных мест. ОРС тракторного завода имел 16 столовых и 21 раздатку на 3 500 мест, ОРС завода «Красный Октябрь» – 10 столовых и 13 раздаток на 1 760 мест, ОРС завода «Баррикады» – 4 столовых и 11 раздаток на 750 мест [22, л. 77]. В 1944 г. начали строиться и новые здания для столовых. В титульном списке капитального строительства горисполкома на 1944 г. значилось 12 столовых с общей суммой капиталовложений 823 тыс. рублей. Заново строилось 9 деревянных зданий столовых – по одной в каждом районе и две – в Ерманском, на 68 посадочных мест каждая. Кроме того, в Ворошиловском, Краснооктябрьском и Баррикадном районах восстанавливалось по одной столовой на довоенном месте – в кирпичных зданиях, на 140 мест каждая [23, л. 25–26]. Описание одной из построенных столовых можно найти в газетном репортаже: «На Нижнем поселке Баррикадного района открылась большая новая столовая. Здесь все радует глаз. Здание высокое, светлое. Большие, просторные залы, кухни с удобными плитами, мойки с проточной горячей и холодной водой, раздаточные, лифт <...> Здесь столуются 2 000 чел. Через несколько дней будут питаться 6 000 чел.» [25, 1944, 1 июля].

Однако из-за нехватки рабочих рук и материалов работы шли медленно. К концу декабря 1944 г. было освоено всего 298 тыс. руб. из ассигнованных 596 тыс. [17, л. 176], и эти объекты были введены в строй в течение следующего года. В 1945 г. сеть общепита Сталинграда значительно выросла и насчитывала в конце года 2 ресторана, 184 столовых и 25 закусочных [14, л. 25]. Правда, значительная часть их продолжала находиться в приспособленных помещениях. Так, из 24 столовых городского треста 18 находились во временных

зданиях (бараках и развалинах), а две и вовсе ютились в подвале и землянке [14, л. 38].

Если восстановление материальной базы шло более-менее успешно, то снабжение столовых продуктами происходило с большими проблемами, несмотря на централизацию поставок и строгую регламентацию потребления. Например, в III квартале 1943 г. при потребности в мясе в 50 т его поступило 32 т, крупы из потребных 83 т поступило 69 тонн. В IV квартале из 40 тонн мяса поступило только 10 [10, л. 2]. Перебои с продуктами ощущали даже столовые для руководства. Так, 13 марта 1944 г. директор городского треста столовых Соколовский сообщал в горисполком: «отпуск спецпитания в столовой № 1 областного совпартактива срывается из-за отсутствия продовольствия» [10, л. 7].

Острая нехватка продуктов заставила обратить внимание на местные ресурсы. Уже 21 марта 1943 г. решением горисполкома всем предприятиям торговли и общепита были выделены участки на Волге, прудах и озерах для самостоятельного лова рыбы. За 1943 г. они должны были добыть 810 т рыбы, из них 60 т приходилось на городской трест столовых [18, л. 9]. Задание оказалось довольно трудным, поскольку в наличии не было ни лодок, ни сетей, ни опытных рыбаков. В результате вместо 60 т рыбаки треста столовых смогли выловить только 10,7 т [10, л. 2 об.]. Большое внимание с наступлением весны уделялось также сбору дикорастущей зелени. По плану 1944 г. работники треста столовых должны были заготовить 254 ц зелени (щавель, крапива, лук-дичка), корня хрена, солодки, грибов, желудей, и дикорастущих фруктов [16, л. 31]. Важнейшим подспорьем для снабжения продуктами должны были стать подсобные хозяйства. Однако их развитие шло плохо. Так, на 20 сентября 1943 г. план развития животноводства подсобным хозяйством треста столовых был выполнен и даже перевыполнен только по птице. По остальным показателям успехи были более чем скромными. При плане 100 голов крупного рогатого скота в хозяйстве имелось 31, вместо 775 свиней – 110 [4, л. 29]. Не лучше обстояли дела и с растениеводством. Оправдываясь, руководство треста ссылалось на «отсутствие какого бы то ни было инвентаря» в хозяйстве [10, л. 2 об.]. Тем не менее и в последующее время самостоятельному производству сельхозпродукции уделялось большое внимание. Согласно решению облисполкома от 26 июня 1944 г., доля продуктов собственных подсобных хозяйств в общественном питании области должна была составлять 40 % по зерновым, 60 % по мясу и рыбе, 40 % по жирам, и 100 % – по картофелю, овощам и корнеплодам [22, л. 86]. Однако и итоги 1944 г. оказались неутешительными. Урожайность картофеля при плане 60 ц с гектара составила 8 ц, овощей – 58 ц вместо 100 ц по плану. Самодеятельные рыбаки смогли выловить только 150 ц рыбы, или 4,8 % плана [20, л. 7]. По сути, подсобные хозяйства кормили лишь себя и немного – работников своих предприятий.

Большой проблемой оставалась низкая трудовая дисциплина работников. Невзирая на строгий контроль, в системе общественного питания процветали нарушения. За 1943 г. общая сумма растрат, хищений и недостач в городском тресте столовых составила 113 тыс. рублей. Всего было «разворовано в торгах и тресте столовых в 1943 г. хлеба 3 391 кг, мяса или рыбы 4 146 кг, жиров 191 кг, крупы 1 455 кг, сахару 1 455 кг, картофеля 3 013 кг» [19, л. 5 об.]. В 1944 г. положение стало еще хуже. За год было украдено 8 594 кг хлеба, 561 кг сахара и кондитерских изделий, 11 076 кг мяса или рыбы, 66 844 кг картофеля и овощей [20, л. 7]. Проверки показывали постоянные нарушения технологии приготовления блюд и недовесы.

Значительной проблемой являлся дефицит квалифицированных работников. Для их подготовки в августе 1943 г. была открыта школа торгово-кулинарного ученичества. Если первый набор составили только обучающиеся на счетовода, то в 1944 и 1945 гг. набирались и группы поваров 2-й категории длительностью обучения 1 год 6 месяцев. Обучение шло в весьма стесненных условиях. Более сотни учащихся были вынуждены делить с преподавателями помещение двухкомнатной квартиры площадью 39 кв. м [11, л. 13, 31]. Из-за отсутствия помещения и инвентаря занятия шли главным образом теоретические, с кухней будущие повара знакомились лишь на практике в столовых города.

С 1944 г. в стране стала разворачиваться свободная торговля продуктами питания и

промышленными товарами по «коммерческим» ценам. В системе общепита Сталинграда с 10 марта 1944 г. стали продаваться алкогольные напитки на розлив, для чего были отобраны семь столовых, по одной в каждом районе города [13, л. 43]. Водка отпускалась посетителям только за столами через официантов, прочие же блюда подавались по карточкам. В разрушенном городе эти столовые, работавшие допоздна, играли роль едва ли не единственного места проведения досуга. Кроме них, с 5 июня 1944 г. на пристани речного вокзала начал работать первый в послевоенном Сталинграде ресторан «для питания транзитных пассажиров и продажи винно-водочных изделий по коммерческим ценам». Ресторан обслуживал посетителей без карточек, но только по предъявлению командировочного удостоверения. Транзитные пассажиры могли рассчитывать только на одно посещение в день (обед), на одного клиента полагалось 100 г рыбы, 40 г крупы, 10 г жиров, 200 г овощей. Хлеб даже здесь выдавался по карточкам [13, л. 162]. Весной 1945 г. этот ресторан был передан в систему Главного управления по особой торговле (Особторг) и стал по-настоящему «коммерческим». До этого времени единственным местом, где в Сталинграде можно было получить качественное обслуживание и питание без карточек по «коммерческим» ценам, был ресторан при гостинице «Интурист», работавший по крайней мере уже осенью 1944 г. [25, 1944, 15 нояб.].

Результаты. Несмотря на огромную социальную значимость общественного питания, его восстановление в первое время по окончании Сталинградской битвы происходило в основном за счет внутренних ресурсов и в значительной мере силами самих работников этих предприятий. Крупные бюджетные ассигнования на восстановление разрушенных и строительство новых столовых стали выделяться в 1944–1945 гг., но строители хронически не успевали с их освоением. В первый период восстановления города основные их усилия были направлены на возрождение промышленности. Большинство столовых и к окончанию войны находились в полуразрушенных, наспех приспособленных помещениях, не имевших ни водопровода, ни канализации. Тем не менее система общественного питания смогла решить главную задачу – уже в 1943 г. половина населения Сталинграда была обеспечена регулярным горячим питанием, что буквально спасло от угрозы голода. Правда, качество приготовления блюд было довольно низким, а ассортимент очень скудным. Общественное питание испытывало постоянные проблемы с централизованным снабжением продуктами, собственные же подсобные хозяйства оказались не в состоянии обеспечить столовые сколько-нибудь заметным количеством продукции. Серьезной проблемой системы общепита Сталинграда оставались антисанитарное состояние столовых, низкая квалификация персонала, частые случаи хищений и обмана потребителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Австрийсков Е. В. Продовольственное снабжение сталинградцев в годы Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. 2013. № 3 (78). С. 73–75.

2. Акты и ведомости по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками торгам и тресту столовых // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 62. 116 л.

3. Баррикадный район Сталинграда. Завод «Баррикады». 1941–1945 / авт.-сост. В.Е. Алабушев. Волгоград: ГУ «Издатель», 2020. 296 с.

4. Доклад заведующего областным отделом торговли // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 17. 43 л.

5. Ильющенко Д. В. Общественное питание в СССР в 1941–1965 гг.: вектор эволюции // Молодой ученый. 2015. № 2 (82). С. 402–406. URL: https://moluch.ru/archive/82/13579/

6. Имангалиева А. М. Профсоюзный контроль за продовольственным обеспечением рабочих и служащих Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 3 (20). С. 94–100.

7. Красноженова Е. Е. Решение социально-бытовых проблем населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 14 (14). С. 31–33.

8. Кузьмина Э. В. Восстановление Сталинграда: 1943–1950. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002. 144 с.

9. Материалы по итогам соцсоревнования II квартала 1945 г. по столовым городского треста столовых // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 54. 77 л.

10. Отчет городского треста столовых о работе предприятий общественного питания за 1943–1944 гг. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 14. 87 л.

11. Отчет о работе Сталинградской школы торгово-кулинарного ученичества // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 66. 101 л.

12. Пищулина С. Ю., Редькина О. Ю. Восстановление Сталинграда в 1943–1945 гг.: Проблема формирования и распределения трудовых ресурсов // Экономическая история. 2017. № 3 (38). С. 64–77.

13. Приказы директора городского треста столовых за 1944 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 9. 417 л.

14. Приказы и дислокация сети городского отдела торговли // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 4. Д. 37. 130 л.

15. Приказы по городскому отделу торговли. 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 1. Д. 3. 47 л.

16. Приказы по городскому отделу торговли. 1944 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 2. Д. 1. 236 л.

17. Приказы, распоряжения Сталинградского горторготдела. 1943–1944 гг. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 1. Д. 5. 283 л.

18. Решения горисполкома, относящиеся к деятельности треста. 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 2. 35 л.

19. Решения облисполкома и горисполкома, относящиеся к деятельности треста // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 1. 41 л.

20. Решения облисполкома и горисполкома, относящиеся к деятельности треста // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 22. 32 л.

21. Решения облисполкома и горисполкома, относящиеся к деятельности треста // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 23. 30 л.

22. Решения облисполкома (сектор общепита). 1943–1944 гг. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 22. 129 л.

23. Решения Сталинградского горисполкома. 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 1. Д. 2. 123 л.

24. Решения Сталинградского горисполкома. 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 1. Д. 4. 98 л.

25. Сталинградская правда: газета. Сталинград, 1943–1945.

26. Сталинградская область (1939–1943): цифры и факты. Волгоград: ГУ «Издатель», 2016. Т. 1. 424 с.

REFERENCES

1. Avstrijskov E.V. Prodovolstvennoe snabzhenie stalingradcev v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Food Supply of Stalingraders During the Great Patriotic War]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo socialno-pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2013, no. 3 (78), pp. 73-75.

2. Akty i vedomosti po uchetu ushcherba, prichinennogo nemecko-fashistskimi zahvatchikami torgam i trestu stolovyh [Acts and Statements on Accounting for the Damage Caused by the Nazi Invaders to the Auction and Canteen Trust]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 62. 116 l.

3. *Barrikadnyj rajon Stalingrada. Zavod «Barrikady». 1941–1945* [Barricade District of Stalingrad. "Barricades" Factory. 1941–1945]. Volgograd, GU «Izdatel», 2020. 296 p.

4. Doklad zaveduyushchego oblastnym otdelom torgovli [Report of the Head of the Regional Department of Trade]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 17. 43 l.

5. Ilyushchenko D.V. Obshchestvennoe pitanie v SSSR v 1941–1965 gg.: vector evolyucii [Public Catering in the USSR in 1941-1965: the Vector of Evolution]. *Molodoj uchenyj*, 2015, no. 2 (82), pp. 402-406. URL: https://moluch.ru/archive/82/13579/

6. Imangalieva A.M. Profsoyuznyj control za prodovolstvennym obespecheniem rabochih i sluzhashchih Stalingradskoj oblasti v 1943 – nachale 1950-h gg. [Trade Union Control over Food Supply for Workers and Employees of the Stalingrad Region in 1943-Early 1950s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Perm University Herald. History], 2012, iss. 3 (20), pp. 94-100.

7. Krasnozhenova E.E. Reshenie socialno-bytovyh problem naseleniya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Nizhnego Povolzhya) [Solving the Social Problems of the Population During the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2012, no. 14 (14), pp. 31-33.

8. Kuzmina E.V. *Vosstanovlenie Stalingrada: 1943–1950* [Restoration of Stalingrad: 1943–1950]. Volgograd, GU «Izdatel», 2002. 144 p.

9. Materialy po itogam socialisticheskogo sorevnovaniya II kvartala 1945 g. po stolovym gorodskogo tresta stolovyh [Materials on the Results of the Socialist Competition of the 2nd Quarter of 1945 in the Canteens of the City Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 54. 77 l.

10. Otchet gorodskogo tresta stolovyh o rabote predpriyatij obshchestvennogo pitaniya za 1943–1944 gg. [Report of the City Canteen Trust on the Work of Public Catering Establishments for 1943-1944]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 14. 87 l.

11. Otchet o rabote Stalingradskoj shkoly torgovo-kulinarnogo uchenichestva [Report on the Work of the Stalingrad School of Trade and Culinary Apprenticeship]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 66. 101 l.

12. Pishchulina S.Yu., Redkina O.Yu. Vosstanovlenie Stalingrada v 1943–1945 gg.: Problema formirovaniya i raspredeleniya trudovyh resursov [Restoration of Stalingrad in 1943–1945: The Problem of the Formation and Distribution of Labor Resources]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2017, no. 3 (38), pp. 64-77.

13. Prikazy direktora gorodskogo tresta stolovyh za 1944 g. [Orders of the Director of the City Canteen Trust for 1944]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 9. 417 l.

14. Prikazy i dislokatsia seti gorodskogo otdela torgovli [Orders and Deployment of the City Trade Department Network]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 4, d. 37. 130 l.

15. Prikazy po gorodskomu otdelu torgovli. 1943 g. [Orders for the City Department of Trade. 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 1, d. 3. 47 l.

16. Prikazy po gorodskomu otdelu torgovli. 1944 g. [Orders for the City Department of Trade. 1944]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 2, d. 1. 236 l.

17. Prikazy, rasporyazheniya Stalingradskogo gortorgotdela. 1943–1944 gg. [Orders, Instructions of the Stalingrad City Trade Department]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 1, d. 5. 283 l.

18. Resheniya gorispolkoma, otnosyashchiesya k deyatelnosti tresta. 1943 g. [Decisions of the City Executive Committee Relating to the Activities of the Canteen Trust. 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 2. 35 l.

19. Resheniya oblispolkoma i gorispolkoma, otnosyashchiesya k deyatelnosti tresta [Decisions of the Regional Executive Committee and City Executive Committee Related to the Activities of the Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 1. 41 l.

20. Resheniya oblispolkoma i gorispolkoma, otnosyashchiesya k deyatelnosti tresta [Decisions of the Regional Executive Committee and City Executive Committee Related to the Activities of the Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 22. 32 l.

21. Resheniya oblispolkoma i gorispolkoma, otnosyashchiesya k deyatelnosti tresta [Decisions of the Regional Executive Committee and City Executive Committee Related to the Activities of the Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 23. 30 l.

22. Resheniya oblispolkoma (sector obshchepita). 1943–1944 gg. [Decisions of the Regional Executive Committee (Public Catering Sector). 1943–1944]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 22. 129 l.

23. Resheniya Stalingradskogo gorispolkoma. 1943 g. [Decisions of the Stalingrad City Executive Committee. 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 1, d. 2. 123 l.

24. Resheniya Stalingradskogo gorispolkoma. 1943 g. [Decisions of the Stalingrad City Executive Committee. 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 1, d. 4. 98 l.

25. *Stalingradskaya pravda*: *gazeta* [Stalingradskaya Pravda. Newspaper]. Stalingrad, 1943–1945.

26. *Stalingradskaya oblast (1939–1943): cifry i fakty* [Stalingrad Region (1939–1943): Figures and Facts]. Volgograd, GU «Izdatel», 2016, vol. 1. 424 p.

Information About the Author

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-8906

Информация об авторе

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-8906

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.17

UDC 94(47+57)“1941/1945”:341.321.1
LBC 63.3(2)622-7

Submitted: 30.09.2022
Accepted: 13.12.2022

RESTORING THE EDUCATIONAL SYSTEM OF THE STALINGRAD REGION AFTER THE LIBERATION FROM THE GERMAN FASCIST INVADERS IN 1943–1945

Valentina A. Ageeva

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) RSUE (RINH), Taganrog, Russian Federation

Annotation. The article highlights the peculiarities of restoring the system of school education in the Stalingrad region in the years 1943–1945 as part of the solution of the following problems: generalization of resources for the revival of the regional school network, having material and non-material nature; characterization of sources for recruiting teaching staff; the selection of causes affecting the success of general education in the region at the final stage of the war. The study showed that the task of building schools and providing them with equipment as well as educational supplies was solved mainly at the expense of local reserves and patronage assistance from the regions of the RSFSR and the republics of the USSR. One of the most effective ways of using the local labor potential has become the method of folk construction. The issue of forming the teaching staff of educational institutions was especially difficult and ambiguous in the region. One of the sources for the formation of the teaching staff was the network of pedagogical universities in the Stalingrad region, which was reviving simultaneously with the school system of education. The main breeding ground for teaching staff was short-term courses for high school students and employees at institutes for advanced training of teachers. During the recovery period, the role of the school increases in solving the everyday problems of students, the successful implementation of which directly depended on the attendance of schoolchildren at educational institutions. As a result, in 1943–1945, the foundations were laid for the further productive development of school education in the Stalingrad region in the post-war years.

Key words: restoring, schools, Stalingrad region, teaching staff, general education, the Great Patriotic War.

Citation. Ageeva V.A. Restoring the Educational System of the Stalingrad Region After the Liberation from the German Fascist Invaders in 1943–1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 185-197. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.17

УДК 94(47+57)“1941/1945”:341.321.1
ББК 63.3(2)622-7

Дата поступления статьи: 30.09.2022
Дата принятия статьи: 13.12.2022

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В 1943–1945 ГОДАХ

Валентина Анатольевна Агеева

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. В статье выделяются особенности восстановления системы школьного образования Сталинградской области в 1943–1945 гг. в рамках решения следующих задач: обобщение ресурсов возрождения областной школьной сети, имеющих материальную и нематериальную природу, характеристика источников ее комплектования учительскими кадрами и выделение причин, влияющих на успешность организации всеобщего обучения в регионе на заключительном этапе войны. Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности в освещении материала. Исследование показало, что задача строительства школ, обеспечения их оборудованием и учебными принадлежностями решалась преимущественно за счет местных резервов и шефской помощи от областей РСФСР и республик СССР. Одним

© Агеева В.А., 2023

из наиболее эффективных направлений использования местного трудового потенциала стал метод народной стройки. Особенно сложно и неоднозначно в регионе решался вопрос формирования педагогических коллективов учебных заведений. Одним из источников формирования учительских кадров стала возрождающаяся одновременно со школьной системой образования сеть педагогических вузов Сталинградской области. Основной кузницей учительских кадров стали краткосрочные курсы из старшеклассников и служащих на базе институтов усовершенствования учителей. В восстановительный период возрастает роль школы в решении повседневных проблем обучающихся, от успешного выполнения которой напрямую зависела посещаемость школьниками учебных заведений. В итоге в 1943–1945 гг. были заложены основы дальнейшего продуктивного развития школьного образования Сталинградской области в послевоенные годы.

Ключевые слова: восстановление, школы, Сталинградская область, учительские кадры, всеобщее обучение, Великая Отечественная война.

Цитирование. Агеева В. А. Восстановление системы школьного образования Сталинградской области после освобождения от немецко-фашистских захватчиков в 1943–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 185–197. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.17

Введение. Организация работы системы школьного образования г. Сталинграда и Сталинградской области после освобождения от немецко-фашистских захватчиков являлась частью общегосударственной программы по восстановлению народного хозяйства районов РСФСР, находившихся в оккупации или прифронтовой зоне. Данная тема в исторической литературе проработана фрагментарно. В советский период она рассматривалась в обобщающих трудах, раскрывающих вклад РСФСР в общую победу Советского государства над немецко-фашистскими захватчиками [12]. Историки 1990–2000-х гг. стремились определить лакуны в изучении проблем образования в годы Великой Отечественной войны с ориентацией на локальные региональные исследования [1; 13; 14]. Прорывом в изучении военного детства и школьной повседневности на материалах Сталинграда можно считать коллективную монографию «Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны» [6]. В публикации Н.А. Болотова представлен вклад преподавателей и студентов Сталинградского государственного педагогического института (далее – СГПИ) в защиту родного города [4]. Определенный интерес, для нашего исследования представляют труды Л.В. Харининой, которая впервые выполнила комплексное исследование по проблеме восстановления высших учебных заведений Нижнего Поволжья в 1945–1953 гг. [21].

Отечественные историки рассмотрели ряд общих вопросов возрождения системы школьного образования Сталинградской области. В то же время в имеющихся по теме публикациях архивные материалы задействованы не в полном объеме, недооценен и такой информативный источник, как периодика. Научно-исследовательской лакуной является проблема обеспечения кадрами системы школьного образования на восстановительном этапе.

Цель данной работы – проанализировать особенности восстановления системы школьного образования Сталинградской области в 1943–1945 годы. Из поставленной цели вытекают следующие задачи исследования: ранжировать ресурсы восстановления областной школьной сети, имеющие материальную и нематериальную природу, обобщить источники комплектования ее учительскими кадрами и охарактеризовать причины, влияющие на успешность организации всеобщего обучения (далее – всеобуча) в регионе на заключительном этапе войны, в том числе бытовые.

Методы и материалы. Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности в освещении материала. Существенное значение для понимания самого механизма принятия решений по вопросам восстановления системы образования г. Сталинграда и области после освобождения от немецко-фашистских захватчиков сыграло использование в исследовании делопроизводственной документации центральных и местных органов власти из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической

истории (РГАСПИ), Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), а также опубликованных сборников.

Практические результаты в возрождении школьной сети также широко освещались на страницах газеты «Сталинградская правда». Значимую роль в исследовании указанной проблемы сыграли документы личного происхождения. Опубликованные воспоминания «детей Сталинграда» позволили показать рефлексию учащихся в отношении включения в образовательный процесс, определить роль школы в обустройстве повседневного мира обучающихся [5].

Анализ. После освобождения от немецко-фашистских захватчиков практически каждого населенного пункта СССР специальные комиссии составляли акты ущерба, причиненного народному хозяйству, в том числе и системе образования. Так, например, специальная комиссия 16 июля 1943 г. составила акт осмотра средних школ, находившихся в Енотаевском районе Сталинградской области, в котором было указано, что «в результате налета вражеской авиации и сброшенных бомб 23 августа 1942 года были сильно повреждены 3 школы и один детдом... Школа кирпичная одноэтажная, в которой выбиты все рамы, повреждены печи и крыша на сумму 54 000 руб., кубатура ее 4 520 м^3... Школа деревянная, одноэтажная, в которой снесена крыша, выбиты окна, убыток на сумму 26 000 руб., кубатура здания 1 060 м^3. Всего убытка на сумму сто тридцать тысяч» [2]. Согласно справке областного отдела образования (далее – ОБЛОНО) «О восстановлении школ и учреждений народного образования в г. Сталинграде и районах, освобожденных от немецкой оккупации», «...до оккупации в г. Сталинграде и 14 районах имелось 600 школ, в которых обучалось 79 346 детей, немецкими захватчиками было уничтожено 379 школ» [18, л. 98]. Непосредственно в г. Сталинграде на 23 августа 1942 г. было 95 школ, из них: начальных – 39, неполных средних – 22, средних – 34. В большинстве своем они располагались в хорошо оборудованных 4-этажных и 2-этажных светлых зданиях. Вражеской авиацией в период осады города и в ходе боевых действий было сожжено 82 школы, из них средних – 32, неполных средних – 23 [18, л. 97].

В докладной записке на имя заведующего ОБЛОНО Н.С. Агринского содержится информация о том, что на 15 марта 1943 г. в г. Сталинграде удалось организовать работу 20 школ. Среди них: средних школ – 3, неполных средних – 4, начальных – 13 [8, л. 1]. Они размещались преимущественно не в специальных школьных зданиях, а в жактовских, коммунальных и даже частных домах. В документе констатировалось: «На Красном Октябре, Баррикадах, Тракторозаводском районах под школы приспосабливают подвалы» [8, л. 1].

На активизацию восстановительных работ в Сталинградской области было направлено Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 4 апреля 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Сталинграда и Сталинградской области» [16], которое стало одним из программных документов начального этапа ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации. Несмотря на то, что в нем в первую очередь ставились задачи восстановления промышленных объектов и транспорта, сфере образования тоже было уделено внимание. В п. 44–46 предписывалось к 16 сентября 1943 г. обязать Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) РСФСР восстановить «в г. Сталинграде 8 школ, на 880 ученических мест и 4 школы по 400 ученических мест каждая. В районах Сталинградской области 25 школ, из них 6 школ по 280 ученических мест каждая, 7 школ по 160 ученических мест и 12 школ по 80 ученических мест каждая» [16, л. 91]. Для этих целей выделялось 12 млн руб., 1,5 млн тетрадей, 500 тыс. карандашей, 500 тыс. перьев, 450 тыс. ученических ручек и учебно-наглядных пособий на 400 тыс. рублей. В ходе наращивания восстановительных работ в регионе задачи в области расширения школьной сети масштабируются. В плане капитально-восстановительных работ 14 районов области и г. Сталинграда было указано запустить 312 объектов системы школьного образования, в том числе 222 начальных школы, 63 неполных средних и 27 средних. Реально на 1 декабря 1943 г. были готовы 266 объектов, из них: 185 начальных

школ, 59 неполных средних и 22 средних [18, л. 98]. Таким образом, в основном были сорваны планы в отношении начальных школ. Обращает на себя внимание и тот факт, что если по районам недовыполнение составило примерно 10–15 %, то в г. Сталинграде – 38 %, так, из 8 по плану было запущенно только 3 школы [18, л. 100]. Это вполне объяснимо масштабами разрушений города на Волге.

Зимой и весной 1943 г. на темпы и качество формирования учебно-материальной базы школ влияли такие факторы, как необходимость ликвидации масштабных разрушений на уже достаточно обширной освобожденной территории и продолжающиеся военные действия на фронтах. Перед государством попрежнему стояла задача наращивания военного потенциала для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков. В таких объективно сложных условиях дефицита мирной продукции, прежде всего строительных материалов, оборудования и людских ресурсов, возродить социальную инфраструктуру г. Сталинграда и области быстрыми темпами было крайне сложно.

С.Ю. Пищулина и О.Ю. Редькина выделяют следующие группы трудовых ресурсов, задействованных на первом этапе разбора завалов в г. Сталинграде: «солдаты и офицеры Сталинградской группы войск, военнопленные, а также все имевшееся на территории города гражданское население» [15, с. 66]. Далее советское правительство развернуло кампанию по централизованному привлечению трудовых кадров из других регионов СССР. Как свидетельствуют архивные документы, бригады строителей, направлявшиеся из других регионов РСФСР, в основном использовались на восстановлении промышленности [19]. Задачи по реанимированию материальной базы системы образования решались преимущественно с опорой на местные ресурсы, в их число входили обучающиеся и их наставники. Об этом с чувством гордости вспоминают дети войны: «А после освобождения одни руины были... Все было сожжено... Субботники устраивались. Учеников на разбор руин отправляли. А в воскресенье мама ходила, разбирала» [5, с. 234]. «Город быстро восстанавливался. Люди были все очень дружные, на субботниках работали... Нам вот в школе давали 50 носилок вынести мусора. А носилки были из сырого дерева сделаны, неподъемные. Мы идем, а нас туда качает и сюда. И никогда мы не говорили, что не пойдем... Мы всегда дружно! И также от трупов очищали, разруху, мусор убирали... Дети того времени выглядели старше своих лет!» [5, с. 354]. Под руководством своих наставников подростки не только успешно справлялись с ремонтно-строительными работами, но и активно укрепляли учебно-материальную базу своих школ. Специальные бригады школьников и учителей собирали мебель в щелях, блиндажах, разрушенных домах.

Созидательный труд подростков по восстановлению учебных заведений и других объектов инфраструктуры г. Сталинграда и области стал своеобразной, возможно, неосознанной формой реабилитации детей. Таким образом, в сознании подростков происходил процесс замещения отрицательных эмоций, связанных с ужасами и трагедией оккупации и войны, положительными эмоциями, основывающимися на чувствах радости освобождения и устремленности в будущую мирную жизнь.

Большую роль в возрождении социальной инфраструктуры Сталинграда сыграли общественные инициативы, основой которых являлось естественное желание советских граждан ускорить процессы мирного обустройства своей повседневности, подкрепленные пропагандой и административными усилиями партийных и советских органов управления всех уровней. Председатель городского комитета обороны, секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянов и председатель исполкома Сталинградского областного Совета трудящихся И.Ф. Зименков через газету «Сталинградская правда» уже 3 февраля 1943 г. обратились ко всему населению города с призывом возродить Сталинград [19]. И этот призыв получил широкий отклик среди горожан, впоследствии оформившийся в массовые общественные инициативы. К примеру, накануне войны массовый характер приобрело движение по оказанию шефской помощи школам по ремонту и подготовке к учебному году. Оно получило название Черепановского, так как зародилось в Черепановском районе Новосибирской области и нашло затем

поддержку у властных структур. В «Учительской газете» широко освещались примеры оказания шефской помощи школам в подготовке к новому учебному году с целью ее повсеместного развития.

В Сталинграде в 1943 г. вопросы строительства и ремонта решались в рамках Черкасовского общественного движения. Его инициаторами были 9 женщин – работниц детского сада Дзержинского района и домохозяек, которые под руководством бригадира А.М. Черкасовой вышли 13 июня 1943 г. на восстановление легендарного Дома Павлова. В июле 1943 г. пленум городского комитета ВКП(б) установил главное направление приложения труда добровольческих бригад, а именно: «...восстановление жилищно-коммунального хозяйства, учреждений народного образования и здравоохранения, водопровода и трамвайного хозяйства» [15, с. 70]. В 1943 г. 863 бригады черкасовцев выполнили около половины всего объема социально-культурного и жилищно-коммунального строительства. Среди успешно отстроенных объектов были 25 школ [15, с. 70].

Значительную роль в возрождении системы школьного образования Сталинградской области, как и других регионов, освобожденных от немецко-фашистской оккупации, сыграла шефская помощь от областей РСФСР и республик СССР. Например, в марте 1943 г. трудящиеся Кировской области прислали оборудование для 2 школ. В эшелонах с предметами первой необходимости из Молотовской области (ныне – в составе Пермского края) была отправлена 1 тыс. школьных тетрадей, из Ивановской области прислали 5 тыс. школьных учебников [20]. С каждым днем восстановительных мероприятий помощь наращивалась.

Методом народной стройки и благодаря шефской помощи областей РСФСР и республик СССР в г. Сталинграде к 1 января 1944 г. удалось восстановить работу 42 школ, по сравнению с 3, функционировавшими в декабре 1943 г. [18, л. 98]. В 1944/45 учебном году планировалось обеспечить работу 25 начальных, 13 семилетних и 17 средних школ с общим количеством в 27 833 учащихся. Но только в 1950 г. сеть народного образования г. Сталинграда приблизилась к довоенному уровню [6, с. 225].

Одновременно с укреплением учебно-материальной базы системы школьного образования решалась еще одна глобальная и первостепенная задача – комплектация восстановленных из руин учебных заведений педагогическими кадрами. В условиях, когда часть бывших педагогических работников была призвана в ряды вооруженных сил, часть находилась в эвакуации, а оставшиеся на местах пережили немецко-фашистскую оккупацию, это было сложным делом. В записке на имя заведующего Сталинградским ОБЛОНО Н.С. Агринского был указан дефицит учительских кадров на 23 августа 1943 г. по районам Сталинграда: «по Кировскому району – 88 ч[ел]., по Ворошиловскому – 22 ч[ел].; по Дзержинскому – 15 ч[ел]., на Красном Октябре – 2 ч[ел.]» [8, л. 6].

Первыми на работу вернулись учителя, остававшиеся на захваченной врагом территории. Однако их стали освобождать от занимаемых должностей как скомпрометировавших себя самим фактом пребывания на оккупированной территории и/или работой на немцев. Городские и районные отделы образования, руководство школ составляли пофамильные списки, в которых отражались события из жизни учителей периода оккупации. Эти сведения направлялись в партийные организации и отделы НКВД, где дело каждого изучалось персонально. Среди подобных документов обращает на себя внимание отчет Калачевского районного отдела народного образования (далее – РАЙОНО), в котором представлены результаты проведения проверки в отношении учителей данного района, оставшихся на временно оккупированной территории и ведущих после освобождения педагогическую деятельность. Всего в отчете дана характеристика 5 педагогам, как отмечалось в документе, так или иначе скомпрометировавшим себя тем, что вели профашистскую пропаганду / аморальный образ жизни, работали в учреждениях оккупационных властей. В результирующей части указывалось: «...на всех перечисленных учителей высылали производственные характеристики. РК ВКП(б) и исполком райсовета настаивают на освобождении их от работы. РАЙОНО также считает, что перечисленных учителей оставлять на работе невозможно. Просим

дать приказ ОБЛОНО» [7, л. 29]. Вместе с тем большинство педагогических работников, пройдя проверки, продолжало успешно выполнять свой профессиональный долг.

Одним из источников пополнения педагогических кадров на первоначальном этапе восстановительного процесса стали имевшие педагогическое образование женщины-военнослужащие Красной армии, освобождавшие г. Сталинград: «...те, кто были зенитчиками, по специальности были преподавателями, молоденькие, только из Сибири, потому что в Сталинграде вон сколько людей было. Нас и сибиряки освобождали... И после освобождения Сталинграда был дан приказ остаться здесь и учить наших детей тем, кто были преподавателями» [5, с. 127].

Народный комиссариат просвещения (далее – Наркомпрос) РСФСР для укрепления учительских коллективов области в июле 1943 г. направил из разных регионов 200 молодых специалистов, а по персональным заявкам Сталинградского ОБЛОНО из эвакуации было вызвано 169 учителей [9, л. 72].

Накануне войны в Сталинградской области, включая Астраханский округ, действовало четыре педагогических вуза: Астраханский педагогический институт, в состав которого входил Астраханский учительский институт, и Сталинградский государственный педагогический институт, также включавший в свою структуру учительский институт. Учительские институты в течение двух лет готовили кадры 5–7 классов средних и неполных средних школ. В педагогических институтах срок обучения составлял четыре года, и выпускники этих вузов имели более высокий квалификационный статус.

В 1942 г. в здании Астраханского педагогического института был размещен госпиталь, а профессорско-преподавательский состав (далее – ППС) эвакуирован в Тобольск. В октябре 1943 г. пединститут возобновил свою работу в Астрахани. В этот же период на базе уже существовавших двухгодичных курсов был создан факультет иностранных языков с четырехлетним сроком обучения [3, с. 6].

Сталинградский государственный педагогический институт в августе 1942 г., когда началась массированная бомбардировка города и развернулись широкомасштабные военные действия, сопровождавшиеся отступлением Красной армии, был подготовлен к эвакуации за Волгу. Однако решить эту задачу в полном объеме не удалось: «...было упаковано и перевезено на берег все хозяйственное имущество, оборудование кабинетов и музеев, книги библиотеки. Но 23 августа во время массированной бомбардировки города все это было уничтожено прямым попаданием авиабомбы... были разрушены все три учебных корпуса, библиотека, 4 студенческих общежития, столовая, хозяйственные постройки и частично – дом научных работников» [5, с. 103]. Основная масса преподавателей и студентов ушла в армию, некоторые были эвакуированы в Бирск и Саратов для продолжения обучения в местных педагогических институтах.

Правительство 15 июля 1943 г. приняло постановление о возобновлении работы СГПИ. В докладной записке заместителя Наркомпроса РСФСР Г.И. Иваненко в ЦК ВКП(б) о мероприятиях по обеспечению школ Сталинградской области преподавательскими кадрами, организации детских домов и дошкольных учреждений от 17 июля 1943 г. констатировалось, «что назначены директор пединститута и его заместитель по учебной и научной части. Возвращаются в пединститут 17 научных сотрудников, работавшие в нем ранее. Направляются 7 человек, окончивших аспирантуру по кафедрам математики, химии, литературы, русского языка, истории и зоологии» [10, л. 10]. Возглавил вуз И.А. Фурсенко, являющийся его руководителем и до оккупации. Учитывая, что институт лишился всей своей материально-технической базы, а в разрушенном практически на 90 % городе было трудно найти подходящие здания, областной комитет ВКП(б) 21 августа 1943 г. предписал Сталинградскому пединституту развернуть свою деятельность в г. Камышине [11, л. 124]. Здесь он и располагался до окончания войны. На совместном заседании бюро обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета депутатов 30 сентября 1943 г. было принято решение, содержавшее развернутую программу по обустройству СГПИ на новом месте. О том, какое значение придавали местные власти подготовке учительских кадров, может свидетельствовать тот факт, что под учебные

корпуса института отвели здания, использовавшиеся районным комитетом ВКП(б) и райисполкомом, а также выделили достаточное количество зданий под общежитие студентов и квартиры ППС. Занятия в институте начались 15 ноября 1943 года. Структура вуза включала в себя по-прежнему педагогический и учительский институты. В структуре пединститута сохранилось 5 факультетов: физико-математический, географический, естествознания, исторический, русского языка и литературы (в документе обозначен как литературный). Всего обучающихся было 265 чел. (табл. 1) [11, л. 124].

В учительском институте на 4 отделениях, которые также дублировали довоенную структуру, обучалось 155 чел. (табл. 2) [10, л. 124]. Приведенные статистические данные позволяют констатировать, что в институты вернулись те, кто обучался в них до оккупации. Всего в двух институтах обучалось 420 студентов.

Следует отметить, что после начала работы вуза в Камышине, в условиях крайнего дефицита промышленных товаров и энергетических ресурсов, несмотря на поддержку региональных властей, обустроить быт студентов и педагогов на должном уровне не удалось. Общежития не были обеспечены достаточным количеством топлива, мебелью и постельными принадлежностями. Обучающиеся вынуждены были спать на полу, были перебои с питанием в столовой. Определенные сложности испытывал вуз с учебно-методическими пособиями, оборудованием [11, л. 124].

Дефицит ППС и его профессиональная квалификация – это еще одна принципиальная организационная проблема, с которой столкнулись и руководство вуза и региональные, центральные власти, державшие ее решение на контроле. На начальном восстановительном этапе в вузе работал 21 преподаватель. К концу 1943/44 учебного года педагогический коллектив удалось увеличить до 32 человек. Однако это не позволило устранить ряд проблем в реализации учебного процесса. Совершенно не читались курсы по геологии и картографии, не был выполнен учебный план по физической и экономической географии СССР и мира, по русской литературе. Больше половины преподавателей составляли ассистенты и старшие преподаватели, часть которых являлись школьными учителями и работали в вузе по совместительству. Крайне низким было количество преподавателей с учеными

Таблица 1. **Количество обучающихся в педагогическом институте по факультетам в 1943 году**

Table 1. **The number of students of the Pedagogical Institute by faculties in 1943**

Наименование факультета	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	Всего
Физико-математический	46 чел.	5 чел.	3 чел.	–	54 чел.
Естественный	40 чел.	6 чел.	5 чел.	1 чел.	52 чел.
Исторический	36 чел.	2 чел.	6 чел.	1 чел.	45 чел.
Географический	41 чел.	5 чел.	5 чел.	1 чел.	52 чел.
Литературный	47 чел.	5 чел.	7 чел.	3 чел.	62 чел.

Таблица 2. **Контингент учительского института по отделениям, 1943 год**

Table 2. **The contingent of the Teachers' Institute by department, 1943**

Наименование отделения	1-й курс	2-й курс	Всего
Физико-математическое	23 чел.	3 чел.	26 чел.
Естественно-географическое	49 чел.	4 чел.	53 чел.
Историческое	29 чел.	10 чел.	39 чел.
Русского языка и литературы	29 чел.	8 чел.	37 чел.

степенями. Заведующими ряда кафедр были старшие преподаватели. На 1944/45 учебный год необходимо было найти восемь заведующих для кафедр истории СССР, русской литературы, русского языка, географии, геологии, педагогики, основ марксизма-ленинизма, физики. Фактически половина кафедр вуза функционировала без компетентного руководства [17].

Повышению уровню квалификации профессорско-преподавательского состава способствовала продуктивная научно-исследовательская работа СГПИ. Согласно отчету директора И.А. Фурсенко по Сталинградскому государственному педагогическому и учительскому институту за 1944/45 учебный год, старший преподаватель, заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма С.П. Маврина написала кандидатскую диссертацию по теме «История партийного устава» под руководством московского профессора, доктора исторических наук Г.И. Крамольникова. В диссертационном совете Московского педагогического института была защищена кандидатская работа по физике старшим преподавателем Тутаевым. В Одесском государственном университете в апреле 1945 г. была запланирована защита кандидатской диссертации по филологии «Система времен глаголов в Лаврентьевском списке летописей». Старший преподаватель А.Н. Климов в качестве НИР выбрал тему «Историческое значение битвы под Сталинградом» и рассмотрел «основные этапы героической борьбы в Сталинграде, торжество Сталинской стратегии, разгром немецко-фашистских захватчиков, охарактеризовал великий перелом на фронтах Отечественной войны в результате Сталинградской битвы» [10, л. 9]. Интересно, что работа была выполнена на базе советской и иностранной печати. Для аспирантов регулярно работал кружок по изучению иностранных языков с целью подготовки к сдаче кандидатского минимума. Всего, согласно отчету, за 1944/45 учебный год было оформлено 14 научных командировок для защиты кандидатских диссертаций и сдачи кандидатских экзаменов [10, л. 10].

Следует констатировать, что региональные педагогические вузы восстанавливались фактически одновременно со школьной областной системой и не могли своевременно и в полном объеме решить проблему дефицита квалифицированных кадров учителей [18, л. 99].

Проблема формирования учительских коллективов остро стояла не только в Сталинградской области, подобная ситуация складывалась во всех регионах страны, решавших задачи ликвидации последствий вражеского нашествия. Правительство и Наркомпрос РСФСР нашли выход через организацию краткосрочных курсов от 8 до 10 месяцев для подготовки учителей начальных и неполных средних школ из учащихся 9 и 10 классов и служащих. Реализовывались эти курсы в основном институтами усовершенствования учителей. Такой институт функционировал и в Сталинграде [10, л. 10]. Летом 1943 г. на курсах велась подготовка 300 учителей для 5–7 классов [9, л. 72]. Вместе с тем эти авральные методы не решали глобально кадровую проблему. В школах не хватало преподавателей с высшим образованием.

Значительную роль в подготовке учительских кадров играла не только предметная, но и идеологическая подготовка. Для оказания практической помощи в восстановлении политической просветительской работы Наркомпрос РСФСР в июле 1943 г. «командировал в Сталинградскую область директора Института повышения квалификации руководящих кадров политпросветработы т. Сахет... а также было выделено 14 960 экземпляров актуально-политической литературы и сборников художественной самодеятельности... 1 200 географических карт (“Политическая карта мира” и “Политико-административная карта СССР”)» [9, л. 73].

На заключительном этапе войны перед центральными и местными властями, наряду с задачами восстановления материально-технической базы школьной сети и комплектации ее квалифицированными педагогическими кадрами, остро стоял вопрос вовлечение детей и подростков в процесс получения образования. Начало Великой Отечественной войны, естественно, затормозило в Советском государстве поступательное решение вопроса всеобуча. Объективные причины – сокращение финансовых вложений в социальную сферу, оккупация части территории СССР немецко-фашистскими захватчиками, разрушение цело-

стности системы образования страны, обусловленное военными действиями, повлияли на принятие правительством решения об отсрочке повсеместного введения обязательного среднего десятилетнего обучения в городах и рабочих поселках и семилетнего – в сельской местности, намеченного в третьем пятилетнем плане. Временная образовательная программа Советского государства предполагала обязательное начальное обучение на селе и семилетнее в городах и рабочих поселках. Для выполнения этих задач всеобуча СНК РСФСР 14 июля 1943 г. принял постановление, которое обязало местные органы власти в городах и сельской местности составлять списки детей школьного возраста и следить за их посещаемостью в школе, а в случае неисполнения данного постановления наказывать виновных [14, с. 5]. В Сталинградской области вопросам вовлечения подрастающего поколения в процесс образования, как и в других регионах СССР, уделялось большое внимание. Областной Совет депутатов трудящихся регулярно принимал решения по усилению контроля над работой районов, школ и других организаций, отвечавших за выполнение закона о всеобщем обучении, а также изыскивал дополнительные средства для оказания помощи остро нуждающимся школьникам.

Органами образования систематически проводились мероприятия по возвращению детей в школы: разъяснительная работа о важности выполнения «Сталинского закона о всеобуче» на предприятиях, среди родителей, подворный обход учителями прикрепленных к школе территорий с целью учета и выяснения причин непосещения подростками занятий. Яркой иллюстрацией этой работы является воспоминание В.Я. Калтыпиной (1934 г. р.): «В сентябре я пошла в 93-ю школу, хорошая школа... Это уже в 1943... Вот я пошла за хлебом к Волге... а оттуда иду, а на парадном входе четырехэтажной школы, которая на трамвайном кольце, стоит учительница и зазывает малышей: “Ты училась, девочка?” – “Нет”. – “А где живешь?” – “Да вот здесь”. – “Ну, заходи в класс”. Заведет в класс, посадит за парту, и мы ждем еще кого-нибудь. Потому что иначе найти было невозможно; нужно было обходить всю Ельшанку, а Ельшанка вся в земле» [5, с. 127].

Важное значение сыграли меры, направленные на решение бытовых и материальных проблем школьников. Из воспоминаний детей войны: «Одевались во все, что у нас было. А обувь... летом мама нам вязала обувь... и шила из немецких шинелей, их кто-то давал. А зимой ходила я в маминых ботинках... пока можно было, я в них ходила. А потом они кончились, разорвались, и я с Мишей стала меняться» [5, с. 324]. Взрослые использовали любые подручные средства, в том числе немецкое обмундирование, чтобы собрать своего ученика в школу. Н.И. Трубачева (1936 г. р.) вспоминала: «Дед с бабкой мои были практичные люди, они с мертвых немцев шинели снимали, и из такой сшили мне пальто, а подкладка была из вареной клеенки. А портфель мне сделали из немецкого мешка со свастикой. Мне так стыдно было с этой свастикой ходить, я все время переворачивала ее обратной стороной, чтобы никто не увидел! Вот так я в школу пошла: портфелей, бумаги не было. Брат отца, когда приехал из Челябинска, привез нам бумагу, портфель для меня, и я тогда была уже готова к школе» [5, с. 397]. В условиях дефицита одежды сложилась практика отправлять детей в разные смены: «...мы в школу ходили, но поначалу были плохо одеты... И мы по очереди одежду носили. Я приходила, снимала, сестра надевала и шла, хоть ей, может, моя одежда и большая была. И так мы могли в школу ходить. Ведь мы какие были – это уже умри, но были в школе. Вот так вот переодевались, в одну смену мы не занимались. Не в чем было ходить» [5, с. 103].

С целью оказания помощи нуждающимся учащимся при районных и городских отделах образования открывались сапожные и швейные мастерские для изготовления и ремонта обуви и одежды. Повсеместно создавались денежно-вещевые фонды всеобуча, при школах открывались специализированные столовые, обеспечивавшие учеников бесплатными продуктами: «Со столовой завода Куйбышева – он начал работать не когда мы были в первом классе, а позже – и вот стали нам давать по ложке каши после второго урока на второй перемене. Дети были довольные, ждали. Но чтоб не толпиться, по классам: первый, второй, третий» [5, с. 128]. И, хотя по

отзывам детей, еда в столовых была скудной («там пища – вода, да и все – супчик из капусты... в основном был бульончик, жидкость, есть было нечего») [5, с. 320], все же и это было существенной поддержкой для них в условиях разрухи и повсеместного дефицита продуктов питания.

Обобщая документы и воспоминания о школьной повседневности военного времени, следует подчеркнуть, что роль школы в решении бытовых проблем обучающихся возросла, и в некоторой степени в этих вопросах она стала подменять семью. Во многом от успешного выполнения этой новой функции зависела успешная реализация ее основной функции всеобщего охвата обучением детей и подростков.

Выводы. Процесс ликвидации последствий вражеского нашествия в Сталинградской области, как и в других регионах, пострадавших от оккупации, находился под контролем центральных государственных органов управления. Распоряжения сверху подкреплялись выделением финансовых и других материальных средств, необходимых для организации учебного процесса. Вместе с тем милитаризация экономики страны, продолжавшаяся война не позволяли советскому правительству решать вопросы строительства и укрепления школьной сети за счет государственных средств в полном объеме. Основной массив материальных и трудовых ресурсов страны направлялся на восстановление экономического потенциала региона. Строительство школ, обеспечение их оборудованием и учебными принадлежностями осуществлялось преимущественно за счет местных средств и шефской помощи областей РСФСР и республик СССР. Одним из самых эффективных направлений использования местного трудового потенциала на восстановительных работах в социальной сфере стал метод народной стройки.

Перед школами Сталинградской области в 1943–1945 гг. стояло много самых разных проблем. Особенно сложно решался вопрос формирования педагогических коллективов учебных заведений. Часть учителей Сталинградской области, находившихся с семьями в немецкой оккупации, после освобождения, чтобы продолжить педагогическую деятельность, должна была пройти соответствующие проверки. Повышенное внимание власти к учительству на предмет «благонадежности» вполне объяснимо, поскольку перед ним попрежнему стояла задача формирования гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения. И от взглядов учителя во многом зависело укрепление тыла и решение задач национальной безопасности в условиях продолжающейся войны.

Одним из источников формирования учительских кадров стали возрождавшаяся одновременно со школьной системой образования система педагогических вузов Сталинградской области. Однако они испытывали те же трудности восстановительного периода, что и школы. Настоящей кузницей учительских кадров стали краткосрочные курсы от 8 до 10 месяцев для подготовки учителей начальных и неполных средних школ из учащихся 9 и 10 классов и служащих на базе институтов усовершенствования учителей. Выпускники этих курсов позволили укомплектовать учительские коллективы восстанавливаемых школ специалистами базового уровня.

Наряду с материальными и кадровыми проблемами восстановительного периода, в области школьного образования решалась еще одна первостепенная задача – осуществление всеобуча. Ее успешная реализация в условиях войны постоянно осложнялась бытовыми проблемами в семьях обучающихся, решение которых на себя частично взяла школа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева В. А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2007. 123 с.

2. Акт о причиненном ущербе немецко-фашистскими захватчиками // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 3423. Оп. 3. Д. 21. Л. 57.

3. Астраханская область в Великой Отечественной войне 1941–1945. Астрахань: [б. и.], 2015. 318 с.

4. Болотов Н. А. Преподаватели и студенты Сталинградского педагогического института на защите города в годы Великой Отечественной войны // Из-

вестия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. Т. 27, № 3. С. 104–107.

5. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М.А. Рыбловой [и др.] Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.

6. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова [и др.]. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 336 с.

7. Докладная записка заведующего Калачевским РОНО о проверке учителей соответствующими органами // ГАВО. Ф. 3423. Оп. 3. Д. 21. Л. 27–29.

8. Докладная записка заведующему ОБЛОНО т. Агринскому от 1943 г. // ГАВО. Ф. 3423. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–6 об.

9. Докладная записка заместителя наркома просвещения РСФСР Г.И. Иваненко в ЦК ВКП(б) Ф.И. Бараненкову о мероприятиях по обеспечению школ Сталинградской области преподавательскими кадрами и т. д. от 17 июля 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 40. Л. 71–73.

10. Из отчета директора Сталинградского пединститута И.А. Фурсенко за 1944–1945 учебный год // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 23. Д. 151. Л. 9–10.

11. Из справки заведующего отделом школ и вузов Сталинградского обкома ВКП(б) Алексеенко // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 22. Л. 124–124 об.

12. Колесников А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М.: Наука, 1982. 328 с.

13. Меркурьева В. С., Липатов А. В. Особенности работы образовательных учреждений Сталинграда в 1943–1945 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. Т. 123, № 10. С. 204–208.

14. Панарина Е. В. Реализация социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2009. 552 с.

15. Пищулина С. Ю., Редькина О. Ю. Восстановление Сталинграда в 1943–1945 гг.: проблема формирования и распределения трудовых ресурсов // Экономическая история. 2017. № 3. С. 64–77.

16. Постановление ГКО СССР от 4 апреля 1943 г. № 3117 «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталинградской области» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1490. Л. 82–96.

17. Сведения о кадрах высших учебных заведений Сталинградской области. 1944 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 246. Л. 40.

18. Справка о восстановлении школ и учреждений народного образования в г. Сталинграде и районах, освобожденных от немецкой оккупации // ГАВО. Ф. 3423. Оп. 1. Д. 61. Л. 97–101.

19. Сталинградский комсомол на восстановлении родного города. URL: https://cdnivo.ru/files/ustavki/vosstanovlenie_stalingrada_2018_2.jpg

20. Участие регионов России в восстановлении Сталинграда и разрушенного народного хозяйства Сталинградской области. URL: https://cdnivo.ru/files/vustavki/vklad_regionov_v_vosstanovlenie.pdf

21. Харинина Л. В. Восстановление и развитие высших учебных заведений Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012. 26 с.

REFERENCES

1. Ageeva V.A. *Vojnoj opalennoe detstvo: sistema shkolnogo i professionalno-tekhnicheskogo obrazovaniya Dona i Kubani v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [War-Scorched Childhood: The System of School and Vocational-Technical Education in the Don and Kuban during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Taganrog, Izd-vo TGPI, 2007. 123 p.

2. Akt o prichinennom ushcherbe nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami [Act on the Damage Caused by the Nazi Invaders]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region], f. 3423, inv. 3, d. 21, l. 57.

3. *Astrahanskaya oblast v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945* [Astrakhan Region in the Great Patriotic War 1941–1945]. Astrakhan, [s. n.], 2015. 318 p.

4. Bolotov N.A. Prepodavateli i studenty Stalingradskogo pedagogicheskogo instituta na zashchite goroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Teachers and Students of the Stalingrad Pedagogical Institute Defending the City During the Great Patriotic War]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2008, vol. 27, no. 3, pp. 104-107.

5. Ryblova M.A. et al., eds. *Deti i vojna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyah zhitelej goroda* [Children and War: The Battle of Stalingrad and Life in Military Stalingrad in the Memoirs of City Residents]. Volgograd, Izd-vo Volgograd. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 512 p.

6. Ryblova M.A., Krinko E.F., Hlynina T.P., Arhipova E.V., Kurilla I.I., Nazarova M.P. *Detstvo i vojna: kultura povsednevnosti, mekhanizmy*

adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy) [Childhood and War: Culture of Everyday Life, Adaptation Mechanisms and Practices of Children's Survival in the Conditions of the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgograd. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 336 p.

7. Dokladnaya zapiska zaveduyushchego Kalachevskim RONO o proverke uchiteley sootvetstvuyushchimi organami [Report From the Head of the Kalachevsky Raonal Education Department on the Inspection of Teachers by the Relevant Authorities]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 3423, inv. 3, d. 21, l. 27-29.

8. Dokladnaya zapiska zaveduyushchemu OBLONO t. Agrinskomu ot 1943 g. [Report to the Head of the Regional Department of Public Education Comrade Agrinsky Dated 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 3423, inv. 1, d. 25, l. 1-6 r.

9. Dokladnaya zapiska zamestitelya narkoma prosveshcheniya RSFSR G.I. Ivanenko v TsK VKP(b) F.I. Baranenkovu o meropriyatiyakh po obespecheniyu shkol Stalingradskoy oblasti prepodavatelskimi kadrami i t. d. ot 17 iyulya 1943 g. [Report of the Deputy People's Commissar of Education of the RSFSR G.I. Ivanenko to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks to F.I. Baranenkov on Measures to Provide Schools in the Stalingrad Region With Teaching Staff, Etc. Dated July 17, 1943]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv socialno-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)], f. 17, inv. 122, d. 40, l. 71-73.

10. Iz otcheta direktora Stalingradskogo pedinstituta I.A. Fursenko za 1944–1945 uchebnyy god [From the Report of the Director of the Stalingrad Pedagogical Institute I.A. Fursenko for the 1944–1945 Academic Year]. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (TsDNIVO)* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 23, d. 151, l. 9-10.

11. Iz spravki zaveduyushchego otdelom shkol i vuzov Stalingradskogo obkoma VKP(b) Alekseenko [From the Report of the Head of the Department of Schools and Universities of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Alekseenko]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 22, l. 124-124 r.

12. Kolesnikov A.D. *RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Problemy tyla i vsenarodnoj pomoshchi frontu* [RSFSR During the Great Patriotic War. Problems of the Rear and All-National Assistance to the Front]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 328 p.

13. Merkuryeva V.S., Lipatov A.V. Osobennosti raboty obrazovatelnyh uchrezhdenij Stalingrada v 1943–1945 gg. [Features of the Work of Educational Institutions of Stalingrad in 1943–1945]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], 2017, vol. 123, no. 10, pp. 204-208.

14. Panarina E.V. *Realizaciya socialnoj politiki sovetskogo gosudarstva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.): na materialah Dona i Severnogo Kavkaza*: *dis. ... d-ra ist. nauk* [Implementation of the Social Policy of the Soviet State During the Great Patriotic War (1941–1945): On the Materials of the Don and the North Caucasus. Dr. hist. sci. diss.]. Armavir, 2009. 552 p.

15. Pishchulina S.Yu., Redkina O.Yu. Vosstanovlenie Stalingrada v 1943–1945 gg.: problema formirovaniya i raspredeleniya trudovyh resursov [Restoration of Stalingrad in 1943–1945: The Problem of the Formation and Distribution of Labor Resources]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2017, no. 3, pp. 64-77.

16. Postanovlenie GKO SSSR ot 4 aprelja 1943 g. № 3117 «O pervoocherednyh meroprijatijah po vosstanovleniju hozjajstva Stalingrada i Stalingradskoj oblasti» [Decree of the State Defense Committee of the USSR No. 3117 "On Priority Measures for the Restoration of the Economy of Stalingrad and the Stalingrad Region" Dated April 4, 1943]. *RGASPI*, f. 644, inv. 2, d. 1490, l. 82-96.

17. Svedeniya o kadrakh vysshikh uchebnykh zavedeniy Stalingradskoy oblasti. 1944 g. [Information About the Personnel of Higher Educational Institutions of the Stalingrad Region. 1944]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 18, d. 246, l. 40.

18. Spravka o vosstanovlenii shkol i uchrezhdeniy narodnogo obrazovaniya v g. Stalingrade i rayonakh, osvobozhdennykh ot nemetskoy okkupatsii [Reference About the Restoration of Schools and Institutions of Public Education in the City of Stalingrad and Areas Liberated from German Occupation]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 3423, inv. 1, d. 61, l. 97-101.

19. *Stalingradskij komsomol na vosstanovlenii rodnogo goroda* [Stalingrad Komsomol on the Restoration of Their Hometown]. URL: https://cdnivo.ru/files/ustavki/vosstanovlenie_stalingrada_2018_2.jpg

20. *Uchastie regionov Rossii v vosstanovlenii Stalingrada i razrushennogo narodnogo hozyajstva Stalingradskoj oblasti* [Participation of the Regions of Russia in the Restoration of Stalingrad and the Destroyed National Economy of the Stalingrad Region]. URL: https://cdnivo.ru/files/vustavki/vklad_regionov_v_vosstanovlenie.pdf

21. Harinina L.V. *Vosstanovlenie i razvitie vysshih uchebnyh zavedenij Nizhnego Povolzhyja v poslevoennye gody (1945–1953): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Restoration and Development of Higher Educational Institutions of the Lower Volga Region in the Post-War Years (1945–1953). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2012. 26 p.

Information About the Author

Valentina A. Ageeva, Candidate of Science (History), Associate Professor, Dean, Faculty of History and Philology, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) RSUE (RINH), Initiativnaya St, 48, 347924 Taganrog, Russian Federation, ageewa.75@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9921-4364

Информация об авторе

Валентина Анатольевна Агеева, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), ул. Инициативная, 48, 347924 г. Таганрог, Российская Федерация, ageewa.75@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9921-4364

www.volsu.ru

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.18

UDC 94(430)
LBC 63.3(0)62

Submitted: 05.06.2022
Accepted: 08.12.2022

WOLFRAM WETTE AND HIS VIEW ON HISTORY OF GERMAN WEHRMACHT IN WORLD WAR II

Tatyana V. Evdokimova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the essence and dynamics of the views of the German historian Wolfram Wette on the history of the German Wehrmacht in the World War II. *Methods and materials.* The source bases of the study are monographs, publications in books, magazines, newspapers, Wette's interviews. When writing the article, such methods as historical-systemic, historical-comparative, historical-biographical ones, as well as the methods of communicative analysis of monographs and articles, and comparative analysis of various sources were used. *Analysis.* The study made it possible to single out two stages in W. Wette's research activities: the study of military history traditional issues (the military operations history, military leadership, etc.) and the study of the military "history of everyday life". The boundary between the stages became the denunciation of the myths of Stalingrad Battle which the article's author, according to the Wette's works, considers as a trigger for the World War II outcome, building a democratic society in Germany, forming a modern culture of memory. The article presents a critical analysis made by the historian W. Wette of a number of "legends" that existed in the Germany's military history and public consciousness about the "preventive" nature of the war against the Soviet Union, about the "heroic death" of the 6th Army near Stalingrad, about the "pure Wehrmacht" and his "heroes". The focus of the history of the Wehrmacht during the World War II "from below" is a "little man", a simple soldier. The author of the analyzed works pays special attention to the denial of the thesis about the impossibility of resisting the criminal policy of the Nazi leadership in the army and, using the example of ordinary Wehrmacht military men, shows a small group of "rescuers in military uniform" who risked themselves to save human lives. *Results.* The conclusion is made about the inseparable connection between Wette's scientific research and his social activities to overcome the Nazi past of Germany and forming a democratic consciousness of German civil society.

Key words: Wolfram Wette, World War II, German Wehrmacht, historical research, history of everyday life, culture of memory.

Citation. Evdokimova T.V. Wolfram Wette and His View on History of German Wehrmacht in World War II. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 198-208. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.18

© Евдокимова Т.В., 2023

УДК 94(430)
ББК 63.3(0)62

Дата поступления статьи: 05.06.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ВОЛЬФРАМ ВЕТТЕ И ЕГО ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ГЕРМАНСКОГО ВЕРМАХТА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Татьяна Васильевна Евдокимова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется сущность и динамика взглядов немецкого ученого Вольфрама Ветте на историю германского вермахта в годы Второй мировой войны. *Методы и материалы.* Источниковой базой исследования являются монографии, публикации в сборниках, журналах, газетах, интервью Ветте. При написании статьи использованы такие методы, как историко-системный, историко-сравнительный, историко-биографический, а также методы коммуникативного анализа монографий и статей, сопоставительного анализа различных источников. *Анализ.* Проведенное исследование позволило выделить два этапа в научно-исследовательской деятельности В. Ветте: изучение традиционных вопросов военной истории (история военных операций, военного руководства и т. д.) и изучение военной истории через призму «истории повседневности». Рубежом между этапами стало разоблачение мифов о Сталинградской битве, которую автор статьи, согласно работам Ветте, рассматривает в контексте триггера исхода Второй мировой войны, построения демократического общества в Германии, формирования современной культуры памяти. В статье представлен критический анализ историком В. Ветте ряда «легенд», существовавших в военной истории и общественном сознании Германии о «превентивном» характере войны против Советского Союза, о «героической гибели» 6-й армии под Сталинградом, о «чистом вермахте» и его «героях». В центре внимания истории вермахта в годы Второй мировой войны «снизу» находится «маленький человек», простой солдат. Особое внимание автор анализируемых работ уделяет отрицанию тезиса о невозможности оказывать сопротивление преступной политике нацистского руководства в армии и на примере рядовых военнослужащих вермахта показывает немногочисленную группу «спасателей в военной форме», рисковавших собой ради сохранения человеческих жизней. *Результаты.* Делается вывод о неразрывной связи научных изысканий В. Ветте с его общественной деятельностью по преодолению нацистского прошлого Германии и формированию демократического сознания гражданского общества Германии.

Ключевые слова: Вольфрам Ветте, Вторая мировая война, германский вермахт, исторические исследования, история повседневности, культура памяти.

Цитирование. Евдокимова Т. В. Вольфрам Ветте и его взгляд на историю германского вермахта в годы Второй мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 198–208. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.18

Введение. Формирование исторически достоверного представления о нацистском вермахте и истории милитаризма в Германии имеет большую научную и общественную значимость в настоящее время. Долгий период времени преступления германского вермахта и Холокост оставались «белым пятном» в военной исторической науке Германии. Сам процесс изучения этой сложной проблемы, включавший расширение ранее недоступной источниковой базы, новых предметов и методов исследования, шел параллельно с процессом переосмысления уроков Второй мировой войны в государстве и обществе. И как молодежные протесты в Германии конца 1960-х гг. вылились в бунт против лжи своих отцов о нацистском прошлом, так и среди немецких историков в Ведомстве военно-исторических исследований в это время появилась небольшая группа исследователей (А. Хильгрубер, М. Мессершмидт, В. Дайст), критически настроенных по отношению к созданной после войны истории германского вермахта. К их числу принадлежал и военный историк Вольфрам Ветте (1940 г. р.), сначала работавший в Ведомстве военно-исторических исследований (MGFA) во Фрайбурге с 1971 по 1995 г., затем в качестве адъюнкт-профессора на историческом факультете Фрайбургского университета.

Цель статьи – выявить сущность и динамику взглядов немецкого историка В. Вет-

те на историю германского вермахта в годы Второй мировой войны.

Методы и материалы. Главными методологическими принципами исследования являются историзм и достоверность. Источниковая база представлена монографиями, статьями В. Ветте, его публикациями и интервью в средствах массовой информации. Автор статьи опирался на историко-системный метод, позволивший рассмотреть научные взгляды В. Ветте на историю германского вермахта в совокупности и их тесной взаимосвязи с трансформацией взглядов германского общества и государства на процесс преодоления нацистского прошлого. Историко-сравнительный метод способствовал выделению двух этапов в научно-исследовательской деятельности В. Ветте. Неизменно оставаясь сторонником критического анализа истории вермахта, он постоянно расширял содержание предмета исследования: от изучения структуры вермахта и ее функционирования к анализу вермахта как совокупности субъектов, как сообщества людей. Историко-биографический метод помог выявить основные черты личности В. Ветте как человека, органически сочетающего научную смелость и четко выраженную гражданскую позицию. Коммуникативный анализ монографий и статей был направлен на выяснение конкретно-исторических условий их написания, а также мотивации, которая побудила автора обратиться к той или иной тематике. Сопоставительный анализ различного вида источников способствовал выделению особенностей использования ряда понятий, на которых автор акцентирует свое внимание, например «сопротивление с целью спасения человеческой жизни», «возможность для маневра», «постгероическая эпоха», «маленький человек», что позволило отнести В. Ветте к сторонникам «новой социальной истории», истории «снизу».

Анализ. История вермахта рассматривается В. Ветте в контексте германской истории в целом. По мнению Ветте, она берет свое начало в пропитанном насилием старопрусском обществе XVIII в., которое к XX в. становится рассадником катастроф, так как в его структуре и менталитете укрепились позиции военных. В результате такие явления и процессы, как влияние военных на политику, науку и экономику; социомилитаризм; прославление насилия; милитаристские, националистические и расовые идеологии; формирование мышления по типу друг – враг; милитаристское образование; роль и значение военной промышленности и его представителей в жизни общества стали неотъемлемыми чертами образа Германии в первой половине XX в. [27].

Характер Второй мировой войны однозначно оценивается В. Ветте как войны захватнической, расовой, войны на уничтожение. Ветте одним из первых из германских историков показал, что антироссийский и антисемитский образы врагов продолжали традицию, существовавшую в прусско-германских вооруженных силах, которая после 1917 г. нашла свое воплощение в облике «еврейского большевизма». Война на Востоке без этих образов, без прославления войны и насилия, без игнорирования международной ситуации не могла вестись так, как она велась.

Первоначально В. Ветте исследовал историю германского вермахта в русле классической военной истории. В ней среди таких аспектов, как вопрос о соотношении войны и политики; истории военных организаций и учреждений; истории боевых операций и военной техники; проблемы исторической роли военного командования, он выделил изучение истории нападения нацистской Германии на Советский Союз, а также дал анализ разработки и реализации плана «Барбаросса». Являясь сотрудником Ведомства военно-исторических исследований, он совместно со своим коллегой Г. Юбершером в 1984 г. опубликовал книгу [15; 29] о преступных приказах нацистского руководства в начале войны. Это издание вызвало много споров, так как, подчеркивал Ветте, «многие просто отказывались верить в существование “Приказа о комиссарах”, требовавшего убивать взятых в плен политработников Красной Армии, а также в то, что этот приказ выполнялся. Многие отказывались верить в то, что немцы сожгли и разрушили тысячи городов и деревень. Отказывались верить в то, что немцы убили 3 миллиона советских евреев и хотели довести до голодной смерти 30 миллионов человек» [12].

В то время такого рода исследования считались выражением взглядов исключи-

тельно отдельных авторов [4]. Однако они оказались достаточно актуальными в обстановке взбудоражившего в 1986 г. немецкое общество «спора историков» о значении нацистского прошлого для будущего ФРГ. В. Ветте занял позицию достоверного, научно-обоснованного изучения германского вермахта и выявления фактов преступлений нацистского режима. Он выступил с разоблачением «превентивного характера» нападения Гитлера на СССР, хотя до этого исследователи Ведомства, где работал Ветте, придерживались противоположной точки зрения. Говоря о последних, В. Ветте заметил: «Возможно, упущения явились следствием "заговора молчания" военного поколения, а также оправдательно-приукрашивающих сочинений и устных высказываний на эту тему». Концепцию о превентивной войне он назвал не иначе как «оборонительная ложь», где само понятие «оборона» употреблялось для оправдания собственных действий против агрессора в политическом смысле и чисто военном. «В ходе войны с Россией, – подчеркивал он, – слово "защита" потеряло всякое оборонительное содержание. Оно превратилось в пропагандистское понятие для оправдания именно той войны, которую вел германский рейх, – захватнической и истребительной» [3].

С начала 1990-х гг., в условиях создания единой Германии и дискуссий о тоталитарном прошлом, военные историки вслед за призывом германских исследователей написать «новую социальную историю», историю простых людей, предложили анализировать военную тематику на уровне истории повседневности или военной истории «снизу». В. Ветте был среди тех военных историков, которые фактически впервые поставили вопрос о «маленьком человеке» на войне, о рядовых солдатах вермахта. Их численный состав многократно превышал командный состав армии, но о них фактически мало что было известно [26, S. 89–90]. Как оказалось, в бундесархиве меньше 1 % составляли документы, относившиеся к призывникам, низшим чинам. Если исходить из 18–20-миллионного состава вермахта, то на офицеров, принимавших участие в сражениях и в основном погибших, приходилось 3 %; на военную элиту (генералы, адмиралы и прочие) где-то 0,3 % его численности. Вся история, по сути, и была сформирована на основе воспоминаний последних. Поэтому получалось, что история обычных людей на войне отсутствовала.

Важными факторами, повлиявшими на формирование взглядов военного историка В. Ветте во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., были горбачевская «перестройка» с идеей «единого европейского дома», окончание холодной войны, установление конструктивных добрососедских германо-российских отношений во всех сферах, в том числе и в области научного сотрудничества. С 1991 г. начался период тесных контактов В. Ветте с российскими учеными [1]. В 1992 г. под редакцией В. Ветте и Г. Юбершера появился совместный с российскими коллегами сборник о мифах и реальных событиях во время Сталинградской битвы [30]. В центре внимания находились субъективные восприятия реалий военного времени, впечатления и переживания в Сталинградском сражении и в условиях Сталинградского «котла» военнослужащих, входивших, в том числе, в те самые 99,7 % от общего воинского состава. Это были «голоса из Сталинграда», прозвучавшие из писем полевой почты, «голоса маленького человека» о человеческих страданиях, пережитых в Сталинградском котле [13, S. 108–190].

6-я армия генерала Ф. Паулюса была брошена на произвол судьбы под Сталинградом. В. Ветте подчеркивал: «То обстоятельство, что при определенных условиях войска боролись до "последнего человека", в военной истории являлось традицией, но чтобы в безвыходном положении принести в жертву собственный народ, было единичным явлением» [1, с. 200]. Нацистское руководство считало, что каждый солдат вермахта, оказавшийся в окружении, должен бороться до последнего патрона и погибнуть. Или покончить жизнь самоубийством, как это сделал генерал Александр Хартманн. 26 января 1943 г., когда исход Сталинградского сражения был предрешен, он вышел на дорожную насыпь реки Царица и позволил красноармейцам себя расстрелять. Фактическое самоубийство А. Хартманна немецкое руководство расценило как гибель от пули вражеского солдата; ему было присвоено звание генерала от инфантерии; предполагалось переименовать часть города,

где находилась дивизия генерала, в Хартманнштадт. Смерть А. Хартманна была идентична модели борьбы 6-й армии вермахта под Сталинградом. Понятие «военное поражение» заменили мифическим понятием «гибель», что означало выполнение долга до конца. Так и родился героический миф о гибели немецких солдат под Сталинградом, которых просто предали и оставили в качестве образцового примера жертвенности ради Германии. В последние военные месяцы Сталинградский опыт для Гитлера стал стратегией гибели в 1944–1945 гг.: «…как и 6-я армия на Волге, вся германская нация должна была сейчас погибнуть» [1, с. 199].

Ветте убедительно доказывает, что Гитлер вел войну на уничтожение, самоуничтожение. Образцом героизма называлась тогда, например, оборона крепости Бреслау, стоившая жизни приблизительно 29 000 солдат и 80 000 тысяч гражданского населения. «Сталинградскому образцу» гибели А. Хартманна, то есть суициду, по подсчетам В. Ветте, последовал каждый четвертый принадлежавший нацистской элите. В последние недели и месяцы войны покончили жизнью тысячи немцев (некоторые историки пишут о 100 000 самоубийств), руководствуясь самой разной мотивацией: страха наказания, осознания собственной вины, чувства потери вождя, краха нацистского государства, потери жизненных перспектив [1, с. 201].

Особенно стоит выделить страх мести со стороны советских солдат. В. Ветте делает важный вывод, к которому, по его мнению, почти не уделялось должного внимания в историко-политической литературе: «...страх перед русскими позволил многим немцам иметь чистую совесть и подавить собственное зло. С помощью этой обновленной защиты от вины сторонникам политики Аденауэра удалось присвоить себе роль потенциальной жертвы советской агрессии» [31].

В такой послевоенной обстановке родилась очередная легенда – легенда о «чистом вермахте» [2]. Заявления гросс-адмирала Карла Дёница о незапятнанности вермахта в годы Второй мировой войны, отказ Нюрнбергского трибунала отнести вермахт и его действия к военным государственным преступлениям, а также клятва последних немецких военнопленных, вернувшихся из советского плена в 1955 г., об их приверженности международным правилам ведения войны, что Ветте назвал «коллективным лжесвидетельствованием» [12], – все это в своей совокупности сформировало легенду о «чистом вермахте». Она была с благодарностью воспринята в немецком обществе, так как из 65 млн немцев участвовали в войне от 18 до 20 млн человек, а на Восточном фронте – каждый второй от общего состава вермахта. Это означало, что практически каждая немецкая семья была затронута войной. С крахом нацистского государства рухнувшие ориентиры для сплочения «народного сообщества» заменили на воспоминания о вермахте, которому не в чем было себя винить, и дополнили их антикоммунизмом, заменившим ушедшие биологический антиславизм, расовые теории и сохранившуюся неприязнь к русским.

Последовательно, шаг за шагом В. Ветте разоблачает основные положения легенды о «чистом вермахте». На примере анализа речи А. Гитлера 30 марта 1941 г. перед 250 генералами армии, направляемой на Восточный фронт, он доказал, что фюрер открыто говорил о расистски обоснованных планах завоевания и уничтожения в предстоящей войне, сделав ее идеологической основой объединенные образы врага немецких правых и представления о «еврейском большевизме» (что и предполагало традиционный антиславизм). В ответ генералы заявили о готовности следовать намеченным путем. Поэтому «идеологическая сплоченность» немецких генералов с Гитлером была налицо [18]. В связи с этим В. Ветте поставил проблему принципиального отличия войны германского вермахта на Западе от войны на Востоке с расистской установкой на уничтожение.

Доказательством правоты взглядов В. Ветте и его коллег на то, что германский вермахт представлял собой в период Второй мировой войны огромную машину по уничтожению людей и что на нем лежит огромная ответственность за ведение войны на Востоке, противоречившей международному праву, стали выставки Гамбургского института социальных исследований (1995, 2002). Примечательно, что на последней 2002 г. были представлены фотографии, сделанные

немецкими солдатами на фронте. Вопреки запрету более 1 млн военнослужащих взяли с собой фотоаппараты, что позволило их семьям открыть ранее закрытое «окно» на Восточный фронт, «увидеть войну не глазами министерства пропаганды, а через восприятие солдат». И самое главное, как оказалось, не было деления на «чистый вермахт» и «грязные СС и айнзатцгруппы»; нередко они действовали вместе. Выставка Гамбургского института социальных исследований порвала с легендой о «чистом» вермахте, на которой до сих пор основано представление многих немцев о самих себе и героях вермахта [19, S. 56].

Олицетворением «чистого вермахта» долгое время считался генерал Эрвин Роммель, генерал-фельдмаршал и командующий войсками Оси в Северной Африке. На примере памяти о нем в немецком обществе В. Ветте показывает эволюцию, происшедшую в немецком сознании. Этот «лис пустыни» был любимцем Гитлера и чрезвычайно популярным командующим среди солдат и населения Германии в годы войны. После войны в ФРГ его имя называли среди участников покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., что впоследствии не подтвердилось. При анализе военных действий в Северной Африке выяснилось, что во время сражения под Эль-Аламейном, историческое значение которого западная историография пытается приравнять к Сталинградской битве, по приказу Роммеля были заложены так называемые «чертовы сады», то есть минные поля для сковывания продвижения танков противника. В. Ветте пишет, что приблизительно было заложено около 20 млн мин. Известно, что к 1981 г. Египет смог разминировать только 40 % заминированных площадей. Число жертв военных и гражданского населения оказалось посчитать невозможно.

Открывая памятник жертвам, погибшим от мин, в виде одноногого человека, стоящего на костылях, в мемориале Эрвину Роммелю в его родном городе Хайденхайме, В. Ветте отметил, что данная «скульптура призвана увековечить память жертв войны, а с другой стороны, дополнить неоднозначный памятник генерал-фельдмаршалу вермахта и заставить задуматься о том, нужны ли такие герои современной Германии и кто такие настоящие герои во Второй мировой войне» [23].

По мнению В. Ветте, с началом 1990-х гг., после решения «германского вопроса» гражданское немецкое общество попрощалось с послевоенной политической историей, ориентированной только на «преодоление прошлого». Получила развитие демократическая культура памяти, в которой больше не было места для героизации войны и военных; наступила так называемая «постгероическая эпоха». «Культура памяти нашего гражданского общества, – по мнению В. Ветте, – привержена другим ценностям: демократии, правовому государству, правам человека, свободе и миру». Причем у этого направления, как и у милитаристского, есть свои истоки, сформированные социал-демократической и пацифистской культурой. И он анализирует развитие этой тенденции с 1914 г. [20].

С точки зрения В. Ветте, во время Второй мировой войны толчком для данного процесса стала Сталинградская битва: «...с поражением под Сталинградом начался процесс, получивший в литературе название “эрозия политической лояльности”, под которой подразумевался постепенный и частичный разрыв многих немцев с нацизмом» [16].

Примером такой «эрозии политической лояльности» к нацистскому режиму, исходя из работ Ветте, можно считать деятельность Александра Шморелля, немца русского происхождения, и Ганса Шолля, руководителей студенческой группы сопротивления «Белая роза» [19, S. 149–163], действовавшей в 1942–1943 гг. в Мюнхене. После разгрома 6-й армии под Сталинградом в очередной листовке они призвали противопоставить нацистскому террору силу духа, так как «мертвецы Сталинграда» звали их.

Развенчание легенды о «чистом вермахте» и необходимость формирования нового политического представления о германской армии и ее героях способствовали развенчанию еще одной легенды о том, что в годы войны сопротивление преступным нацистским приказам в армии было невозможно. В связи с этим В. Ветте использует в своих работах такие понятия, как «Rettungswiderstand» («сопротивление с целью спасения человеческой жизни») и Handlungsspielraum («возможность для маневра», «свобода действия»).

Говоря о движении Сопротивления в нацистской Германии, исследователи традиционно отдают дань почтения офицерскому корпусу, участвовавшему в антигитлеровском движении, главным образом участникам заговора 20 июля 1944 г., например Клаусу фон Штауфенбергу. По мнению В. Ветте, эти военные могут надеяться на уважение со стороны потомков, но их репутация, как людей, не принявших диктатора и дороживших истинными интересами страны, время от времени подвергается сомнению, не только из-за того, что они не были демократами, но главным образом в силу того обстоятельства, что они – до того, как проявили мужество и готовность совершить покушение, – сами были «втянуты» в войну на уничтожение [19].

Поэтому В. Ветте делает предметом исследования среди участников Сопротивления так называемых «спасателей в военной форме» [11], тех немногих солдат вермахта и полицейских, проявивших человеческое сострадание в условиях войны, что на то время было признаком высочайшего мужества. Они выступили против войны на уничтожение и нацистской программы убийств в пределах возможного: демонстративно не участвуя в казнях, спасая жизни евреев, военнопленных, проявляя солидарность с выживанием тех, кого преследовали [28].

В основном эти люди руководствовались спонтанным решением, в соответствии с христианской системой ценностей, оставаться просто порядочными. По данным В. Ветте, они составляли крошечное меньшинство (возможно, 100 чел.) [19, S. 258] среди более 18–20 млн военнослужащих вермахта и являлись исключением из правила, согласно которому немцы-неевреи не помогали евреям во время геноцида [14]. Если большинство служащих вермахта придерживалось идей антисемитизма, оппортунизма и страха, то те немногие, кто помогал другим людям выжить, продемонстрировали возможность использования «пространства для маневра», которое большинство отрицало. «Они, – как подчеркивает В. Ветте, – подобны крупицам золота под огромной кучей исторического щебня, который, как бремя памяти, также лежит на плечах родившихся позже, борющихся с забвением» [32, S. 17].

Одним из «спасателей в военной форме» был сержант вермахта Антон Шмид, которого В. Ветте называет истинным героем, «героем Человечности» [22]. Сержант А. Шмид из Вены, находясь на службе вермахта в Вильнюсе, оказал «сопротивление с целью спасения человеческой жизни», наняв литовских евреев в мастерские, находившиеся под его контролем, и таким образом спас их от депортации в гетто, а затем обеспечил сотни евреев необходимыми документами. Он был приговорен к смертной казни и расстрелян 13 апреля 1942 года. В. Ветте представил аналитический взгляд на простого человека с гуманными убеждениями и его окружение, в котором бесчеловечность была для многих правилом. Таких людей, как А. Шмид, В. Ветте считал для современного гражданского общества образцом для подражания. Они учат людей, живущих сегодня и в будущем, тому, что гуманная ориентация должна быть установкой для собственных действий в повседневной жизни в сложных условиях [31].

Продолжая исследования поведения «маленького» человека на войне, В. Ветте постепенно подходит к изучению особой категории среди солдат вермахта – дезертиров и предателей. Как показали работы В. Ветте и его коллег, большинство солдат вермахта были осуждены за политические действия, сотрудничество с противниками войны, за гуманитарную помощь евреям и военнопленным [5]. Многие солдаты подвергались юридической дискриминации [7]. Нацистская военная судебная система, которую в приговоре Федерального суда справедливо называли «кровавым правосудием», виновной в извращении закона, вынесла 30 000 смертных приговоров, из которых около 20 000 были приведены в исполнение [24].

В. Ветте и его коллеги своими исследованиями в этой области стремились доказать, что необходимо снять формальные обвинения с тысяч немцев, казненных нацистами за непочтительное отношение к Гитлеру или высказывавших сомнения в правоте нацистской партии. В конце концов дезертиры вермахта, отказники от военной службы, те, кто разлагал армию антивоенной пропагандой, и даже осужденные за военную измену, были реабилитированы морально, юридически и полити-

чески в три этапа: 1998, 2002 и 2009 годы. То есть через 64 года спустя после окончания Второй мировой были сняты формальные обвинения с тысяч немцев, казненных нацистами за несогласие с режимом. В. Ветте назвал этот результат «запоздалой историей успеха» [24], достигнутым благодаря поддержке общественного мнения и парламента. Среди тех, кто внес свой вклад в этот успех, был друг Вольфрама Ветте Людвиг Бауманн, последний дезертир, умерший в 2018 году [2].

Параллельно с исследованиями по истории «маленького человека» на фронтах Второй мировой войны В. Ветте уделял большое внимание и проблеме формирования культуры памяти «снизу», причем создаваемой не только профессиональными историками, но и простыми немцами, жителями той или иной местности, в частности г. Вальдкирха (округ Фрайбург, земля Баден-Вюртемберг), где и проживает В. Ветте больше 50 лет. «Поздним триумфом над послевоенным картелем молчания» Ветте назвал свою книгу о бывшем жителе Вальдкирха Карле Егере (1888–1959) [25]. Она была написана в условиях неоднократных угроз жизни самому Ветте с требованием прекратить его исследование. Карла Егера называли «Гитлером Вальдкирха», «преступником по соседству». С сентября по декабрь 1941 г. штандартенфюрер СС К. Егер, глава айнзатцкоманды 3, руководил расстрелом литовских евреев.

Несмотря на большие трудности сбора источников, В. Ветте удалось создать мастерскую идей «Вальдкирх при национал-социализме» с участием жителей города, результаты деятельности которой были изложены в специальном издании в память о жертвах и преступниках в Вальдкирхе [6]. Как сказал В. Ветте: «Мы больше не хотим замалчивать компрометирующие исторические факты, и смотрим им в лицо и принимаем, как напоминание» [21]. Продолжением стала книга о нацистской истории Вальдкирха в южном Бадене [8], явившаяся также результатом совместного проекта и показавшая важность и пользу локальных исторических исследований по истории нацизма [3].

Результаты. Анализ работ немецкого военного историка В. Ветте показывает, что предмет его исследования по истории германского вермахта не просто соответствовал эволюции научного и общественного сознания на нацистское прошлое в Германии, но и во многом подготовил почву этой эволюции и способствовал ее формированию в демократическом русле. Выступив против устаревших консервативных установок и различных легенд, он представил свой взгляд на историю вермахта в годы Второй мировой войны. Исследования В. Ветте содержат критический анализ проблемы «сверху», в центре внимания которого находилась деятельность генералитета и офицерского состава, а также рассмотрение военной истории «снизу», повествующей о простых солдатах, о «маленьком человеке» на войне. Сталинградская битва расценивается как поворотный пункт в истории Германии как в кризисные годы войны, так и в послевоенном ее развитии.

Своими научными исследованиями и общественной деятельностью В. Ветте способствует формированию в Германии демократической культуры памяти, опирающейся на принципы ответственности и гуманной ориентации немецкого общества, что является чрезвычайно важной задачей на современном этапе, которая далеко не решена. Не отрицая успехи демократической Германии в проработке памяти о нацистском прошлом и Второй мировой войне, на вопрос, усвоили ли немцы уроки войны с Россией, заданный накануне 80-летия нападения Германии на СССР, В. Ветте ответил отрицательно. С его точки зрения, «антикоммунизм холодной войны выглядит как идеологически замаскированный антиславянский расизм» [17]. Сегодня о войне на Востоке все чаще забывают. Политики и СМИ в значительной степени игнорируют эту тему. С сожалением В. Ветте констатирует, что для молодых немцев, составляющих третье и четвертое послевоенные поколения, это крупное историческое событие уже бесконечно далеко.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имя и исследования В. Ветте широко известны отечественным германистам, изучающим историю национал-социализма и Второй мировой войны. У В. Ветте сложились тесные научные связи с рядом российских вузов и Центров германских исследований. Он неоднократно принимал участие в международных научных конференциях, проводи-

мых в России: в Волгограде (1991, 1993, 1995, 2003, 2014); Липецке (1997, 2002), Кемерово (2002). За «выдающийся вклад в развитие культурных связей между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германией, за большие достижения в исследованиях по истории Второй мировой войны» ему было присвоено звание Почетного профессора Липецкого государственного педагогического университета (2002). Работы В. Ветте являлись предметом исследования в отечественной исторической германистике, например в работах Л.Н. Корневой о германской историографии по национал-социализму, А.И. Борозняка по проблеме преодоления нацистского прошлого германским обществом.

[2] Крест за особые заслуги перед ФРГ Ветте получил за работу по реабилитации немцев, казненных нацистами за несогласие с режимом, дезертиров и предателей, казненных за непочтительное отношение к Гитлеру [9].

[3] В ноябре 2020 г. к 80-летию Вольфрама Ветте жители Вальдкирха присвоили ему звание почетного гражданина [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветте В. Война до самого конца. Германский вермахт 1945 г. // Известия ВГПУ. 2015. № 3. С. 198–202 .

2. Ветте В. Гитлеровский вермахт. Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/gitlerovskij-vermaht-etapy-diskussii-vokrug-odnoj-nemeczkoj-legendy.html

3. Ветте В. Легенда о «превентивной войне». Кто и зачем пытается ее возродить // За рубежом. 1988. № 36. URL: http://a-pesni.org/ww2/oficial/a-cajt.php

4. Кьяри Б. Устные свидетельства Второй мировой войны // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 246–257. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=303&l=&j=1&base=ojs3

5. Das letzte Tabu. NS-Militärjustiz und Kriegsverrat / hrsg. von W. Wette, D. Vogel. Berlin: Aufbau Verlag, 2007. 508 S.

6. Enthüllung: Opfergedenken und Tätererinnerung in Waldkirch (Waldkircher Stadtgeschichte) / hrsg. von W. Wette. Waldkirch: Verlag Regional Kultur, 2018. 216 S.

7. Filbinger. Eine deutsche Karriere / hrsg. von W. Wette. Springe: zu Klampen Verlag, 2006. 191 S.

8. "Hier war doch nichts!" Waldkirch im Nationalsozialismus / hrsg. von W. Wette. Bremen: Donat Verlag, 2019. 528 S.

9. Im Interview Wolfram Wette, Historiker, freier Autor und Bundesverdienstkreuzträger // Kultur Joker. 2015. 29 Dez. URL: https://www.kulturjoker.de/im-interview-wolfram-wette

10. Prof. Dr. Wolfram Wette wurde die Ehrenbürgerwürde verliehen. URL: https://www.stadt-waldkirch.de/start/meldungen/prof_+dr_+wolfram+wette+wurde+die+ehrenbuergerwuerde+verliehen.html

11. Retter in Uniform Handlungsspielräume im Vernichtungskrieg der Wehrmacht / hrsg. von W. Wette. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2002. 247 S.

12. Staas Ch. Zähe Legenden // Die Zeit. Juni 2011. Nr. 23. URL: https://www.zeit.de/2011/23/Zweiter-Weltkrieg-Sowjetunion/komplettansicht

13. Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht / hrsg. von W. Wette, G. R. Ueberschär. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012. 328 S.

14. Stille Helden. Judenretter im Dreiländereck während des Zweiten Weltkriegs / hrsg. von W. Wette. Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder GmbH, 2014. 288 S.

15. Ueberschär G. R. "Unternehmen Barbarossa": der deutsche Überfall auf die Sowjetunion, 1941: Berichte, Analysen, Dokumente / hrsg. von W. Wette. Padeborn: Schöningh Paderborn, 1984. 416 S.

16. Wette W. Aspekte des sozialen Wandels in Deutschland 1943–1948 // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1995. September. URL: https://www.blaetter.de/ausgabe/1995/september/aspekte-des-sozialen-wandels-in-deutschland-1943-1948

17. Wette W. Der Hakenkreuzzug. 80 Jahrestag des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion am 22 Juni 1941 // Darmstädter Signal. 2021. 21 Juni. URL: https://www.darmstaedter-signal.de/meldungen/80-jahrestag-des-deutschen-ueberfalls-auf-die-sowjetunion-am-22-juni-1941-vortrag-von-wolfram-wette-kreuzzug-gegen-den-bolschewismus-ns-propaganda-zur-rechtfertigung-des-ueberfalls-und-deren-fort

18. Wette W. Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2002. 376 S.

19. Wette W. Ehre, wem Ehre gebührt. Täter, Widerständler und Retter (1939–1945). Bremen: Donat Verlag, 2015. 334 S.

20. Wette W. Ernstfall Frieden. Lehren aus der deutschen Geschichte seit 1914. Bremen: Donat Verlag, 2016. 640 S.

21. Wette W. "Es war die Hölle, die Hölle" // KONTEXT:Wochenzeitung. 2017. 25 Jan. URL: https://www.kontextwochenzeitung.de/zeitgeschehen/304/es-war-die-hoelle-die-hoelle-4160.html

22. Wette W. Feldwebel Anton Schmid. Ein Held der Humanität. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2013. 312 S.

23. Wette W. Hitlers Lieblings-General Rommel und unsere demokratische Erinnerungskultur. URL: https://www.heidenheim.de/site/Heidenheim/get/

params_E-523070744_Dattachment/821556/Vortrag%20Dr%20Wette%20Heidenheim.pdf

24. Wette, W. In memoriam Ludwig Baumann // Europa, Gesellschaft & Kultur. 2018. 22 Juli. URL: https://www.theeuropean.de/wolfram-wette/14394-letzter-wehrmachts-deserteur-verstorben

25. Wette W. Karl Jäger. Mörder der litauischen Juden. Mit einem Vorwortvon Ralph Giordano. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2012. 288 S.

26. Wette W. Militargeschichte von unten // Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militargeschichte von unten / hrsg. von W. Wette. München: Zürich, 1992. S. 89–90.

27. Wette W. Militarismus in Deutschland. Geschichte einer kriegerischen Kultur. Darmstadt: Primus Verlag, 2008. 309 S.

28. Wette W. Rettungswiderstand. Festvortrag von Prof. Dr. Wolfram Wette am 19. Juli 2013 in der St. Matthäus-Kirche, Berlin. Stiftung 20 Juli 1944. URL: https://www.stiftung-20-juli-1944.de/reden/rettungswiderstand-prof-dr-wolfram-wette-19072013

29. Wette W. Ueberschär G. R. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: "Unternehmen Barbarossa" 1941. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. 429 S.

30. Wette W., Ueberschär G. R. Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1992. 317 S.

31. Wette W. Woher kommt die Kraft zum Widerstand? (Teil 2) // Seemoz. 2021. 2 Sept. URL: https://www.seemoz.de/lokalregional/wette-widerstand-2

32. Zivilcourage Empörte, Helfer und Retter aus Wehrmacht, Polizei und SS / hrsg. von W. Wette. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2004. 361 S.

REFERENCES

1. Wette W. Vojna do samogo konca. Germanskij vermaht 1945 g. [War to the Very End. German Wehrmacht 1945]. *Izvestija VGPU* [Izvestija of the VGPU], 2015, no. 3, pp. 198-202.

2. Wette W. Gitlerovskij vermaht. Etapy diskussii vokrug odnoj nemeckoj legendy [Hitler's Wehrmacht. Stages of the Discussion Around a German Legend]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserve], 2005, no. 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/gitlerovskij-vermaht-etapy-diskussii-vokrug-odnoj-nemeczkoj-legendy.html

3. Wette W. Legenda o «preventivnoj vojne». Kto i zachem pytaetsja ee vozrodit [The Legend of the "Preventive War". Who and Why Is Trying to Revive It]. *Za rubezhom* [Abroad], 1988, no. 36. URL: http://a-pesni.org/ww2/oficial/a-cajt.php

4. Kyjari B. Ustnye svidetelstva Vtoroj mirovoj vojny [Oral Evidence of World War II]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 1996, no. 3-4, pp. 246-257. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=303&l=&j=1&base=ojs3

5. Wette W., Hrsg., Vogel D., Hrsg. *Das letzte Tabu. NS-Militärjustiz und Kriegsverrat*. Berlin: Aufbau Verlag, 2007. 508 S.

6. Wette W., Hrsg. *Enthüllung: Opfergedenken und Tätererinnerung in Waldkirch (Waldkircher Stadtgeschichte)*. Waldkirch, Verlag Regional Kultur, 2018. 216 S.

7. Wette W., Hrsg. *Filbinger. Eine deutsche Karriere*. Springe, zu Klampen Verlag, 2006. 191 S.

8. Wette W., Hrsg., *"Hier war doch nichts!" Waldkirch im Nationalsozialismus*. Bremen, Donat Verlag, 2019. 528 S.

9. Im Interview Wolfram Wette, Historiker, freier Autor und Bundesverdienstkreuzträger. *Kultur Joker*. 2015. 29 Dez. URL: https://www.kulturjoker.de/im-interview-wolfram-wette

10. *Prof. Dr. Wolfram Wette wurde die Ehrenbürgerwürde verliehen*. URL: https://www.stadt-waldkirch.de/start/meldungen/prof_+dr_+wolfram+wette+wurde+die+ehrenbuergerwuerde+verliehen.html

11. Wette W., Hrsg. *Retter in Uniform Handlungsspielräume im Vernichtungskrieg der Wehrmacht*. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 2002. 247 S.

12. Staas Ch. Zähe Legenden. *Die Zeit*. Juni 2011. Nr. 23. URL: https://www.zeit.de/2011/23/Zweiter-Weltkrieg-Sowjetunion/komplettansicht

13. Wette W. Ueberschär G.R., Hrsg. *Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht*. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 2012. 328 S.

14. Wette W., Hrsg. *Stille Helden. Judenretter im Dreiländereck während des Zweiten Weltkriegs*. Freiburg, Basel, Wien, Verlag Herder GmbH, 2014. 288 S.

15. Wette W., Ueberschär G.R., Hrsg. "*Unternehmen Barbarossa": der deutsche Überfall auf die Sowjetunion, 1941: Berichte, Analysen, Dokumente*. Padeborn, Schöningh Paderborn, 1984. 416 S.

16. Wette W. Aspekte des sozialen Wandels in Deutschland 1943–1948. *Blätter für deutsche und internationale Politik*, 1995, September. URL:https://www.blaetter.de/ausgabe/1995/september/aspekte-des-sozialen-wandels-in-deutschland-1943-1948

17. Wette W. Der Hakenkreuzzug. 80 Jahrestag des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion am 22 Juni 1941. *Darmstädter Signal*, 2021, 21. Juni. URL: https://www.darmstaedter-signal.de/meldungen/80-jahrestag-des-deutschen-ueberfalls-auf-die-sowjetunion-am-22-juni-1941-vortrag-von-wolfram-wette-kreuzzug-gegen-den-bolschewismus-ns-propaganda-zur-rechtfertigung-des-ueberfalls-und-deren-fort

18. Wette W. *Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden*. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 2002. 376 S.

19. Wette W. *Ehre, wem Ehre gebührt. Täter, Widerständler und Retter (1939–1945)*. Bremen, Donat Verlag, 2015. 334 S.

20. Wette W. *Ernstfall Frieden. Lehren aus der deutschen Geschichte seit 1914*. Bremen, Donat Verlag, 2016. 640 S.

21. Wette W. "Es war die Hölle, die Hölle". *KONTEXT:Wochenzeitung,* 25.01.2017. URL: https://www.kontextwochenzeitung.de/zeitgeschehen/304/es-war-die-hoelle-die-hoelle-4160.html

22. Wette W. *Feldwebel Anton Schmid. Ein Held der Humanität*. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 2013. 312 S.

23. Wette W. *Hitlers Lieblings-General Rommel und unsere demokratische Erinnerungskultur*. URL: https://www.heidenheim.de/site/Heidenheim/get/params_E-523070744_Dattachment/821556/ Vortrag%20Dr%20Wette%20Heidenheim.pdf

24. Wette W. In Memoriam Ludwig Baumann. 22.07.2018. *Europa, Gesellschaft & Kultur*. URL: https://www.theeuropean.de/wolfram-wette/14394-letzter-wehrmachts-deserteur-verstorben

25. Wette W. *Karl Jäger. Mörder der litauischen Juden*. Mit einem Vorwort von Ralph Giordano. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2012. 288 S.

26. Wette W., Hrsg. Militargeschichte von unten. *Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militargeschichte von unten*. München, Zürich, 1992. S. 89-90.

27. Wette W. *Militarismus in Deutschland. Geschichte einer kriegerischen Kultur*. Darmstadt, Primus Verlag, 2008. 309 S.

28. Wette W. Rettungswiderstand. Festvortrag von Prof. Dr. Wolfram Wette am 19. Juli 2013 in der St. Matthäus-Kirche, Berlin. *Stiftung 20. Juli 1944*. URL: https://www.stiftung-20-juli-1944.de/reden/rettungswiderstand-prof-dr-wolfram-wette-19072013

29. Wette W. Ueberschär G.R. *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: "Unternehmen Barbarossa" 1941*. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. 429 S.

30. Wette W., Ueberschär G. *Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht*. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1992. 317 S.

31. Wette W. Woher kommt die Kraft zum Widerstand? (Teil 2). *Seemoz*, 2021, 2. Sept. URL: https://www. seemoz.de/ lokal regional/wette-widerstand-2

32. Wette W., Hrsg. *Zivilcourage Empörte, Helfer und Retter aus Wehrmacht, Polizei und SS*. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 2004. 361 S.

Information About the Author

Tatyana V. Evdokimova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World History and Methods of Teaching History and Social Science, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russian Federation, eva_tan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0017-1363

Информация об авторе

Татьяна Васильевна Евдокимова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, eva_tan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0017-1363

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.19

UDC 94(47).084
LBC 63.3(2)6

Submitted: 02.07.2022
Accepted: 08.12.2022

CREATION OF THE MEMORIAL COMPLEX FOR THE HEROES OF THE BATTLE OF STALINGRAD ON MAMAEV KURGAN: HISTORICAL MEMORY, ART AND SOVIET MONUMENTAL PROPAGANDA [1]

Aleksei D. Popov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article, based on a wide range of sources, described the creation of a memorial complex on Mamaev Kurgan in the hero city of Stalingrad/Volgograd and related public and non-public discussions. *Methods and materials*. An attempt was made to comprehend this process through the prism of the general dynamics of the formation of historical memory of the Great Patriotic War and the development of Soviet monumental art in the 1940s and 1960s. Using the method of actor-network analysis, the author of the article tries to reconstruct the goals, motives and actions of the main circle of interested parties (actors) who participated in the creation of the memorial complex "Heroes of the Battle of Stalingrad": the highest state-party leadership of the USSR, municipal authorities, residents of the hero city, representatives of the creative community (architects, sculptors, writers, artists), as well as veterans – participants in the battle on the Volga. *Analysis and Results*. Based on the study materials, it is concluded that all these "historical memory designers" contributed to the creation of a unique monument-ensemble on Mamaev Kurgan, opened in 1967, guided not only by commemorative, but also by political-ideological, financial, career, status, moral-ethics and aesthetic motives. The need to erect a large memorial in the context of the Khrushchev campaign to combat excesses in architecture and criticism from individual members of the public demanded that the authors of the project, led by sculptor E.V. Vuchetich, transform it and adapt it to new realities, and also updated the process of forming the concept of the "Lenin's plan of monumental propaganda".

Key words: Great Patriotic War, historical memory, monumental art, memorial complex, hero city, Mamaev kurgan, E.V. Vuchetich, Stalingrad/Volgograd.

Citation. Popov A.D. Creation of the Memorial Complex for the Heroes of the Battle of Stalingrad on Mamaev Kurgan: Historical Memory, Art and Soviet Monumental Propaganda. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 209-221. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.19

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 02.07.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

СОЗДАНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ» НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ИСКУССТВО И СОВЕТСКАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА [1]

Алексей Дмитриевич Попов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

© Попов А.Д., 2023

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников охарактеризованы создание мемориального комплекса на Мамаевом кургане в городе-герое Сталинграде / Волгограде и связанные с этим публичные и непубличные дискуссии. Сделана попытка осмыслить данный процесс через призму общей динамики становления исторической памяти о Великой Отечественной войне и развития советского монументального

искусства в 1940–1960-х годах. Используя метод акторно-сетевого анализа, автор статьи пытается реконструировать цели, мотивы и действия основного круга заинтересованных сторон (акторов), участвовавших в создании мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы»: высшего государственно-партийного руководства СССР, муниципальных властей, жителей города-героя, представителей творческого сообщества (архитекторов, скульпторов, писателей, художников), а также ветеранов – участников битвы на Волге. На основе материалов исследования делается вывод о том, что все эти «конструкторы исторической памяти» внесли свой вклад в создание уникального памятника-ансамбля на Мамаевом кургане, открытого в 1967 г., руководствуясь не только коммеморативными, но и политико-идеологическими, финансовыми, карьерными, статусными, морально-этическими и эстетическими мотивами. Необходимость возведения крупного мемориала в условиях хрущевской кампании по борьбе с излишествами в архитектуре и критика со стороны отдельных представителей общественности потребовала от авторов проекта во главе со скульптором Е.В. Вучетичем его трансформации и адаптации к новым реалиям, а также актуализировала процесс формирования концепта «ленинского плана монументальной пропаганды».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, монументальное искусство, мемориальный комплекс, город-герой, Мамаев курган, Е.В. Вучетич, Сталинград / Волгоград.

Цитирование. Попов А. Д. Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 209–221. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.19

Введение. Сталинградская битва и многие связанные с ней места, события и персоналии относятся к числу важнейших символов памяти о Великой Отечественной войне. Самым известным из этих символов является сооруженный в 1958–1967 гг. мемориальный комплекс на Мамаевом кургане в Волгограде, включающий статую Родины-матери – одну из самых известных в мире скульптурных композиций и один из символов СССР / России в целом [31]. Однако, несмотря на существенное внимание к этому «месту памяти» исследователей, ряд вопросов, связанных с его созданием и концептуальным содержанием, требуют более глубокого осмысления.

Методы и материалы. Основные этапы увековечения событий Сталинградской битвы нашли свое отражение в значительном количестве научных публикаций [2; 9, с. 43–58; 17; 18; 20; 41; 43]. Часть из них посвящена именно мемориалу на Мамаевом кургане как главному «месту памяти» города-героя на Волге [3; 7, с. 369–378; 15; 30; 31; 32; 39; 42]. В этих работах описаны основные этапы мемориализации Мамаева кургана, а также сделаны попытки художественно-эстетического и символико-семиотического анализа монументальных сооружений, появившихся здесь в советский период. Несмотря на несомненную эвристическую ценность таких подходов, актуальным представляется расширение исследовательского ракурса, вписывающего данный процесс в общую динамику становления исторической памяти о Великой Отечественной войне, а также общую логику развития советского монументального искусства. С этой целью впервые была сделана попытка рассмотреть процесс мемориализации Мамаева кургана в 1940–1960-х гг. с использованием методов акторно-сетевого анализа, основоположником которого стал известный французский социолог Бруно Латур [18]. Особенностью такого подхода является характеристика целей, мотивов и действий основного круга заинтересованных сторон (акторов), участвовавших или пытавшихся участвовать в создании мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы». Источниковую базу для проведения исследования составили архивные и опубликованные документы, материалы массовых и специализированных периодических изданий, а также эго-документы.

Анализ. В 1943–1953 гг. скорейшее восстановление города-героя на Волге, связанного с коренным переломом в войне и названного в честь «вождя народов», было одним из приоритетов для центральных органов власти СССР. «Восставший из пепла» Сталинград должен был символизировать триумф государства-победителя и еще более укрепить сталинский культ [44, S. 25–26]. Благодаря политической воле высшего руководства, выделению значительных финансовых и материально-технических ресурсов, эффективным

действиям местного управленческого аппарата, а также самоотверженному труду местных жителей (в том числе в рамках знаменитого «черкасовского» движения) восстановление города происходило быстрыми темпами и с небывалым размахом. В отличие от многих других городов-героев, также подвергшихся колоссальным разрушениям, в Сталинграде была полностью изменена планировка центра города, появились новые площади, проспекты, улицы, застроенные величественными и богато декорированными зданиями. Место недавних кровопролитных боев превратилось в «город-памятник», «город-монумент» самому Сталину, участникам Сталинградской битвы, а также военному и трудовому подвигу советского народа [40, с. 1–2, 23–25].

В архитектурный ландшафт обновленного города были «точечно» включены мемориальные сооружения, непосредственно связанные с событиями Великой Отечественной войны. Самым масштабным из них на первом этапе восстановления стал открытый 28 декабря 1947 г. памятник чекистам (воинам 10-й дивизии войск НКВД и милиционерам Сталинграда), созданный по проекту местного архитектора Ф.М. Коимшиди. Он представлял собой расположенную на постаменте-обелиске фигуру воина-чекиста с поднятым над головой мечом и имел общую высоту 22 м [17, с. 62].

Но в целом становилось все более очевидным, что с учетом своей площади, расположения, исторического прошлого именно Мамаев курган наилучшим образом подходит для создания главного монументального комплекса, посвященного событиям Сталинградской битвы. Местные власти позаботились о санитарной очистке и разминировании данной территории, благоустройстве расположенных здесь захоронений советских воинов, а также приняли решения об исключении этих земель из хозяйственного использования [15, с. 5]. Параллельно с этим были предприняты первые попытки разработки концепции будущего мемориала. Высказывались идеи о том, что здесь следует также построить здание музея-панорамы «Сталинградская битва», осуществить упорядочение захоронений, сохранить в демонстрационных целях часть фортификационно-оборонительных сооружений [36, л. 20].

В 1948 г. состоялся конкурс проектов мемориала на Мамаевом кургане, на который было подано несколько оригинальных предложений. Например, сталинградский архитектор Е.И. Левитан предлагал построить гигантскую пирамиду, разделенную на четыре части, внутри которой должна была находиться скульптура советского воина с мечом в поднятой руке [40, с. 3–5]. Однако в последующие десятилетия на Мамаевом кургане был реализован проект, разработанный под руководством скульптора Е.В. Вучетича, который приобретал большую известность благодаря открытому 8 мая 1949 г. мемориальному комплексу в Трептов-парке Берлина. Впоследствии Вучетич утверждал, что идея создания масштабного мемориального объекта в Сталинграде возникла у него под воздействием писем ветеранов, которые спрашивали: «почему нет такого же памятника на нашей родной земле?» [5; 37, с. 12].

Из-за значительных финансовых затрат и расходов материально-технических фондов, которые были связаны с восстановлением центральной части Сталинграда и его промышленного потенциала, «форсирование» создания мемориала на Мамаевом кургане стало актуальным только во второй половине 1950-х годов. Одной из причин активизации данного процесса стала записка маршала Г.К. Жукова (в то время – министра обороны СССР) в ЦК КПСС от 14 июня 1955 года. В ней он выступил с инициативой создания посвященных Великой Отечественной войне крупных мемориальных комплексов в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе. Причем относительно Сталинграда он не только считал необходимым скорейшее создание памятника-монумента в честь героев Сталинградской битвы, но и прямо предлагал взять за основу проект, разработанный под руководством Е.В. Вучетича [14, с. 35–36].

Такая инициатива Жукова имела неоднозначный характер, как вследствие скорой опалы «маршала Победы», так и в связи с принятым 4 ноября 1955 г. по личной инициативе Н.С. Хрущева постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». В данном постановлении говорилось о необходимости архитектурного упрощения и уде-

шевления сооружения жилых и общественных зданий, однако ничего не было сказано о монументальных сооружениях мемориального назначения. Поэтому представители власти и творческие круги ожидали каких-то сигналов от лидера государства по поводу возможного сооружения масштабного и дорогостоящего мемориала в Сталинграде.

В 1958 г. предложенная группой под руководством Вучетича пилотная версия проекта мемориального комплекса на Мамаевом кургане публично обсуждалась общественностью Сталинграда и в целом получила положительные отзывы [33, л. 8–9]. 25 декабря 1958 г. было принято постановление Совета Министров РСФСР о сооружении «памятника-монумента в ознаменование победы над немецко-фашистскими войсками под Сталинградом» с включением в общий ансамбль музея-панорамы «Сталинградская битва». В документе указывалось, что создание мемориала должно быть осуществлено на основе проекта авторского коллектива в составе скульптора Е.В. Вучетича (руководитель), архитектора Я.Б. Белопольского и художника А.А. Гарпенко. Завершить реализацию проекта предполагалось к 9 мая 1961 г., причем размер ассигнований из госбюджета для этих целей предусматривался в размере до 25 млн руб. [27, л. 112–113].

Определенным стимулом для актуализации идеи создания мемориала на Мамаевом кургане на рубеже 1950–1960-х гг. мог играть тот факт, что Н.С. Хрущев в 1942 г. занимал должность члена Военного совета Сталинградского фронта. Анализ различных источников, относящихся ко второй половине 1950 – началу 1960-х гг., свидетельствует о том, что некоторые советские военачальники пытались преувеличить военные заслуги Хрущева. Например, явное желание в выгодном свете показать «выдающийся» вклад Хрущева и одновременно критически оценить роль Сталина во время Сталинградской битвы прослеживается в изданных в 1961 г. мемуарах Маршала Советского Союза А.И. Еременко [12, с. 468–472]. Однако сам Хрущев не предпринял каких-либо действий, направленных на стимулирование своего героического культа.

В то же время есть все основания предполагать, что Хрущев в целом позитивно отнесся к реализации проекта на Мамаевом кургане. Во всяком случае, так утверждал и сам Е.В. Вучетич [6, с. 379–380], и главный военный консультант проекта В.И. Чуйков [7, с. 371]. При этом существует очень распространенное, хотя и не подкрепленное ссылкой на источник информации утверждение, что Хрущев якобы настаивал, чтобы фигура Родины-матери была выше, чем статуя Свободы в Нью-Йорке [15, с. 9], стремясь таким образом символически подчеркнуть превосходство СССР над США. Если доверять этой информации, то в данном случае советский лидер выступил приверженцем не экономии, а гигантомании. 17 сентября 1963 г. во время одного из своих визитов в Волгоград Хрущев лично посетил Мамаев курган, а сопровождавший его во время осмотра Вучетич рассказал «о замысле и ходе строительства» [21]. Впрочем к тому времени все основные творческие формы и технические решения объекта уже были согласованы на высшем уровне.

Судя по материалам исторических источников, в оценке произведений искусства для Хрущева всегда были значимы два основных критерия: следование принципам социалистического реализма и рациональное использование материальных ресурсов. В обоих этих вопросах проект Вучетича являлся приемлемым. Один из номеров журнала «Искусство» за 1963 г. открывала редакционная статья «За идейную чистоту советского изобразительного искусства», где подчеркивалось, что: «народу – строителю коммунизма глубоко чужды абстракционизм и формализм, любые отступления от социалистического реализма» [13, с. 11]. А далее в этом же номере следовала статья А. Федорова «Памятник героическому подвигу», в которой именно создаваемый в то время под руководством Вучетича мемориал на Мамаевом кургане характеризовался как пример правильного отражения событий Великой Отечественной войны в советском монументальном искусстве [37].

Между тем в окончательном варианте своего проекта Вучетич практически полностью исключил использование таких дорогостоящих материалов, как бронза, мрамор, гранит. Не только конструкции, но и скульптурные элементы памятника-ансамбля были выполнены из более дешевого и долговечного

материала – железобетона. Осенью 1959 г. Совет Министров СССР принял решение дополнительно выделить для сооружения мемориала на Мамаевом кургане 3 тыс. тонн цемента и 1,3 тыс. тонн металлопроката, полученных за счет превышения производственных планов предприятиями Сталинградского совнархоза [24, л. 10]. Ради экономии решено было отказаться от некоторых ранее запланированных архитектурных сооружений, например, от Арки Славы у входа [42, p. 400].

В период «оттепели» в дискуссии о реализуемом на Мамаевом кургане мемориальном проекте оказались вовлечены представители творческих кругов. Ряд известных архитекторов и скульпторов были заинтересованы в поддержании сталинского канона с его гигантоманией и помпезностью (хотя бы при сооружении мемориальных объектов), что обеспечило бы им сохранение части крупных проектов и заказов. Но в условиях десталинизации для оправдания «сталинского размаха» они стали использовать обращение к ставшему более актуальным ленинскому наследию. Так, на страницах изданного в 1957 г. очередного тома «Истории русского искусства» значительный раздел был посвящен «ленинскому плану монументальной пропаганды» [22] – концепту, который был сформулирован в начале 1930-х гг. в ряде автобиографических текстов А.В. Луначарского, но в сталинский период не получил заметного распространения.

Однако во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. публикации на эту тему, лейтмотивом которых было описание огромного внимания В.И. Ленина к созданию идеологически полезных мемориальных сооружений, стали регулярно появляться в советской периодике, как специализированной, так и предназначенной для массового читателя. Очевидно, что для архитекторов, строителей, скульпторов, художников, которые и в хрущевский период продолжали участвовать в реализации крупных мемориальных проектов, ссылка на ленинский авторитет давала своеобразную «творческую индульгенцию» на фоне кампании по борьбе с «излишествами» в архитектуре. По их утверждениям, принятый еще в 1918 г. «Ленинский план монументальной пропаганды» (именно так стали называть декрет СНК РСФСР от 12 апреля 1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции») спустя более 40 лет не утратил своего значения, а «идеи и принципы этого плана имеют до сего времени основополагающее и непреходящее значение для развития советского искусства» [34, с. 2]. После открытия памятника-ансамбля на Мамаевом кургане на него продолжали ссылаться как на один из ярких примеров реализации ленинских идей в монументальном искусстве [38]. Сам Вучетич в своей книге «Художник и жизнь» (1963 г.) посвятил целый раздел ленинскому плану монументальной пропаганды, назвав его «величайшим источником вдохновения» [6, с. 139].

В то же время часть общественности и профессионального сообщества на рубеже 1950–1960-х гг. критически оценила проект мемориала на Мамаевом кургане. В архивных фондах сохранились письма советских граждан из разных городов страны, которые в 1959–1961 гг. критиковали проект Вучетича. Предметом критики являлось местоположение объекта (за «удаленность от центра города»), его главная скульптурная композиция, которая первоначально была двухфигурной, общая концепция мемориала («нагромождение скульптурных групп»). Причем авторы этих писем высказывали критические замечания на основе опубликованных в советской прессе первоначальных эскизов и набросков, которые впоследствии были существенно изменены [10, л. 28, 34, 38].

В феврале 1960 г. на страницах «Комсомольской правды» была опубликована полемическая статья известного советского писателя Б.Н. Полевого «Таким ли должен быть памятник героям Сталинграда?». Автор статьи, который в прошлом как военный корреспондент был непосредственным участником Сталинградской битвы, высказал мнение о том, что памятник на Мамаевом кургане должен быть «строгим, мужественным и простым». Он обвинял Вучетича в гигантомании и призывал отказаться от идеи «одеть Мамаев курган в гранитные одежды стоимостью в десятки миллионов рублей» [27]. По мнению современного исследователя В. Огрызко, выступление Полевого являлось проявлением реакции либерально настроенной части совет-

ской творческой интеллигенции периода «оттепели», которая воспринимала Вучетича как консерватора и «охранителя социалистического реализма» [25].

В непубличные разбирательства вокруг статьи Полевого оказался вовлечен целый ряд государственно-партийных функционеров высокого уровня (А.Б. Аристов, Н.Д. Казьмин, П.Н. Поспелов, А.В. Романов, Е.А. Фурцева и др.). В течение нескольких месяцев сторонники и противники проекта Вучетича направляли письма со своими аргументами в редакции «Комсомольской правды» и «Литературной газеты». Однако без соответствующей директивы «сверху» они так и не были опубликованы, зато стали предметами рассмотрения сотрудников аппарата ЦК КПСС. Судя по сохранившимся в Российском государственном архиве новейшей истории (далее – РГАНИ), текстам этих писем, в защиту проекта Вучетича выступил В.И. Чуйков, тогда как позицию Полевого поддержали писатели В.П. Некрасов и К.М. Симонов, поэт М.К. Луконин, а также генерал-лейтенант А.И. Родимцев. В частности Родимцев призывал «вовремя уберечь авторов проекта от ненужной гигантомании, помпезности, дорогого и безвкусного украшательства» [29, л. 39]. При этом критики проекта, вслед за Полевым, приписывали концепции мемориала на Мамаевом кургане негативные характеристики, которые в большинстве своем были либо надуманными, либо уже не отвечали текущему состоянию измененного проекта.

Позиция официальных лиц оказалась сдержанной и была направлена на то, чтобы исключить дальнейшую публичную критику утвержденного проекта мемориала, который к тому времени уже находился в стадии практической реализации. В одном из документов ЦК КПСС констатировалось, что данный проект ранее обсуждался творческими деятелями и жителями города-героя на Волге, участниками Сталинградской битвы, рассматривался в обкоме партии и облисполкоме, получил высокую оценку Государственного художественного совета по монументальной скульптуре, был одобрен президиумом Академии художеств СССР, коллегией Министерства культуры РСФСР и утвержден Президиумом Совета Министров РСФСР [29, л. 41–42].

Однако в профессиональной среде скульпторов впоследствии нашлись те, кто пытался продолжить публичную критику Вучетича. В декабре 1964 г. на страницах газеты «Комсомольская правда» было опубликовано письмо советского скульптора О.А. Иконникова, который заявил о том, что Вучетич и связанная с ним группа лиц получила фактическую «монополию» на реализацию крупных мемориальных проектов. Как утверждал автор письма, это приводило к «повторению», «тиражированию» уже использованных творческих приемов [16]. Впоследствии О. Иконников неоднократно пытался критиковать Вучетича, в частности на состоявшемся 22 марта 1966 г. заседании бюро секции скульптуры при Московском отделении Союза художников РСФСР. Здесь он вновь выразил недовольство «засильем Вучетича». При этом некоторые из присутствующих констатировали, что в аргументах Иконникова прослеживалась личная обида, зависть по отношению к славе Вучетича и его высоким гонорарам [33, л. 19–22]. В целом это уже никак не повлияло на приближавшуюся к завершению реализацию проекта.

Сам Вучетич утверждал, что мемориальный комплекс на Мамаевом кургане – это попытка мемориализации не только величайшего исторического события, но и массового героизма, который сложно было передать традиционной однофигурной или многофигурной скульптурой на постаменте. Поэтому и была выбрана форма памятника-ансамбля, которую скульптор называл «высшей формой монументального искусства». Благодаря этому появилась возможность создать ряд расположенных в определенном порядке архитектурно-скульптурных пространств (вводный горельеф «Память поколений», аллея пирамидальных тополей, площадь «Стоять насмерть» со скульптурой воина-богатыря, «Стены-руины», площадь Героев, Зал воинской славы, площадь Скорби, главная скульптурная композиция «Родина-мать зовет!»), последовательное посещение которых позволяет достичь определенного эмоционального состояния [5]. В состав мемориала также входили четырехгранные 9-метровые пилоны с портретными изображениями представителей всех родов войск. 14 таких пилонов располагалось вокруг Зала

воинской славы, однако в 2007 г. было принято решение их полностью демонтировать из-за аварийного состояния.

Московские исследователи Д.В. Васильев и Н.А. Мазаев на основе искусствоведческого анализа сделали интересный вывод о том, что коррективы, внесенные в проект на рубеже 1950–1960-х гг., изменили его символическую составляющую. Во-первых, в первоначальном варианте вводную композицию планировалось посвятить теме «Внезапное нападение», а на вершине кургана предполагалось разместить скульптурное изображение Родины-матери со знаменем Победы в правой руке и снопами колосьев в левой, рядом с которой находится фигура коленопреклоненного солдата, целующего сноп пшеницы (как символ возвращения к мирной жизни). Таким образом, первоначальная символическая логика мемориала основывалась на хронологии и показывала ход войны от внезапного начала и до победного конца. Кроме того, в первом варианте у подножия главной скульптурной композиции предлагалось построить двухъярусное здание музея-панорамы «Сталинградская битва», что заметно увеличило бы его информационное содержание за счет отображения исторической хроники сражения и персонифицированных образов самых известных героев. Однако произошедший впоследствии отказ от размещения панорамы на Мамаевом кургане, изменение вводной композиции и главной скульптуры, представшей в виде Родины-матери с поднятым мечом, кардинальным образом изменили восприятие всего ансамбля. Теперь доминирующим стало именно эмоциональное, а не рационально-историческое восприятие, с выделением зоны героизации, зоны поминовения и зоны триумфального величия советского народа-победителя (подробнее см.: [3, с. 114–123]).

Одним из важнейших факторов, обусловивших создание памятника-ансамбля на Мамаевом кургане в его состоявшемся виде, стало выделение из него в отдельный объект панорамы, посвященной событиям Сталинградской битвы. Понимая, что работа над самой панорамой и двухъярусным зданием для ее размещения «тормозит» реализацию проекта и «перегружает» визуальное восприятие мемориала, команда Вучетича в 1959 г. предложила инновационное решение проблемы – замену традиционной художественной панорамы круговой кинопанорамой, которую предполагалось установить в Зале славы. Военные консультанты А.И. Еременко и В.И. Чуйков, а также многие другие участники Сталинградской битвы и ветераны войны поддержали такую инновацию и подчеркнули, что с волнением ожидают скорейшего сооружения достойного памятника «богатырям, покрывшим себя неувядаемой славой» [11]. В то же время представители Художественного совета Министерства культуры РСФСР не одобрили такое изменение концепции [7, с. 371], по всей видимости, лоббируя интересы Студии военных художников им. М.Б. Грекова, которая, согласно постановлению 1958 г., должна была заниматься созданием панорамы [28, л. 113]. При этом стоимость художественных работ по созданию полотна и предметного плана панорамы составляла 3,5 млн руб. – почти 30 % от общих затрат на творческую часть проекта в целом [23, л. 47].

В дискуссию были вовлечены и другие известные участники Сталинградской битвы, мнения которых разделились. Так, А.И. Родимцев и И.И. Людников поддержали идею кинопанорамы, причем последний отмечал, что «нельзя в одной панораме показать все, что решило судьбу Волгоградской битвы. Надо искать новые формы». В то же время им оппонировал М.С. Шумилов, а также А.И. Еременко, который заявил: «Если и кино, и музыка, и скульптура, и картины – будет такое нагромождение, что ничего не разберешь. Кино может умереть, но панорама никогда» [7, с. 374–375]. В итоге 18 апреля 1964 г. на высшем уровне было принято решение продолжать создание традиционной панорамы, но выделить ее в отдельный проект [2, с. 70], который реализовывался на новой локации рядом со знаменитым Домом Павлова. Торжественное открытие нового мемориального объекта, в состав которого помимо панорамы входили 4 диорамы и музейные помещения, состоялось только 8 июля 1982 г., то есть спустя почти 15 лет после завершения создания памятника-ансамбля [26, л. 43–44].

Безусловно, мемориальный комплекс на Мамаевом кургане имел общесоюзное значение. Однако он был чрезвычайно важен для формирования локальной героической идентично-

сти самих волгоградцев, для местных жителей и муниципальных властей. Уже во время сооружения памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» начал выполнять статусную функцию. В частности, его посещали практически все VIP-гости города, как отечественные, так и зарубежные. Когда в 1966 г. город-герой на Волге посетил Президент Франции Шарль де Голль, то в качестве подарка от городских властей ему была вручена модель-копия скульптуры «Родина-мать зовет!» [4]. Узнаваемая фигура Родины-матери стала символом города, популярной туристической достопримечательностью и объектом экскурсионного посещения. Местные жители также стали «соавторами» уникальной мемориальной среды, создаваемой на Мамаевом кургане. Это проявилось, например, в высадке здесь деревьев в память о погибших воинах, которая началась весной 1965 г. Данная общественная инициатива, озвученная по местному телевидению жительницей Волгограда Л.С. Пластиковой, сразу же вызвала отклик тысяч волгоградцев, приобрела поистине массовый характер [1, с. 67–68].

После концептуальных, функциональных и технических корректив, внесенных в реализуемый под руководством Вучетича проект, мемориал на Мамаевом кургане был успешно завершен, приобрел всенародное признание и всемирную известность. Одновременно с информацией о торжественном открытии мемориального комплекса на Мамаевом кургане 15 октября 1967 г., в котором лично участвовал Л.И. Брежнев, советские газеты сообщили также о награждении Вучетича званием Героя Социалистического труда. Все участники Сталинградской битвы, получившие возможность выступить на церемонии открытия (А.И. Еременко, В.И. Чуйков, Я.Ф. Павлов), выразили благодарность за создание такого величественного мемориального комплекса руководству коммунистической партии, правительству и всему советскому народу. Чуйков в своей речи также упомянул «местные партийные и советские органы Волгограда», «строителей города-героя», «творческий коллектив во главе с народным художником СССР скульптором Е.В. Вучетичем» [35]. В 1970 г. коллектив основных авторов памятника-ансамбля (помимо Вучетича в него вошли Я.Б. Белопольский, В.А. Дёмин, В.Е. Матросов, А.С. Новиков, А.А. Тюренков) был удостоен Ленинской премии. Сам Вучетич вплоть до своей смерти в 1974 г. оставался самым известным и востребованным советским скульптором-монументалистом послевоенного периода, в том числе принял участие в проектировании масштабных мемориальных комплексов на месте Курской битвы и в городе-герое Киеве.

Во второй половине 1970-х гг. в Магнитогорске под руководством Я.Б. Белопольского был создан монумент «Тыл – фронту», который стал рассматриваться как третья часть уникального «триптиха» величественных мемориалов с использованием образа Меча Победы. Центральная скульптура мемориала в Магнитогорске изображает его передачу в руки советского воина; Родина-Мать на Мамаевом кургане взмахом Меча призывает к непримиримой борьбе; в руках Воина-освободителя мемориала в Трептов-парке Меч Победы опущен, что символизирует окончательный разгром врага [8].

Непосредственно в Волгограде на протяжении последующих десятилетий неоднократно возвращались к идее сооружения второй очереди мемориала на пространстве от подножия Мамаева кургана до берега Волги. С одной стороны, здесь предлагалось создание новых мемориальных объектов, в том числе монументальных стел в честь 12 советских армий, участвовавших в Сталинградской битве. Идея эта возникла под влиянием уже неоднократно упоминавшегося А.И. Еременко, который в 1967 г. согласился поставить свою подпись на акте приемки мемориального комплекса только при условии приложения к нему его особого мнения-комментария. В этом документе он отмечал, что существенным недостатком мемориала, по его мнению, является чрезмерный акцент на деятельность 62-й армии (под командованием Чуйкова), тогда как другим армиям было уделено меньше внимания. С другой стороны, вторая очередь должна была включать сооружения утилитарного назначения – речной причал, зону отдыха с фонтаном, парковку для автотранспорта, надземный переход через проспект им. В.И. Ленина. Однако по разным причинам, преимущественно материально-

технического характера, эти проекты так и не были реализованы [19].

Результаты. Таким образом, анализ процесса мемориализации событий Сталинградской битвы на протяжении первых послевоенных десятилетий позволяет выявить основные тенденции развития советской исторической памяти и монументального искусства в данный период. Несмотря на хрущевскую кампанию по борьбе с «излишествами» в архитектуре, крупные мемориальные объекты продолжали сооружаться, однако это было возможно лишь с санкции высшего руководства и с идеологическим прикрытием в виде окончательно оформившегося во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. концепта «ленинского плана монументальной пропаганды». Значимое влияние на ход сооружения мемориалов оказывали такие основные группы акторов: 1) высшее государственно-партийное руководство; 2) муниципальные власти; 3) местное население; 4) представители творческого сообщества (архитекторы, скульпторы, писатели, художники); 5) ветераны Великой Отечественной войны. В случае создания мемориального комплекса на Мамаевом кургане в Сталинграде / Волгограде все эти «конструкторы исторической памяти» внесли существенный, хотя и неравнозначный вклад, руководствуясь не только коммеморативными, но и политико-идеологическими, финансовыми, карьерными, статусными, морально-этическими и эстетическими мотивами. Готовность творческого коллектива под руководством Е.В. Вучетича к определенной трансформации и адаптации проекта под влиянием объективных факторов, политических трендов и общественных настроений привело к тому, что проект памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» был успешно завершен и стал одним из самых выдающихся произведений советского монументального искусства.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

The reported study was funded by RFBR in the framework of project no. 20-09-00218 “The relationships between the government and society during the late Soviet period (1956–1985)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анипкин А. М., Кандаурова И. М. Продолжение подвига: Из опыта идейно-воспитательной работы Волгоградской областной партийной организации. М.: Плакат, 1989. 191 с.

2. Аргасцева С. А. Сталинградская панорама как памятник истории, искусства и культуры: источниковедческая база // Сталинградская битва в судьбах народов: Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: Принт, 2013. С. 69–73.

3. Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане: динамика коммеморации Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 112–127. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_2_2020.html

4. Володин Л. Вместе работать на благо мира // Известия. 1966. 29 июня.

5. Вучетич Е. Мысли летят в будущее // Советская культура. 1967. 14 октября.

6. Вучетич Е. Художник и жизнь. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963. 446 с.

7. Гершзон М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х – начале 1960-х гг. Очерки. М.: Модест Колеров, 2018. 390 с.

8. Гольцев В. Победоносный чудо-меч // Известия. 1975. 14 февраля.

9. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова и др. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.

10. Документы о строительстве памятника-монумента Победы // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2840. 71 л.

11. Драгунский Д. Немеркнущие святыни // Советская культура. 1961. 19 декабря.

12. Еременко А. И. Сталинград: записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961. 504 с.

13. За идейную чистоту советского изобразительного искусства // Искусство. 1963. № 2. С. 2–11.

14. Записка Г. К. Жукова в ЦК КПСС от 14 июня 1955 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МДФ, 2001. С. 35–36.

15. И вот он заговорил – Мамаев курган…: к 50-летию открытия памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» / В. И. Попков и др. // Изве-

стия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 4–12.

16. Иконников О. Судьба каменной песни // Комсомольская правда. 1964. 2 декабря.

17. Кринко Е. Ф. Сталинградская битва в мемориальной культуре Волгограда и Волгоградской области // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве. В 2 ч. Ч. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 59–69.

18. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

19. Мазанов С. Вторая очередь Мамаева Кургана... URL: https://vlg-bloger-club.livejournal.com/556253.html

20. Манаев А. Ю. «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»: формирование образа Сталинградской битвы в исторической памяти (1940-е – 1950-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, № 1. URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-1-22/article-0230

21. Н. С. Хрущев на Нижней Волге // Правда. 1963. 18 сентября.

22. Нейман М. Л. Ленинский план «монументальной пропаганды» и первые скульптурные памятники // История русского искусства. Т. IX. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 23–53.

23. О мероприятиях по проведению скульптурно-живописных работ для памятника-монумента в Сталинграде // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 7827. 52 л.

24. Об утверждении сметы расходов на сооружение памятника-монумента // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 4179. 31 л.

25. Огрызко В. Почему Константин Симонов проиграл скульптору Вучетичу. URL: https://litrossia.ru/item/8406-pochemu-konstantin-simonov-proigral-skulptoru-vuchetichu

26. Переписка с министерствами и ведомствами о создании экспозиции «Сталинградская битва» // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 6931. 355 л.

27. Полевой Б. Таким ли должен быть памятник героям Сталинграда? // Комсомольская правда. 1960. 7 февраля.

28. Постановления Совета Министров РСФСР за декабрь 1958 года // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 1059. 355 л.

29. Проект постановления ЦК КПСС, записки Отделов, письма // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 37. Д. 84. 217 л.

30. Разаков В. Х. Архитектурно-скульптурный памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане // Военный Сталинград как мировой социокультурный феномен. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 156–187.

31. Рябов О. В. Монумент «Родина-мать зовет!» в символической политике: Контуры проблемного поля // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 6–20.

32. Рябов О. В. «Родина-мать» в советском дискурсе Сталинградской битвы: военная пропаганда и коммеморация // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 21–34.

33. Стенограмма заседания бюро секции скульптуры // Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 2943. Оп. 2. Д. 1128. 51 л.

34. Стригалев А. Ленинские принципы монументальной пропаганды // Архитектура СССР. 1962. № 4. С. 2–8.

35. Творцам Победы. Вечный огонь на Мамаевом кургане // Известия. 1967. 16 октября.

36. Творческий отчет архитектора А.М. Синявера // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 653. 28 л.

37. Федоров А. Памятник героическому подвигу // Искусство. 1963. № 2. С. 12–13.

38. Халтурин А. Ленинский план монументальной пропаганды в действии // Искусство. 1972. № 12. С. 9–12.

39. Чагадаева О. Молчание Мамаева кургана // Родина. 2021. № 9. С. 14–16.

40. Янушкина Ю. В. Архитектурные образы послевоенного Сталинграда. URL: http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Yanushkina-2013_1(25).pdf

41. Arnold S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. – Bochum: Projekt Verlag, 1998. 428 S.

42. Palmer S. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad // The Russian Review. 2009. Vol. 68, № 3. P. 373–407.

43. Trubina E. The Reconstructed City as Rhetorical Space: The Case of Volgograd // Remembering, Forgetting and City Builders / eds. by T. Fenster and H. Yacobi. Burlington: Ashgate publishing company, 2010. P. 107–120.

44. Wolfram S. Stalingrad in der sowjetischen Erinnerung // Stalingrad erinnern: Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis. Berlin: Links Verlag, 2003. S. 24–37.

REFERENCES

1. Anipkin A.M., Kandaurova I.M. *Prodolzhenie podviga: Iz opyta ideino-vospitatelnoi raboty Volgogradskoi oblastnoi partiinoi organizatsii* [Continuation of the Feat: From the Experience of Ideological and Educational Work of the Volgograd

Regional Party Organization]. Moscow, Plakat Publ., 1989. 191 p.

2. Argastseva S.A. Stalingradskaia panorama kak pamiatnik istorii, iskusstva i kultury: istochnikovedcheskaia baza [Stalingrad Panorama as a Monument of History, Art and Culture. Source Study Base]. *Stalingradskaia bitva v sudbakh narodov: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Battle of Stalingrad in the Fate of Peoples. International Scientific and Practical Conference]. Volgograd, Print Publ., 2013, pp. 69-73.

3. Vasilev D.V., Mazaev N.A. Pamiatnik-ansambl na Mamaevom kurgane: dinamika kommemoratsii Velikoi Otechestvennoi voiny [Mamaev Kurgan Memorial: Dynamics of Commemoration of the Great Patriotic War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2020, no. 2, pp. 112-127. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_2_2020.html

4. Volodin L. Vmeste rabotat na blago mira [Work Together for Peace]. *Izvestiia*, 1966, June 29.

5. Vuchetich E. Mysli letiat v budushchee [Thoughts Fly to the Future]. *Sovetskaia kultura*, 1967, October 14.

6. Vuchetich E. *Khudozhnik i zhizn* [The Artist and Life]. Moscow, Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR, 1963. 446 p.

7. Gershzon M.M. *Zakat Stalina i Ottepel: upravlenie kulturoi v SSSR v 1950-kh – nachale 1960-kh gg. Ocherki* [The Decline of Stalin and the Thaw: Cultural Management in the USSR in the 1950s and Early 1960s. Essays]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2018. 390 p.

8. Goltsev V. Pobedonosnyi chudo-mech [Victorious Miracle Sword]. *Izvestiia*, 1975, February 14.

9. Ryblova M.A., Krinko E.F., Khlynina T.P., Arkhipova E.V., Kurilla I.I., Nazarova M.P., eds. *Detstvo i voina: kultura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniia detei v usloviiakh Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Stalingradskoi bitvy)* [Childhood and War: The Culture of Everyday Life, the Mechanisms of Adaptation and Practice of the Survival of Children in the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VO RANKhiGS, 2015. 336 p.

10. Dokumenty o stroitelstve pamiatnika-monumenta Pobedy [Documents on the Construction of the Monument of Victory]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. A-501, inv. 1, d. 2840. 71 l.

11. Dragunskii D. Nemerknushchie sviatyni [Unfading Shrines]. *Sovetskaia kultura*, 1961, December 19.

12. Eremenko A.I. *Stalingrad: zapiski komanduiushchego frontom* [Stalingrad: Notes of the Front Commander]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 504 p.

13. Za ideinuiu chistotu sovetskogo izobrazitelnogo iskusstva [For the Ideological Purity of Soviet Fine Art]. *Iskusstvo* [Art], 1963, no. 2, pp. 2-11.

14. Iakovlev A.N., ed. Zapiska G. K. Zhukova v TsK KPSS ot 14 iiunia 1955 g. [Note by Zhukov G.K. to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union of June 14, 1955]. *Georgii Zhukov. Stenogramma oktiabrskogo (1957 g.) plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty* [Georgy Zhukov. Transcript for October (1957) Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Other Documents]. Moscow, MDF Publ., 2001, pp. 35-36.

15. Popkov V.I., Kutikov A.V., Argastseva S.A. et al, Eds. I vot on zagovoril – Mamaev kurgan…: k 50-letiiu otkrytiia pamiatnika-ansamblia «Geroiam Stalingradskoi bitvy» [And So He Spoke – Mamaev Kurgan... To the 50th Anniversary of the Monument-Ensemble "To the Heroes of the Battle of Stalingrad" Opening]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiia of Volgograd State Pedagogical University], 2018, no. 1, pp. 4-12.

16. Ikonnikov O. Sudba kamennoi pesni [The Fate of the Stone Song]. *Komsomolskaia Pravda*, 1964, December 2.

17. Krinko E.F. Stalingradskaia bitva v memorialnoi kulture Volgograda i Volgogradskoi oblasti [Battle of Stalingrad in the Memorial Culture of Volgograd and the Volgograd Region]. *Voennaia istoriia Rossii: problemy, poiski, resheniia: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 75-letiiu pobedy v Stalingradskoi bitve. V 2 ch. Ch. 1* [Military History of Russia: Problems, Searches, Solutions. Proceedings of the 4th International Academic Conference Devoted to the 75th Anniversary of the Victory in the Battle of Stalingrad. In 2 Parts. Part 1]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017, pp. 59-69.

18. Latour B. *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow, Izd. dom VShE, 2014. 384 p.

19. Mazanov S. *Vtoraia ochered Mamaeva Kurgana...* [The Second Stage of Mamaev Kurgan...]. URL: https://vlg-bloger-club.livejournal.com/556253.html

20. Manaev A.Iu. «My vozrodim tebia, rodnoi Stalingrad!»: formirovanie obraza Stalingradskoi bitvy v istoricheskoi pamiati (1940-e – 1950-e gg.) ["We Will Revive You, Dear Stalingrad!": Shaping the Image of the Battle of Stalingrad in Historical Memory (1940s–1950s)]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2020, vol. 8, no. 1. URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-1-22/article-0230

21. N.S. Khrushchev na Nizhnei Volge [Khrushchev N.S. on the Lower Volga]. *Pravda*, 1963, September 18.

22. Neiman M.L. Leninskii plan «monumentalnoi propagandy» i pervye skulpturnye pamiatniki [Lenin's Plan of "Monumental Propaganda" and the First Sculptural Monuments]. *Istoriia russkogo iskusstva* [History of Russian Art], vol. 9. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957, pp. 23-53.

23. O meropriiatiiakh po provedeniiu skulpturno-zhivopisnykh rabot dlia pamiatnika-monumenta v Stalingrade [The Events for the Performance of Sculptural and Art Works for the Monument in Stalingrad]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 42, d. 7827. 52 l.

24. Ob utverzhdenii smety raskhodov na sooruzhenie pamiatnika-monumenta [On the Approval of the Cost Estimate for the Construction of the Monument]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 42, d. 4179. 31 l.

25. Ogryzko V. *Pochemu Konstantin Simonov proigral skulptoru Vuchetichu* [Why Konstantin Simonov Lost to Sculptor Vuchetich]. URL: https://litrossia.ru/item/8406-pochemu-konstantin-simonov-proigral-skulptoru-vuchetichu

26. Perepiska s ministerstvami i vedomstvami o sozdanii ekspozitsii «Stalingradskaia bitva» [Correspondence with Ministries and Departments on the Creation of the "Battle of Stalingrad" Exhibition]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 48, d. 6931. 355 l.

27. Polevoi B. Takim li dolzhen byt pamiatnik geroiam Stalingrada? [Is This How the Monument to the Heroes of Stalingrad Should Be?]. *Komsomolskaia Pravda*, 1960, February 7.

28. Postanovleniia Soveta Ministrov RSFSR za dekabr 1958 goda [Resolutions of the Council of Ministers of the RSFSR in December 1958]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 1, d. 1059. 355 l.

29. Proekt postanovleniia TsK KPSS, zapiski Otdelov, pisma [Draft Resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, Notes of Departments, Letters]. *Rossiysky gosudarstvenny arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, inv. 37, d. 84. 217 l.

30. Razakov V.Kh. Arkhitekturno-skulpturnyi pamiatnik-ansambl «Geroiam Stalingradskoi bitvy» na Mamaevom kurgane [Architectural and Sculptural Monument-Ensemble "To the Heroes of the Battle of Stalingrad" on Mamaev Kurgan]. *Voennyi Stalingrad kak mirovoi sotsiokulturnyi fenomen* [Military Stalingrad as a World Sociocultural Phenomenon]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017, pp. 156-187.

31. Riabov O.V. Monument «Rodina-mat zovet!» v simvolicheskoi politike: Kontury problemnogo polia [The Monument "Motherland Calls!" in Symbolic Politics: Outline of Research Field]. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research], 2017, no. 1, pp. 6-20.

32. Riabov O.V. «Rodina-mat» v sovetskom diskurse Stalingradskoi bitvy: voennaia propaganda i kommemoratsiia ["Motherland" in the Soviet Discourse of the Battle of Stalingrad: Military Propaganda and Commemoration]. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research], 2017, no. 1, pp. 21-34.

33. Stenogramma zasedaniia biuro sektsii skulptury [Verbatim Report of Sculpture Section Bureau Meeting]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 2943, inv. 2, d. 1128. 51 l.

34. Strigalev A. Leninskie printsipy monumentalnoi propagandy [Lenin's Principles of Monumental Propaganda]. *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1962, no. 4, pp. 2-8.

35. Tvortsam Pobedy. Vechnyi ogon na Mamaevom kurgane [To the Creators of Victory. Eternal Flame on Mamaev Kurgan]. *Izvestiia*, 1967, October 16.

36. Tvorcheskii otchet arkhitektora A.M. Siniavera [Creative Report by Architect Siniaver A.M.]. *RGALI* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 674, inv. 3, d. 653. 28 l.

37. Fedorov A. Pamiatnik geroicheskomu podvigu [Monument to the Heroic Feat]. *Iskusstvo* [Art], 1963, no. 2, pp. 12-13.

38. Khalturin A. Leninskii plan monumentalnoi propagandy v deistvii [Lenin's Plan of Monumental Propaganda in Action]. *Iskusstvo* [Art], 1972, no. 12, pp. 9-12.

39. Chagadaeva O. Molchanie Mamaeva kurgana [Silence of Mamaev Kurgan]. *Rodina* [Homeland], 2021, no. 9, pp. 14-16.

40. Ianushkina Iu.V. *Arkhitekturnye obrazy poslevoennogo Stalingrada* [Architectural Images of Post-War Stalingrad]. URL: http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Yanushkina-2013_1(25).pdf

41. Arnold S. *Stalingrad im sowjetischen Gedȯchtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitȯren Staat*. Bochum, Projekt Verlag, 1998. 428 S.

42. Palmer S. How Memory was made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. *The Russian Review*, 2009, vol. 68, no. 3, pp. 373-407.

43. Trubina E. The Reconstructed City as Rhetorical Space: The Case of Volgograd. *Remembering, Forgetting and City Builders*. Burlington, Ashgate publishing company, 2010, pp. 107-120.

44. Wolfram S. Stalingrad in der sowjetischen Erinnerung. *Stalingrad erinnern: Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis*. Berlin, Links Verlag, 2003, S. 24-37.

Information About the Author

Aleksei D. Popov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, popalex79@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5672-1198

Информация об авторе

Алексей Дмитриевич Попов, кандидат исторических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, popalex79@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5672-1198

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.20

UDC 94(47+57)1942/1943
LBC 63.3(2)622.12

Submitted: 01.07.2022
Accepted: 08.12.2022

V.P. NEKRASOV'S STORY "IN THE TRENCHES OF STALINGRAD" – THE REALITY OF WAR AND THE ARTISTIC TEXT

Maxim N. Opalev

Volzhskiy Polytechnic Institute (branch) Volgograd State Technical University, Volzhskiy, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article is devoted to the battle for the Height 102.0 (Mamayev Kurgan), which had a great strategic command in the battle of the Red Army for the city of Stalingrad. One of the outstanding monuments of national literature devoted to the Great Patriotic War is the story of Victor Platonovich Nekrasov "In the trenches of Stalingrad." It marked the beginning of the genre of the so-called "lieutenants' prose", that is, the narrative of events not from a professional literary propagandist, but from a direct participant in hostilities. A significant part of the work takes place in the area of Mamayev Kurgan, where the author of the story actually took part in the battle. The lower chronological boundary of the period is due to the beginning of the battle for the Mamayev Kurgan in September 1942. The upper boundary is defined by the capture of the Red Army Height 102.0 as a key section of German positions near the factory district of Stalingrad. *Methods and materials.* The methodology of the research is based on the main methods of historical science (comparative, biographical, problem-chronological). Based on a comparative analysis carried out on the text of Viktor Platonovich Nekrasov's story "In the trenches of Stalingrad" with the original records of military units, with authentic graphic materials, maps and diagrams, the factual basis of the work's plot and a high degree of its documentary nature were revealed. The author of the article believes that the study of V.P. Nekrasov's story as a work of fiction has so far been only an object of analysis for philologists and culturologists. This interdisciplinary historical study will help establish the real picture of the fighting for Height 102.0 over Stalingrad, and sources will confirm or deny the picture of the events described in the story. *Analysis*. The conclusions of this work are based on the analysis of military documents of domestic military archives and comparing them with the text of the story, which is considered not as a work of fiction, but as a testimony of a participant in the event. *Results*. Due to the conducted research, we have an opportunity to compare the evidence from the military biography of V.P. Nekrasov and his comrades-in-arms, actually confirmed by declassified archive documents, with the peculiarities of the author's images of the literary characters in the cultural and historical context of the era.

Key words: World War II, battle for Stalingrad, Mamayev Kurgan, engineering troops, fortifications, verification of sources, author's interpretation, testimony of a participant in the event.

Citation. Opalev M.N. V.P. Nekrasov's Story "In the Trenches of Stalingrad" – The Reality of War and the Artistic Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 222-228. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.20

УДК 94(47+57)1942/1943
ББК 63.3(2)622.12

Дата поступления статьи: 01.07.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ПОВЕСТЬ В.П. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА» – РЕАЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

Максим Николаевич Опалев

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, г. Волжский, Российская Федерация

© Опалев М.Н., 2023

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена сражению за высоту 102,0 (Мамаев курган), имевшую большое стратегическое командное значение в боевых действиях Красной армии за город Сталинград. Одним из выдающихся памятников отечественной литературы о Великой Отечественной войне является повесть

Виктора Платоновича Некрасова «В окопах Сталинграда». Она положила начало жанру так называемой лейтенантской прозы, то есть повествованию о событиях не от профессионального литератора-пропагандиста, а от непосредственного участника боевых действий. Существенная часть сюжета произведения разворачивается в районе Мамаева кургана, в сражении за который автор повести реально принимал участие. Нижняя хронологическая граница периода обусловлена началом сражения за Мамаев курган в сентябре 1942 года. Верхняя граница определена взятием красноармейцами высоты 102,0 как ключевого участка германских позиций у заводского района Сталинграда. *Методы и материалы.* Методология исследования базируется на основных методах исторической науки (сравнительный, биографический, проблемно-хронологический). На основе проведенного сравнительного анализа текста повести Виктора Платоновича Некрасова «В окопах Сталинграда» с подлинной делопроизводственной документацией боевых соединений, с аутентичными графическими материалами, картами и схемами была выявлена фактическая первооснова сюжета произведения, высокая степень его документальности. Автор статьи полагает, что изучением повести В.П. Некрасова до настоящего дня занимались, как правило, филологи и культурологи, но не историки. Данное междисциплинарное историческое исследование позволит установить подлинную картину боев за господствующую над Сталинградом высоту 102,0 и с помощью источников подтвердить или же опровергнуть события, изложенные в повести. *Анализ.* Выводы настоящей работы построены на анализе боевых документов отечественных военных архивов и сопоставлении их с текстом повести, рассмотренной в качестве мемуаров участника событий, а не художественного произведения. *Результаты*. Благодаря проведенному исследованию появляется возможность сопоставить реально подтвержденные рассекреченными архивными документами свидетельства из военной биографии В.П. Некрасова и его боевых товарищей с особенностями авторских образов литературных героев произведения в культурно-историческом контексте эпохи.

Ключевые слова: Вторая мировая война, сражение за Сталинград, Мамаев курган, инженерные войска, фортификационные сооружения, верификация источников, авторская интерпретация, мемуары участника события.

Цитирование. Опалев М. Н. Повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» – реальность войны и художественный текст // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 222–228. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.20

Введение. 17 июня 2023 г. исполняется 112 лет со дня рождения советского, русского писателя, героя Великой Отечественной войны, капитана инженерных войск, правозащитника и диссидента Виктора Платоновича Некрасова (1911–1987). Лауреатом Сталинской премии он неожиданно стал в 1947 г. за свою знаменитую повесть «В окопах Сталинграда». Она положила начало жанру так называемой лейтенантской прозы, то есть повествованию о событиях не от профессионального литератора-пропагандиста, а от непосредственного участника боевых действий.

Из-за активной гражданской позиции и правозащитной деятельности В.П. Некрасов в 1970-е г. был исключен из партии, лишен советского гражданства, а его книги принудительно изъяты из библиотек. Фильм «Солдаты», снятый в 1956 г. по мотивам повести «В окопах Сталинграда», был запрещен к показу вплоть до 1991 года.

Существенная часть произведения посвящена боевым действиям у Мамаева кургана, где реально принимал участие в сражении автор повести. Старший лейтенант, заместитель командира саперного батальона Виктор Платонович Некрасов воевал в Сталинградской битве в составе 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии под командованием полковника Н.Ф. Батюка. 284-я стрелковая дивизия сражалась за курган дольше всего [2, л. 300–303] начиная с последней декады сентября 1942 г. и до полного очищения высоты от немецких войск 26 января 1943 года.

Методы и материалы. Настоящая научная работа основана на анализе боевых документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и сопоставлении их с текстом повести, рассмотренной не в качестве художественного произведения. Нами впервые изучались не художественные особенности повести, а документальная основа происходивших событий, описанных автором как их участником.

В процессе исследования применялись основные методы исторической науки (сравнительный, биографический, проблемно-хронологический).

В результате сравнительного анализа текста повести Виктора Платоновича Некрасова «В окопах Сталинграда» с делопроизводственной документацией боевых соединений, отчетами, приказами, картами и схемами 284-й стрелковой дивизии, 62-й армии, с журналами боевых действий Юго-Восточного, Сталинградского и Донского фронтов (куда последовательно, на протяжении всей Сталинградской битвы входила 284-я стрелковая дивизия), а также с картами и схемами военных лет была выявлена фактическая первооснова сюжета произведения, высокая степень достоверности фактов, отображенных на страницах повести. Биографический метод позволил осветить подробности военной службы В.П. Некрасова и его сослуживцев (возможных прототипов героев его произведений) на фронтах Великой Отечественной войны, в частности уточнить обстоятельства их награждения за совершенные подвиги, установить факты полученных при этом ранений. При помощи проблемно-хронологического метода нами была изучена последовательность этапов боев за Мамаев курган в общем контексте Сталинградского сражения. Изучением повести В.П. Некрасова до настоящего дня занимались, как правило, филологи и культурологи, но не историки. Данное междисциплинарное историческое исследование позволит установить подлинную картину боев за господствующую над Сталинградом высоту 102,0. На примере анализа архивных боевых документов частей Красной армии, действовавших в районе Мамаева кургана, представляется возможным подтверждение или же опровержение картины событий, изложенной в повести.

Анализ. В исторической и научно-популярной литературе о Сталинградской битве известно объяснение военного значения высоты 102,0 как наблюдательного и корректировочного пункта, который позволял противнику держать под огнем всех видов оружия не только позиции красноармейцев на территории металлургического завода «Красный Октябрь», завода тракторных деталей и нормалей «Метиз», но и речные коммуникации через Волгу, в частности переправу 62-й армии. В период окружения советскими войсками 22 вражеских дивизий вплоть до конца января 1943 г. на учебный аэродром существовавшей до войны Сталинградской школы летчиков могли приземляться до нескольких десятков самолетов «Юнкерс» и «Хейнкель» в день, доставлявших блокированным соединениям противника боеприпасы и вывозящих раненых. Этот аэродром располагался за западными склонами Мамаева кургана [4, л. 81; 5, л. 24]. Указанными обстоятельствами можно объяснить столь долгую и кровопролитную борьбу за эту высоту.

Вначале необходимо отметить, что автор повести «В окопах Сталинграда» показывал события битвы на Волге от лица вымышленного героя – лейтенанта инженерного подразделения Керженцева.

У повести два варианта окончания. Первый был опубликован в 1946 г., и согласно ему главный герой получает ранение во время разминирования прохода для советских танков на нейтральной полосе. После чего был эвакуирован с поля боя в заволжский госпиталь и, пройдя курс лечения, вернулся в часть накануне победы в Сталинграде [10, с. 281–303]. Согласно второму варианту, опубликованному в 1971 г., происходит неудачная атака семи «тридцатьчетверок» с танковым десантом на вершину Мамаева кургана, превращенную врагом в крепкий узел обороны. По решению комдива Батюка под один из подбитых на нейтральной полосе Т-34 саперы роют подземный ход. В ходе рукопашной схватки Керженцев получает сквозное ранение пистолетной пулей в ногу и вывозится на санях за Волгу, в госпиталь, где находится на лечении вплоть до января 1943 г. [10, с. 304–350]. Согласно же анализу наградных документов 62-й армии, к моменту представления к медали «За отвагу» от 3 февраля 1943 г. полковой инженер, старший лейтенант В.П. Некрасов, не имел ранений [11]. Свое первое ранение он получит 22 июля 1943 г. в окрестностях села Богородичное на реке Северский Донец, согласно представлению ко второй награде, ордену «Красной Звезды» [11].

Атаки на водоочистные железобетонные баки городского водопровода на вершине кургана шли с флангов и в лоб в разное время суток и проводились при поддержке тех немногих танков, что еще оставались на ходу в расположении 62-й армии [16, с. 478]. Наступление в целом было почти безрезультатным,

за исключением небольшого продвижения на 200 м севернее баков. Бои на Мамаевом были частью операции «Уран» согласно приказу штаба Сталинградского фронта от 19 ноября 1942 г. за № 217 части 62-й армии одновременно с прорывом румынского фронта в калмыцких степях «перейти в наступление… и очистить г. Сталинград» [4, л. 63].

На страницах повести часто упоминаются солдаты в полосатых тельняшках, и одним из колоритных героев является командир подразделения разведчиков, матрос Чумак, неоднократно спасавший главному герою, Керженцеву, жизнь. Пополнение дивизия Батюка получила и с Тихоокеанского флота, моряком в прошлом был знаменитый снайпер, Василий Григорьевич Зайцев. Левофланговым соседом полка, где сражался В.П. Некрасов, была 92-я стрелковая бригада, укомплектованная в первом составе матросами Северного флота и Беломорской флотилии [7, с. 220–221]. Пятеро отчаянных разведчиков этой бригады и 212-го батальона инженерных заграждений накануне атаки на Мамаев, около полуночи 20 ноября 500 кг тола успешно взорвали железобетонный железнодорожный мост через овраг Долгий, превращенный противником в долговременные укрепления. Немецкий гарнизон в 15 человек был уничтожен и захвачен один пленный [4, л. 108–109]. Организовывал работы командир взвода, младший лейтенант Донич Никита Устинович (1911–1945), удостоенный за этот поступок ордена Красного Знамени [3].

Однако обнадеживающий успех в начале боя, к сожалению, не решил исхода поставленной задачи. По всей вероятности, фактор внезапности не сработал. Об уничтожении советских танков в ходе атаки баков в последующие дни сообщает также «Журнал боевых действий 6-й армии» противника. Так, 25 ноября на «Волжском» фронте «…в 2.00 после артиллерийской подготовки штурмовые группы противника перешли в атаку в оврагах южнее высоты 102. Все штурмовые группы были отбиты контратаками. В 1.45 на высоте 102 был пехотными средствами подбит прорвавшийся Т-34. В 4.30 – новая слабая атака с танковой поддержкой против высоты 102, один вражеский танк уничтожен» [12].

Впоследствии эти танки Т-34, утерянные из-за плохого взаимодействия родов войск, согласно тексту повести Некрасова, использовались немцами в качестве постов корректировщиков огня и как пулеметные точки. Соответственно, задачей советских солдат стал либо обратный захват указанных танков, либо их уничтожение, что очень ярко и образно показано в главе «Чертова семерка».

Согласно журналу боевых действий Сталинградского фронта за ноябрь 1942 г., части 284-й и 95-й стрелковых дивизий и 92-й стрелковой бригады перешли в атаку 21 ноября и к исходу дня боевая группа «овладела гребнем высоты 102,0», уничтожив 700 фашистов и понеся собственные потери ранеными 480 человек (об убитых сведений не поступило). На следующий день 284-я дивизия «продвижения не имела», а 23 ноября, в исторический день соединения фронтов у Калача-на-Дону, «овладела первой линией высоты 102,0», то есть накануне была вытеснена с уже захваченных позиций контратакующими немецкими частями. 29 ноября 1942 г. все наступающие дивизии 62-й армии, понеся значительные потери, «продвижения не имели», потеряв за день 320 человек, захватив в качестве трофеев лишь три винтовки [4, л. 74, 77, 81, 85, 90, 93, 103]. Оставшиеся в живых в ходе неудачных атак бойцы и командиры действительно могли отступать на исходный рубеж под огнем немецкого оружия короткими перебежками от воронки к воронке, как это ярко показано в повести.

По итогам неудачного ноябрьского штурма высоты 102,0 командованием армии начальником соединения полковником Н.Ф. Батюком совместно с особыми отделами разбирались вопросы о поведении командиров соединений в бою, о потере ими управляемости войсками. 26 ноября командиры участвующих в атаке частей дивизии докладывали о продвижении вперед, о захвате не только вершины кургана, но и западных его склонов. Проверка показала полное несоответствие полученной информации реальному положению дел [14, л. 542–543].

В свете крайне слабой укомплектованности войск на передовой командарм-62 ограничился вынесением предупреждения Н.Ф. Батюку (вследствие его болезни) и вы-

говоров командирам 1043-го и 1045-го полков (майору Ульянову и капитану Михайлову соответственно), а также начальнику штаба дивизии Садовскому. Командир батальона 1045-го полка старший лейтенант Логвинов был помещен под десятисуточный арест с удержанием половины жалования [14, л. 543]. Ряд нижестоящих командиров получили пятисуточный арест [15, л. 106–107]. В повести же виновника истребления солдат в лобовой атаке на немецкие позиции, капитана Абросимова (обвиненного в трусости), отправили в штрафной батальон.

Атаки красноармейцев на вершину высоты продолжались и в первой половине декабря 1942 г., а также в первых числах января нового 1943 г. меньшими силами (штурмовые группы) [5, л. 18, 24, 46; 6, л. 28]. При этом удавалось на время захватить баки [8]. В конце декабря 1942 г. было решено атаковать водонапорные резервуары на высоте 102,0 способом подземно-минной атаки. Был разработан план действий, но его выполнить не позволило отсутствие карты городского водопровода. Требовалось строительство подземной галереи протяженностью 200 м, эту работу в условиях мерзлого грунта не удалось бы выполнить быстро и незаметно, поэтому применялись лишь относительно короткие подкопы в направлении немецких позиций [13, л. 63].

Решительный удар по вершине Мамаева кургана и его освобождение произошли 10 января 1943 года. После тщательного периода разрушения баков стрелковые группы в рукопашном бою захватили «чертовы купола» и успешно отразили все немецкие контратаки [6, л. 41]. При этом, согласно отчетным документам 284-й стрелковой дивизии, было насчитано более трех сотен немецких трупов, свои потери составили свыше 50 убитыми и 127 ранеными. На самой вершине высоты были захвачены шесть пленных из 227-го пехотного полка 100-й егерской дивизии: два немца, два румына и два «сербских цыгана». При штурме высоты был разбит «тяжелый танк» [1, л. 44–44 об]. Судя по сохранившимся фото взятых баков, рядом находилось штурмовое орудие Sturmgeschütz III.

Окончательно высота 102,0 и прилегающие участки местности были очищены от противника 26 января 1943 г. после соединения частей 62-й армии с востока и наступающей 21-й армии Донского фронта с запада [6, л. 117]. После завершения боев немецкие позиции были детально изучены инженерным отделом только что образованной Сталинградской группы войск. Помимо района баков сильные позиции земляных укреплений и блиндажей из рельсов и шпал врагом были сооружены на западном склоне кургана. Передовая линия была насыщена станковыми пулеметами из расчета один пулемет на 20–25 м фронта, на каждый приходилось 3–5 пехотинцев расчета, две огневые точки были оборудованы под подбитыми танками [13, л. 25, 29–30].

В первой декаде февраля 1943 г. погибшие в пятимесячных боях тысячи красноармейцев были торжественно преданы земле в братских могилах [9]. В захоронении погибших боевых товарищей и в сооружении на местах их погребения временных деревянных обелисков принимал участие и сам В.П. Некрасов. 284-я стрелковая дивизия стала 79-й Краснознаменной гвардейской. После войны, вплоть до своей вынужденной эмиграции, писатель часто приезжал в город на Волге и поднимался на высоту. Несмотря на размах и гигантские размеры известного на весь мир мемориала Героям Сталинградской битвы (открытого в 1967 г.), подлинная история боев на этой высоте, их герои малоизвестны общественности.

Результаты. Благодаря проведенному исследованию у нас появляется возможность сопоставить реально подтвержденные рассекреченными архивными документами свидетельства из военной биографии В.П. Некрасова и его боевых товарищей с особенностями авторских образов литературных героев произведения в культурно-историческом контексте эпохи.

Автор на страницах своей смелой и искренней повести отразил реальные подробности наступательных боев за овладение вершиной высоты 102,0 и ее удержание в сентябре – декабре 1942 г. и события решающего штурма января 1943 года. При этом как на страницах произведения, так и в реальной боевой практике 284-й стрелковой дивизии имели место не только беспримерная отвага, героизм и самопожертвование красноармейцев, процесс роста и совершенствования боевого

мастерства, позволившие в конечном счете победить нацистских агрессоров, но и недостатки управления войсками, выучки личного состава, ошибочные решения командиров по взаимодействию родов войск, в итоге умножившие общую цену Победы над врагом.

Знаменитая повесть В.П. Некрасова, участника сражения на Мамаевом кургане, действительно автобиографична, исторически ценна и документально точна. Лишь отдельные подробности судьбы главного героя Керженцева произошли с автором повести не в Сталинграде, а позднее, в 1943–1944 гг., например два серьезных ранения, служба вместе с сибиряком, ординарцем Волеговым (Валегой). Многие факты, описанные на страницах повести, подтверждаются архивными материалами.

Представленная в настоящей работе реконструкция этапов сражения за Мамаев курган на основании анализа документов воинских соединений и текста повести непосредственного участника событий может принести пользу исследователям, поисковикам, краеведам и сотрудникам музеев, способствуя дальнейшему, более обстоятельному и полному междисциплинарному исследованию феномена крупнейшей битвы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боевое донесение КП штаба 284-й стрелковой дивизии № 20 за 10.01.1943 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 1227. Оп. 1. Д. 15. Л. 44–44 об.

2. Выписка из журнала боевых действий 284 стрелковой дивизии. 31.12.1942 г. // ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 54. Л. 300–303.

3. Донич Никита Устинович // Подвиг народа. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=19827404&tab=navDetailDocument

4. Журнал боевых действий войск Сталинградского фронта за период с 01.11. 1942 г. по 01.12. 1942 г. // ЦАМО. Ф. 48. Оп. 451. Д. 98. 112 л.

5. Журнал боевых действий войск Сталинградского фронта за период с 01.12. 1942 г. по 01.01. 1943 г. // ЦАМО. Ф. 48. Оп. 451. Д. 125. 114 л.

6. Журнал боевых действий войск Донского фронта за период с 01.01. 1943 г. по 05.02. 1943 г. // ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 189. 310 л.

7. Исаев А. В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза: ЭКСМО, 2008. 444 с.

8. Каташев Александр Николаевич // Подвиг народа. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150255902&tab=navDetailDocument

9. Командир 284-й стрелковой дивизии полковник Батюк Николай Филиппович на открытии обелиска в память погибшим воинам на Мамаевом кургане Негатив 1943 г. // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18577209

10. Некрасов В. П. В окопах Сталинграда: повесть. СПб.: Амфора, 2015. 350 с.

11. Некрасов Виктор Платонович // Подвиг народа. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=30698145&tab=navDetailDocument

12. Немецкие дивизии в Сталинградской битве. Журнал боевых действий 6-й армии. URL: https://nordrigel.livejournal.com/?skip=70&tag=aok.6

13. Отчет об инженерном обеспечении боевых действий войск 62-й армии за период с 20.11.1942 г. по 03.02.1943 г. // ЦАМО. Ф. 30317. Оп. 1. Д. 6. 101 л.

14. Приказ войскам 62-й армии № 0236 о самоустранении командиров и начальников ряда соединений в руководстве боем. 29.11.1942 г. // ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 5. Л. 543.

15. Приказ по 284-й стрелковой дивизии № 82 28.11.1942 // ЦАМО. Ф. 2741. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–107.

16. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / отв. ред. Й. Хелльбек; пер. с нем. К. Левинсона; послесл. И. Калинина. М.: НЛО, 2015. 672 с.

REFERENCES

1. Boevoe donesenie KP shtaba 284-j strelkovoj divizii № 20 za 10.01.1943 g. [Combat Report of the Command Post of the 284th Infantry Division Headquarters No. 20 for 10/01/1943]. *Tsentralnyj arhiv Ministerstva oborony RF (TsAMO)* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 1227, inv. 1, d. 15, l. 44-44 r.

2. Vypiska iz zhurnala boevyh dejstvij 284 strelkovoj divizii. 31.12.1942 g. [Extract from the Log of Combat Operations of the 284th Infantry Division]. *TsAMO* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 54, l. 300-303.

3. Donich N.U. *Podvig naroda* ["Feat of the People in the Great Patriotic War 1941–1945." Digital Bank of Documents]. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=19827404&tab=navDetailDocument

4. Zhurnal boevyh dejstvij vojsk Stalingradskogo fronta za period s 01.11. 1942 g. po 01.12. 1942 g. [Log of Operations of the Troops of the Stalingrad Front for the Period from 01.11.1942 to 01.12.1942]. *TsAMO* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 98. 112 l.

5. Zhurnal boevyh dejstvij vojsk Stalingradskogo fronta za period s 01.12. 1942 g. po 01.01. 1943 g. [Log of Combat Operations of the Forces of the Stalingrad Front for the Period from 01.12.1942 to 01.01.1943]. *TsAMO* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 125. 114 l.

6. Zhurnal boevyh dejstvij vojsk Donskogo fronta za period s 01.01. 1943 g. po 05.02. 1943 g. [Log of Combat Operations of the Don Front for the Period from 01.01.1943 to 05.02.1943]. *TsAMO* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 206, inv. 262, d. 189. 310 l.

7. Isaev A.V. *Stalingrad. Za Volgoj dlya nas zemli net* [Stalingrad. Beyond the Volga There Is No Land for Us]. Moscow, Yauza Publ., EKSMO Publ., 2008. 444 p.

8. Katashev Alexandr Nikolayevich. *Podvig naroda* [Digital Bank of Documents "Feat of the People in the Great Patriotic War 1941–1945"]. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150255902&tab=navDetailDocument

9. Komandir 284-j strelkovoj divizii polkovnik Batyuk Nikolaj Filippovich na otkrytii obeliska v pamyat pogibshim voinam na Mamaevom kurgane Negativ 1943 g. [Commander of the 284th Infantry Division Colonel Batiuk Nikolai Filippovich at the Unveiling of the Obelisk in Memory of Fallen Soldiers on the Mamayev Kurgan Negative 1943]. *Gosudarstvennyj katalog Muzejnogo fonda Rossijskoj Federacii* [State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18577209

10. Nekrasov V.P. *V okopah Stalingrada: povest* [In the Trenches of Stalingrad. Novel]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2015. 350 p.

11. Nekrasov Viktor Platonovich. *Podvig naroda* [Digital Bank of Documents "Feat of the People in the Great Patriotic War 1941-1945"]. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=30698145&tab=navDetailDocument

12. *Nemeckie divizii v Stalingradskoj bitve. Zhurnal boevyh dejstvij 6-j armii* [German Divisions in the Battle of Stalingrad. Journal of Combat Operations of the 6th Army]. URL: https://nordrigel.livejournal.com/?skip=70&tag=aok.6

13. Otchet ob inzhenernom obespechenii boevyh dejstvij vojsk 62-j armii za period s 20.11.1942 g. po 03.02.1943 g. [Report on Engineering Support of Combat Operations by Troops of the 62nd Army from 20.11.1942 to 03.02.1943]. *TsAMO* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 30317, inv. 1, d. 6. 101 l.

14. Prikaz vojskam 62-j armii № 0236 o samoustranenii komandirov i nachal'nikov ryada soedinenij v rukovodstve boem. 29.11.1942 g. [Order to the Troops of the 62nd Army No. 0236 Concerning the Removal of Commanders and Chiefs of a Number of Formations from the Leadership of the Battle. 29.11.1942]. *TsAMO* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 5. l. 543.

15. Prikaz po 284-j strelkovoj divizii № 82.28.11.1942 [Order No. 82 of the 284th Infantry Division. 28.11.1942]. *TsAMO* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 2741, inv. 1, d. 2, l. 106-107.

16. *Stalingradskaya bitva: svidetelstva uchastnikov i ochevidcev* [The Battle of Stalingrad: Testimonies of Participants and Eyewitnesses]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 672 p.

Information About the Author

Maxim N. Opalev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Volzhskiy Polytechnic Institute (branch) Volgograd State Technical University, Engels St, 42a, 404121 Volzhskiy, Russian Federation, opalev-erz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9022-4478

Информация об авторе

Максим Николаевич Опалев, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, ул. Энгельса, 42а, 404121 г. Волжский, Российская Федерация, opalev-erz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9022-4478

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.21

UDC 94(73)
LBC 63.3(7)

Submitted: 10.01.2022
Accepted: 22.05.2022

AMERICAN CINEMA, FBI AND PROPAGANDA: THE IMAGE OF THE INTERNAL ENEMY (1941–1942) [1]

Yaroslav A. Levin

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The period 1941–1942 became a time when American art was rapidly rebuilt on "military rails." Cultural figures in every way reinforced the morale of American soldiers and were engaged in justifying various actions of the government through a more accessible and understandable language of artistic narrative. *Methods and materials.* The rich material of the archive of the FBI, the army and other US security services allows a better look at how the cinema obeyed the propaganda needs of the warring power. The article is based on the principles of historicism and systematics, as well as the methods of historical comparativistics and imagology (discourse-analysis, analysis of audiovisual representation and some others). *Analysis and results.* It is quite clear that cinema played a special role in these processes – the most massive and popular type of art, which in the previous two decades became the most common form of leisure for Americans. This article is devoted to the use of cinema to justify the initially extremely unpopular measure of the American government to intern the Japanese in concentration camps in the light of the entry of the United States into World War II.

Key words: World War II, American cinema, propaganda, FBI, J. Edgar Hoover, internment of Japanese in the United States, Franklin Roosevelt.

Citation. Levin Ya.A. American Cinema, FBI and Propaganda: The Image of the Internal Enemy (1941–1942). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 229-239. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.21

УДК 94(73)
ББК 63.3(7)

Дата поступления статьи: 10.01.2022
Дата принятия статьи: 22.05.2022

АМЕРИКАНСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ, ФБР И ПРОПАГАНДА: ОБРАЗ ВНУТРЕННЕГО ВРАГА (1941–1942 гг.) [1]

Ярослав Александрович Левин

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Период 1941–1942 гг. стал временем, когда американское искусство стремительно перестраивалось на «военные рельсы». Деятели культуры всячески подкрепляли боевой дух американских солдат и занимались оправданием и обоснованием различных действий правительства с помощью более доступного и понятного широким массам языка художественного повествования. *Методы и материалы.* Богатый материал архива ФБР, армии и других служб безопасности США позволяет лучше взглянуть на то, как кино подчинялось пропагандистским потребностям воюющей державы. Статья базируется на принципах историзма и системности, а также методах исторической компаративистики и имагологии (дискурс-анализ, анализ аудиовизуальной репрезентации и некоторые другие). *Анализ и результаты.* Вполне понятно, что особую роль в этих процессах сыграл кинематограф – наиболее массовый и популярный вид искусства, еще в предыдущие два десятилетия ставший наиболее популярным видом досуга американцев. Данная статья посвящена использованию кино для обоснования первоначально крайне непопулярной меры американского правительства по интернированию японцев в концентрационные лагеря в свете вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну.

Ключевые слова: Вторая мировая война, американский кинематограф, пропаганда, ФБР, Дж. Эдгар Гувер, интернирование японцев в США, Франклин Рузвельт.

© Левин Я.А., 2023

Цитирование. Левин Я. А. Американский кинематограф, ФБР и пропаганда: образ внутреннего врага (1941–1942 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 229–239. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.21

Введение. Нападение Японской империи на Перл-Харбор стало настоящим шоком для американского народа. Казавшееся незыблемым положение военно-морских сил страны было серьезным образом поколеблено. Вполне естественно, что последовавшее за этим вступление США в войну способствовало коренным переменам в отношении к японцам, проживавшим в Америке, как обычных людей, так и властных структур [16, p. 3–31]. Темой нашего исследования является рассмотрение формирования в пропаганде образа Японии как противника США и Америки как воюющей державы в 1942 г., вскоре после нападения на Перл-Харбор и вступления Соединенных Штатов в войну. В этот год в Голливуде было произведено более 500 художественных фильмов, из них большая часть (374 фильма) были прямо или косвенно посвящены событиям Второй мировой войны. Поскольку военное кино отличалось разнообразием тем и сюжетов, мы сосредоточили свое внимание на фильмах, напрямую связанных с темой японской угрозы, и взяли четыре наиболее хронологически ранних и коммерчески и художественно успешных картины по этой теме для анализа пропагандистских приемов и методов [15, p. 10, 50, 117].

Методы и материалы. Вся сложность вопроса о выстраивании кинопропаганды в США отразилась в большом количестве источников. В частности, ряд документов Федерального бюро расследований, а конкретно отдела регистрации преступлений, который помимо заявленной в названии функции выступал еще и пресс-службой Бюро в годы директорства Джона Эдгара Гувера. Также в исследовании использовались документы ФБР посвященные работе этой службы по «Обществу Черного дракона». Кроме того, были задействованы материалы коллег федеральных агентов из Корпуса контрразведки армии США (в частности, монография для внутреннего использования об истории этой спецслужбы в годы войны), а также документы Военно-морского министерства США. Деятельность ФБР изучалась множеством авторов. В частности, в работе использовалось исследование Тима Вейнера по истории ФБР, публикации Ричарда Пауэрса и Клэр Поттер по пропагандистской деятельности этого ведомства, а также некоторых других исследователей по этой и смежным темам. Поскольку основной фокус статьи смещен на ситуацию с японцами в США, использовались работы таких авторов, как Венди Нгэ, Эрик Сандквист, Гэри Окихиро и др. по этой теме. Наряду с уже перечисленными большое значение для данной статьи имели исследования пропаганды в США таких авторов, как Д.В. Суржик, Биргит Стрейх, Клэйтон Коппс и др., в которых изучены механизмы укрепления влияния различных органов власти и ведомств на сферу культуры и подчинения ее целям пропаганды. Также, поскольку тема нашего исследования напрямую связана с понятием «пропаганда», использовались работы, раскрывающие и дополняющие это понятие, в частности таких авторов, как Э. Бернейс и Ф. Тейлор, а также публикации по кинопропаганде как специфическому виду пропаганды таких авторов, как Г. Почепцов и М. Элфорд.

Анализ. Стоит заметить, что вопрос о том, что делать с японской диаспорой, встал перед властями практически сразу после атаки. Военно-морская разведка (РУ ВМС) считалась главным органом по защите от «желтой угрозы», это связано как с объективными факторами – основная масса иммигрантов проживала на Восточном побережье, а потому подпадала под ответственность этой спецслужбы, так и с субъективными – а именно, практически полным самоустранением Федерального бюро расследований США от работы по японцам на ранних этапах. Такая позиция связана в первую очередь с личной позицией директора ФБР Джона Эдгара Гувера, полагавшего, что основная опасность для США исходит от шпионов и агентов влияния нацистской Германии, кроме того, несмотря на постепенное «потепление» дипломатических отношений с Советским Союзом, он виделся одиозному руководителю американской контрразведки второй по степени угрозой для

безопасности Америки [10; 27, p. 167]. Поэтому ФБР вполне сознательно попыталось устраниться от работы по японскому направлению.

Тем не менее будет преувеличением сказать, что оно полностью проигнорировало опасность, исходящую от японо-американцев и граждан Страны восходящего солнца. Так, в Бюро существовала программа под названием «Списки задерживаемых в превентивных целях» (позднее переименовано в «Картотеку безопасности»), по которой уже сразу после нападения японцев было арестовано 3 846 чел. [27, p. 175]. В дальнейшем ФБР активно включилось в противодействие японской разведке в США, стремясь оправдаться в глазах власти и общества.

Несмотря на активную работу служб внутренней безопасности, перед федеральным правительством по-прежнему стояла проблема с американскими гражданами японского происхождения и гражданами Японии, находившимися в США. Стоит заметить, что полемика по этой проблеме была достаточно ожесточенной как внутри правительства, так и в среде общественного мнения. Например, Госдепартамент выступал за точечную работу по японцам и сосредоточение на использовании лояльных японцев своих целях. Например, подобные идеи были озвучены Кертисом Мансоном, бизнесменом, который совместно с журналистом Джоном Картером по личной просьбе Рузвельта подготовил доклад о японских иммигрантах в США [9; 24, p. 532–533]. В оппозиции к Госдепартаменту выступала армия, в частности генерал-лейтенант Джон ДеУитт, командующий Западным Военным округом, майор Карл Бенедетсен, секретарь и помощник главного военного прокурора, при некоторой поддержке военного министра Генри Стимсона начали активно выступать за интернирование всех японцев на территории США [7, p. 73–125]. Более промежуточную позицию занимали Министерство юстиции и ФБР, в частности генеральный прокурор Фрэнсис Биддл и Дж. Эдгар Гувер, которые выступали против повального интернирования, предлагая вместо этого интенсифицировать работу по имеющимся у Бюро спискам и проводить расследования лишь по факту доказанной «нелояльности», высылая кого-либо [26, p. 247]. Радикально-консервативная точка зрения военных достаточно быстро нашла отклик в СМИ, помимо этого антияпонская истерия активно раздувалась и Управлением военной информации (далее – УВИ) – первым органом организованной пропаганды в США [4, с. 138–165]. Достаточно быстро большая часть наиболее авторитетных и уважаемых обозревателей и репортеров как по личным причинам, так и под влиянием позиции УВИ, а также в силу «политического чутья» начали активно продвигать точку зрения армии. Достаточно быстро президент Рузвельт первоначально занимавший, скорее, умеренные позиции в «японском вопросе», начал солидаризироваться с радикальной позицией по решению этой проблемы [29, p. 170–176].

Окончательное решение главы государства требовало более активного подкрепления со стороны пропаганды, поэтому не удивительно, что вскоре после появления знаменитого «Чрезвычайного указа № 9066» от 19 февраля 1942 г., ставшего основой для интернирования, вышло на экраны сразу несколько достаточно высокобюджетных и популярных картин, прямо направленных на обоснование действий Ф.Д. Рузвельта. В рамках нашего исследования мы рассмотрим, как в данных фильмах показывались японцы, как изображался домашний фронт, а также федеральные власти и спецслужбы.

Исходя из темы исследования, необходимо уточнить, что современная наука определяет пропаганду как систему распространения определенных взглядов и оценок с помощью фактов, аргументов, а также домыслов, различных слухов, искаженной информации или заведомо ложных сведений с целью управления предпочтениями масс [1; 25]. Кинопропаганда – это специфический вид пропаганды, цель которого убедить зрителя в определенной политической точке зрения, повлиять на его мнение и поведение. При этом на экране часто субъективная точка зрения подается как объективная с целью намеренно ввести человека в заблуждение. Поскольку кино является наиболее простым и доступным широким массам художественным произведением, кинопропаганда уже в первой половине XX в. получает заметное распространение и становится одним из важнейших инструментов пропаганды в общем [3; 5].

Наиболее ранним примером жесткой антияпонской пропаганды в кино, почти прямо увязанной с указом президента, стал детектив с элементами триллера «Черные драконы» (англ. Black Dragons). Высокобюджетный фильм, задуманный еще до атаки на Перл-Харбор под рабочим названием «Желтая угроза». Атака японского флота и авиации 7 декабря 1941 г. нарушила планы продюсеров и режиссера. Работа над фильмом возобновилась лишь 17 января 1942 г., а в прокат он вышел только 6 марта 1942 года. Прежде всего, заметные коррективы были внесены в сценарий. Изначальная задумка должна была рассказывать о подрывной работе японского тайного общества «Черные драконы», однако сценарий, по которому в итоге был снят фильм, значительно отличается от первоначального [30]. Усложнилась «подрывная работа» «драконов». Вместо довольно стандартного сюжета о сборе информации с целью саботажа появился куда более захватывающий и жуткий рассказ о группе шпионов, которые с помощью пластических операций внешне походили на крупнейших американских бизнесменов в области военных технологий и общественных деятелей. Обращает на себя внимание, что операции были проведены немецким специалистом – доктором Мелчером. Сам процесс создания этого фильма показывает, насколько возрос интерес в обществе к «японской теме» и насколько государству требовалась поддержка кинематографистов в процессе подготовки интернирования собственных граждан японского происхождения [23, p. 50]. Прежде всего, бросается сама концепция скрытого врага, настоящей «пятой колонны». В отличие от изначального сценария в этом фильме нет ни одного персонажа с азиатской внешностью (за исключением нескольких кадров из «Японии», посвященных подготовке заговора). Уже сам по себе подобный сюжет должен был подчеркнуть для массового сознания, что «никому нельзя доверять» и «враг может быть кем угодно, даже тем, кого вы хорошо знаете».

Хотя Япония на период 1942–1943 гг. несколько вытеснила из американского медиапространства немецких нацистов в качестве главных врагов, этот фильм поначалу подчеркивает важность и даже главенство гитлеровской Германии в «глобальном заговоре» против США [12, p. 142]. Во многом именно по этой причине фильм, в котором изначально не планировалось задействование звезд первой величины, в качестве главного антагониста использовал фигуру доктора Мелчера – немецкого ученого и шпиона, блестяще сыгранного крайне популярным в те годы Белой Лугоши, известным американским характерным актером мадьярско-румынского происхождения, который прославился ролью графа Дракулы в фильме 1931 года. Однако обращает на себя внимание, что заброшенные японцы, подвергшиеся трансформации, предают доктора Мелчера, который вынужден сменить внешность и отправиться в США, чтобы отомстить за попытку своего убийства японскими «союзниками», постепенно устраняя агентов и подбрасывая их тела к ступеням посольства Японии. Тем самым авторы дополнительно подчеркивают коварство противника, который не стесняется предавать даже своих ближайших союзников. Интересно в фильме представлен в целом «домашний фронт». В основном кадры, связанные с обычной жизнью в Америке военного времени, показаны в самом начале в виде большого светского приема, где присутствуют уже внедренные шпионы. Обращает на себя внимание общее настроение этого сегмента фильма. Война выглядит чем-то далеким и не угрожающим. Крупные бизнесмены, чиновники, в том числе и очень высокого ранга развлекаются и обсуждают сложности боевых действий за мартини или виски, в окружении красивых женщин, для которых их разговоры практически не понятны. Тем самым авторы подчеркивают неготовность и слабость «домашнего фронта», отсутствие у всех слоев общества бдительности в условиях надвигающейся угрозы. Сразу после приема внедренные агенты раскрывают себя зрителям, откровенно насмехаясь над глупостью и наивностью американцев, которых они легко обманывают. После этого, чтобы подчеркнуть, к чему ведет успех японских шпионов, в фильм вставлены кадры последствий бомбардировки Перл-Харбора и несколько других фрагментов с военными действиями.

Единственной линией защиты для американцев в фильме представлены агенты Фе-

дерального бюро расследований. Фактический протагонист фильма, молодой агент Дик Мартин, сыгранный также довольно популярным актером Клэйтоном Муром, начинает расследовать странные убийства и к концу фильма практически подходит к разгадке. Несмотря на включение в сюжет лирической линии с племянницей одного из героев, создателям фильма удалось изобразить агента Мартина также профессионалом, умным и умелым следователем, который по ходу сюжета очень близко подходит к разгадке коварного замысла, приведшего к странным убийствам. Его непосредственный начальник шеф Колтон показан как строгий и умелый руководитель, чисто внешне слегка напоминающий реального главу ФБР, Дж. Эдгара Гувера.

Также обращает на себя внимание выбор названия для фильма – «Черные драконы», или «Общество Черного дракона», полуофициальное наименование японской националистической группировки «Амурский союз» (яп. Кокурюкай). Она была создана в 1901 г. политическим активистом Рехэем Утидой и к 1930–1940 гг. стала одной из главных организаций японских милитаристов за пределами своей страны [20]. Американское подразделение «Черных драконов» оказалось под пристальным вниманием ФБР еще в середине 1930-х гг., а окончательный разгром этого общества начался с массового ареста руководителей и членов калифорнийской ячейки, проведенной федеральными агентами 27 марта 1942 г. [14]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данный фильм, вышедший буквально накануне разгрома «драконов», еще и должен был подготовить общественное мнение к операции американских спецслужб. Это также в целом укладывается в политику ФБР, которое еще в начале 1930-х гг. начало планомерную пропагандистскую работу для улучшения своего имиджа в обществе [2; 18]. Кроме того, это подтверждается материалами самого ФБР, в 1942 г. активно рассылавшего по студиям рекомендательные письма, содержащие достаточно подробные указания на то, как изображать государственных деятелей и освещать государственно важные темы [13].

Вслед за «Черными драконами» в похожем ключе развивается пропаганда в фильме «Тихоокеанское рандеву» (англ. Pacific Rendezvous), вышедшем на экраны 21 мая 1942 года. Сюжет этого фильма строится вокруг офицера ВМФ Билла Гордона (сыгран довольно популярным актером Ли Боуманом), который рассказывает своей новой девушке Элейн Картер, что занимается взломом и дешифровкой военных кодов противника. Так же как и в «Черных драконах», в этом фильме Америка выглядит наивной и неготовой к войне. Беспечность Гордона и его девушки приводят к тому, что о работе главного героя узнают японские шпионы, которые вместе со своими немецкими соратниками всячески пытаются выведать у Гордона секреты. Вражеские агенты вновь представлены самыми обычными людьми из окружения дяди главной героини. В отличие от «Черных драконов» они действуют в тесной связи с немцами, однако подчеркивается их лидерство в борьбе с Америкой. Враги пытаются самыми разными способами втереться в доверие к герою Боумана, а когда мирные способы не приводят к успеху, переходят к угрозам и насилию. Хотя в первой части фильма главный герой выглядит несколько наивным персонажем, уже к середине он начинает понимать важность сохранения секретности своей работы и опасность, которая грозит и ему и стране. В данном фильме органы внутренней безопасности представлены сотрудниками отдела собственной безопасности Управления военной разведки США, которые также выглядят профессионалами, уверенными в себе и своей миссии людьми. В конце фильма именно из их уст звучат выводы о необходимости бдительности ко всем. В целом данный фильм при неплохом бюджете в 225 000 долларов несколько проигрывает тем же «Черным драконам» с художественной точки зрения и выглядит более типичным фильмом о шпионской угрозе. Все основные мысли, что должен усвоить зритель поданы открыто и прямо, а не метафорически. В то же время этот фильм отличается большей зрелищностью, в нем есть сцены с погонями и перестрелками, нашлось даже место нескольким полукомедийным эпизодам, что в целом нисколько не снизило серьезности посыла.

На наш взгляд такие разительные отличия в освещении одной и той же темы связаны также с определенным заказом разных

ведомств США, к концу 1930-х гг. озаботившихся собственным «медийным лицом». По мере увеличения необходимости в развитой системе пропаганды в условиях предвоенного и военного времени в США сразу несколько крупных ведомств начало интересоваться этой сферой деятельности и влиять на кинематограф. Прежде всего, кроме уже упомянутого УВИ, наиболее важного и крупного ведомства, напрямую занимавшегося пропагандой [4, с. 138–165], стоит выделить основанное в январе 1941 г. Управление по контролю за производством (англ. The Office of Production Management, OPM), кинематографический отдел которого отсматривал все снятые фильмы и определял их соответствие множеству параметров от чисто технических, вроде качества пленки и соблюдения сметы проекта, до художественных особенностей, соответствия фильма общественной морали и государственно важным темам. Это Управление также рассылало по студиям списки тем и примерных подходов к ним, а главное – в случае обращения киностудий оказывало материальную помощь в производстве и дистрибуции. С вступлением США в войну было присоединено к Совету по военному производству и до конца войны контролировало производство уже всей кинопродукции, а не только «заказных» кинолент [23, p. 50]. Кроме того, большую роль в создании пропагандистских художественных фильмов сыграл Комитет по военной активности кинематографической индустрии (англ. War Activities Commitee of the Motion Pictures Industry), инициативная группа крупнейших представителей американского кинематографа, которые выступили в качестве «добровольных помощников» правительства в деле поддержки действий США во Второй мировой войне. На деле же данный комитет быстро стал главным цензором и элитным профсоюзом крупнейших производителей кинофильмов для нужд государства. Члены комитета находились в тесном контакте с УВИ, Советом по военному производству, администрацией президента и пресс-службами различных учреждений правительства США [23, p. 50]. Наконец, ФБР еще в начале 1930-х гг. стало активно выстраивать свой образ в СМИ, чем занимался «Отдел регистрации преступлений» [17]. Это ведомство наряду с Госдепартаментом, который являлся главным конструктором различных образов и оценок [28, p. 191], продуцируемых СМИ и кинематографом, также активно рассылало свои методички об изображении и подходах к различным государственно важным темам. Что интересно, в силу крайне сложных отношений между внешнеполитическим ведомством и главной службой внутренней безопасности, подготавливаемые для киностудий материалы нередко имели определенные различия, хотя чаще всего незначительные [21, p. 41–43].

Следующим фильмом, в котором прямо можно проследить пропагандистские сюжеты, стал «Пересекая Тихий океан» (англ. Across the Pacific), вышедший на экраны 4 сентября 1942 года. Высокобюджетный (576 000 долларов) приключенческий фильм на шпионскую тему рассказывал о капитане Рике Леланде, тайном агенте Корпуса контрразведки США и ФБР, который в 1941 г. под прикрытием легенды о собственной «нелояльности» должен войти в контакт с социологом, доктором Лоренцом – завербованным японцами агентом, который обладает рядом важных сведений о планах вражеской атаки на важную базу ВМС на Гавайских островах. Вновь обращает на себя внимание изображение шпионов противника. Пока Леленад, сыгранный крайне популярным актером Хэмфри Богартом, находится на борту японского корабля, помимо Лоренца он знакомится еще с несколькими агентами Японии, почти все из них либо американцы, либо японцы-нисэи (распространенное внутри диаспоры обозначение людей, родившихся и воспитанных уже в США). Таким образом, этот фильм сильнее, чем предыдущие, делает акцент на повальной «нелояльности» американцев японского происхождения, буквально преподнося распространенный в Америке предрассудок о некой уникальной преданности своей исторической родине среди них как данность. Обращает на себя внимание также обилие в этом фильме шпионов из числа американцев, многие из них откровенно говорят о нелюбви к собственной стране и даже заявляют о привлекательности Японии и ее культуры, мощи и богатстве этой страны, которая, по их мнению, непременно одержит верх над США. Такое акцентирование

внимания на этих персонажах вместе со столь прямой и даже выглядящей наивной в рамках сегодняшнего дня мотивацией тоже не кажется случайным. В этом фильме сильнее, чем в предыдущих, происходит нагнетение атмосферы всеобщей «бдительности», поскольку «врагом может быть кто угодно, даже крайне образованный и достопочтенный американец».

Мирная жизнь Соединенных Штатов показана в этой картине довольно отрывочно и, по сути, лишь в начале и конце. На сей раз создатели пошли несколько иным путем, не делая акцентов на наивности и неподготовленности Америки. Наоборот, США показаны прекрасным, почти райским местом, которое необходимо защищать от «сил тьмы». Эпизоды с американской повседневностью сняты в более светлых тонах, отличаются жизнерадостностью и совершенно иной атмосферой, нежели кадры основного сюжета, выделяющиеся достаточной напряженностью, более темной цветовой гаммой, более серьезным музыкальным сопровождением и общей мрачностью главного героя, в которых можно угадать черты такого стиля, как нуар, в формировании которого режиссер этого фильма Джон Хьюстон и актер Хэмфри Богарт сыграли далеко не последнюю роль.

Наконец, куратор Рика Леланда, полковник Харт, сотрудник Корпуса контрразведки США выглядит серьезным, мотивированным и профессиональным человеком. Главный герой в разговорах с ним почти откровенно говорит о том, что затеянная ими «игра» с врагом почти наверняка приведет его к гибели, однако он готов на такую жертву ради безопасности и процветания своей страны. Наконец, хотя агенты ФБР в этом фильме лишь несколько раз упоминаются, бросается в глаза акцент на мощности и подготовленности этой службы к любым угрозам. Ведомство Гувера предстает неким старшим помощником или наставником для военных разведчиков. Такая подача вдвойне интересна с учетом того, что Корпус контрразведки и ФБР в сущности соперничали. Эти службы мало обменивались информацией и буквально «уводили» друг у друга дела [6]. Представляется, что подобное изображение отношений этих двух спецслужб в фильме не случайно и должно продемонстрировать населению единство и силу американского правительства. С учетом акцента на старшинстве ФБР есть подозрение, что данный фильм мог финансироваться сразу двумя ведомствами с преимущественной ролью Бюро. Обращает также на себя внимание, что рекомендательное письмо со списком тем и подходов к ним со стороны Корпуса контрразведки значительно короче аналогичного от ФБР и намного менее подробно [19].

Последним фильмом этого периода, посвященным теме японцев, стал «Леди из Чунцина» (англ. Lady from Chungking), вышедший 21 декабря 1942 года. Стоит сразу обратить внимание, что режиссером этой картины стал Уильям Най, снявший ранее «Черных драконов». Однако данный фильм серьезно отличается от всех рассмотренных выше. Помимо вопросов внутренней политики, он еще и прямо раскрывает тему курса администрации Рузвельта на поддержку Китая в борьбе с Квантунской армией. Сюжет разворачивается вокруг лидера китайский партизан – госпожи Кван Мэй (популярная актриса Анна Мэй Вонг). В самом начале фильма она наблюдает воздушный бой между японской авиацией и «Летающими тиграми» – добровольческим военно-воздушным подразделением American Volunteer Group (AVG), воевавшим на стороне Республики Китай в начале 1940-х гг. [11; 22]. После того как японцам удается подбить американский самолет, китайские партизаны находят одного из пилотов и выхаживают его, другой попадает в плен и Кван Мэй, используя свою привлекательность, втирается в доверие к генералу Каимуре, командующему японских войск. Обращает на себя внимание, что японцы в этом фильме изображены как абсолютное зло. В самом начале присутствует выразительная сцена, в которой японский солдат ломает кораблик маленького китайского мальчика, а его самого чуть не избивает, чуть позднее японцы в назидание мирному населению после гибели своего солдата от рук партизан расстреливают ни в чем не повинных стариков. Подчеркивается главенство Японской империи среди агрессивных стран – единственный персонаж-немец, Ханс Грубер, выглядит откровенно жалким и смешным, служит мажордомом при ставке генерала Каи-

муры и больше занят обворовыванием местного населения. Особо стоит остановиться на самом Каимуре – главный антагонист фильма происходит из США, на что прямо указывает сцена допроса пленного американца, где генерал кратко вспоминает о своей жизни в Штатах. Кроме того, хотя всех японцев играли в фильме азиаты, Каимуру сыграл американец Гарольд Хубер, не имеющий никаких азиатских черт. Тем самым авторы вновь подчеркивают мысль, которая уже прослеживалась в других рассмотренных в нашей статье кинолентах: «Японцы в Америке – это скрытые и очень опасные враги». Домашним фронтом в этом фильме предстает, скорее, Китай, который позиционируется авторами как красивая страна с богатым потенциалом, однако бесконечно отстающая от Штатов и Европы в силу оккупации Японией. США же лишь фигурируют в речи пилотов, которые характеризуют свою родину максимально красочно, прямо указывая, что это лучшая страна в мире. Сами пилоты – остроумные, бесстрашные персонажи, которые даже перед лицом опасности не теряют присутствия духа, сыпят остротами и многочисленными отсылками к американской культуре.

Результаты. Таким образом, на основании приведенного выше анализа можно сделать выводы, что американский кинематограф живо отреагировал на появление «Чрезвычайного указа № 9066». Развитая сеть государственного контроля и заказа способствовала тому, что сразу после этого решения начало выходить множество фильмов, направленных на пропаганду и разъяснение действий правительства простым гражданам, которые, несмотря на рост японофобии и, шире, азиатофобии, поначалу крайне неоднозначно восприняли решение об интернировании своих сограждан японского происхождения [8, p. xi–xxxiii, 3–20]. Вместе с тем американские спецслужбы использовали рост интереса государства к кинематографу для продвижения собственного имиджа. Наибольших успехов в контроле и саморекламе из непрофильных служб, не связанных напрямую с пропагандистской работой, достигло ФБР, поскольку данное ведомство еще в 1930-х гг. начало активно использовать СМИ и киноиндустрию для продвижения себя обществу и власти, что в немалой степени способствовало росту влияния этой спецслужбы и расширению ее полномочий [18]. Трагедия в Перл-Харборе и общее смещение внимания государства на «желтую угрозу», до этого практически игнорируемую федеральными агентами, заставило этот орган использовать весь наработанный опыт в деле пиара и рекламы для продвижения идеи ведения агентами успешной борьбы и с этой угрозой.

Вместе с тем можно выделить основные кинематографическо-пропагандистские штампы, которые присутствуют в той или иной мере во всех фильмах того времени и были рассмотрены нами на примере четырех наиболее заметных и высокобюджетных картин 1942 года. Прежде всего идея о том, что все японцы, находящиеся в США, даже если они граждане этой страны и уже родились в ней, являются врагами, притом наиболее опасными из них, поскольку хорошо знакомы со всеми особенностями американского общества. Более того, Япония – самый важный и наиболее бесчеловечный противник США в этой войне.

Следующая идея – неготовность и наивность простых граждан, которую должна как можно скорее сменить бдительность ко всем вокруг во благо дела войны. Наконец, подчеркивание ведущей роли государства и его способностей адекватно бороться со всеми угрозами, в том числе и внутренними. Федеральные агенты, сотрудники Корпуса контрразведки армии США и даже простые солдаты – все они надежная опора и защита американской демократии и образа жизни от стран-агрессоров.

Подводя итоги, можно отметить, что американский кинематограф сыграл крайне значимую роль в пропаганде столь неоднозначной и непопулярной инициативы правительства, как интернирование собственных граждан. Однако развитие методов пропаганды под чутким контролем и с постоянной поддержкой государства позволило достаточно легко примирить американское общество с этой мерой.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00099, https://rscf.ru/project/22-28-00099/. Война на экране: Гол-

ливуд и мифологизация Второй мировой войны в 1941–1945 гг.

The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00099, https://rscf.ru/project/22-28-00099/. Screen war: Hollywood and the mythologization of World War II in 1941–1945.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. 208 с.

2. Левин Я. А. Джон Эдгар Гувер и новый образ ФБР // Новая и Новейшая история. 2016. № 1 (16). С. 217–223.

3. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструментарий политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.

4. Суржик Д. В. Развитие центральных государственных информационно-агитационных ведомств США в первой половине XX века. М.: ИВИ РАН, 2017. 357 с.

5. Alford M., Secker T. National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood. N. Y.: Create Space Independent Publishing, 2017. 264 p.

6. Counter Intelligence Corps, History and Mission in World War II. 1951 // University of Nebraska – Lincoln Digital Collection. US Army Training Documents. URL: https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1003&context=usarmytrain

7. de Nevers K. C. The Colonel and the Pacifist: Karl Bendetsen, Perry Saito, and the Incarceration of Japanese Americans during World War II. Salty Lake City (UT): University of Utah Press, 2004. 400 p.

8. Encyclopedia of Japanese American Internment / ed. by G. Okihiro. Denver (CO): Greenwood. 2013. 342 p.

9. Items 19481 // University of Washington Libraries. Microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039.

10. Kirk to All Naval Districts, 13 March 1941 // National Archives and Records Administration (hereinafter – NARA). RG 80. Department of Navy. File: A8-3/EF13-27.

11. Klinkowitz J. With the Tigers over China, 1941–1942. Lexington (KY): University Press of Kentucky. 1999. 192 p.

12. Koppes C. R., Black G. D. Hollywood Goes to War: How Politics, Profits and Propaganda Shaped World War II Movies. LA (CA): University of California Press, 1990. 384 p.

13. Los Angeles FBI to Warner Bros. Pictures, Inc. (Recommendation Letter and List of Topics). 6 January 1942 // NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 100-138754. Serial 4. Part 3 of 14 (Communist Infiltration-Motion Picture Industry (COMPIC)).

14. Memorandum for the Director (Black Dragons Society and other Japanese Organizations in US). 15 February 1942 // NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 100-358086 (Custodial Detention Security Index).

15. McLaughlin R. L., Parry S. E. We'll Always Have the Movies: American Cinema During World War II. Louisville (KY): University Press of Kentucky, 2006. 368 p.

16. Ng W. Japanese American Internment During World War II: A History and Reference Guide. Westport (CT): Greenwood, 2002. 232 p.

17. Potter C. B. War on Crime: Bandits, G-Men, and the Politics of Mass Culture. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1998. 272 p.

18. Powers R. G. G-Men, Hoover's FBI in American Popular Culture. Chicago (IL): Southern Illinois University Press. 1983. 376 p.

19. Recommendations for Movie Pictures Industry. 11 February 1942 // University of Nebraska – Lincoln Digital Collection. Counterintelligence Corps Documents. URL: https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&-httpsredir=1&article=2036&context=recommendationsformoviepic

20. Saaler S. The Kokuryûkai (Black Dragon Society) and the Rise of Nationalism, Pan-Asianism, and Militarism in Japan, 1901–1925 // International Journal of Asian Studies. 2014. Vol. 11, no. 2. P. 125–160.

21. Sbardellati J. J. Edgar Hoover Goes to the Movies: The FBI and the Origins of Hollywood's Cold War. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2012. 264 p.

22. Schaller M. American Air Strategy in China, 1939–1941: The Origins of Clandestine Air Warfare // American Quarterly. 1976. № 28 (1). P. 3–19.

23. Streich B. Propaganda Business: The Roosevelt Administration and Hollywood // Humboldt Journal of Social Relations. 1990. Vol. 16, no. 1. P. 43–55.

24. Sundquist E. The Japanese-American Internment: A Reappraisal // The American Scholar. 1988. Vol. 57, no. 4. P. 529–547.

25. Taylor P. M. Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day. Manchester (UK): Manchester University Press, 1995. 353 p.

26. Tromblay D. The U.S. Domestic Intelligence Enterprise: History, Development, and Operations. Boca Raton (Florida): CRC Press, 2015. 463 p.

27. Weiner T. Enemies: A History of the FBI. N. Y.: Random House Trade Paperbacks, 2012. 560 p.

28. Winfield B. FDR and the News Media. Chicago (IL): Columbia University Press, 1990. 276 p.

29. Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision. N. Y.: Stanford University Press, 1962. 428 p.

30. Worland R. OWI Meets the Monsters: Hollywood Horror Films and War Propaganda, 1942 to 1945 // Cinema Journal. 1997. Vol. 37, no. 1 (Autumn). P. 47–65.

REFERENCES

1. Bernejs E. *Propaganda* [Propaganda]. Moscow, Hippo Publishing, 2010. 208 p.

2. Levin Ia.A. Dzhon Edgar Guver i novyj obraz FBR [J. Edgar Hoover and FBI's New Image]. *Novaja i Novejshaja istorija* [Modern and Contemporary History], 2016, no. 1 (16), pp. 217-223.

3. Pochepcov G.G. *Informacionnye vojny. Novyj instrumentarij politiki* [Information Wars. New Policy Toolkit]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 256 p.

4. Surzhik D.V. *Razvitie centralnyh gosudarstvennyh informacionno-agitacionnyh vedomstv SShA v pervoj polovine XX veka* [Development of the Central State Information and Propaganda Departments of the United States in the First Half of the Twentieth Century]. Moscow, IVI RAN, 2017. 357 p.

5. Alford M., Secker T. *National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood.* NY, CreateSpace Independent Publishing, 2017. 264 p.

6. Counter Intelligence Corps, History and Mission in World War II. 1951. *University of Nebraska – Lincoln Digital Collection. US Army Training Documents.* URL: https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1003&context=usarmytrain

7. de Nevers K.C. *The Colonel and the Pacifist: Karl Bendetsen, Perry Saito, and the Incarceration of Japanese Americans During World War II.* Salty Lake City (UT), University of Utah Press, 2004. 400 p.

8. Okihiro G., ed. *Encyclopedia of Japanese American Internment.* Denver (CO), Greenwood, 2013. 342 p.

9. Items 19481. *University of Washington Libraries.* Microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039.

10. Kirk to All Naval Districts, 13 March 1941. *National Archives and Records Administration (hereinafter – NARA).* RG 80. Department of Navy. File: A8-3/EF13-27.

11. Klinkowitz J. *With the Tigers over China, 1941-1942.* Lexington (KY), University Press of Kentucky, 1999. 192 p.

12. Koppes C.R., Black G.D. *Hollywood Goes to War: How Politics, Profits and Propaganda Shaped World War II Movies.* L.A. (CA), University of California Press, 1990. 384 p.

13. Los Angeles FBI to Warner Bros. Pictures, Inc. (Recommendation Letter and List of Topics). 6 January 1942. *NARA.* RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 100-138754. Serial 4. Part 3 of 14 (Communist Infiltration-Motion Picture Industry (COMPIC).

14. Memorandum for the Director (Black Dragons Society and other Japanese Organizations in US). 15 February 1942. *NARA.* RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 100-358086 (Custodial Detention Security Index).

15. McLaughlin R.L., Parry S.E. *We'll Always Have the Movies: American Cinema During World War II.* Louisville (KY), University Press of Kentucky. 2006. 368 p.

16. Ng W. *Japanese American Internment During World War II: A History and Reference Guide.* Westport (CT), Greenwood, 2002. 232 p.

17. Potter C.B. *War on Crime: Bandits, G-Men, and the Politics of Mass Culture.* New Brunswick (NJ), Rutgers University Press, 1998. 272 p.

18. Powers R.G. *G-Men, Hoover's FBI in American Popular Culture.* Chicago (IL), Southern Illinois University Press, 1983. 376 p.

19. Recommendations for Movie Pictures Industry. 11 February 1942. *University of Nebraska – Lincoln Digital Collection. Counterintelligence Corps Documents.*

20. Saaler S. The Kokuryûkai (Black Dragon Society) and the Rise of Nationalism, Pan-Asianism, and Militarism in Japan, 1901–1925. *International Journal of Asian Studies,* 2014, vol. 11, no. 2, pp. 125-160.

21. Sbardellati J. *J. Edgar Hoover Goes to the Movies: The FBI and the Origins of Hollywood's Cold War.* Ithaca (NY), Cornell University Press, 2012. 264 p.

22. Schaller M. American Air Strategy in China, 1939–1941: The Origins of Clandestine Air Warfare. *American Quarterly*, 1976, no. 28 (1), pp. 3-19.

23. Streich B. Propaganda Business: The Roosevelt Administration and Hollywood. *Humboldt Journal of Social Relations*, 1990, vol. 16, no. 1, pp. 43-55.

24. Sundquist E. The Japanese-American Internment: A Reappraisal. *The American Scholar*, 1988, vol. 57, no. 4, pp. 529-547.

25. Taylor P.M. *Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day.* Manchester (UK), Manchester University Press, 1995. 353 p.

26. Tromblay D. *The U.S. Domestic Intelligence Enterprise: History, Development, and Operations.* Boca Raton (Florida), CRC Press, 2015. 463 p.

27. Weiner T. *Enemies: A History of the FBI.* N.Y., Random House Trade Paperbacks, 2012. 560 p.

28. Winfield B. *FDR and the News Media.* Chicago (IL), Columbia University Press, 1990. 276 p.

29. Wohlstetter R. *Pearl Harbor: Warning and Decision.* N.Y., Stanford University Press, 1962. 428 p.

30. Worland R. OWI Meets the Monsters: Hollywood Horror Films and War Propaganda, 1942 to 1945. *Cinema Journal,* 1997, vol. 37, no. 1 (Autumn), pp. 47-65.

Information About the Author

Yaroslav A. Levin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Molodogvardeyskaya St, 244, 443100 Samara, Russian Federation, yaroslavlevin1992@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8805-8220

Информация об авторе

Ярослав Александрович Левин, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», Самарский государственный технический университет, ул. Молодогвардейская, 244, 443100 г. Самара, Российская Федерация, yaroslavlevin1992@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8805-8220

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.22

UDC 94 (47) "1946/91"
LBC 63.3(2)6-7

Submitted: 12.06.2022
Accepted: 03.12.2022

MEMORY OF BETRAITION: THE IMAGE OF A COLLABORATIONIST IN POST-WAR SOVIET CINEMA

Oleg V. Romanko
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Ekaterina V. Prosolova
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Researchers have studied manifestations of collaborationism of Soviet citizens during the Great Patriotic War quite well, however, the problem of the perception of collaborators in the postwar period needs additional coverage. Of particular interest is the reflection of this topic in art cinema, which was one of the most important means of propaganda. *Methods and materials.* The basis of the study was a systematic approach. Historical-genetic and historical-comparative methods were applied, in addition, content analysis was used to identify characteristic characters, images, ideas in films. The study was carried out on the basis of published materials, as well as archival files, which make it possible to compare the motivation of collaborators during the Great Patriotic War with its representation in Soviet cinema. *Analysis*. The study of the evolution of the coverage of the Great Patriotic War and related events in cinema made it possible to identify the main genre and stylistic devices used to demonstrate the place and role of collaborators. Through the analysis of the motivation of collaborators based on the protocols of their interrogations and investigative cases, as well as the consideration of their behavior in feature films, the functions of this topic in the Soviet propaganda discourse were determined. *Results.* The study of the methods and forms of demonstration of collaborationism showed this problem was reflected in Soviet cinema throughout the entire post-war period. Cooperation with the Germans was explained by several reasons: nationalist motives, hatred of the Soviet regime, cowardice or a desire to save one's own life, or pathological manifestations up to mental illness. *Authors' contribution.* O.V. Romanko proposed the concept of the article, supervised the research, studied the sources and historiography of the problem, and edited the final text of the paper. E.V. Prosolova carried out analytical work on the analysis of sources, systematization and classification of the image of a collaborator in Soviet cinema, designed the text of the article.

Key words: collaboration, Great Patriotic War, Soviet cinema, feature films, the image of a traitor.

Citation. Romanko O.V., Prosolova E.V. Memory of Betraition: The Image of a Collaborationist in Post-War Soviet Cinema. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 240-249. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.22

УДК 94 (47) "1946/91"
ББК 63.3(2)6-7

Дата поступления статьи: 12.06.2022
Дата принятия статьи: 03.12.2022

ПАМЯТЬ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ: ОБРАЗ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТА В ПОСЛЕВОЕННОМ СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Олег Валентинович Романько
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Екатерина Викторовна Просолова
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

© Романько О.В., Просолова Е.В., 2023

Аннотация. *Введение*. Проявления коллаборационизма советских граждан в период Великой Отечественной войны достаточно хорошо изучены, однако проблематика восприятия коллаборационистов в послевоенное время нуждается в дополнительном освещении. Особо интересным представляется отражение данной темы в художественном кинематографе, который являлся одним из важнейших средств пропаганды. *Методы и материалы*. Основой исследования стал системный подход. Были применены историко-генетический и историко-сравнительный методы, кроме того, для выявления в фильмах характерных персонажей, образов, идей использовался контент-анализ. Исследование было проведено на базе опубликованных материалов, а также архивных дел, позволяющих сравнить мотивацию коллаборационистов в период Великой Отечественной войны с ее репрезентацией в советском кинематографе. *Анализ.* Изучение эволюции освещения Великой Отечественной войны и связанных с ней событий в кинематографе позволило выявить основные жанровые и стилистические приемы, использующиеся для демонстрации места и роли коллаборационистов. Через анализ мотивации коллаборационистов на основе протоколов их допросов и следственных дел, а также рассмотрение их поведения в художественных фильмах были определены функции указанной темы в советском пропагандистском дискурсе. *Результаты*. Изучение методов и форм демонстрации коллаборационизма показало, что эта проблема находила свое отражение в советском кинематографе на протяжении всего послевоенного периода. Сотрудничество с немцами при этом объяснялось несколькими причинами: националистическими мотивами, ненавистью к советской власти, трусостью или желанием спасти собственную жизнь и патологическими проявлениями вплоть до душевных болезней. *Вклад авторов*. О.В. Романько была предложена концепция статьи, осуществлялось руководство исследованием, изучены источники и историография проблемы, а также отредактирован окончательный текст работы. Е.В. Просолова провела аналитическую работу по обзору источников, систематизации и классификации образа коллаборациониста в советском кинематографе, оформила текст статьи.

Ключевые слова: коллаборационизм, Великая Отечественная война, советский кинематограф, художественные фильмы, образ предателя.

Цитирование. Романько О. В., Просолова Е. В. Память о предательстве: образ коллаборациониста в послевоенном советском кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 240–249. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.22

Введение. Проблема коллаборационизма в период Великой Отечественной войны является сложной и многоплановой. Важным направлением научного поиска остается изучение процесса привлечения к сотрудничеству советских граждан, роли и функции коллаборационистских формирований, определение количества людей с оккупированных территорий, принимавших участие в боевых действиях на стороне нацистской Германии. Однако более актуальной представляется проблематика, связанная с дальнейшими судьбами коллаборационистов, отношением к ним в обществе, эволюцией взглядов на причины поведения таких граждан уже в послевоенное время. Между тем ей уделяется намного меньше внимания. Отдельным, чрезвычайно специфичным аспектом этой проблемы является отражение темы коллаборационизма в советской массовой культуре, в частности в кинонарративе, который может рассматриваться не только в качестве специфического проявления политики памяти, но и в виде одного из мощнейших средств идеологического влияния. Соответственно, возникает необходимость проведения анализа, основанного на рассмотрении типов репрезентации коллаборационистов на советском экране.

В связи с этим целью данного исследования является изучение тенденций демонстрации причин коллаборационизма в рамках официальной советской идеологии в период с 1946 по 1991 год. Для достижения поставленной цели требуется: а) охарактеризовать основные типы коллаборационистов в советском послевоенном кинематографе; б) выявить тенденции эволюции в их изображении; в) определить степень влияния пропагандистского дискурса на выявление причин предательства. Таким образом, предметом исследования впервые становится модель поведения персонажа-коллаборациониста, используемая для создания целостного нарратива в рамках идеологической советской доктрины.

Методы и материалы. Коллаборационизм на советских территориях в исторических исследованиях изучен весьма подробно. Вклад в разработку данной проблемы был

внесен М.И. Семирягой [20], С.И. Дробязко [8], Б.Н. Ковалевым [12] и другими. Гораздо менее изученной является тема, связанная с образом коллаборациониста в послевоенное время, в том числе и в кинематографе. На данный момент в историографии существуют немногочисленные примеры подобных исследований, сконцентрированных на изучении кинематографического нарратива о предательстве в отдельных странах и регионах [26] или обобщенном выявлении образа коллаборационистов в советском кинематографе [3].

Источниковая база исследования представлена несколькими группами материалов, наиболее обширной из которых являются художественные фильмы. Работа с художественными фильмами была построена на принципе восприятия их как самостоятельных произведений, вне зависимости от того, была ли картина снята по адаптированному или оригинальному сценарию. Крайне информативными источниками также стали опубликованные материалы и архивные дела, способные дать представление о мотивации советских граждан, сотрудничавших с оккупационными властями, включающие протоколы допросов коллаборационистов. К последней группе источников относятся документы, посвященные истории создания фильмов, раскрывающих тему коллаборационизма, а также кинокритика.

Исследование базируется на основных принципах исторической науки: конкретности, историзме, объективности и системности. Системный подход, заключающийся в изучении визуальной репрезентации коллаборационизма на советском экране как результате официального идеологического курса, позволил достигнуть цели работы. Историко-генетический метод дал возможность рассматривать советский кинематограф в динамике его исторического развития. Историко-сравнительный метод использовался для сравнения тем, сюжетов и смыслов в фильмах, воссоздающих события военного периода. Наконец, в работе применялся контент-анализ, а также ряд общенаучных методов.

Анализ. Термин «коллаборационизм» в советской исторической науке и судебной системе в целом не использовался. Обычно его заменяли такие определения, как «предатель», «изменник родины» или «пособник». Очевидно, что подобные определения носят достаточно расплывчатый характер. Поэтому в исследовании под коллаборационизмом будет подразумеваться добровольное сотрудничество с нацистским военно-политическим руководством на территории Германии или оккупированных ею стран с целью установления или укрепления нового административно-политического режима [19, с. 34]. Типологизация коллаборационизма является еще одной дискуссионной темой, непосредственно связанной с мотивацией советских граждан, служивших врагу. На данный момент наиболее полный комплекс типов коллаборационизма представлен Б.Н. Ковалевым. Однако, как отмечает сам исследователь, при рассмотрении данной проблемы необходимо также учитывать социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера [12, с. 12]. Соответственно, необходимо дифференцировать активное сотрудничество с врагом, подразумевавшее участие в карательных акциях и службу в вооруженных формированиях, и его пассивные проявления. На протяжении всего послевоенного периода правосудие оставалось безжалостным, в первую очередь, именно к активным коллаборационистам. При этом как первый, так и второй случай могли быть обусловлены разными мотивами: от страха за жизнь до антисоветских или националистических убеждений.

В целом тема сотрудничества советских граждан с немцами в годы Великой Отечественной войны не скрывалась, но и не афишировалась. Как и в советском законодательстве, в кинематографе находило отражение восприятия коллаборационизма преимущественно в форме военного или административного сотрудничества с врагом. «Молодая гвардия» (1948), «Освобождение» (1968–1971), «Проверка на дорогах» (1971), «Восхождение» (1976), «Иди и смотри» (1985) – это лишь краткий список наиболее знаковых фильмов, освещающих тему предательства. Некоторые из них имели успех не только в СССР, но и демонстрировались в международном прокате. Так, фильм «Судьба человека» (1959) был продан американской кинокомпании «United Artists» [10]. Киноэпопея «Освобождение» («Огненная дуга», «Про-

рыв»), где впервые в советском кинематографе предстает образа А.А. Власова, была показана в Берлине, Варшаве, Софии, Бухаресте, Париже и других зарубежных городах [22, л. 44]. Тем не менее на протяжении всего послевоенного периода в советском кинематографе существовали разные тенденции изображения коллаборационизма.

В кино сталинской эпохи образ сотрудничающих с немцами советских граждан впервые появляется во второй части фильма «Большая жизнь» (1946). Спустя год на советские экраны вышел «Подвиг разведчика», где показан националист-предатель. Фильм «Молодая гвардия» уделяет достаточное количество экранного времени начальнику полиции Соликовскому, при этом подчеркивая классово чуждую принадлежность предателя [3, с. 137]. Отдельно следует обратить внимание и на личность предателя молодогвардейцев в фильме. Им в редакции 1964 г. вместо Стаховича становится Г. Почепцов, который в реальности в ходе допроса показывал: «Я узнал, что несколько членов организации арестованы и стал искать выход, чтобы спасти свою жизнь» [13, с. 149]. Однако в фильме на факте добровольного доноса Почепцова внимание не акцентируется, лишь подразумевается, что он «может не выдержать» пытки. Данная репрезентация объясняется композиционной структурой художественных произведений эпохи. Как в первой, так и во второй версии фильма причины провала организации не должны были затмевать подвига героев и создавать «тягостное впечатление» или «чувство обреченности» [9]. Со временем тенденция меняется: в фильме «Они были актерами» (1981), напротив, доносчик персонифицирован в образе агента гестапо Каблуковой. Здесь вновь реальные факты подчиняются художественному вымыслу. В 1944 г. отделом НКГБ Крымской АССР действительно было выявлено несколько женщин, подозревающихся в сотрудничестве с гестапо [7, л. 17–18]. Однако предатель подпольной группы «Сокол» (если таковой был) до сих пор остается неизвестным.

Итак, в большинстве советских фильмов с конца 1940-х гг. вплоть до второй половины 1970-х гг., повествующих о событиях Великой Отечественной войны, мотивация коллаборационистов была представлена весьма примитивно. Это касается и образов «власовцев» на экране. Сам генерал Власов также получил воплощение в уже упомянутом «Освобождении» и в фильме «Родины солдат» (1975). Однако указанная тенденция имеет важное исключение: кинонарратив Прибалтики и Западной Украины. На этих территориях подобный схематичный тип репрезентации не укладывался в рамки не только пропагандистского, но и исторического дискурса. С одной стороны, в период войны в данных регионах присутствовала крайняя поляризация общества, связанная с наличием национального фактора. В случае с членами Организации украинских националистов опасность представляла и антисоветская пропаганда, распространяемая националистами по мере продвижения их с немецкими дивизиями, направленная на «возбуждение у населения захватываемой немцами советской Украины ненависти к большевикам» [2, с. 363].

С другой стороны, роль также играли и события послевоенного периода, поскольку борьба с национализмом на Украине и в Прибалтике продолжалась вплоть до начала 1960-х годов. Поэтому тема сотрудничества местного населения с оккупантами появлялась в художественном кинематографе в виде демонстрации полномасштабного раскола в обществе [3, с. 140]. Это отражалось в фильмах «Жизнь в цитадели» (1947), «Никто не хотел умирать» (1965), «Я все помню, Ричард» (1966), «Аннычка» (1968), «Белая птица с черной отметиной» (1971), «Высокий перевал» (1981), «Долгая дорога в дюнах» (1982). Данный тип репрезентации может показаться парадоксальным, особенно с учетом того, что фильмы «Аннычка» и «Я все помню, Ричард» были отмечены положительными рецензиями и наградами на кинофестивалях. Еще одним фактором, подвергающим сомнению эффективность такой политики, является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Уже к марту 1956 г. по этому указу было освобождено 59 610 человек, и на свободе оказались многие националисты. При этом из-за поспешности амнистии, как впоследствии выяснилось, часть из них принимали участие в карательных акциях [1, с. 66].

Чем в таком случае, с учетом обстоятельств, можно объяснить подобную спорную политику? Во-первых, в аспекте пропагандистского курса образ героя, сумевшего, несмотря на воспитание в чужой идеологической системе, по достоинству оценить советскую власть, автоматически создавал эффект более глубокого психологического анализа. Как отмечалось в рецензии на фильм «Я все помню, Ричард»: «Исследование мотивов поведения заслуга автора фильма» [21, с. 46]. Пример данной картины крайне показателен: она повествует о трех друзьях, попадающих в ходе мобилизации в Латышский легион СС. Исследование проблемы морального выбора, проводимое автором сценария фильма В. Лоренцом, который сам был мобилизован в этот легион, имеет закономерный итог главный герой Ричард Зандерс становится предателем уже в советской послевоенной Латвии. Во-вторых, из этого вытекает следующий фактор: существовало различимое расхождение в восприятии коллаборационистов, перешедших на сторону врага из-за трусости или «шкурных» интересов, и националистов. Причина предательства в этом случае оказывалась наиболее важным фактором. Предатель-трус на экране был призван вызвать у зрителя отторжение и презрение, даже жалость. Образ же националиста представлял собой другой тип врага, идеи которого еще живы. Таким образом, подобные фильмы должны были стать своеобразной «прививкой» от национализма в союзных республиках. В-третьих, свою специфику имеет советский кинематограф, повествующий о событиях на территории Западной Украины. Многие фильмы, затрагивающие тему деятельности украинских националистов, принадлежат к «антирелигиозной серии» и демонстрируют их тесную связь с униатской и католической церковью [24]. При этом сюжеты, находившие отражение в картинах, могли быть как вымышленными («Иванна», 1959; «Искупление чужих грехов», 1978), так и основанными на реальных событиях («Об этом забывать нельзя», 1954; «До последней минуты», 1974). Рассмотренные выше фильмы в основном являются военными драмами, однако можно привести пример деконструкции образа предателя через его комедийную подачу в фильме 1979 г. «Дачная поездка сержанта Цыбули».

Однако во всех вышеуказанных фильмах мотивация коллаборационистов скупо объяснялась национализмом, ненавистью к советской власти или заурядной трусостью. В связи с этим особо важной вехой в истории освещения коллаборационизма на советских экранах становится фильм «Восхождение» (1976) Л. Шепитько. Режиссер, обосновывая идею фильма, утверждала: «Предательство – вещь необратимая, и мы намеренно заостряем внимание на этой конечной точке падения Рыбака, чтобы выразить катастрофичность бездуховности и обезличенности, всю трагичность отсутствия у человека подлинных идеалов» [11]. Процесс создания фильма был сложным, его обвиняли и в излишней религиозности и в отсутствии в кадре немецких оккупантов [25, с. 58–60].

Действительно, важным отличием «Восхождения» является не только более глубокое прочтение темы предательства, но и полномасштабная демонстрация сразу нескольких образов коллаборационистов. Это и Рыбак, и полицай Гаманюк, и следователь Портнов, которые фактически и выступают главными антагонистами картины, тогда как немцы являются статистами. В дальнейшем подобные персонажи коллаборационистов, охотно совершающих преступления, появятся в фильме «Иди и смотри». Подобные сюжеты исторической правде не противоречат, напротив, дополняют уже сложившийся нарратив, учитывая время и место действия, которые в этом контексте играли ключевую роль. Так, на территории Крыма, по показаниям свидетелей, в Симферополе расстрелы в большинстве случаев проводили немецкие офицеры [5, л. 211], а в Алуште и Ялте к казням действительно привлекались местные коллаборационисты [16, л. 201]. При этом, возвращаясь к

вопросу о причинах поведения коллаборационистов, следует отметить, что иногда речь шла не только о необходимости выполнения приказа, но и о желании выслужиться или отомстить односельчанам. Типичный подобный пример: подводчик, по собственной инициативе указавший на семьи белорусских партизан в период майско-июньской карательной операции 1943 г., проводившейся 118-м украинским полицейским батальоном [23, с. 205–206].

Несмотря на все трудности «Восхождение» сразу вышло в прокат и, более того, было отмечено рядом престижных кинематографических наград. Другая судьба сложилась у картины «Проверка на дорогах», добравшейся до зрителей лишь с началом перестройки. Этот фильм впервые исследовал не только тему предательства, но и искупления за него. Как утверждает сам режиссер, «“Проверка…” была запрещена за “за жалость к людям, в жестоких, чудовищных обстоятельствах проявившим слабость и сдавшимся в плен”» [4]. Однако, учитывая десятилетиями складывающуюся традицию изображения Великой Отечественной войны в советском кинематографе, можно предположить, что решение Госкино объяснялось, в первую очередь, непринятием самого факта слома классической сюжетной конструкции.

Военные драмы, репрезентирующие мотивацию коллаборационистов, стали не единственными примерами формирования данных образов на советском экране. Не менее многочисленными с 1960-х гг. были фильмы, сюжет которых связан с дальнейшей судьбой осужденных пособников оккупантов. Их можно разделить на две категории: психологические драмы и детективы. Первый жанр был достаточно редким явлением для советского кино («Расплата», 1970), поскольку более охотно советский кинематограф обращался к иному аспекту темы – положительным героям, хранящим военную тайну, из-за чего их подозревают или обвиняют в предательстве («Чужое имя», 1966; «Софья Грушко», 1972).

Абсолютно иной образ появляется в детективных фильмах, повествующих о поиске коллаборационистов в послевоенные годы: «Государственный преступник» (1964), «Человек в проходном дворе» (1971), «Совесть» (1974), «Без срока давности» (1986). В этом случае можно выявить несколько новых тенденций репрезентации. Первый тип изображения хладнокровный изменник, осознающий свои преступления и не чувствующий раскаяния. Емкая характеристика мотивации такого коллаборациониста заключается во фразе Каблуковой из фильма «Они были актерами», которая предпочла назвать свое предательство «работой». Характерно, что детективный жанр не только позволял помимо прочего осветить крайне важную для советской пропаганды тему связи врагов прошлого и настоящего. Фашизация западного империализма в период холодной войны являлась распространенным приемом. Так, в «Я все помню, Ричард» антагонист оказывается агентом западных спецслужб, а в детективе «Без срока давности» в СССР возвращается бывший коллаборационист, чтобы найти и передать одной из западных разведок списки гестаповской агентуры.

В реальности многие обвиняемые коллаборационисты на допросах оправдывали свои действия или бездействие страхом и запретом («не мог спасти еврейские семьи, так как имелось указание полицейского коменданта, запрещающее выдачу справок о смешанном браке» [18, л. 17]; «производил аресты только по поручению офицеров СД» [6, л. 157]. Речь шла не только о незнакомых людях: один из охранников концлагеря на территории симферопольского совхоза «Красный» вспоминал, что летом 1943 г. познакомился в концлагере с девушкой Ниной, присутствовал при ее расстреле и, несмотря на то, что считал ее «своей любимой девушкой, ничего не сделал для ее спасения, поскольку боялся» [15, л. 49–50]. При этом допрашиваемые действительно редко упоминали о своем раскаянии, а если и упоминали, то чаще в том случае, когда вина еще не была доказана [17, л. 24].

Однако были в послевоенной истории СССР и другие процессы над коллаборационистами, мотивацию которых трусостью объяснить было сложно (дела А. Макаровой, А. Юхновского и др.). Так на экране появляется второй типаж предателя – полностью расчеловеченный образ, который фактически выступает серийным маньяком. Если персонажи-коллаборационисты в указанных выше картинах могли испытывать страх, стыд и

вину, то антагонисты фильмов «Государственный преступник» (1964), «Без права на пощаду» (1970), «Ночной мотоциклист» (1972), «Противостояние» (1985) не способны на это. Перед зрителем такой персонаж предстает не просто маргинальным элементом, а зверем, лишенным любых человеческих черт. Пропагандистская польза подобного типа репрезентации может объясняться сразу рядом причин. Во-первых, подобные фильмы наиболее наглядно были способны провести четкое разграничение между нормой и патологией. Во-вторых, крайне важной характеристикой является мотив стирания или искажения памяти (уничтожение Кротовым фотографий в сериале «Противостояние»). Таким образом, персонаж коллаборациониста-зверя подавался как образ врага не только в прошлом, но и в настоящем в виде безжалостного серийного убийцы.

В целом, тенденции изображения предательства в годы войны в СССР и странах Европы, переживших оккупацию, были схожи, однако нельзя не отметить ряд значительных отличий. За счет контроля государства над культурой в советском кинематографе возникли устойчивые способы изображения коллаборационистов. Выход за рамки официального сюжетного конструкта часто вызывал недовольство в Госкино, что можно заметить на примере историй создания «Восхождения» или «Проверки на дорогах». Те же тенденции наблюдались и в странах соцлагеря. Так, в югославском кинематографе на смену идеализированным и упрощенным сюжетам первых послевоенных лет в 1950-е гг. приходит неореализм, а с конца 1950-х гг. появляются эпические фильмы о партизанской борьбе [26, p. 272]. Несмотря на то, что советско-югославские отношения были весьма неоднозначными, кинематографический нарратив, отражающий антинародный характер националистических организаций четников и усташей, был явно унаследован от СССР. Участие советских кинематографистов в съемках тоже служило немаловажным залогом успеха фильма. Так, после триумфа картины «Битва на Неретве» (1969) югославская сторона предложила советскому режиссеру С.Ф. Бондарчуку принять участие в создании фильма «Сутьеска» [14].

У западноевропейских режиссеров были несколько иные приемы изображения темы предательства в период войны. Несмотря на это, отношение к коллаборационизму в европейском кинематографе второй половины XX в. оставалось негативным. Нравственная дилемма героя, как в фильмах «Лакомб Люсьен» (Франция, 1974) и «Солдаты королевы» (Нидерланды, 1977), неизменно приводила к торжеству абсолютного зла в виде нацизма. К концу столетия символические границы допустимой демонстрации коллаборационизма и, в большей степени, национализма начали размываться. В первую очередь, эти тенденции стали прослеживаться еще в период демонтажа просоветского Восточного блока. После 1991 г. же вектор и вовсе сместился в сторону: вплоть до демонстрации любви сотрудника НКВД со связной Украинской повстанческой армии («Вишневые ночи», Украина, 1992).

Результаты. Таким образом, сложная тема коллаборационизма повсеместно находила свое отражение в кинематографе СССР. В послевоенной традиции репрезентации сложилось несколько устойчивых типажей советских граждан, решившихся на сотрудничество с оккупантами. Их следует обозначить так: 1) идейный националист; 2) классово чуждый элемент, руководствующийся ненавистью к советской власти; 3) трус, движимый исключительно желанием спасти свою жизнь или меркантильными интересами; 4) маргинал-зверь с психопатологическими наклонностями. Чаще всего подобные стереотипные изображения появлялись в военных фильмах, драмах или детективах, действие которых происходило либо в период Великой Отечественной войны, либо в послевоенное время. Безусловно, кардинальное изменение восприятия коллаборационизма в указанный период было невозможно. Однако можно проследить эволюцию визуальной репрезентации предательства: от упрощенной формы конца 1940-х до сознательной драматизации во второй половине 1970-х годов. Данный феномен объясняется рядом обстоятельств. Сложившаяся тенденция изображения коллаборационистов в фильмах не только диктовалась партией, но и являлась отражением восприятия предательства в народной памяти. Соответственно, эволюцию данных образов в большей степени

следует рассматривать с точки зрения смены поколений, что объясняет дальнейшее стремление к драматизации как попытку психологического анализа поведения человека. В данном феномене находит отражение естественный процесс авторской рефлексии в искусстве как способ оценки пережитого потрясения, который имел место как в европейском, так и в советском кинематографе. Тем не менее несмотря на изменившиеся форму и тип персонажа результаты данной оценки оставались однозначными. С началом перестройки и в связи со сменой идеологического вектора, пропагандистский дискурс бывших советских республик подвергся ревизии, что в конечном итоге привело к частичному переосмыслению образа коллаборациониста в кинематографе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташкин Д. Ю., Епифанов А. Е. Холодная осень пятьдесят пятого // Историк. 2020. № 9 (69). С. 64–68.

2. Битва за Крым в документах органов государственной безопасности / сост., отв. ред.: И. Н. Верешков, С. Н. Ткаченко. Симферополь: Н. Оріанда, 2020. 452 с.

3. Ворошилова Н. В., Толмачева А. В., Стеблинский А. М. Визуальная репрезентация образа коллаборационизма в советском кинематографе // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 2 (16). С. 135–143.

4. Выжутович В. Алексей Герман: «Лечь на полку непросто» // Театрал. 2013. 21 февр. URL: https://teatral-online.ru/news/1656

5. Выписка из акта «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гор. Симферополь, Крым. АССР». 1944 год, 1 ноября // Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 2. Л. 210–218.

6. Выписка из протокола судебного заседания, декабрь 1944 года // Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 1. Л. 153–157.

7. Докладная записка о работе 2-го отдела НКГБ Крымской АССР за январь 1944 года // Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 1. Л. 16–32.

8. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ: Астрель, 2011. 830 с.

9. Заключение Художественного Совета Министерства кинематографии СССР по кинофильму «Молодая гвардия» // Официальный сайт государственного учреждения культуры Луганской Народной Республики «Краснодонский ордена Дружбы народов музей “Молодая гвардия”». URL: https://www.museum-molodgvard.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=478:Dokumenty%20o%20filme%20S.%20Gerasimova%20%C2%AB%20Molodaya%20gvardiya%20%C2%BB%20&catid=82&Itemid=667

10. Записка советнику Посольства СССР в США Ю.И. Вольскому. 1961 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 1970. Л. 52.

11. Карахан Л. Лариса Шепитько. Крутой путь «Восхождения» // Искусство кино. 2001. № 12. URL: https://kinoart.ru/texts/krutoy-put-voshozhdeniya

12. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.

13. Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок / сост.: М. Е. Карышев. М.: Воениздат, 1987. 360 с.

14. Письмо Послу СССР В.И. Степакову. Белград, Сараево, 1971 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 63. Д. 154. Л. 98–101.

15. Протокол допроса обвиняемого // Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 2. Л. 49–52.

16. Протокол допроса обвиняемого, г. Воздвиженка, август 1947 года // Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 4. Л. 201–204.

17. Протокол судебного заседания, Ставропольский край, май 1945 года // Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 8. Л. 23–26.

18. Протокол судебного заседания, Ставропольский край, октябрь 1943 года // Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 8. Л. 13–19.

19. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации: национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение: 1941–1944 / О. В. Романько. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.

20. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. 863 с.

21. Слуцкий Б. Сопротивление обстоятельствам // Искусство кино. 1967. № 9. С. 44–46.

22. Справка Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 154. Л. 41–51.

23. Убийцы Хатыни: 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943–1944 гг. / сост.: И. А. Валаханович [и др.]. М.: Пятый Рим: Фонд «Историческая память», 2018. 480 с.

24. Федоров А. В. Опыт герменевтического анализа советских аудиовизуальных медиатекстов антире-

лигиозной тематики на занятиях в студенческой аудитории // Инновации в образовании. 2013. № 7. С. 78–94.

25. Фомин В. И. «Я разбилась в кровь»: «Восхождение». Последний фильм Ларисы Шепитько: [по повести Василя Быкова «Сотников»] // Родина. 2005. № 6. С. 54–61.

26. Andersen T. S. "Organized Bestial Gangs" – The Second World War and Images of Betrayal in Yugoslav Socialist Cinema // Traitors, Collaborators and Deserters in Contemporary European Politics of Memory. Formulas of Betrayal. Cham: Palgrave Macmillan Memory Studies, 2018. P. 265–283.

REFERENCES

1. Astashkin D.Yu., Epifanov A.E. Kholodnaia osen piatdesiat piatogo [Cold Autumn of the Fifty-Fifth]. *Istorik* [The Historian], 2020, no. 9 (69), pp. 64-68.

2. Vereshkov I.N., Tkachenko S.N., eds. *Bitva za Krym v dokumentakh organov gosudarstvennoi bezopasnosti* [The Battle for Crimea in the Documents of State Security Agencies]. Simferopol, N. Orianda, 2020. 452 p.

3. Voroshilova N.V., Tolmacheva A.V., Steblinskii A.M. Vizualnaia reprezentatsiia obraza kollaboratsionizma v sovetskom kinematografe [The Visual Representation of the Image of a Collaborationist in a Soviet Cinematograph]. *Sotsialno-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoiarskogo GAU* [Social and Economic and Humanitarian Magazine of Krasnoyarsk SAU], 2020, no. 2 (16), pp. 135-143.

4. Vyzhutovich V. Aleksei German: «Lech na polku neprosto» [Aleksey German: "Lying on a Shelf Is Not Easy"]. *Teatral* [Theatergoer], 2013, 21 Feb. URL: https://teatral-online.ru/news/1656

5. Vypiska iz akta «O zlodeianiiakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v gor. Simferopol, Krym. ASSR». 1944 god, 1 noiabria [Extract from the Act "On the Atrocities of the Nazi Invaders. Simferopol, Crimean ASSR". November 1, 1944]. *Arkhiv UFSB po Respublike Krym i g. Sevastopoliu* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol], f. 100, d. 2, l. 210-218.

6. Vypiska iz protokola sudebnogo zasedaniia, dekabr 1944 goda [Extract from the Minutes of the Court Session, December 1944]. *Arkhiv UFSB po Respublike Krym i g. Sevastopoliu* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol], f. 100, d. 1, l. 153-157.

7. Dokladnaia zapiska o rabote 2-go otdela NKGB Krymskoi ASSR za ianvar 1944 goda [Memorandum on the Work of the 2nd Department of the People's Commissariat for State Security of the Crimean ASSR for January 1944]. *Arkhiv UFSB po Respublike Krym i g. Sevastopoliu* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol], f. 100, d. 1, l. 16-32.

8. Drobiazko S.I., Romanko O.V., Semenov K.K. *Inostrannye formirovaniia Tretyego reikha* [Foreign Formations of the Third Reich]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2011. 830 p.

9. Zakliuchenie Khudozhestvennogo Soveta Ministerstva kinematografii SSSR po kinofilmu «Molodaia gvardiia» [Conclusion of the Artistic Council of the Ministry of Cinematography of the USSR on the Film "Young Guard"]. *Ofitsialnyy sayt gosudarstvennogo uchrezhdeniya kultury Luganskoy Narodnoy Respubliki «Krasnodonskiy ordena Druzhby narodov muzey "Molodaya gvardiya"»* [Official Website of the State Cultural Institution of the Luhansk People's Republic "Krasnodon Order of Friendship of Peoples Museum 'Young Guard'"]. URL: https://www.museum-molodgvard.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=478:Dokumenty%20o%20filme%20S.%20Gerasimova%20%C2%AB%20Molodaya%20gvardiya%20%C2%BB%20&catid=82&Itemid=667

10. Zapiska sovetniku Posolstva SSSR v SShA Iu.I. Volskomu. 1961 g [Note to Volsky Yu.I., Counselor of the USSR Embassy in the USA. 1961]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 2329, inv. 8, d. 1970, l. 52.

11. Karakhan L. Larisa Shepitko. Krutoi put «Voskhozhdeniia» [Larisa Shepitko. Steep Path of "The Ascension"]. *Iskusstvo kino* [Film Art], 2001, no. 12. URL: https://kinoart.ru/texts/krutoy-put-voshozhdeniya

12. Kovalev B.N. *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945: Types and Forms]. Veliky Novgorod, NovGU im. Iaroslava Mudrogo, 2009. 372 p.

13. Karyshev M.E., ed. *Neotvratimoe vozmezdie: Po materialam sudebnykh protsessov nad izmennikami Rodiny, fashistskimi palachami i agentami imperialisticheskikh razvedok* [Inevitable Retribution: Based on the Materials of the Trials of Traitors to the Motherland, Fascist Executioners and Agents of Imperialist Intelligence]. Moscow, Voenizdat, 1987. 360 p.

14. Pismo Poslu SSSR V.I. Stepakovu. Belgrad, Saraevo, 1971 g. [Letter to the Ambassador of the USSR Stepakov V.I. Belgrade, Sarajevo]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, inv. 63, d. 154, l. 98-101.

15. Protokol doprosa obvinyaemogo [Record of Interrogation of the Accused]. *Arkhiv UFSB po Respublike Krym i g. Sevastopoliu* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol], f. 100, d. 2, l. 49-52.

16. Protokol doprosa obviniaemogo, g. Vozdvizhenka, avgust 1947 goda [Record of Interrogation of the Accused, Vozdvizhenka, August

1947]. *Arkhiv UFSB po Respublike Krym i g. Sevastopoliu* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol], f. 100, d. 4, l. 201-204.

17. Protokol sudebnogo zasedaniia, Stavropolskii krai, mai 1945 goda [Record of the Court Session, Stavropol Krai, May 1945]. *Arkhiv UFSB po Respublike Krym i g. Sevastopoliu* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol], f. 100, d. 8, l. 23-26.

18. Protokol sudebnogo zasedaniia, Stavropolskii krai, oktiabr 1943 goda [Record of the Court Session, Stavropol Krai, October 1943]. *Arkhiv UFSB po Respublike Krym i g. Sevastopoliu* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol], f. 100, d. 8, l. 13-19.

19. Romanko O.V. *Krym v period nemetskoy okkupatsii. Natsionalnye otnosheniya, kollaboratsionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944* [Crimea During the German Occupation. National Relations, Collaborationism and Partisan Movement. 1941–1944]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2014. 414 p.

20. Semiriaga M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiia i proiavleniia v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaborationism. Nature, Typology and Manifestations During the World War II]. Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN) Publ., 2000. 863 p.

21. Slutskii B. Soprotivlenie obstoiatelstvam [Resistance to Circumstances]. *Iskusstvo kino* [Film Art], 1967, no. 9, pp. 44-46.

22. Spravka Komiteta po kinematografii pri Sovete Ministrov SSSR [Information from the Cinematography Committee Under the Council of Ministers of the USSR]. *RGANI* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, inv. 63, d. 154, l. 41-51.

23. Valakhanovich I.A., Dyukov A.R., Kirillova N.V., Selemenev V.D., eds. *Ubiitsy Khatyni: 118-i ukrainskii batalyon okhrannoi politsii v Belorussii, 1943–1944 gg.* [Killers of Khatyn: 118th Ukrainian Security Police Battalion in Belarus, 1943–1944]. Moscow, Piatyi Rim Publ., Fond «Istoricheskaia pamiat», 2018. 480 p.

24. Fedorov A.V. Opyt germenevticheskogo analiza sovetskikh audiovizualnykh mediatekstov antireligioznoi tematiki na zaniatiiakh v studencheskoi auditorii [Experience of Hermeneutic Analysis of Soviet Audiovisual Media Texts with Anti-Religious Themes in the Classroom]. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovation in Education], 2013, no. 7, pp. 78-94.

25. Fomin V.I. «Ia razbilas v krov»: «Voskhozhdenie». Poslednii film Larisy Shepitko: (po povesti Vasilia Bykova «Sotnikov») ["I Broke into Blood": "The Ascent". The Last Film of Larisa Shepitko: (Based on the Novel by Vasil Bykov "Sotnikov")]. *Rodina*, 2005, no. 6, pp. 54-61.

26. Andersen T.S. "Organized Bestial Gangs". The Second World War and Images of Betrayal in Yugoslav Socialist Cinema. *Traitors, Collaborators and Deserters in Contemporary European Politics of Memory. Formulas of Betrayal*. Cham, Palgrave Macmillan Memory Studies, 2018, pp. 265-283.

Information About the Authors

Oleg V. Romanko, Doctor of Sciences (History), Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 20, 295007 Simferopol, Russian Federation, romanko1976@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9898-8560

Ekaterina V. Prosolova, Postgraduate Student, Department of History of Russia, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 20, 295007 Simferopol, Russian Federation, katerina.prosolova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3937-3851

Информация об авторах

Олег Валентинович Романько, доктор исторических наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 20, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, romanko1976@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9898-8560

Екатерина Викторовна Просолова, аспирант кафедры истории России, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 20, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, katerina.prosolova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3937-3851

ERRATA

В журнале «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения». 2022. Т. 27. № 1 были допущены ошибки в ссылке на номера источников из списка литературы в статье: Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 213–224. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18.

На с. 219:

<…> весной акцент был сделан на обсуждение предстоящего события и его значимости в отечественном политическом процессе [16].

следует читать:

<…> весной акцент был сделан на обсуждение предстоящего события и его значимости в отечественном политическом процессе [6].

На с. 220:

Не отрицая возросшие возможности (цифровые) самоорганизации индивидов и групп, тем не менее налицо использование в качестве властно-политического ресурса технологий «управляемого хаоса», имитирующих спонтанные выступления населения, особенно молодежи, как наиболее мобильной и импульсивной части социума [6].

следует читать:

Не отрицая возросшие возможности (цифровые) самоорганизации индивидов и групп, тем не менее налицо использование в качестве властно-политического ресурса технологий «управляемого хаоса», имитирующих спонтанные выступления населения, особенно молодежи, как наиболее мобильной и импульсивной части социума [16].

In the “Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations”, 2022, vol. 27, no. 1 mistakes were made in referring to the numbers of sources from the list of references in the article: Pankratov S.A., Morozov S.I., Gavrilov S.D. Protest Activity of Modern Youth in the Context of Institutionalization of Digital Policy. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 213-224. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/ jvolsu4.2022.1.18.

On page 219

<…> весной акцент был сделан на обсуждение предстоящего события и его значимости в отечественном политическом процессе [16].

has to be read:

<…> весной акцент был сделан на обсуждение предстоящего события и его значимости в отечественном политическом процессе [6].

On page 220

Не отрицая возросшие возможности (цифровые) самоорганизации индивидов и групп, тем не менее налицо использование в качестве властно-политического ресурса технологий «управляемого хаоса», имитирующих спонтанные выступления населения, особенно молодежи, как наиболее мобильной и импульсивной части социума [6].

has to be read:

Не отрицая возросшие возможности (цифровые) самоорганизации индивидов и групп, тем не менее налицо использование в качестве властно-политического ресурса технологий «управляемого хаоса», имитирующих спонтанные выступления населения, особенно молодежи, как наиболее мобильной и импульсивной части социума [16].

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

– публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;

– ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;

– содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;

– бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

– to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;

– to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;

– to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;

– to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2023 года
осуществляется
по «Объединенному каталогу.
Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1.
Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года
3132 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по
адресной системе.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out
through
"The United Catalog. Russian Press.
Newspapers and Journals". Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023
is 3132.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through
the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: https://hfrir.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

20988

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Международ. отнош. 2023. Том 28. № 1. 1–252.